

Н. Н. Лузан
Призрак
Пёрл-Харбора
Тайная война

Москва
Кучково поле
2013

УДК 82.3
ББК 63.3(2)722
Л82

Лузан Н. Н.

Л82 Призрак Пёрл-Харбора: Тайная война. — М.: Кучково поле, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-9950-0261-1

В повести рассказывается о деятельности советских резидентур за рубежом (в Китае, Японии и США) в самый тяжелый, начальный период Великой Отечественной войны. В связи с подготовкой контрнаступления советских войск в ходе Московской битвы перед ними была поставлена задача стратегической важности: обеспечить предотвращение угрозы нападения Японии на советский Дальний Восток.

В развернувшейся сложнейшей политико-дипломатической игре советским разведчикам удалось сделать все возможное, чтобы сорвать план нападения войск Квантунской армии на СССР и развернуть вектор вооруженной борьбы на Тихоокеанском театре военных действий в сторону Океании и Юго-Восточной Азии. Угроза ведения войны Советским Союзом на два фронта была снята фактически лишь после нападения японского флота на военно-морскую базу ВМС США Пёрл-Харбор.

В книге использован богатый фактический материал, часть которого публикуется впервые.

УДК 82.3
ББК 63.3(2)722

ISBN 978-5-9950-0261-1

© Лузан Н. Н., 2013
© Кучково поле, 2013

Об авторе

Николай Николаевич Лузан (литературный псевдоним Абин) — полковник, ветеран органов безопасности. Лауреат 1-й и 2-й премий ФСБ России в области литературы и искусства (2006, 2009), лауреат Всероссийского конкурса журналистских и писательских произведений «Мы горды Отечеством своим» (2004).

Автор политического детектива: «Титан в плену багровых карликов», «Бандократия», «Несостоявшаяся командировка», «Операция «Восточный ветер», «Загадка для Гиммлера», «Загадка Смерша», «Прыжок самурая», «Лубянка. Подвиги и трагедии», «Военная контрразведка. Тайная война», «Секреты операции «Бумеранг», «Фантом», а также исторических очерков «Махаджирь, возвращение домой», «Грузия, утраченные иллюзии».

Член авторского коллектива историко-документальных сборников «Смерш», «Огненная дуга», «Лубянка», «Военная контрразведка. История, события, люди», «Мое сердце в горах», «Храм души».

Глава 1

Ночная атака танкового батальона майора Крюгера не смогла пробить брешь в обороне русских и захлебнулась. Его экипажи с трудом вырвались из огненного котла, устроенного артиллеристами и, укрывшись в ложбине, с трудом приходили в себя. Ледяной, пронизывающий до самых костей ветер жальщими иголками впивался в задубевшую кожу, снежной крупой хлестал по закопченным лицам. Крупные, как горошины, слезы мутными каплями застывали на щеках танкистов.

На востоке мучительно занимался хмурый рассвет. Крюгер плотнее запахнул меховой воротник куртки и приподнялся над башней танка. Стылый холод брони ожог ладони, он зябко пожегся, и рука вяло потянулась к биноклю. Перед мощными линзами проплыли затаившиеся в развалинах поселка и редком перелеске остатки его рот. За эти дни в память намертво врезались каждая возвышенность, овраг и развалины на истерзанном тысячами снарядов и мин, раскисшем от дождя и снега поле. Уродливые вмятины на корпусах и зияющие пробоины в броне танков, комья примерзшей к башням глины, следы крови и человеческих останков на гусеницах говорили о невероятном накале закончившегося недавно боя.

То, что осталось от некогда самого боеспособного батальона четвертой танковой группы, трудно было назвать даже ротой. Лучшие экипажи снайпера Генриха Коха, отчаянного храбрца Гюнтера Хофмана, с которыми Крюгер прошел Польшу и Югославию, чадящими факелами догорали у излучины никому не известной подмосковной речушки.

Он с трудом сглотнул застрявший в горле комок слез и перевел взгляд вглубь тыловых порядков. Там, на железнодорожной

станции, слышались лязг металла и гул моторов. Поблескивая свежей краской, с железнодорожных платформ сходили новенькие самоходки и танки. Словно на полигоне, а не в нескольких километрах от передовой, они неспешно выстраивались в походные колонны.

В душе Крюгер проклинал лощеных штабистов, засевших на теплых КП, возненавидел педанта командира полка и тыловых крыс железнодорожников, которые четвертый час занимались разгрузкой подкрепления. Он же, подгоняемый истеричными командами Вейдлинга, вынужден был штурмовать в лоб русскую батарею и терять лучших бойцов. С ожесточением сплюнув, Крюгер развернулся к линии фронта.

За грядой пологих холмов в сизой мгле до самого горизонта колыхались зловещие черные тюльпаны — горящие танки и самоходки. Грозовые всполохи оружейных разрывов не затихали над изрешеченными, как сито, башнями элеватора и руинами завода. Долгими и мучительными вздохами отзывалась земля на удары тяжелых авиационных бомб. Кровожадный молох войны безжалостно перемалывал в своем ненасытном чреве людей и металл.

С минуту на минуту батальону предстояло опять окунуться в этот огнедышащий котел. Вейдлинг, не считаясь с потерями и отчаянными просьбами дать передышку измотанным и обескровленным ротам, с упорством маньяка продолжал бросать их вперед. Крюгер как командир понимал его — русские находились на пределе, и им нельзя было давать передышки. На месте командира полка он поступил бы так же, но ему по-человечески было горько и обидно за то, что лучших танкистов использовали, как примитивный таран, чтобы пробить брешь в стене смерти, воздвигнутой русскими фанатиками.

Крюгер посмотрел на часы, минутная стрелка приближалась к восьми. Спустя мгновение утренние сумерки озарил зеленый цвет ракеты. Он захлопнул люк и опустил на сиденье. Взревел двигатель, корпус затрясла мелкая дрожь. И остатки

батальона, вслед за его танком, взметая фонтаны грязи, двинулись в новую атаку.

Командиры рот, прикинув к смотровым щелям, выскивали складки местности, которые до поры до времени уберегали экипажи от убийственного огня русской артиллерии. В наушниках стоял непрерывный треск, сквозь который прорывались чужие голоса. Танкисты Крюгера молчали, так как хорошо понимали: для большинства это была последняя атака. И они, вложив в нее всю свою ярость и ненависть, желали только одного — поскорее добраться до окопов большевиков и косить, косить их из пулеметов, кромсать и давить гусеницами серые, пропахшие тошнотворным запахом крови и пороха тела.

До передовой оставалось не более полукилометра; Крюгер приоткрыл люк и выглянул наружу. Теплая волна захлестнула его, а в глазах защипало. Экипажи шли так, будто позади не было трех дней кровопролитных и ожесточенных боев. Машины строго держали дистанцию и двигались на максимальной скорости. Классический ромб, который мог порадовать сердце такого аса, как генерал Гудериан, с математической точностью выдвигался на направление главного удара. Позади батальона нестройными рядами мышиного цвета стелилась пехота.

Со стороны завода и элеватора донеслись глухие раскаты, и перед головным танком вырос столб дыма и огня. Русские корректировщики засекли выход батальона, и разрывы снарядов усеяли поле. Артиллерийская вилка неумолимо сжималась вокруг машин. Замер танк Рихарда Мюллера: снаряд попал в топливный бак, языки пламени охватили башню, три живых факела выпрыгнули из люка и заметались по земле.

Крюгер заскрипел зубами и соскользнул вниз. В этой схватке со смертью единственным козырем оставалась скорость, и водитель Эрих выжимал из машины все, что мог. Танк бросало из стороны в сторону, осколки с леденящим кровью скрежетом полосовали броню, фонтаны грязи захлестывали смотровые щели. Крюгер не обращал на это внимания и впился глазами в

серо-белое пространство, пытаясь засечь в полумраке вспышки выстрелов вражеской батареи.

Пока ее снаряды перепахивали землю вокруг машины. Очередной выстрел едва не накрыл их. Взрыв подбросил танк, и сердце Крюгера судорожно прыгнуло в груди. После удара заняло правое плечо, но, несмотря на острую боль, он испытал облегчение — гусеницы остались целыми. Эрих направил машину в овраг и под прикрытием высокого обрыва стремительно продвигался вперед. Вслед за ними шли еще три экипажа; другие, маневрируя на открытом поле, упорно продвигались к передовой линии окопов.

Позади осталось проволочное заграждение, на котором безжизненно обвисли истерзанные осколками тела своих и чужих. Впереди неожиданно возникло пулеметное гнездо, и три серые тени замерли на дне окопа. Карл яростно вскрикнул и побелевшими от напряжения пальцами надавил на спусковой крючок, пулеметная очередь смела бруствер.

Эрих слился с машиной в одно целое, его руки и ноги двигались, как лапы огромного паука. Педаль газа резко ушла вниз, и многотонная махина, подобно громадной лягушке, прыгнула вперед. В рев двигателя и шум боя вклинились скрежет металла и треск дерева. Гусеницы перемалывали в кровавое месиво то, что осталось от тел пулеметчиков и наспех построенного блиндажа.

Внезапно пулемет Карла стих. Он судорожно стучал сапогом и что-то кричал Эриху. Крюгер прильнул к смотровой щели и боковым зрением скорее почувствовал, чем увидел, как из копоти и чада на них надвигался красноармеец. Сквозь грязные лохмотья просвечивало тело, его правая рука сжимала связку гранат. Крюгера пробил озноб — русский фанатик! Они стали настоящим кошмаром для батальона. Эти исчадия ада бросались с гранатами под гусеницы танков.

Русский был уже рядом. Крюгер обреченно закрыл глаза, а ноги надавили на несуществующие педали. Каждый нерв, каждая клеточка тела звенели от напряжения. Машина резко

накренилась, мотор бешено взревел, а через мгновение его шум потонул в грохоте взрыва. Прошла секунда-другая, но танк не изменил направления движения. В последний момент Эриху чудом удалось увернуться и гусеницей отбросить русского в сторону.

Первый рубеж обороны остался позади, и перед глазами Крюгера уродливым черным рубцом на заснеженном поле вытянулась вторая цепь окопов. Сразу за ней, в сотне метров, располагалась артиллерийская батарея. Он беглым взглядом окинул поле боя. Русские еще продолжали упорно сопротивляться, но непрерывные атаки, в конце концов, измотали их. Третьей роте удалось совершить невозможное! С ходу форсировав речку, она прорвала оборону на правом фланге и теперь пулеметным огнем, гусеницами и броней крушила тыловые порядки. Вслед за ней разворачивался для входа в прорыв свежий танковый полк.

Здесь же, на направлении удара роты Собецки, самой боеспособной роты батальона Гюнтера, русские продолжали удерживать позиции. Их батарея торчала, как кость в горле, ее огонь отсек пехоту, а прицельные выстрелы один за другим выбивали экипажи. Чадающие факелы зловеще колыхались над полем и перелеском, воздух пропитался запахом гари и пороха, грязные ручьи растаявшего снега змеились по земле. Ожесточение боя достигло своего предела. Никто не хотел уступать. Русские стояли насмерть, а немцы не жалели своих жизней, чтобы сломить их сопротивление.

Орудийные выстрелы слились в один рвущий душу вой. Его перекрывали адский грохот и скрежет металла — это сходились в таране танки. Но и после этого уцелевшие экипажи продолжали отчаянно драться. Рядом с машинами по земле катались, душа и терзая друг друга, живые факелы. Дыхание смерти витало повсюду.

Крюгер до крови закусил губы и уже ничего не видел, кроме орудийного расчета. Перед глазами, словно кадры из немого кино, замельтешили фигуры у ящиков со снарядами, изрыгаю-

щее пламя жерло орудия и перекошенное от напряжения лицо командира расчета. Они неумолимо сближались. Танк вполз на бруствер и вздыбился над пушкой. Лязг металла и звук взрыва прозвучали одновременно. Яркая вспышка ослепила Крюгера, острая боль обожгла левую руку, и клубы едкого дыма поползли в башню.

Превозмогая боль в раненой руке, он с трудом сдвинул крышку люка, выбрался из танка и, теряя сознание, свалился на землю. Прошло немало времени, прежде чем Крюгер пришел в себя. Чьи-то руки приподняли его голову. Над ним склонился санитар. Стирая с лица Крюгера кровь и грязь, он участливо заглядывал ему в глаза. Тот ничего не видел, глаза застилала туманная пелена, а по щекам грязными, солеными ручьями бежали слезы. Крюгер стонал не от боли, а от бессилия — он уже ничем не мог помочь своим солдатам. Все они полегли на этом проклятом русском поле!

Санитары уложили Крюгера на носилки и понесли к станции. Оттуда непрерывным потоком двигались танки, пехота и артиллерия. Сминая на своем пути последние очаги сопротивления русских, эта армада устремилась на восток к вожделенной цели — Москве...

Навстречу гитлеровцам, утопая по колено в грязи, спешным маршем шли наспех сколоченные роты и батальоны московского ополчения. Тяжелый, надсадный гул автомобильных моторов, лязг металла стояли над изрытой бомбами дорогой и иссеченным осколками сосновым бором. Тусклый свет залепленных грязью фар выхватывал из темноты вздыбившиеся к небу остовы сгоревших машин и разбитых орудий. На дне кюветов бледными пятнами отсвечивали жертвы недавнего авианалета. Эта человеческая река текла на запад, где в кровавой мясорубке перемалывались десятки тысяч человеческих жизней.

В те роковые октябрьские дни 1941 года Москва замерла в тревожном ожидании. С 16 октября по решению ЦК и Верхов-

ного главнокомандующего началась эвакуация государственных учреждений в Куйбышев; там готовилось место и для будущей Ставки.

В тот день специальные команды из особой группы НКВД СССР под командованием майора государственной безопасности Павла Судоплатова приступили к минированию всех двенадцати городских мостов, железнодорожных узлов и других важных объектов города. Спустя сутки остановился метрополитен, и начались работы по подготовке к его уничтожению.

Слухи о том, что Сталин покинул Москву, а немцы появились в Истре и Нарофоминске, усилили тревогу, и новые потоки беженцев устремились на восток. Паника и беспорядки возникали то тут, то там; чтобы остановить этот хаос, 20 октября в столице было введено осадное положение.

С наступлением ночи Москва превращалась в город-призрак. В кромешную темноту погружались дома, улицы и площади. Звонящую от напряжения тишину нарушали лишь грохот каблучков и перекличка ночных патрулей. Время от времени то в одном, то в другом месте возникали короткие и ожесточенные перестрелки. Подвижные отряды НКВД и военной комендатуры уничтожали мародеров, вступали в схватки с гитлеровскими диверсантами.

В ночь на 21 октября надрывный вой воздушных сирен оповестил о начале очередного налета фашистской авиации. Сквозь него прорывался и набирал силу монотонный гул тяжелых бомбардировщиков. Волна за волной эскадрильи «юнкерсов» накатывали на Москву, лучи прожекторов впивались в небо и выискивали цели. Там, в вышине — над аэростатами, скользили хищными тенями самолеты, а вокруг них разноцветными гирляндами расцветали разрывы снарядов. Непрерывный лай зениток перекрывали мощные взрывы. Земля гудела и тяжело вздыхала под ударами полутонных авиационных бомб. Они ложились все ближе к Кремлю, несколько разорвалось рядом с Большим театром и в сквере перед университетом на Моховой, а одна бомба угодила в здание ЦК на Старой площади.

Погруженная во мрак громада здания на Лубянской площади мелкой дрожью отзывалась на каждый новый взрыв. Нарком НКВД Лаврентий Берия не решался спуститься в бомбоубежище. Сталин не покидал своего кремлевского кабинета, так как положение на Можайском направлении складывалось критическое. Не помогли брошенные в бой две дивизии народного ополчения — гитлеровцы за сутки перемололи их в своих танковых жерновах. Те, кто уцелел, откатывались к Москве, их встречали заградительные отряды НКВД и свирепо расправлялись. Но массовые расстрелы перед строем и брошенные в бой последние резервы лишь на короткое время восстановили зыбкую линию обороны. Танковые клинья вермахта с невиданным упорством продолжали атаковать и разрывали ее на части.

Ухнул очередной взрыв.

«Совсем рядом!» — с содроганием подумал Берия.

Жалобно задребезжали оконные стекла, печальным звоном отозвалась массивная бронзовая люстра, тусклые пятна светильников подмигнули и, отразившись призрачными бликами на темных дубовых панелях, погасли. Кабинет погрузился в крошечную тьму. Прошла минута-другая, здание снова трянуло, пол ушел из-под ног, и руки наркома судорожно ухватились за стол. Липкий страх когтистыми лапами впился в сердце, холодный пот проступил на спине, а голова вжалась в плечи. Стены кабинета вновь угрожающе затрещали, а затем наступила оглушительная тишина.

Берия отпустил крышку стола, и предательская слабость разлилась по телу. Страх ушел вглубь, и оттуда к груди подкатила удушающая волна злобы и ненависти к нему — Сухорукому. Дрожащие пальцы рванули верхние пуговицы на кителе, и он судорожно вдохнул.

«Почему я должен торчать здесь? Почему должен умереть? Я, полный сил и энергии, перед которым заискивали и пресмыкались эти гороховые шуты — «маршалы революции» — Ворошилов и Буденный, пропахшие нафталином

истории — «цвет партии» — Молотов и Калинин! Я, у ног которого ползали на коленях и рыдали увешанные орденами флагманы и генералы, должен так глупо и бесцельно умереть?! Ради чего? — задавался вопросами Берия. — Чтобы в очередной раз доказать ему свою преданность?»

Приступ бешеного гнева охватил Берию. Кулаки яростно замолотили по крышке стола и письменному прибору, но руки не ощущали боли. Услужливая память воскрешала картины прошлых унижений и мучительного страха перед ним — Сатаной в человеческом обличье...

«Где? С чего и кого это началось?»

На Холодной речке? С Нестора Лакобы? Проклятый абхазец! А, может, дело не в Лакобе, а в Абхазии? Она приносила Хозяину удачу.

В далеком 1906 году, 20 сентября, тогда еще мало кому известный Коба с группой боевиков совершил налет на пароход «Цесаревич Георгий» близ Сухума и взял золотом 20 тысяч рублей. Полиция и жандармерия сбились с ног в поисках налетчиков и денег, но они канули как в воду. Абхазские крестьяне надежно спрятали их в горах и не поддались на щедрые посулы властей.

Затем был январь 1924 года. Вождь — Ленин — еще был жив, а его ближайшие соратники уже сошлись в непримиримой схватке за власть. Главный претендент на нее председатель Реввоенсовета СССР, наркомвоенмор Лев Троцкий незадолго до этого внезапно заболел странной болезнью. К вечеру его охватывал сильный жар, а по утрам мучила слабость, лучшие врачи и лучшие лекарства не могли побороть загадочный недуг. 14 января, несмотря на сложное положение в партии, Сталин смог продавить через Политбюро решение «О направлении тов. Л. Д. Троцкого для лечения на юг».

16 января Троцкий вместе с женой выехал из Москвы в Сухум. Вслед за ним на имя председателя Совнаркома Абхазии Нестора Лакобы ближайшие соратники Сталина Дзержин-

ский — из Москвы, а Орджоникидзе — из Тифлиса отправили строго конфиденциальные письма.

Орджоникидзе настойчиво рекомендовал:

«Дорогой Нестор!

Тебе на лечение едет тов. Троцкий. Ты, конечно, великолепно понимаешь, какая ответственность возлагается на Тебя и всех нас за его пребывание у Тебя. Надо его так обставить, чтобы абсолютно была исключена какая-нибудь пакость. Мы все уверены, что Ты сделаешь все, что необходимо.

Так дела здесь идут замечательно хорошо...

Целую Тебя твой Серго».

Орджоникидзе, видимо, знал, что писать. Через три дня скончался Ленин — святая икона для большевиков, но не для кучки его соратников.

А Троцкий, вырвавшись из этого «политического котла», был очарован природой Абхазии и покорен вниманием и заботой Нестора. После московских метелей и морозов южные субтропики казались ему сказкой, а больше всего радовало то, что здоровье пошло на поправку.

Неожиданное известие о смерти Ленина потрясло Троцкого, и, несмотря на слабость, он собрался на похороны в Москву. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы не приберег очередной коварный ход, чтобы не допустить в Москву самого опасного конкурента. Срочной шифрограммой он оповестил Троцкого:

«Передать тов. Троцкому. 21 января в 6 час. 50 мин (18.50) скоростно скончался тов. Ленин. Смерть наступила от паралича дыхательного центра. Похороны в субботу 26 января.

Сталин».

Тот немедленно в ответной телеграмме сообщил:

«Считаю нужным вернуться в Москву».

Через час пришел ответ:

«Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо быть в Сухуми. Сталин».

К субботе Троцкий никак не успевал на похороны, и Сталин, убедившись, что соперник остался на месте, перенес их на воскресенье. Ловко одураченный Лев пробыл в солнечной Абхазии до середины апреля и покоренный ею и гостеприимством Нестора при расставании сказал: «Абхазию следовало бы переименовать в Лакобистан».

В Москве тем временем Сталин спешил закрепить свой успех. Отсутствие Троцкого на похоронах Ленина произвело тягостное впечатление на его сторонников; они проигрывали одну схватку за другой, и власть над партией, а затем и страной, ускользнула из их рук. Потом он, изгнанный из страны, с горечью признавал:

«Заговорщики обманули меня. Они правильно все рассчитали, что мне и в голову не придет проверять их, что похороны Ленина состоятся не в субботу 26 января, как телеграфировал мне в Сухум Сталин, а 27 января. Я не успевал приехать в Москву в субботу и решил остаться. Они выиграли темп».

Это приблизило Лакобу к Вождю. Проходили годы, и их отношения становились все теснее, и однажды брошенная на даче под Новым Афоном с непривычной для Сталина теплотой шутовская фраза: «Я — Коба, а ты — Лакоба» — раз и навсегда выделила Нестора из числа соратников Вождя.

Это не было просто симпатией к земляку. Орджоникидзе за все годы так и не стал его другом. Взаимоотношения Сталина с Лакобой напоминали, скорее, отношение старшего брата к младшему, беспокойному, но любимому.

Тогда и потом, когда Нестора не стало, несмотря на все старания, Берии так и не удалось занять его место рядом с Хозяином. Тот держал его на расстоянии и время от времени вытаскивал на свет тень маленького абхазца и поддразнивал.

Шел октябрь 35-го. Лицо Берии искривила болезненная гримаса при одном только воспоминании о той унижительной сцене смертельного оскорбления, которое нанес ему Сталин перед красавицей Сарией — женой Лакобы; он не забыл этого.

В тот год награды сыпались на Нестора, как из рога изобилия. 15 марта 1935 года Абхазская АССР была награждена орденом Ленина. Орден Ленина получил и Лакоба. Незадолго перед этим вышла книга «Сталин и Хашим» с его предисловием, в ней рассказывалось о революционной работе Хозяина в Батуме. Книга понравилась Хозяину, и на него нахлынули воспоминания. Когда подошло время отпуска, он, не раздумывая, отправился поближе к тем местам, где проходила молодость, — в Абхазию, на госдачу в Новый Афон.

На дворе стояла золотая осень. Теплые, погожие дни сменяли бархатные ночи, и по вечерам в бильярдной собиралась веселая компания: будущие маршалы Егоров, Тухачевский, Ворошилов и с ними Сталин. К их компании частенько присоединялись Нестор с красавицей женой и артисты местного театра. Вместе с ними под сумрачные своды дачи, казалось, входила сама солнечная и звонкоголосая Абхазия. Сталин был доволен и бросал плотоядные взгляды на Сарию.

Она в тот вечер была как никогда хороша. Ее тонкое и нежное лицо светилось особенным светом, а большущие черные глаза таили в себе загадку. Точеный бюст, округлые бедра волновали и возбуждали кровь. И не только ему одному. От Сталина не укрылись взгляды, которые украдкой бросал из дальнего угла Берия. Он хмыкнул и ехидно заметил: «Смотри, Лаврентий, Нестор хоть и глухой, но видит хорошо, а стреляет еще лучше».

Лакоба пропустил шутку мимо ушей и продолжил во всю «чесать» маршалов за бильярдным столом. Тухачевский по-

багровел от досады, его красивое и надменное лицо выглядело, как у обиженного ребенка, лишенного любимой игрушки. Ворошилов горячился, хлопал себя по бедрам, приседал и следил за ногами Лакобы, стараясь поймать того на нарушении правил. Нестор же хитровато улыбался и продолжал шустро орудовать кием. Несмотря на маленький рост, он умудрялся дотягиваться до самых дальних шаров и с треском загонял их в лузы. Хозяин поглядывал на военных и посмеивался: «Играет лучше вас и стреляет лучше».

Ворошилов поджал губы и бросил кий. Сталин сам встал к столу, но Нестор никому не давал спуска. Игра шла не в пользу Хозяина, он опустил кий, похлопал Лакобу по плечу и сказал: «За то прощаю, что маленький такой».

Командармы сдержанно рассмеялись. Сталин подмигнул им и, глянув на обиженно примолкшего Берия, с ехидцей спросил: «А ты, Лаврентий, чего не играешь и за шары держишься? Глухого боишься?»

Стены вздрогнули от громового хохота. Ворошилов сложился вдвое, его плотная спина, казалось, вот-вот прорвет рубашку, крупные, как горошины, слезы выступили на глазах. Сария рассмеялась, бросила на Берия уничтожительный взгляд и вышла на летнюю террасу.

Ее взгляд он запомнил навсегда. Спустя столько лет, в нем еще продолжала жить ненависть к ней и Нестору...

Удаляющийся гул гитлеровских бомбардировщиков вернул Берия к действительности. Скрипнувшая дверь заставила его встрепенуться. Он с недоумением посмотрел на дежурного офицера. Тот заученным движением положил на стол темно-красную папку и тихо вышел.

Берия нацепил на хищный нос пенсне, включил настольную лампу и принялся за изучение документов. Бегло просмотрел материалы лондонской и нью-йоркской резидентур. В последнее время оттуда приходила лишь тактическая информация, существенно не влиявшая на положение на фронтах,

и задержал внимание на разведсообщениях из Германии и Нидерландов.

Сухие и лаконичные строчки радиogramм Кента и Каро красноречиво говорили о том, что, несмотря на колоссальные потери, Гитлер не отказался от планов захвата Москвы. В сражение были брошены стратегические резервы.

Каро радировал:

Директору.
Источник Мария.

«Тяжелая артиллерия из Кёнигсберга движется к Москве. Орудия береговых батарей погружены на суда в Пиллау. Место назначения то же».

Источник Густав

«Потери бронетанковых подразделений достигают размеров оснащения одиннадцати дивизий».

Источник Мориц

«План-2 вступил в силу три недели назад. Возможная цель операции – выход на линию: Архангельск – Москва – Астрахань до конца ноября. Все передвижения частей осуществляются в соответствии с ним».

«И все-таки Москва, а не Ленинград! Этот лом Жуков снова угадал».

Следующая радиogramма подтверждала это предположение:

Каро
Директору.
Источник Мориц

«Верховное командование вермахта предлагало перед зимовкой немецкой армии к началу ноября занять позиции по линии: Ростов – Изюм – Курск – Орел – Новгород – Ленинград. Гитлер отклонил это предложение и отдал приказ о шестом наступлении на Москву с применением всей имеющейся в резерве техники».

Дальше шли сообщения, касающиеся работы предприятий и производства боевой техники для вермахта. Военная машина Германии пока не давала сбоя и продолжала с точностью швейцарских часов выпускать самолеты и танки, производить снаряды и патроны. Главный вывод, вытекавший из сообщений резидентур, состоял в том, что Гитлер любой ценой решил захватить Москву.

«С этим можно идти к Сталину», — заключил Берия и после ознакомления с сообщениями швейцарской резидентуры окончательно утвердился в своем решении. К ее резиденту, обстоятельному и немногословному Шандору Радо, он испытывал доверие. И на этот раз его сообщение было предельно лаконично:

Дора
Директору
Источник Луиза

«Новое наступление на Москву не является следствием стратегических планов, а объясняется господствующим в германской армии недовольством тем, что с двадцать второго июня не было достигнуто ни одной из первоначально поставленных целей. Вследствие сопротивления русских армий немцы вынуждены отказаться от плана-1 — Урал, плана-2 — Архангельск — Астрахань и плана-3 — Кавказ. В боях за Москву германская армия ввела в действие все имеющиеся материальные и людские резервы. Для решающего наступления подвезены тяжелые мортиры и дальнобойные пушки, взятые из крепостей Германии».

Берия, не дочитав сводку до конца, выскочил из-за стола и прошелся по кабинету. Толстый ковер гасил звук шагов, а тишина и мерное шуршание часов позволили сосредоточиться. В голове выстраивалась логически выверенная схема доклада Сталину, в которой оставалось только расставить акценты. Он возвратился к столу, схватил красный карандаш и принялся

заново перечитывать сводку. Взгляд скользнул по последнему абзацу, сердце бухнуло и подкатило к горлу. Глаза не верили написанному:

Рамзай
Директору
Источник Инвест

«Японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР. Однако вооруженные силы в Маньчжоу-Го будут оставлены на случай выступления весной будущего года. К весне немцы будут иметь решающий успех, и тогда японцы начнут военную операцию, чтобы установить новый порядок по всей Сибири».

«Этого не может быть! — Не мог поверить собственным глазам Берия. — Ну, Рамзай! Ну, Зорге! Снова первым выстрелил!»

В дни, когда танковые клинья вермахта находились в нескольких десятках километров от Москвы, эти пять строчек разведчика не имели цены.

«Я стану первым, кто доложит Хозяину! Пришел мой час!», — И рука Берии сама потянулась к трубке ВЧ-телефона.

На звонок в приемной Сталина ответил Поскребышев и сообщил, что тот только что отправился спать.

«Может, оно и к лучшему», — подумал Берия, а когда поостыл, вспомнил про вчерашний доклад Абакумова. Скоропелый военный контрразведчик, которого Хозяин несколько раз погладил по холке, возомнил о себе черт знает что и, минуя его, полез с информацией разоблаченного японского резидента Каймадо к Хозяину. Но она в корне противоречила тому, что сообщал Зорге.

Взвесив все «за» и «против», Берия решил не пороть горячки, а как следует подстраховаться. В ту же ночь срочные радиограммы ушли в адрес токийской, харбинской, шанхайской и берлинской резидентур.

В Японии она не нашла своего адресата — Рамзая. Накануне, 18 октября, ранним утром японская полиция провела обыски на квартирах советских разведчиков Рихарда Зорге, Макса Клаузена и Бранко Вукелича. Вслед за ними в токийскую тюрьму отправились их помощники: советник премьер-министра Ходзуми Одзаки и художник Етоку Мияги. Одна из самых эффективных и стратегически важных резидентур советской разведки перестала существовать.

К моменту ареста японская контрразведка располагала неопровержимыми доказательствами о работе разведывательной группы Рамзая в пользу СССР. Сотни радиограмм, что посылал в эфир Клаузен, были перехвачены и расшифрованы. Запираться не имело смысла, и Зорге, как искусный шахматист, повел свою игру, рассчитывая вывести из-под удара остальных членов резидентуры. Он признал свою принадлежность к советской разведке и пытался убедить следствие в том, что группа не нанесла ущерба интересам Японии, а ее деятельность была направлена исключительно против фашистской Германии.

Его безупречная логика и убедительные аргументы ставили следователей в тупик. Последовавший вскоре запрос из японского посольства в Москве о принадлежности Зорге к советской разведке Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) СССР оставил без внимания. Нарком Вячеслав Молотов отказался обсуждать не только этот вопрос, а и отmel саму возможность пребывания там советского гражданина Зорге.

Три года длилось следствие. 7 ноября 1944 года, когда советский народ отмечал очередную годовщину Октябрьской революции, в далеком Токио, в кабинете начальника тюрьмы собрались священник, врач и сам начальник Игудзима. Все трое вели себя нервно. Игудзима дважды перечитал приговор, потом положил его в папку, и мрачная процессия двинулась по коридору.

В 10 часов они вошли в камеру Зорге. Тот поднялся с нар. Его взгляд был прикован к темному провалу за спиной началь-

ника тюрьмы. В нем маячил мрачный силуэт в балахоне, рядом с ним священник нервно тербил библию. Разведчику оставалось всего 20 минут земной жизни, но он сохранил спокойствие, аккуратно застегнул пуговицы на рубашке, поправил разметавшуюся прядь волос и шагнул вперед — навстречу своему будущему бессмертию...

Прошел год со дня его казни, еще не успел остыть атомный пепел Хиросимы и Нагасаки, как оставшиеся в живых друзья Рихарда отыскали его тело в общей могиле и перезахоронили на токийском кладбище Тама. Спустя 20 лет Родина, однажды по злой воле прошлых вождей изменившая своему преданному сыну, восстановила справедливость. Герой Советского Союза Рихард Зорге занял почетное место в ряду самых великих разведчиков двадцатого века.

Глава 2

Подходил к концу октябрь. И неожиданно-негаданно в Южную и Центральную Маньчжурию возвратилось не догулявшее свое бабье лето. Над полями серебристыми нитями потянулась паутина, перелески закурчавились молодой листвой, а пригороды Харбина окрасились в бело-розовый цвет. В садах снова зацвели алыча и абрикос. Город, умытый осенними дождями, под лучами яркого солнца снова ожил и засиял.

Наступило время обеда. На Китайской улице открылись двери мостовых ресторанов, и на тротуарах появились плетенные из лозы столики, а над ними, словно поздние осенние цветы, распустились разноцветные бамбуковые тенты. Ароматные, аппетитные запахи усянцзы — утки, замоченной в ячменной патоке, а потом зажаренной на углях из каштана, и яньво — изысканного супа из «ласточкиных гнезд» дразнили вкус самых привередливых гурманов. В гостеприимно распахнутые двери центральных магазинов «И. Чурин и К°», «Кунст-Альбертс», «Каплан и Варшавский» повалила респектабельно одетая публика.

Ближе к железнодорожному вокзалу, на Мостовой и Диагональной, вовсе было не протолкнуться. Здесь жил люд попроще и особенно не утруждал себя церемониями. Пронзительные гудки автомобилей и истошные выкрики рикш, шум перебранки и звонкий смех, мелодичная китайская и японская, рубленая немецкая и разухабистая русская речь сливались в невероятную какофонию звуков. С каждым днем этот энергичный и неповторимый голос Харбина приобретал все более тревожный оттенок.

Эхо невиданной по своим масштабам войны, бушующей на бескрайних российских просторах, доносилось и сюда, в Маньчжурию. Ее обжигающе-смертельное дыхание ощущалось как в ветхой китайской фанзе, так и под сводами помпезного императорского дворца Пу И. Драматичная схватка за Москву у одних наполняла сердца тревогой, а у других поднимала воинственный дух.

В штабе Квантунской армии сидели как на иголках и ждали из Токио приказа о наступлении. Но военный министр Тодзио все кормил завтраками. Генерал Умэдзу, чтобы как-то сдержать боевой пыл своих воинственных потомков самураев, вынужден был занять их нешуточной игрой. На стрелковых стрельбищах и артиллерийских полигонах с утра и до позднего вечера гремели пальба и взрывы. В городе в глазах рябило от армейских мундиров, а военные патрули японской жандармерии и полиции, как гребенка, прочесывали рабочие кварталы и бойкие места.

Перед гостиницами, на стоянках такси, у железнодорожного вокзала и в речном порту терлись сомнительные личности жуликоватого вида. Опытные карманники и даже дерзкие налетчики держались от них подальше. Наметанным взглядом и особым, выработанным с годами чутьем они улавливали этот стойкий, несущий угрозу запах полицейской ищейки. Его не могли перебить ни аромат дорогого одеколona и папирос, скрыть добротный европейский костюм или замызганная китайская дабу. Липкие, цепкие взгляды, вкрадчивые кошачьи движения, одинаковые, незапоминающиеся физиономии выдавали гончую породу. Филерская служба японской жандармерии, полиции и охранных отрядов белогвардейцев развернула охоту на коммунистическое подполье и агентов советской разведки.

Павел Ольшевский сложил пухлые бухгалтерские папки в шкаф, надел недавно купленное драповое пальто, вышел из конторы и окунулся в водоворот толпы. Ближе к центру у входов в рестораны и магазины людская река закручивалась в воронки, ревом автомобильных клаксонов взрывалась на перекрестках

и подобно морской волне растекалась по «зеленым», «рыбным» и «блошинным» рынкам. Изрядно поработав локтями, Павел пробился в магазин «И. Чурин и К°», потолкался в главном зале, примерил шляпу, купил газету и не забыл глянуть в зеркало. Следов слежки он не обнаружил, но не спешил выходить на улицу и остановился у прилавка, пестревшего, словно павлиний хвост, набором модных галстуков. Темно-зеленый, с золотистыми драконами пришелся ему по душе. Прыткий приказчик, заметив его интерес, подхватил зеркало и юлой завертелся вокруг. Галстук на самом деле был хорош и, несмотря на заломленную цену, стоил того.

Теперь, когда все требования конспирации были соблюдены, Павел отправился на явку с резидентом; пройдя два квартала, на всякий случай проверился — шмыгнул в подворотню. Не заметив хвоста, он смело направился к китайскому ресторану.

Улица пошла под уклон, и за деревьями проглянула серебристая гладь реки. После окончания дождей Сунгари снова вошла в берега, и ее воды мирно журчали между свай ажурного мостика, ведущего к ресторану. У кромки камыша покачивались две джонки; четверо китайцев, незлобно поругиваясь, сноровисто доставали из воды и перебирали сеть. Заброс оказался удачным: жирные сазаны, сверкнув на солнце, смачно шлепались в плетенную из лозы корзину.

Все вокруг дышало покоем. Павел, поддавшись очарованию природы, остановился на мостках и, облокотившись на перила, с живым интересом наблюдал за рыбаками. В душе сам заядлый рыбак, он уже не мог вспомнить, когда последний раз сидел с удочкой.

Бодренькое тиканье часов напомнило ему о предстоящей встрече с резидентом. Проводив взглядом очередного сазана, Павел достал из кармана пальто газету «Харбинский курьер» и вошел в ресторан. В зале в основном находились китайцы и корейцы, за ними, ближе к эстраде, расположились европейцы. Судя по большим бокалам с пивом и громким, напоминающим

рык унтера на строевом плацу, голосам, это были немцы. Вокруг них тенями семенили официанты.

Павел прошел на открытую террасу и занял место, с которого просматривались вход и большая часть зала. Тут же перед ним возник официант. Его лицо расплылось в елеинной улыбке, спина согнулась в подобострастном поклоне, а рука заученным движением положила на столик меню. Павел, не заглядывая, заказал хуаншэн — жареный арахис, к которому питал слабость, и перченую свинину. Здесь ее готовили отменно, она ничем не уступала шашлык, что подавали в популярном среди русской эмиграции «Погребке Рагозинского». Поколебавшись, он добавил к ним рыбную закуску в сладком соусе, грибы муэр, любимые резидентом Дервишем, и бутылку «Смирновской». Прохвост-официант оценил клиента и предложил «особое меню» — марихуану. Павел так зыркнул на него, что тот тут же исчез на кухне.

До встречи с резидентом оставалось время, и он, развернув газету, пробежался по заголовкам. С ее страниц аршинными буквами белогвардейская верхушка трубила о скором крахе Советов и падении ненавистной власти большевиков. В Харбине, Хайларе и Хэгане штаб атамана Семенова объявил запись в добровольческий корпус. Союз «Освобождение» призывал к сбору средств на нужды «русской армии» и призывал к крестовому походу против «жидомасонской верхушки».

Бывшие жандармы и полицейские грозились увешать большевистскими вождями все фонарные столбы на Тверской. Им вторили истеричные дамы, давно разменявшие дворянскую честь на панели. В ура-патриотическом порыве они готовы были принести себя в жертву «коммунистическому быдлу» ради спасения оскверненного жидами Господа, которого сами давно забыли в содомском грехе, и Отечества, которое не поделили между собой их амбициозные мужья — генералы и министры.

Это печатное варево, обильно сдобренное грязной клеветой на советскую власть, вызывало у Павла тошноту. Он с

трудом сдерживал жгучее желание скомкать газету и швырнуть в реку. Но эта газета была нужна — она служила сигналом для резидента, и отложив ее на край стола, недовольно закрутил головой по сторонам. Его движения не остались без внимания официанта. Картинно поигрывая подносом, он подскочил к столику. Из-под изящного бамбукового колпачка показалась запотевшая бутылка «Смирновской». Вслед за ней официант с ловкостью фокусника выставил на стол набор тарелочек, миниатюрных чашечек, и положил на них завернутые в салфетки куайцзы, служившие клиенту вилок.

Нежный аромат исходил от закуски, приятным теплом отдавал поджаренный арахис, но Павел решил дожидаться резидента. Дервиш, пунктуальный во всем, на этот раз задерживался. Наступил час пик, и добраться сюда из отдаленного района Мадягоу было не просто. Чтобы убить время, Павел, похрустывая орехами, отдался во власть природы, которая радовала теплом и солнечными днями.

Внизу тихо журчала река; здесь она привольно разлилась по широкой пойме. Над ней, по правому берегу, высилась гряда холмов, поросших дубовым и буковым лесом. Сквозь листву золотистой маковкой проблескивала русская церквушка. Те места были хорошо знакомы Павлу. Когда еще был жив отец, они частенько брали лодку, переправлялись через реку, поднимались по обрывистому берегу и попадали в мир особенных ощущений, который не могли уничтожить и стереть из памяти ни война, ни многолетние скитания в Маньчжурии.

Запах ладана, треск свечей, проникновенный голос старенького дьячка запали в душу Павла. С годами ему стали понятны те невысказанные тоска и боль, что все чаще появлялись в печальных глазах отца. Бывало, часами он застывал у алтаря, а потом просиживал на лавке перед святым источником, сливаясь с природой этого удивительного и неповторимого уголка, где многое напоминало ему и Павлу о подмосковном поместье Ольшевских.

Из поколения в поколение они верой и правдой служили Отечеству. Но великая смута семнадцатого, подобно урагану, пронеслась по России волной диких погромов и пожаров. Она сокрушила вековые устои, вырвала с корнем и вышвырнула за границу целые династии и посыпала пеплом забвения могилы предков. Лютая ненависть и непримиримая вражда захлестнули Россию, а затем кровавым колесом Гражданской войны прокатились по многострадальной земле.

Сполна испили эту горькую чашу и Ольшевские. В Царицыне от тифа умерла мать, в Омске пьяная толпа надругалась над сестрой, в Забайкальских степях холера унесла в могилу младшего брата. Последние сто километров до границы с Монголией отряд, в котором находились Павел с отцом, прошел с трудом, ведя непрерывно бои. Конники Уборевича пленных не брали — тех, кто уцелел в сабельной рубке, безжалостно топили в реке. Вырвавшись из кольца окружения, остатки отряда захватили Соловьевку и, свирепо расправившись с десятком красноармейцев, ушли за границу.

Жалобный скрип ветряка, мучительные стоны пленных, распятых на крыльях, намертво врезались в детскую память Павла. Ни тогда, ни спустя годы он так и не нашел ответа на вопрос: за что с такой непостижимой кровожадностью русские уничтожали русских?

Старый мир рухнул, а новый рождался в страшных муках. Сотни тысяч русских оказались выброшены на задворки некогда могучей империи. Одни, не выдержав унижения нищетою, пускали себе пулю в висок, другие топили горе в водке, третьи в пьяном угаре спускали в казино последние крохи. Лишь немногие нашли себя в новой жизни.

Павлу с отцом она давалась с большим трудом, и они продолжали жить надеждой о возвращении в Россию. С каждым годом она становилась все более призрачной. Советская власть день ото дня крепла. Вскоре загадочные большевики появились в Харбине. Первая встреча Павла со студентами из

Дальневосточного университета произошла на футбольном поле русского лица. Закончилась та игра жестокой дракой. Дралась молча и до большой крови.

Спустя две недели Павел столкнулся с молодыми большевиками у билетной кассы в синематограф Ягужинского. Их пришло трое — отступать было некуда, он приготовился защищаться. Вместо этого один из них, Сергей, предложил ему лишний билет. Гордость и слепая ненависть к «советским» составляли против, но любопытство к ним, пришедшим из другого, загадочного мира, оказалось сильнее. В молодых, полных жизни и уверенности в будущем советских ребятах было нечто, что подобно магниту притягивало к себе. В зал они вошли вместе.

После кино они долго бродили по улицам вечернего Харбина. Павел с жадным интересом слушал рассказы Сергея, Вадима и Дмитрия о новой и такой для него таинственно-притягательной жизни бывшей родины. Их глазами он увидел совершенно другую Россию. Россию, которая невероятным, фантастическим образом смогла вырваться из чудовищной послевоенной разрухи и дерзко устремилась к вершинам человеческого духа. Это была Россия, где то, что сегодня казалось фантастикой, завтра становилось реальностью.

На том их знакомство не закончилось. Встречи продолжались и нередко проходили на квартире Ольшевских. К радости Павла отец не сторонился их компании и даже принимал участие в разговорах. Они пробуждали в нем интерес к жизни, и в отце все меньше оставалось места для меланхолии и уныния. Четыре месяца общения с Сергеем и ребятами изменили жизнь Ольшевских. А когда пришло время расставания, они искренне сожалели об их отъезде в Советский Союз.

Прошло два года. Однажды в дверь Ольшевских постучали — это был Сергей. Представитель советского торгпредства в Харбине мало изменился с их последней встречи, разве что его басок слегка погрубел, а в глазах появилась грустинка. Он стал частым гостем в квартире Ольшевских и со временем по-

мог отцу получить работу в одном из отделений торгпредства, занимавшегося сбором лекарственного материала. Так продолжалось до осени тридцать восьмого.

В тот злополучный ноябрь отец отправился в заготовительную артель в Хулиане, там простыл, назад вернулся с двухсторонним воспалением легких и за неделю сгорел.

Павел остался один и без работы. На помощь пришли друзья Сергея; они устроили его на место отца. На третий месяц он освоился, и ему доверили самостоятельный участок. Это незримая рука Сергея деликатно вела его по жизни. В мае тридцать девятого они встретились. Тот вечер перевернул жизнь Павла. Он продолжил работу отца — стал советским разведчиком. С того дня минуло два года, и в нем ни разу не возникало сомнение в правильности сделанного выбора. И сегодня, когда вероломный враг рвался к Москве, а фашистский сапог топтал землю, где лежали его предки, Павел меньше всего думал о себе и той опасности, что исходила от встречи с резидентом.

Дервиш появился, как всегда, неожиданно. Задержавшись на входе в зал, он опытным взглядом пробежался по посетителям и, не заметив ничего подозрительного, прошел на открытую террасу. Его серые глаза, спрятанные под густыми, низко нависшими бровями, остановились на Павле и газете. Поздоровавшись, он сел за столик.

Резиденту не было и сорока, но седина уже обильно усыпала густые, с трудом поддающиеся расческе волосы. Она и белый рубец на шее, оставленный саблей басмача из банды Амир Хана в далеком 26-м году, говорили о многом. За плечами Дервиша были годы нелегальной работы в Турции, Монголии, Синьцзяне и шанхайской резидентуре. В начале 1941 года Центр снова направил его в Китай, чтобы возглавить харбинскую резидентуру, понесшую тяжелые потери после разоблачения японской контрразведкой ее агента в штабе Квантунской армии.

Долгая жизнь в Китае наложила на Дервиша свой отпечаток. Он, скорее, походил на корейца, выходца из Северной

Маньчжурии, чем на уроженца небольшого уральского городка Верхнего Тагила Екатеринбургской губернии. Довершало это сходство большое, плоское лицо, на котором смешно топорщился слегка приплюснутый нос.

Постучав пальцем по бутылке, Дервиш хитренько улыбнулся и спросил:

— А не рановато?

— А мы, что — не русские? В самый раз будет, — в тон ему ответил Павел.

— Раз так, то наливай!

Павел разлил водку и громко так, чтобы донеслось до ушей официанта, сказал:

— За удачную сделку!

— Принимается! — подыграл Дервиш.

Выпив, они дружно навалились на закуску. Оба успели проголодаться, и в считанные минуты от грибов и рыбы не осталось и следа. Официант, почувствовав денежных клиентов, не дремал, подал на стол душистую, искусно обжаренную на медленном огне свинину и застыл в готовности исполнить новый заказ. Дервиш смерил его придирчивым взглядом, сам потянулся к бутылке, разлил водку по рюмкам и предложил Павлу:

— Выпьем! Тем более ничто так не укорачивает жизнь настоящего мужчины, как ожидание очередной чарки!

Официант, похоже, толком ничего не понял, но изобразил улыбку. Павел залпом опрокинул рюмку, откинулся на спинку стула и вальяжно потрепал его по плечу. Тот согнулся в низком поклоне.

— Свободен! Я позову! — отмахнулся Павел.

— Харасе! Харасе! — пропищал официант и исчез за перегородкой.

— Паша, ну, ты просто барин в загуле, осталось только посорить деньгами, набить кому-нибудь морду и свалиться под стол, — хмыкнул Дервиш.

— У них водки на меня не хватит, а вот хорошие чаевые придется отвалить, уж больно пакостная рожа у этого мерзавца, — буркнул Павел.

— Ничего не поделаешь, из них каждый второй работает на полицию, — согласился резидент. Его лицо утратило благодушное выражение, и он деловито заметил: — Теперь о деле. Что за проблемы у компании?

— Вы имеете в виду работу ее представительства на севере?

— И это тоже.

Павел с грустью посмотрел на остывающую аппетитную свинину. Дервиш перехватил взгляд и предложил:

— Ладно, заморим червячка, а потом поговорим.

Они с аппетитом набросились на нежное подрумяненное мясо, и, когда чувство голода поутихло, Павел приступил к докладу:

— Положение в компании действительно сложное. На севере пришлось сократить часть артелей. Шеф, я имею в виду Ван Фуцзю, намеревается закрыть точку в Хулиане. Позавчера на совете пайщиков этот вопрос обсуждался. Я начал подыскивать места для Виктора и ребят здесь, в Харбине.

— Этого нельзя допустить! — всполошился Дервиш. — Другого надежного канала связи у нас просто нет. Там, — он многозначительно кивнул за Сунгари, — очень тяжело, и наша информация необходима, как воздух. От того, как себя поведет самурай, зависит судьба Москвы. Терять такую «крышу», как филиал Виктора в Хулиане, будет непростительной ошибкой!

— Я делаю все, что в моих силах! Но Ван уперся, и ни в какую! У меня больше аргументов не осталось. Филиал по прибыли сидит на нуле, а позавчера половину бригады потеряли, — в сердцах произнес Павел,

— Что еще там стряслось? — насторожился Дервиш.

— На границе накрыли группу Пака.

— Кто? Японцы?!

— Нет, русские пограничники!

Дервиш поперхнулся и, с трудом проглотив кусок, просипел:

— Они что, с ума сошли?

— Я тоже своим ушам не поверил, пока не услышал от Виктора. Пак, конечно, сволочь, каких поискать, но связники с ним горя не знали, через границу ходили, как к себе домой.

— От Виктора кто был?

— Никого. Шла чистая контрабанда из корня женьшеня. Партия была солидная. В аптеках Харбина пошла бы нарасхват, и филиал встал бы на ноги, — сокрушался Павел.

— Идиоты! Чем там только думают? Им что, мало других контрабандистов? — сокрушался Дервиш.

— Может, на шпионаже прихватили? Виктор высказывал подозрение, что Пак работает на японскую разведку, — предположил Павел.

Дервиш поиграл желваками на скулах и в сердцах произнес:

— Черт с ним, с Паком, сделанного не воротишь. Канал и окно на границе — это моя забота. Что скажешь хорошего?

— Имеются интересные предложения, — оживился Павел и передвинул по столу газету.

В ней среди страниц лежал рекламный проспект компании «Сун Тайхан», между строк которого тайнописью была нанесена информация, добытая агентами советской резидентуры в штабе японской армии, жандармерии и полиции.

Дервиш переложил ее поближе, придавил чашкой и повеселевшим голосом спросил:

— Как продвигаются дела на побережье?

— Есть кой-какие перспективы, — поскромничал Павел и пояснил: — Удалось наладить регулярные поставки препаратов в госпитали Инкоу и Шэньяна. В Даляне наметился контакт с заведующим аптекой и на центральном военно-морском складе.

— Очень даже неплохо. Развивай и дальше, госпиталь хоть и глубокий тыл, но если как следует поразмыслить, в нем можно выловить важную информацию.

— Завербовать врача и получить выход на штаб.

— Молодец! — одобрил Дервиш и продолжил: — И не только это. Предположим, в госпитале Шэньяна появился дополнительный операционный стол. Скажешь, мелочь, ан нет, знающему человеку она скажет много.

— Жди наступления, — ухватил мысль Павел.

— Совершенно верно. Это безошибочный признак, а если применить нехитрую арифметику, то несложно определить силы противника.

— Каким образом?

— Очень просто. Сколько на одного хирурга приходится операций?

Павел пожал плечами.

— Так вот, если знать эту цифру и помножить на коэффициент возвратных потерь в наступательном бою, то в итоге получим общую численность войск. А если пойти дальше, то отыщется и направление удара.

— Пока не соображу, хотя с математикой у меня все в порядке, — смутился Павел.

— Тут работает не она, — и Дервиш усмехнулся, — а логика. О чем может говорить тот факт, что госпиталь приступил к развертыванию полевых отделений?

— Все ясно! Там и жди наступления.

В их разговор вмешались рев голосов и грохот падающей мебели. На террасу вывалила пьяная толпа немцев. Среди них затерялся высохший, словно «спящий» корень женьшеня, хозяин ресторана. Он тщетно пытался их унять. Здоровенный, рыжий детина, гоготнув, схватил в охапку тщедушное тело, поднял над перилами и угрожающе закачал над водой. На каждом замахе худые узловатые пальцы старика отчаянно цеплялись за рубаху мучителя. Высыпавшая из кухни и подсобки прислуга и официанты боязливо жались друг к другу и не решались вступить за хозяина.

— Мерзавцы! — сквозь зубы процедил Дервиш.

Павел порывался встать, но Дервиш остановил его:

— Сиди!

Вскоре немцам наскучила забава; оставив старика в покое, они гурьбой повалили в зал. Бедняга пришел в себя и с остервенением набросился на официантов, те, как кошки, кинулись врассыпную. На террасе снова воцарилась тишина, но Павел чувствовал себя не в своей тарелке. Ему казалось, что кто-то не спускает с их столика глаз, и не ошибся — из-за бамбуковой перегородки на них косился официант. Болезненная гримаса на лице Павла не ускользнула от внимания Дервиша:

— Что-то не так? — спросил он.

— Нейдется, подлецу. Все глаза проел! — с ожесточением произнес Павел.

— Ты говоришь о полицейском соглядатае с подносом? — на удивление спокойно отреагировал Дервиш.

— О ком еще? Мерзавец, глаз с нас не спускает.

— Все потому, что на русских мы мало похожи.

— Это же почему?

— Закуску съели?

— Ну.

— А одну несчастную бутылку водки никак не кончим, — привел неотразимый аргумент Дервиш и, заговорщицки подмигнув, позвал: — Официант!

Тот резво подбежал к нему и расплылся в сахарной улыбке.

— Сто еще господам?

Дервиш посмотрел на него так, будто в первый раз увидел, грозно сдвинул брови, поднял палец и очертил замысловатую петлю. Официант выкатил глаза и следил за ним, как змея за движениями факира.

— Сто — это таким дохлякам, как ты, а нам тащи еще пол-литра! — отрывисто выдохнул Дервиш, ткнул пальцем в тщедушную грудь официанта и пригрозил: — И смотри мне, чтобы была не ваша паршивая самогонка, а наша «Смирновская»!

— Харасе! Харасе! — зачастил тот.

— И еще, повтори рыбу, только без соуса и эти... бамбуковые...

— Может, не надо, а то он с перепугу дерево припрет? — усомнился Павел в познаниях русского официантом.

— Господина асибается, Сун все понимает, — поспешил заверить тот.

— Вот видишь, он понятливый. Хозяин дураков держать не станет, — сменил гнев на милость Дервиш.

— Да, да, господина! — подтвердил официант и исчез.

Не прошло минуты, как он появился с бутылкой «Смирновской», смахнул со стола невидимые крошки, разлил водку по рюмкам и умчался на кухню. Дервиш довольно улыбнулся и заявил:

— Продолжим! Как продвигаются дела по Люшкову?

Павел насупился.

— Что, совсем ничего?

— Никаких следов, как сквозь землю провалился.

— Плохо. Очень плохо.

— Знаю, что плохо. Бьемся как рыба об лед. Такое впечатление, что японцы прихлопнули гада или вывезли на острова.

— Не должны. Он им здесь нужен. А что Есаул, тоже молчит?

— У него совсем глухо. После провала покушения на Сталина в лечебнице Мацесты, его от работы с боевиками отстранили.

— Жаль, — посетовал Дервиш. — В тот раз он вовремя дал наводку на группу Люшкова. Она еще не добралась до Трабзона, а наши уже ждали ее.

— Тогда непонятно, как ему дали уйти? — недоумевал Павел.

— Не дали, а сам ушел.

— Согласен, бывает, всего не предусмотреть. Но как здесь, у черта на куличках, он смог подготовить такую операцию? Невероятно.

— Ничего невероятного. Люшков знал мацестинскую лечебницу как свои пять пальцев.

— Откуда?

— Отвечал за нее головой.

— А я считал, что дальше Сибири его не посылали.

— Посылали, — и, понизив голос, Дервиш продолжил: — На той самой лечебнице Люшков, собственно, и погорел. В 37-м его назначили на перспективный участок — начальником управления НКВД по Азово-Черноморскому краю. Хозяйство досталось не столько сложное, сколько хлопотное. Вредителей и саботажников тогда хватало не только на Северном Кавказе, а вот спецобъектов, на которых трудился и отдыхал товарищ Сталин, можно было по пальцам перечесть. Один из них строился в Сочи — «Зеленая роща». Перед сдачей последние три месяца Люшков оттуда не вылезал и вместе с архитектором Мироном Мержановым подчищал последние «хвосты».

Незадолго до заезда товарища Сталина на объект принимать его прилетел начальник личной охраны Николай Власик. Приехал он не в духе. Люшков с Мержановым решили поднять ему настроение и приготовили сюрприз. На площадке перед дачей Власика ожидал загадочный шатер. Машины остановились, он вышел, Люшков махнул рукой рабочим. Те дернули за веревки, полог слетел на землю, заработали насосы, и мощные струи фонтана забили в воздух. Но тут произошла досадная оплошность. То ли Люшков, то ли Мержанов чего-то там не доглядели — Власика окатило с головы до ног. Он взбеленился и потом долго гонял их по даче, тыча мордами в цветочные вазы и задницы древнегреческих богов, которые Люшков утащил из Сухумского музея. В общем, хотели как лучше, а получилось хуже не придумаешь. Перед отъездом Власик пригрозил отправить обоих туда, куда Макар телят не гонял.

После этого не только карьера, а и жизнь Люшкова пошли под откос. В конце 37-го его сослали начальником управления

на Дальний Восток. Долго он там не проработал, 12 июня 38-го года его срочно вызвали в наркомат. Он почувствовал, что пахнет жареным, и сделал ход конем — утром 13-го выехал на границу якобы для проверки, и пока пограничный наряд хлопал ушами, ушел к японцам и сдал всю нашу закордонную агентуру в Маньчжурии.

— Вот же сволочь! Сколько же он людей загубил! — задохнулся от возмущения Павел.

— Много. В Маньчжурии пришлось заново создавать резидентуру, — не стал вдаваться в подробности Дервиш.

— Нашей тоже досталось. Сергей рассказывал.

— Поэтому, Паша, сам понимаешь, такой, как Люшков, не должен жить.

— Найдем мерзавца, — заверил он и поинтересовался: — А что с ним дальше было?

— А то, что со всеми предателями. Японцы в его советах особо не нуждались и держали так, на всякий случай, — с презрением заметил резидент и вернулся к рассказу: — Вспомнили о подлеце в августе 38-го года, когда наши высыпали им на озере Хасан. И тогда они решили уничтожить товарища Сталина. Операцию назвали «Охота на медведя», а покушение задумали провести в водолечебнице, в Новой Мацесте, во время приема им процедуры. Вот тут пригодился Люшков; он знал там каждый закуток и предложил план: ночью со стороны моря проникнуть в сточные трубы, по ним пробраться в подвал, а дальше, через специальный люк, открывался прямой путь в ванную комнату.

— Хи-те-е-р, — не переставал удивляться коварству Люшкова Павел.

— Не то слово, — согласился Дервиш. — Подлец, предусмотрел все до мелочей! В Мацесте не было постоянной охраны, она выставлялась перед приездом товарища Сталина, а в процедурной находился только врач. Исключение не делалось даже для Власика, тот сидел за дверью. В такой ситуации для Люшкова и десятка головорезов не составило бы труда

совершить акцию. Японцы согласились с этим предложением и утвердили его на самом высоком уровне. Непосредственную подготовку вел военный разведчик Хакиро Угаки. Тренировку боевиков проводили на макете, который был точной копией водолачебницы.

— Нашли мы тот макет и полигон, где их натаскивали, — вспомнил Павел. — Ох, и пришлось же повозиться! Спрятали его так, что сам черт не найдет. Но нам повезло — Есаула взяли туда инструктором. Гоняли эту банду на полигоне с утра и до глубокой ночи, патронов перестреляли вагон. Режим был жестокий, за забор никого не выпускали, и все-таки Есаул умудрился передать записку и схему макета. Вначале мы не могли понять, на что они нацелились, окончательно все стало на свои места после сообщения Кабэ: он точно назвал место теракта — Мацеста!

— Я знаю, — кивнул Дервиш, — видел ваше донесение, когда знакомился с делом, — и продолжил рассказ: — В сентябре их перебросили в Турцию. Там, в порту Трабзона, они ждали сигнала о том, что товарищ Сталин выехал из Москвы в Сочи, и дождались. Сигнал пришел не от первой группы бандитов, которые уже сидели на Лубянке, его дали те, кому надо. Люшков с восемью террористами переправились через границу под Батумом, там их и зажали в ущелье, но ему удалось вырваться из засады.

— Повезло сволочи! А нам тут досталось, — посетовал Павел. — Когда он вернулся, жандармы и дулеповские ищейки вывернули все наизнанку. И если бы не комбинация с Пашкевичем, то Кабэ, Леону и Есаулу пришлось бы туго.

— Грузинские чекисты — молодцы! Грамотно сработали — вовремя подкинули Пашкевичу информацию о предательстве Осиповича и потом, как по нотам, разыграли побег из Батумской тюрьмы, — согласился Дервиш.

— Зато второй раз наломали дров. Это же надо додуматься — взять группу прямо на границе! После такого последнему

дураку в японской контрразведке стало понятно, где искать агента. О чем только думали в Москве?

Несмотря на смуглую кожу, румянец проступил на щеках Дервиша. Поиграв желваками на скулах, он обронил:

— Значит, по-другому было нельзя.

— Но почему? Что мешало провести операцию прикрытия? Мы тут из кожи лезли, а нас даже не предупредили, — горячился Павел.

— Видишь ли, — смягчил тон Дервиш, — это железное правило нашей профессии: каждый участник операции должен знать только то, что необходимо. По плану их предполагалось взять на подходах к Москве, но в последний момент все переиграли.

— Понятно. Решили перестраховаться, а о нас, о Леоне, Есауле не подумали? — обида прозвучала в голосе Павла.

Лицо резидента затвердело, и он сурово отрезал:

— Думали. Но ты не хуже меня знал, что в группу отбирали не просто головорезов, а убийц-смертников! А с чем они шли? Оружие разрабатывали лучшие спецы Японии. Противотанковая пушка по сравнению с их ружьем — детская игрушка! Снаряд запросто пробивал сорокамиллиметровую броню. Вот и представь, что с таким арсеналом они бы натворили в Москве.

— Представляю, — согласиться Павел, но не удержался от упрека. — И все-таки обидно, могли бы сказать. Хотя нет, не могли.

— Могли, не могли — сейчас это не имеет значения! — положил конец неприятному разговору Дервиш и заявил: — Центр располагает достоверной информацией, что японцы не утомнились и продолжают вести активную подготовку новой группы. К сожалению, сроки проведения акции и маршрут выдвижения неизвестны. Главную роль они снова отводят Люшкову.

— Вот же, мерзавец, все неймется ему! — с ожесточением произнес Павел.

— Что мерзавец, то мерзавец. Но в уме ему не откажешь. Нанесет удар оттуда, откуда и не ждешь. Потому японцы и трясутся над ним, как Кощей над яйцом.

— Думаю, ничего у них не выйдет.

— Это почему же?

— Да вспомнил старую прибаутку, как раз к нашему злодею относится, — и улыбка тронула губы Павла.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился Дервиш.

— А знаете, почему у Кощей нет детей?

— Ну, наверно, с Бабой-ягой их поздно заводить.

— Нет, просто его яйцо залежалось и протухло, — оба дружно рассмеялись, и Павел закончил мысль: — Так и с Люшковым получится, если его через Леона скомпрометировать, как залежалый товар. Глядишь, японцы сами мерзавца ликвидируют.

— А что, дельное предложение, — согласился Дервиш. — Доложу в Центр. Надеюсь, поддержат, но сначала надо отыскать негодяя.

— Вот только где? — задался вопросом Павел.

— А если подловить на слабостях: женщины, кабаки. Помнится, он не пропускал вечера в «Новом свете» и «Погребке Рагозинского».

— Отгулялся! После последнего покушения носа не кажет.

— Жаль, — лицо резидента помрачнело, а затем просветлело. — Есть ниточка. Была у него одна болячка, замордовалсю ребят из разведотдела. Они таскали ему разные китайские штучки и водили к одному знахарю.

— Вы хотите сказать, что надо искать знахаря? — сообразил Павел.

— Именно, Паша! Вот тебе и ниточка.

— Не совсем. Мы работаем с сырьем, а препараты готовят в аптеках.

— Все равно — зацепка.

— Аптек в Харбине море, еще бы знать какой препарат он использовал.

— С этим проблем не будет. В нашей конторе ничего не пропадает. Запрошу Центр.

— Это меняет дело, — оживился Павел и, разлив водку по рюмкам, тихо произнес: — За победу под Москвой!

Заканчивался их обед под пьяный рев луженых глоток. Немцы не остановились на пиве, перешли к водке и пошли в разнос. Зал загудел от топота ног, и хилая, вихляющая из стороны в сторону, шеренга из ошалевших китайцев-официантов безуспешно пыталась овладеть искусством прусской шагистики.

— Пора уходить, а то скоро и до нас доберутся, — завершил встречу Дервиш.

— Скорее, мы до Берлина! — с ожесточением ответил Павел, но согласился и подозвал официанта.

Тот подлетел к столику и алчными глазенками зашарил по портмоне. Чтобы усыпить его подозрения, Павел щедро расплатился. Они вышли из ресторана и поднялись на Китайскую. Там их пути разошлись. Резидент отправился в район Мадягоу. Павел нанял извозчика и поехал в контору.

Ездовой, бывший хорунжий, с уныло обвисшими усами неспешно погонял старую заезженную клячу. Она тащилась по улицам слабой трусцой, надолго останавливалась на перекрестках и меланхолично посматривала на сверкающих никелем четырехколесных конкурентов. Те, презрительно выпустив ей под нос клубы сизого дыма, с места срывались в лихой галоп. На узких улочках китайского квартала горластые, нахальные рикши норовили ткнуть кляче в бок и оттеснить ее к обочине. Она и хозяин одинаково безучастно относились ко всему происходящему.

Павел начал терять терпение, когда, наконец, впереди показалось здание конторы. Стоянка перед ней была забита тележками и крестьянскими арбами. У стены на лавках и на земле, сбившись в кучки, сидели артельщики-заготовители. Длинная очередь выстроилась к двери в главный зал. Там царила осо-

бенная атмосфера. За тремя длинными столами происходили прием и сортировка корней женьшеня.

Бригадир артельщиков, пожилой коренастый китаец, бережно, словно драгоценную чашу, брал из лотка очередной экземпляр и поднимал вверх так, чтобы все оценили достоинства корня. Кончиками пальцев нежно поглаживая отростки и прицокивая языком, он нахваливал его. Два верхних отростка сравнивал с руками пловца. Легким касанием указательного пальца подчеркивал благородство и красоту их линий. В мощной, разветвленной нижней части находил сходство с ногами портового грузчика. Верхняя часть с ниспадающими изящными мочками была не чем иным, как головой и благообразными сединами самого господина Вана. Суровый цензор, оценщик Чжан, согласно кивал головой — это был действительно самый ценный из всех разновидностей женьшеня — судзухинский, доставленный контрабандистами из России, из Судзухинского заповедника. Такой экземпляр под радостные восклицания артельщиков ложился на первый стол.

Это был своеобразный спектакль, в котором каждому отводилась своя роль. В какой-то момент Чжан, придирчиво изучавший каждый экземпляр, нашел изъян. Недовольная гримаса появилась на его лице, и артельщики замерли. Окончательное решение оставалось за главным специалистом — невозмутимым Ху. Корень переходил к нему. Он легким касанием пальцев обнаруживал невидимые царапины на корне, острым глазом находил микроскопические узлы на мочках. Такой экземпляр безжалостно отправлялся на второй стол, и в зале звучал вздох разочарования. Гробовое молчание сопровождало экземпляр, отправлявшийся на третий стол — к «спящим корням».

Сцена приема повторялась до тех пор, пока на смену королю лекарственных растений — женьшеню, не пришли сишень — копытень, фанфын — лазурник и увэйцзы — лимонник.

Все это было хорошо знакомо Павлу. Не задерживаясь, он протиснулся сквозь толпу, зашел в конторку и там, к своему

изумлению, увидел Виктора. Судя по его виду, в хулианской заготовительной артели произошло что-то чрезвычайное.

Забыв поздороваться, Виктор потухшим голосом произнес:

— Паша, японцы арестовали Серегу и Лю.

— Как? — опешил Ольшевский.

Это был еще один тяжелый и неожиданный удар по цепочке связников.

Глава 3

Бронированная машина наркома внутренних дел СССР, покачиваясь на неровностях брусчатки, свернула с площади на улицу Куйбышева. Отсюда до Кремля было рукой подать, и тут водитель резко затормозил. Берию бросило вперед. Дорогу перегородили пожарные машины. Дежурные расчеты быстро и слаженно ликвидировали последствия недавней бомбежки фашистской авиации. Одна из бомб пробила крышу дома и разорвалась на верхних этажах. Косматые языки пламени вырывались из разбитых окон.

«Хваленые сталинские «соколы»! Мать вашу так! Фашисты бомбят Кремль! — с ожесточением подумал Берия и вспомнил недобрым словом летчиков. — Этого выскочку Рычагова и вчерашних капитанов с генеральскими лампасами надо было ставить к стенке в тот же день, когда немецкий Ю-52 пролетел от Кёнигсберга до Москвы и средь бела дня сел на Ходынке».

Берию передернуло при воспоминании о том ЧП. 15 мая 1941 года он едва не попал под горячую руку взбесившегося Хозяина. В тот день Сталин, Ворошилов, Буденный и он после жаркого спора за обедом на Ближней даче о том, кто сильнее — «Динамо» или ЦДКА, прямо из-за стола отправились на футбольный матч.

Стадион в Петровском парке гудел, как пчелиный улей, в предвкушении захватывающей игры непримиримых соперников. Любимцы Берии — динамовцы с первых минут захватили инициативу и обрушили шквал атак на армейцев. Острые моменты у их ворот возникали один за другим. Гол назревал. Буденный с Ворошиловым негодовали.

Хозяин хитровато улыбнулся в усы и с иронией произнес:
— Семен! Клим! Я что-то не узнаю ваших кавалеристов?
Чекисты Лаврентия лупят их в хвост и гриву.

Ворошилов побагровел и, пробормотав что-то невнятное, нетерпеливо махнул рукой. В глубине ложи возникло легкое движение. Моложавый полковник отделился от свиты, проскользнул сквозь злорадно хихикающую охрану — на глазах самого Хозяина чекисты раскатывали армейцев по всем статьям — и наклонился к плечу маршала. Тот, тыча пальцем на футбольное поле, что-то с гневом сказал. Порученец, поеживаясь под насмешливым взглядом Сталина, стрелой слетел с трибуны и резвым аллюром понесся к тренерской скамейке армейцев. Там нервно засуетились — бегущий полковник, подхлестнутый маршальской блажью, ничего, кроме паники, внушить не мог.

С его появлением на скамейке запасных игра армейцев окончательно смешалась и свелась к откровенному отбою мяча. Первый тайм приближался к концу. Динамовцы плотно прижали соперника к воротам, навес за навесом следовал во вратарскую площадку. Трибуны замерли в ожидании гола, и никто не обратил внимания на взъерошенного комбрига. Он с трудом пробился через толпу к правительственной ложе, а дальше на пути встала охрана. Она не позволила приблизиться к вождям, а комбриг, как заклинание, твердил: «У меня срочное донесение для товарища Ворошилова!».

Начальник охраны Власик недовольно нахмурил брови, поднялся с места и спустился к нему. Комбриг наклонился к уху и что-то сбивчиво прошептал. Власик дернулся, как от удара электрическим током, и отступил в сторону. Комбриг на негнущихся ногах приблизился к Ворошилову и, запинаясь, принялся докладывать. Лицо маршала пошло бурыми пятнами, потные круги проступили на белоснежной гимнастерке.

— Товарищ комбриг, расскажите и нам, что это у вас за секреты с товарищем Ворошиловым? — недовольно проворчал Сталин.

Бедняга с трудом переборол нервный спазм и, собравшись с духом, доложил:

— Товарищ Сталин, час назад на Ходынском поле приземлился трехмоторный германский самолет в составе экипажа из двух человек — капитана люфтваффе и...

— Как?! — этот вопрос Сталина заставил съежиться свиту, а затем подбросил ее из кресел.

Комбриг что-то лепетал о сбоях в системе ПВО и плохих погодных условиях — его никто не слушал. Всем, от Сталина и до последнего охранника, была очевидна чудовищность случившегося. В стране нет ПВО! 22 июня 1941 года эта горькая истина подтвердилась. В первые дни войны почти вся военная авиация Советского Союза сгорела на земле. «Сталинские соколы» так и не взлетели...

Бросив негодующий взгляд на чернильное небо, по которому продолжали шарить лучи прожекторов, Берия распорядился ехать в объезд, по набережной, и снова вернулся к предстоящему докладу Сталину. Его цепкий и изощренный ум искал в нем слабые места. И чем ближе было к Кремлю, тем все больше их появлялось. Разведданные Зорге уже не казались столь убедительными, а показания японского резидента Каймадо, разоблаченного особистами Абакумова, представлялись тонкой дезинформацией противника.

«Опять Зорге!» — в душе Берия поднялась волна раздражения.

Он, а вместе с ним кучка коминтерновцев, мнивших себя истинными марксистами, сражающимися в самом логове империализма, вызывали у Берии глухую неприязнь. В последнее время от них шли одни неприятности. За неделю до войны Сталин швырнул ему в лицо спецсообщение Зорге, в котором тот предупреждал о скором нападении фашистской Германии на СССР, и назвал его провокацией и фальшивкой. Незадолго до этого разноса ему пришлось отдуваться на заседании Политбюро за допущенную наркоматом политической близорукость,

в результате которой Коминтерн превратился в рассадник ревизионизма и оппортунизма.

«Неблагодарные твари! — с ожесточением подумал о коминтерновцах Берия. — НКВД не жалел денег, терял лучших сотрудников, чтобы спасти заевшихся партийных бонз от фашистских агентов. А они, набравшись нахальства, принялись поучать нас, как строить социализм.

Советчики хреновы! У себя революции просрали, а туда же. В президиумах славите Хозяина, а на кухнях перемальваете ему кости. Идиоты! У нас даже стены имеют уши».

«Зорге? — Мысли Берии снова возвратились к нему. — Мерзавец! Засел в Японии, и нос не кажет. В дружках ходит с фашистским послом Оттом, спит с его бабой, а нам пудрит мозги, что использует их как «крышу». Ладно, хрен с ней — с бабой, под юбкой, кроме триппера, ничего не поймаешь. Другое дело пописывать статейки в паршивую газетенку «Франкфуртер цайтунг» и слать донесения Шелленбергу, начальнику политической разведки службы безопасности. Скажешь, что Артузов разрешил подставиться на вербовку? Нет, тут газетой и этим врагом народа, как бабой, не прикроешься. Спасает тебя от пули только то, что в той сраной Японии твои Осава и Одзакки нам позарез нужны», — вспомнил о них Берия и вновь поежился.

На подъезде к Кремлю завывали сирены воздушной тревоги. Фашисты возобновили налет. Машина проскользнула в темный зев Боровицких ворот и остановилась у подъезда. Берия прижал к груди папку и стремительно поднялся по ступенькам. В коридорах и кабинетах было безлюдно, только немногословная охрана оставалась на своих постах. В приемной он столкнулся с Власиком, и они вместе спустились в убежище.

В нос шибануло запахом краски и дерева — строительство бункера для Вождя закончилось несколько дней назад. Здесь все до мелочей напоминало интерьер его любимой Ближней дачи в Кунцеве. В приемной их встретил Поскребышев. Многоопытный и бессменный руководитель личной канцелярии Хозяина

и Особого сектора, которые не были подвластны ни ЦК, ни НКВД, он надежно оберегал тайны Вождя и, как никто другой, угадывал его мысли и желания. Отлаженная, доведенная им до совершенства работа аппарата не знала сбоев — указания Сталина выполнялись беспрекословно и в срок. В редкие минуты благодушия, в присутствии вождей помельче, он подшучивал над Поскребышевым и называл его не иначе, как «наш самый главный».

В шутке была доля истины. Поэтому поздоровавшись, Берия попытался завести разговор с Поскребышевым и узнать о настроении Хозяина. Но тот после ареста жены избегал встреч и разговоров с наркомом. Его обращение к Сталину разобраться в деле ни к чему не привело. Он, как бритвой, отрезал: «Я в дела НКВД не вмешиваюсь». На приветствие Берии Поскребышев лишь кивнул головой и коротко оборонил:

— Подождите, Лаврентий Павлович, у него Жуков.

В приемной воцарилось гнетущее молчание. Берия бросал нетерпеливые взгляды на дверь в кабинет Сталина — доклад Жукова затягивался, и это его нервировало. Своими бонапартистскими замашками Жуков давно вызывал в нем раздражение. Впервые они столкнулись при разоблачении органами изменников среди командования Белорусского военного округа. Жуков, будучи еще заместителем командующего, осмелился встать на защиту предателей из 3-го и 6-го кавалерийских корпусов. Мерзавец прикрывал своих подельников и пытался обвинить НКВД в подрыве боевой готовности войск и шельмовании командных кадров. После этого в наркомате в спешном порядке принялись «раскручивать» дело на строптивного генерала. Хозяин не дал делу хода и отправил его воевать в Монголию.

После боев на реке Халхин-Гол карьера Жукова стремительно пошла в гору, и он стал недосягаем для органов. А с началом войны Хозяин запретил даже заикаться о нем. Жуков один стоил Ворошилова, Буденного и всех вместе взятых «кавалеристов», потому как знал, чем остановить фашистов.

Доклад Жукова подошел к концу, дверь распахнулась, и генерал твердым шагом вышел в приемную. Следы усталости и бессонных ночей проступили на его волевом лице. Сухо пожав руку Берии, он надел фуражку и направился к лифту. Нарком вопросительно посмотрел на Поскребышева — звонок вызова молчал. Поскребышев пожал плечами и снова окунулся в бумаги. Затянувшаяся пауза взвинтила Берию, когда, наконец, слабо звякнул звонок

— Проходите, Лаврентий Павлович! — пригласил Поскребышев в кабинет.

Берия с опаской перешагнул порог. Сталин, склонившись над картой обороны столицы, нервно попыхивал трубкой. За последние четверо суток в нем произошли разительные перемены. В подземном склепе при искусственном освещении исчез ореол величия и вождизма. В глаза бросалась маленькая, нескладная фигура, и даже высокий каблук, искусно спрятанный мастером в голенища сапог, не добавлял роста. Непропорционально большой торс болтался в просторном кителе, левая рука и плечо двигались с трудом. Сквозь поредевшие волосы восковым цветом просвечивал череп, усы обвисли и не казались такими густыми и жесткими. Рысьи глаза, в которых раньше вспыхивали зловещие огоньки, потухли. Таким его Берия видел в первые дни войны.

— Здравствуй, Лаврентий. Что там у тебя? — вяло спросил Сталин.

Берия лихорадочно соображал. Здесь, в убежище, наедине с ним стройная логика доклада начала рушиться. Ему было хорошо знакомо это состояние Хозяина, когда периоды депрессии сменялись вспышками ярости, и тогда горе тому, кто подворачивался под горячую руку. Он решил не спешить с сообщением Зорге и ограничился дежурной фразой.

— Товарищ Сталин, поступила серьезная разведывательная информация, — и после паузы он сделал акцент на последней фразе: — Особенно по дальневосточному направлению.

Тот остался безучастен. Мыслями он все еще находился там, на подступах к Москве, где шли ожесточенные бои с гитлеровцами.

— Но некоторые позиции нуждаются в дополнительной проверке, — продолжил доклад Берия.

Сталин снова никак не отреагировал и склонился над картой. Острые черные стрелы пронзили Волоколамск, Можайск и хищно нацелились на Истру. 40-й мехкорпус и 4-я танковая группа гитлеровцев, не считаясь с потерями, рвались к Москве. Сплошной линии обороны на этом направлении уже не существовало, основные силы 32-й и 316-й стрелковых дивизий рассредоточились у шоссе и ценой огромных жертв пытались остановить наступление. Он взял карандаш, провел в районе Истры жирную красную черту, поднял трубку телефона — ответил Поскребышев — и распорядился:

— Срочно свяжитесь с Жуковым и Тимошенко! Пусть они доложат предложения по усилению резервами и в первую очередь противотанковыми средствами дивизии Полосухина и Панфилова, — а затем перевел взгляд на Берию.

Тот торопливо раскрыл папку, положил на стол и застыл в напряженном ожидании. Сталин тяжело опустился на стул, потер виски, потом выбил трубку о край пепельницы, достал из пачки папиросу, сломал и высыпал табак в трубку. Сухой треск спички нарушил тягостную тишину, и яркий огонек безжалостно обнажил следы глубоких оспин на лице и старческие складки на его шее. Он глубоко затянулся и сосредоточился на разведсводке.

К документам такого рода у него было особое отношение. Многолетний опыт работы в подполье и борьбы не на жизнь, а на смерть с царской охранкой, в последующем — с бывшими соратниками, мастерами политических интриг и закулисных сделок, приучил его осторожно относиться к самой, казалось бы, достоверной информации. В одном случае она являлась тем самым ключом, который позволял приоткрыть сокровен-

ные тайны противника, в другом — даже самый секретный документ мог оказаться ловкой мистификацией и привести к сокрушительному поражению. В тайной войне выигрывает тот, кто играет по своим правилам и навязывает врагу свою волю, и в этом он не раз убеждался.

Дочитав разведсводку до конца, Сталин не спешил с оценками, положил трубку на пепельницу, встал из-за стола и размеренным шагом прошелся по кабинету. Берия хорошо изучил эту привычку и ловил каждое движение и изменения в мимике, но лицо Хозяина оставалось непроницаемым, как маска.

«То, что доложил Лаврентий, выходит за рамки последних сообщений, поступивших из НКВД и от военной разведки, — размышлял Сталин, а память услужливо подсказывала: — Весной сорок первого, а точнее — 19 мая, Зорге — Рамзай — общал:

«Девять армий, которые включают 150 дивизий, будут сконцентрированы для операции против СССР».

А 15 июня он назвал и точную дату — 22 июня!

Новое сообщение Зорге болезненно напомнило о самых унижительных часах в его жизни. Пожалуй, он никогда не был так раздавлен, как тогда — 22 июня 1941 года. Молотов, Тимошенко, Ворошилов и Лаврентий стали свидетелями его слабости.

В те июньские дни все складывалось против него. Гитлер постоянно угрожал и шантажировал. Рузвельт хранил молчание. А Черчилль интриговал и подливал масла в огонь своими конфиденциальными посланиями: «Имеющие особую значимость и рассчитанные привлечь Ваше внимание данные о подготовке агрессии Германии против Советского Союза».

Он, заклятый враг Советской России, для пущей убедительности ссылался на то, что «информация надежная и получена от заслуживающего доверия агента».

«Предупреждал? Мерзавец! Спал и видел, как бы столкнуться лбами его с Гитлером».

В том клубке противоречивых сведений спецдонесение Зорге походило, скорее, на тонкую дезинформацию немецкой разведки, специально запущенную через японцев. Оно переполнило чашу терпения Сталина и вызвало вспышку гнева на Берия и его информаторов. В запале он обозвал Зорге — «просто засранец, который занимается фабриками и шляется по борделям».

Время доказало, что «засранец» оказался прав!

— Выходит, он еще жив? — спросил Сталин.

Берия напрягся. Ситуация повторялась — полгода назад его вместе с Голиковым, главой военной разведки, вызвали в Кремль для доклада о положении на западной границе. После ознакомления со спецдонесениями Рамзая, Старшины и Корсиканца, предупреждавших о скором нападении Германии на СССР, Хозяин вышел из себя и обозвал его с Голиковым паникерами, а агентов — «международными провокаторами». К счастью, дальше угроз дело не пошло, но, хорошо зная коварный нрав Хозяина, он решил подстраховаться и дал команду отозвать из-за границы резидентов, приславших эти сообщения, и отправить в лагерь.

Наступившая война не позволила выполнить этот приказ. Резолюция Берии на разведывательной сводке от 21 июня — *«Секретных сотрудников за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией»* — так и осталась грозным росчерком пера.

«Чем это может грозить мне сейчас, когда немцы стоят под Москвой? Что имел в виду Сталин, спросив о Зорге? Что?» — терялся в догадках Берия и клял себя в душе, что высунулся с докладом.

Тишину кабинета нарушало шуршание ковра под сапогами Сталина. Он дошел до двери, развернулся и быстрым шагом возвратился к столу. Берия напрягся, судя по всему, Хозяин пришел к какому-то решению. В его взгляде появились хорошо знакомые жесткость и решительность, а в глубине глаз на миг

вспыхнули желтые искорки. Он склонился над сводкой, еще раз перечитал сообщение Зорге, затем поднял голову и вымолвил:

— Положение под Москвой крайне тяжелое. Немцы прорвали фронт на Можайском, Волоколамском направлениях и движутся к Истре. Против них брошены последние резервы. Туда выехал Жуков. Войска находятся на пределе, но Москву мы не отдадим! — наливаясь силой, все увереннее звучал голос Сталина. — Похоже, немцы выдыхаются. Надо продержаться еще неделю-другую, чтобы подтянуть две свежие армии, — и после долгой паузы продолжил: — Например, снять с восточных границ сибирские дивизии. Как ты думаешь, Лаврентий?

«Похоже, информация Зорге сработала», — заключил Берия и осторожно заметил:

— Донесению Зорге можно доверять, товарищ Сталин! Оно подтверждается материалами из других источников. По данным харбинской резидентуры, командование Квантунской армии отправило из Маньчжурии в Японию три группы летчиков.

Сталин с нескрываемым интересом слушал доклад. А Берия, напрягая память, восстанавливал содержание последних спецдонесений и подкреплял свою позицию новыми фактами:

— По оперативным данным УНКВД по Приморскому краю и Читинскому погранокругу, японская военная миссия в Харбине, 3-е отделение Управления политической службы жандармерии, 2-й отдел штаба Квантунской армии и белоэмигрантская организация «Российский фашистский союз» со второй половины октября значительно снизили разведывательную активность в приграничной полосе и приостановили заброску агентов-маршрутников в глубокий тыл частей 1-й и 2-й отдельных краснознаменных армий. Судя по всему, японцы меняют направление основного удара. Возможно, их целью являются западные и южные районы Китая, — сделал Берия окончательный вывод.

Сталин хмыкнул и с нескрываемым сарказмом спросил:

— Так кому мне верить — тебе, Лаврентий, или Абакумову? Он докладывает, что японцы вот-вот ударят нам в спину!

Берия болезненно поморщился и с раздражением произнес:

— Если Вы имеете в виду показания разоблаченного резидента Каймадо, то...

— Не только его. Абакумов ссылается и на другие источники.

— Знаю я его источники. Они дальше своего носа не видят!

— Завидуешь, Лаврентий? — с ехидцей заметил Сталин.

Берия поморщился. В душе он сто раз пожалел, что в 38-м не дал хода жалобе бывшего начальника УНКВД по Ростовской области Гречухина, обвинявшего ретивого инспектора Абакумова «в раздувании дела и шельмовании преданных партии работников». Тогда он спустил материалы на тормозах, а вскоре взял Абакумова себе в заместители, и оказалось, что пригрел «змею на груди». После назначения на должность начальника Управления особых отделов Абакумов посчитал, что схватил бога за бороду, и, минуя его, стал напрямую лезть с докладами к Хозяину.

— Что молчишь, Лаврентий? Боишься? Абакумов мужик здоровый, говорят пятаки запросто гнет, — уже откровенно издевался Сталин

— Я боюсь? Завидую? Было бы чему. Слишком широко шагает, как бы штаны не порвал, — зло бросил Берия.

— А может, японцы хитрят? — резко поменял тему Сталин.

— Скорее, ждут, что получится у Гитлера под Москвой.

— Не дождутся! Фашисты уже не те. Провалился блицкриг, не за горами тот день, когда погоним их в шею. И помогут нам в этом свежие сибирские дивизии.

Берия оживился — Хозяин оценил доклад. И бодрым тоном заявил:

— Смелое и важное решение, товарищ Сталин. НКВД сделает все, чтобы обеспечить в тайне переброску войск под Москву.

— Это хорошо, но недостаточно! Рано или поздно разведка японцев узнает, что их провели, и тогда, имея под рукой вооруженную до зубов Квантунскую армию, они ударят нам в спину. Нет, Лаврентий ждаль до весны, как утверждает Зорге, японцы не стануть.

— Но к тому времени сибирские дивизии решат судьбу битвы за Москву!

— К сожалению, над временем мы не властны, — философски заметил Сталин и продолжил: — А вот над людьми — да! Поэтому незачем ждаль весны. Раз хотят японцы воевать, то пусть воюють. Им надо только помочь.

— Как? Зачем? — опешил Берия.

— Ты что, шуток не понимаешь? — улыбка сошла с лица Сталина, и его голос, наливаясь гневом, зазвучал в кабинете:

— Проклятые ростовчики! Мы перемалываем фашистские дивизии, а они откупаются самолетами, пушками и еще дерут проценты! Сволочи! За будущую победу хотят расплачиваться кровью русских!

Берия перевел дыхание — гнев Хозяина обрушился на союзников — и поддакнул:

— Черчилль начнет воевать, когда наши танки выйдут к Ла-Маншу.

— Нет! Мы заставим их сражаться сегодня! Американцы с японцами балансируют на грани войны, остается только подтолкнуть.

— Японцев! — с ходу ухватил мысль Берия.

— Правильно, Лаврентий! Но решать эту задачу требуется аккуратно. Надеюсь, тебе не надо объяснять деликатность положения?

— Я все понимаю, Иосиф Виссарионович.

— Сегодня американцы хоть хреновые, но союзники.

— Союзники до тех пор, пока Гитлер не подойдет!

— Потерпим их до его похорон, — процедил Сталин и тоном, не терпящим возражения, распорядился:

— За операцию головой отвечаешь! Подбери самых надежных. О конечной цели они не должны знать. Работу начнешь одновременно через американцев и японцев. Операцию завершить к концу года. Ты меня понял, Лаврентий?

— В Японии выполнить эту задачу в указанные сроки очень сложно. Там нет агентов такого уровня. В Америке такие возможности... — и Берия осекся под взглядом Сталина.

— Стареешь, Лаврентий, теряешь хватку, — холодно произнес он.

— Я выполняю Вашу задачу, Иосиф Виссарионович! Я кину на это все силы НКВД! Я... — принялся заверять он.

— Не суетись, Лаврентий. Сам знаешь, она нужна при ловле блох. На Рузвельта необходимо найти выход по нетрадиционному каналу, через людей которым он абсолютно доверяет, «ушей» НКВД там близко не должно быть.

— Найдем, товарищ Сталин! Найдем, и к весне задачу выполним.

— Поздно. Гитлеру, как воздух, нужна крупная победа, чтобы поднять дух армии и союзников. Поэтому надо торопиться, особенно тебе, Лаврентий. Чекист не может плохо работать, у него есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму.

Берия переменялся в лице. Это не укрылось от внимания Сталина, и он с сарказмом произнес:

— Говорят, у тебя с местами стало плоховато, но одно-то найдется?

— Товарищ Сталин, для чекиста не существует невыполнимых задач. Если потребуется, я готов отдать за Вас жизнь! — поклялся Берия.

— Вы что, сговорились? Вчера то же самое говорил Устинов. А кто работать будет? — с иронией произнес Сталин.

— Иосиф Виссарионович, я готов сражаться, где Вы прикажите.

— Оставь это, Лаврентий. Лучше думай, как выполнить задачу. Мне кажется, надо использовать старые коминтернов-

ские связи. Среди них полно евреев, хватает их и в окружении Рузвельта.

— Проработаем, товарищ Сталин! — заверил Берия и, помявшись, спросил:

— Решение Политбюро по данному вопросу будет?

— Зачем? Партия тебе и так доверяет. Желаю успеха, — закончил беседу Сталин.

Берия суетливо сложил документы в папку и направился к выходу. Вслед, как плеткой, хлестануло:

— Партия доверяет, Лаврентий, но и строго спросит!

Он, как ошпаренный, выскочил в приемную, столкнулся с перепачканным кирпичной пылью Власиком — одна из бомб угодила в здание арсенала, молча сунул руку ему и поспешил к машине. Саркисов, адъютант, предупредительно распахнул дверцу, Берия плюхнулся на заднее сиденье и сквозь зубы процедил:

— К себе!

По дороге в наркомат из головы не выходили последние фразы Сталина: «Партия тебе доверяет! Какая, к е... матери, партия! — задохнулся Берия от возмущения. — Сказка для дураков! За ее доверие Ягода и Ежов поплатились своими шкурами! Теперь меня решил на крючок взять? Дьявол Сухорукий опять всех перехитрил!».

У Берии не возникало и тени сомнений в том, что в случае провала операции он окажется на месте своих предшественников. Они, сыграв отведенные им роли в грандиозном спектакле Сталина под названием «враги партии и социализма», вскоре отправились вслед за своими жертвами Зиновьевым, Бухариным, Рыковым...

«И упаси бог попасть в лапы Абакумова! — поежился Берия при одной мысли о нем. — Вспомнишь даже то, чего не было! И тогда эта трусливая свора прихлебателей из Политбюро зальется в восторженном лае. Сволочи! У самих руки по локоть в крови. Под расстрельными списками стоит не только

моя подпись, но и ваши! Холуи сраные! Слава богу, на дворе не 37-й, а 41-й. Гитлер в двух шагах от Москвы, а на востоке самурай вот-вот на спину прыгнет. И кто тогда прикроет жопу Хозяина? Мерецков с Рокоссовским? Молокососы! Жуков, план которого вы похерили в мае, а к октябрю просрали пол-России? Нет, только я и НКВД сможем защитить Хозяина, если Гитлер займет Кремль!»

Это успокоило разгулявшиеся нервы, и Берия сосредоточился над поручением Сталина. Из того, что приходило на ум, наиболее приемлемым казался вариант «свой — чужой». Эта схема не раз обкатывалась им еще во времена работы в Закавказской ЧК и отменно себя зарекомендовала.

«Да, надо идти по ней, — укреплялся он в своей мысли. — В случае успеха лавры достанутся мне, а если провал, то его можно свалить на «стрелочника». В итоге все закончится очередным разоблачением крупного японского агента, пробравшегося в органы. Вопрос заключается в том, на кого сделать ставку? Рядовому оперу и среднему начальнику такое дело не поручишь, не тот уровень. Кобулов? А может, Гоглидзе? Он возглавляет целое управление и под боком у японцев. Оба преданы, как псы. Нет, не годятся. Слишком много знают.

А если Фитин? — всплыла другая фамилия. — Почему бы и нет! Молод, в интригах не искушен и всего полгода руководит управлением. С высшим образованием, не то что костоломы Кольки Ежова с пятью классами и коридором — годятся только на то, чтобы хребты ломать и пятки дубьем чесать. А этот головастый и язык за зубами держать умеет, за все время ни разу не попал под прослушку. Пожалуй, слишком умен и может раньше времени догадаться. Ну, тогда сам себе подпишет приговор», — остановил Берия свой выбор.

К себе он возвратился в твердой уверенности поручить это архитонкое и архиважное дело именно Фитину. Несмотря на поздний час, работа в наркомате не останавливалась. Войдя в приемную, Берия распорядился:

— Дело Фитина — на стол, а самого — на связь! — на ходу бросил Саркисову: — Ужин — в комнату отдыха!

Швырнув китель на стул, он долго плескался в душе, смывая вместе с потом остатки страха. В кабинете зазвонил телефон, и в дверях появилась плотоядно-пресыщенная физиономия Саркисова.

— Ужин готов, Лаврентий Павлович! Звонит Фитин, — доложил он.

Нарком бросил полотенце на спинку стула, подошел к телефону и дружески поздоровался:

— Здравствуй, Павел Михайлович!

Из трубки доносилось учащенное дыхание. Молодой начальник управления смутился — подобное обращение наркома было непривычно — и строго по уставу ответил:

— Здравия желаю, товарищ народный комиссар внутренних дел!

— Павел Михайлович, подготовь доклад по нашим перспективным оперативным возможностям в США, имеющим выход на самый верх. Я имею в виду ближайшее окружение президента Рузвельта.

— В письменной или устной форме? — уточнил Фитин.

— В устной. Часа тебе, надеюсь, хватит?

— М-да!

— Договорились. Заходи без звонка, — закончил разговор Берия, положил трубку и развернулся к столу.

На накрахмаленных салфетках в хрустальной вазе высилась горка из винограда и гранатов. В пузатом графине искрилось красное вино. На фарфоровом блюде лоснились жирные, аппетитно подрумяненные куски мяса. Сочная зелень из кинзы и петрушки напоминала о лете и теплом море. Саркисов угадал желание наркома и до краев наполнил бокал. Берия, смакуя каждый глоток, выпил до дна — нервные спазмы ослабли, в горле прошла сухость, и глаза от истомы закрылись сами. Осторожно опустив бутылку на стол, Саркисов скользнул в приемную и плотно прикрыл дверь.

Какое-то время в кабинете царила благодатная тишина, обрюзгшее тело расплылось по спинке кресла, и блаженная улыбка загуляла по лицу Берии. В животе громко заурчало, он встрепенулся, открыл глаза и, пробежавшись по блюдам, нацелился на мясо. Крепкие, острые зубы впивались в сочную мякоть, жир потек по губам и подбородку, пучки зелени приятно щекотали губы. И когда этот пир желудка закончился, короткий, заплывший жирком палец наркома надавил на кнопку звонка. Не успела стихнуть его трель, как в дверях возник дежурный и принялся за уборку стола.

Берия поднялся с кресла и, разминая затекшие члены, прошелся по кабинету, готовясь к предстоящему разговору с Фитиным. Его непривычно тонкое личное дело лежало на столе.

«Быстро же ты вырос», — подумал нарком и, возвратившись к столу, принялся листать страницы.

С первой фотографии смотрело открытое, слегка скуластое лицо. Нос картошкой, русые волосы.

«Типичный русак. Всего тридцать четыре. Совсем зеленый. Оно и к лучшему! Значит, не искушен в интригах», — заключил Берия.

Послужной список руководителя советской разведки занимал всего несколько строчек. В августе 1938-го он окончил Центральную школу НКВД. Три месяца поработал сотрудником Главного управления Государственной безопасности и уже в ноябре был назначен заместителем начальника 5-го отдела, а спустя шесть месяцев стал начальником. Перед самой войной возглавил одно из основных управлений наркомата — Первое.

«По стажу тянешь максимум на старшего опера. За два года взлетел до начальника управления! А все Ежов, сволочь, наплодил в наркомате врагов и дуболомов, еле к войне успели разгрести эту кучу говна! Да, Павел, опыта у тебя маловато, зато голова светлая. С твоим приходом управление заработало результативно. Характера и гибкости тоже не занимать», — подвел итог размышлениям Берия.

В это время из приемной раздался звонок.

— Товарищ нарком, по вашему распоряжению товарищ Фитин, — доложил дежурный.

— Пусть заходит! — разрешил он.

В тамбуре хлопнула дверь, и на пороге возник Фитин. При ночном освещении он выглядел гораздо моложе своих лет. Задорный светлый хохол и ранние складки у губ говорили о задиристом и твердом характере. Не новая, но тщательно отутюженная форма ладно сидела на спортивной фигуре.

«Служака и педант», — отметил про себя Берия и пригласил к столу.

Фитин подождал, когда нарком займет кресло, и присел на крайний стул.

— Павел, перебирайся ближе и давай по существу дела, — поторопил Берия

Фитин пересел, раскрыл папку и, не заглядывая в документы, приступил к докладу:

— Первая категория — лица, которые входят в ближайшее окружение президента США Рузвельта. Исходя из анализа имеющейся в управлении информации, можно сделать предварительный вывод о том, что они не только пользуются доверием, но и в определенной степени влияют на принятие им решений.

«Даже так? Молодец, не ограничился узкой проработкой вопроса! Ты пошел дальше, ухватил проблему в целом и мыслишь на перспективу», — похвалил про себя Берия и, благосклонно кивая в такт четким и лаконичным фразам Фитина, продолжил слушать.

Тот приободрился, и его голос зазвучал более уверенно:

— Основного внимания заслуживает Гарри Гопкинс. Близок к президенту и пользуется его доверием. В июле этого года возглавлял делегацию США в качестве специального представителя на переговорах с товарищем Сталиным. По данным наших источников и материалам технического контроля, они произвели на него сильное впечатление. С симпатией относится

к нашей стране. В агентурном аппарате не состоит, но находится в дружеских отношениях с резидентом Ицхаком Ахмеровым. Тот втемную добывает через него важную информацию и...

— Я знаю, — остановил доклад Берия и поинтересовался: — Что известно о его связях с американскими коммунистами и функционерами Коминтерна?

Фитин сверился со справкой.

— Данных о прямых контактах не имеется. Интересы к коммунистическим идеям не проявляет. Вместе с тем в круг его знакомых входит наш агент Ховард. До конца двадцатых годов он являлся функционером компартии США, затем работал в Коминтерне, в тот период был нами завербован. Прошел специальную подготовку на курсах в Москве. В соответствии с заданием отошел от компартии, занимает пост начальника отдела в Министерстве экономики. Кроме него, Гопкинс с 1938 года поддерживает дружеские отношения с другим нашим агентом — Гордоном.

«Тут цепочка просматривается», — отметил про себя Берия и прервал доклад:

— Достаточно. Кто следующий?

— Лочлин Карри — помощник президента по административным вопросам. Активно нами используется для получения материалов по общеполитическим проблемам.

— Кто еще?

— Перспективен адвокат фирмы «Уильям Д. Донаван» — Дункан Ли. По достоверной информации, в ближайшее время он займет важный правительственный пост. С учетом этого...

Берия потерял интерес к докладу. Фитин называл новые фамилии, затем перешел ко второму списку, а в голове Берии уже зрели контуры будущей операции.

«В центре ее должен стоять именно он — Гопкинс. Нет сомнений, что его кандидатуру поддержит и Хозяин, — все более укреплялся в своем выборе нарком. — Благодаря ему Рузвельт пошел на сближение с нами. Подбор остальных ис-

полнителей — вопрос чисто технический. Остается добыть убойную информацию, на которую должен клюнуть Рузвельт. В этом деле можно рассчитывать на Гоглидзе. Сергей вывернет наизнанку весь Дальний Восток вместе с Японией, но добудет то, что надо. Хотя нет, его одного маловато, придется подключать харбинскую и шанхайскую резидентуры».

Схема будущей операции приобрела четкие контуры, и Берия остановил Фитина:

— Достаточно, Павел Михайлович, подготовь подробнейшую справку на Гопкинса, вплоть до того, как в сортир ходит. Самое серьезное внимание удели его связям с Гордоном, Ховардом и бывшими функционерами Коминтерна, которые отошли от дел. Обязательно учти еврейский фактор, через них можно добраться даже до Бога. Надеюсь, три дня тебе хватит?

— Вполне, — подтвердил Фитин.

— Вопросы есть?

— Нет.

— Тогда за работу.

После ухода Фитина в кабинет наркома зашел дежурный и доложил сводку о положении на фронтах. Фашисты были остановлены на подступах к Истре — но какой ценой! Дивизии Панфилова и Полосухина сократились до численности полков и потеряли 80 % командиров, другие части тоже находились на пределе. Защищать столицу было нечем. И тогда Сталин принял решение: на защиту столицы в глубочайшей тайне перебросить войска с Дальнего Востока и Сибири.

А в это самое время, когда армия остро нуждалась в опытных командирах, по прямому указанию Берии 28 октября их ставили к стенке в поселке Барбыш, в спецучастке УНКВД по Куйбышевской области. Его особо доверенный палач майор госбезопасности Родос вместе со старшим майором госбезопасности Баштаковым и старшим лейтенантом госбезопасности Семенихиным без решения суда и приговора уничтожили, согласно списку № 1, утвержденному наркомом внутренних

дел СССР, «изменников» — героев Гражданской войны, участников боев в Испании и на Халхин-Голе, виднейших военачальников: помощника начальника Генерального штаба дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Якова Смушкевича, начальника Управления ПВО Героя Советского Союза генерал-полковника Григория Штерна, заместителя наркома обороны Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Павла Рычагова, заместителя наркома обороны — командующего войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковника Александра Лактионова и еще семнадцать видных командиров.

Трое погибли с женами. Одна из них — известная военная летчица майор Мария Нестеренко, вся «вина» которой состояла в том, что она, «будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности своего мужа...».

И все погибли от своих... От своих?

Глава 4

Начальник управления НКВД СССР по Хабаровскому краю комиссар госбезопасности 2-го ранга Сергей Арсеньевич Гоглидзе только что закончил оперативное совещание и, оставшись один, занялся просмотром сводок и донесений, поступивших из периферийных подразделений.

Факты говорили о том, что, несмотря на снижение числа диверсионных и террористических актов, положение на границе и в прилегающих к ней районах оставалось тревожным. Разведывательная активность японцев и белогвардейцев сохранялась на прежнем уровне. Мелкие группы из амурских казаков и китайцев, руководимые офицерами-японцами, проникали в районы расположения воинских частей и занимались сбором секретной информации.

Местная тюрьма, временный изолятор управления были забиты шпионами. Их допросы шли днем и ночью, а судебные «тройки» с «двойками» «клепали» приговоры по десятку в день. Несмотря на потери, разведка японской пограничной охраны и 2-го отдела штаба Квантунской армии, стремясь любой ценой добыть материалы о боеспособности Красной армии, продолжали засылать агентов.

Недавнее задержание резидента лейтенанта Мацумото было тому подтверждением. Следствие только началось, и первые же материалы показали, что ему и его подручному Цюю под видом бригады искателей женьшеня удалось создать разветвленную разведывательную сеть. Ее агенты сумели проникнуть в штаб мотострелкового полка и военную комендатуру на железнодорожной станции Бикин.

«С такими материалами не стыдно выйти наверх, — листая протоколы допросов, отметил про себя Гоглидзе. — Это тебе не доморошенная группа террористов и вредителей из числа деревенских артельщиков, доведенных до отчаяния нищетой и самоуправством местных начальников. В последнее время Центр от них просто отмахивался».

В деле Мацумото просматривалась классическая разведывательная сеть. В нее входили восемь агентов, но особый «вес» материалам придавали арестованные предатели — капитан из штаба полка и старлей-железнодорожник.

«Старлей? Капитан? Нет, мелкогато, чтобы материалы «заиграли» в Москве, не хватает парочки-другой полковников, — посетовал в душе Гоглидзе и пометил в блокноте: — Проработать шпионские связи капитана и старлея в штабе фронта!»

Зуммер телефона нарушил ход его мыслей. Заработала ВЧ-связь. Он снял трубку.

— Здравствуй, Сергей!

Несмотря на легкое искажение, голос Берии трудно было не узнать. Гоглидзе подобрался и бодро ответил:

— Здравия желаю, товарищ народный комиссар!

— Сергей, ты в своей тайге совсем одичал? Еще каблуками щелкни, — с иронией произнес Берия и упрекнул: — Разве так со старыми друзьями разговаривают?

— Лаврентий Павлович, да я... — смешался Гоглидзе, лихорадочно соображая, чем вызван внезапный звонок и такой дальний заход.

— Ладно, не мечи икру. Как дела?

— Обстановку держим под контролем и предпри...

— Если бы не держал, то на кой черт ты мне там сдался! — перебил Берия, и нотки раздражения прорвались в голосе: — Мы, что, с тобой первый день работаем? Говори прямо!

— Есть! — ответил Гоглидзе, пододвинул к себе справку по делу на Мацумото, с нее и начал доклад: — Вскрыли и ведем разработку японской шпионской сети. Арестовано...

— Сколько узкоглазых взяли?

— Пока одного. Офицера!

— Неплохо. Очень даже неплохо, — похвалил Берия и поинтересовался: — Показания дает?

— Упирается, но расколем. Фактуры и свидетелей хватает.

— Смотри, чтобы он раньше времени себе брюхо не вспорол.

— Мы с него глаз не спускаем! — заверил Гоглидзе и, не удержавшись, прихвостнул: — Нащупали его связи, они ведут в штаб армии. В ближайшие дни раскрутим и их.

— С ними все понятно, разрабатывай дальше и потом — докладную на мое имя, — потребовал Берия.

Следующий вопрос дался ему не просто:

— Сергей, как думаешь, в ближайшее время японцы начнут войну?

Гоглидзе хорошо знал цену ответа, от него зависела не только карьера, а и жизнь, и начал издаലെка:

— По показаниям разоблаченных шпионов и закордонных источников, отмечаются перемещения японских войск у наших границ. На ряде участков наблюдается скопление...

— Сергей, кончай мямлить! Ты русским языком скажи: ударят японцы или нет? — потерял терпение Берия.

— В ближайшее время... — у Гоглидзе перехватило дыхание. Набравшись духа, он ответил: — Нет.

— Уверен?

— Товарищ нарком! Лаврентий Павлович, я понимаю цену и...

— Спасибо, Сергей, что не вилял и ответил честно, — голос Берии потеплел, и после короткой паузы он продолжил: — Теперь внимательно, очень внимательно слушай! К середине декабря, нет, к концу ноября необходимо добыть подробные данные о численности и боевых возможностях Квантунской армии. Особый интерес будет представлять информация по авиации и военно-морскому флоту...

Гоглидзе ловил каждое слово, и оно болезненной гримасой отражалось на лице. То, что требовал нарком, было на грани фантастики. Он хорошо знал возможности своих подчиненных и их агентуры. С тем что имелось, выше головы было не прыгнуть. Поэтому следующий вопрос Берии остался без ответа.

— Сергей, ты что, язык проглотил? — повисил он голос.

— Товарищ нарком, какой тут язык, с таким заданием лучше сразу в петлю! — вырвалось у Гоглидзе.

— Не спеши, ее и без тебя найдется, кому надеть, — ледяным тоном отрезал Берия.

— Извините, Лаврентий Павлович, ерунду сморозил. Я готов выполнить любое ваше задание, но с той агентурой, что есть в управлении, это невозможно.

— Да, с твоей много не на воюешь. А если подключим ближайшие управления?

— Спасибо за доверие, но у них возможности не лучше моих. Нужна закордонная штабная агентура, а ее нет ни у меня, ни у них!

— Правильно мыслишь. Я уже подписал распоряжение о передаче тебе на временную связь харбинской резидентуры. У нее есть оперативные позиции в японских штабах. Руководит ею Дервиш. Ты его должен помнить по работе в Турции и Иране. Так что, думаю, найдете общий язык и с задачей справиться.

— Постараюсь! — приободрился Гоглидзе.

— Жду доклада 30 ноября. Людей и средств не жалей! Не то сейчас время — война, после победы сочтемся.

— Понимаю, Лаврентий Павлович. Сделаем все, что в наших силах.

— Этого мало. Вопрос на контроле у Хозяина.

Гоглидзе и без напоминания догадался, от кого исходила задача. Тщеславная мысль, что именно ему поручили такое важное задание, щекотала самолюбие, но следующий вопрос снова заставил напрячься.

— Как продвигается работа по Люшкову? Я что-то давно не слышал доклада, — сменил тему Берия.

Генерал-перебежчик сидел у управления, как кость в горле. Гоглидзе ничего другого не оставалось, как отделаться общими фразами:

— Ведем активный поиск, Лаврентий Павлович. Нашу-пываем подходы...

— Баб надо щупать! А мне Люшков живой или мертвый нужен! — оборвал Берия и, наливаясь гневом, сорвался на крик: — Я тебя зачем туда послал? Чтоб ты два года одно и тоже талдычил? Когда гадину придавишь? Это тебе не опер, а целый начальник управления к японцам сбежал! А ты — нашупываем! Позор, до сих пор отмыться не можем.

— Так то было при Ежове, — оправдывался Гоглидзе.

— Какой на хрен Ежов! Нашел, кого вспомнить — сволочь конченную! — продолжал бушевать Берия. — Этот идиот, когда ставили к стенке, запел Интернационал, думал, что Хозяин услышит и помилует. А ты мне — Ежов! Работать надо!

— Стараюсь! Вы же знаете, Лаврентий Павлович, год пришлось выкорчевывать предателей в управлении. Неделю назад последних расстреляли, — мямлил Гоглидзе.

— Ты не ровняй своих шестерок с той сукой! Хозяин меня мордой в это говно каждый раз тычет. Люшков, мерзавец! — голос Берии зазвенел от негодования. — Поливает нас как хочет. Мразь! На Хозяина руку поднял, а ты — щупаем!

— Лаврентий Павлович! Лаврентий Павлович!..

— Что — Лаврентий Павлович?

— Только случай спас сволочь, чуть-чуть не хватило.

— С твоим «чуть-чуть» мерзавец успел два раза к Хозяину подобраться. Ждешь третьего?

— Третьего не будет! Я его из-под земли достану! — поклялся Гоглидзе.

— Короче, Сергей, делай что хочешь, но чтобы этой фамилии я больше не слышал, — сбавил тон Берия и вернулся к

началу разговора: — Работай плотно с Дервишем, у вас общие задачи. И торопись, мое терпение не безгранично!

— Я... я... — пытался что-то сказать Гоглидзе.

Из трубки доносилось лишь монотонное журчание. Он без сил откинулся на спинку кресла. Голова пошла кругом, а грудь сжало, будто стальным обручем. Жадно хватая распахнутым ртом воздух, Гоглидзе прошел к окну, сдвинул щеколду и широко распахнул створки.

Осеннее солнце слабыми бликами поигрывало на волнах Амура. Его воды величаво катили мимо пологих берегов, обгаренных разноцветьем увядающей листвы. Створки окна подрагивали под порывами ветра, и солнечные лучи, отражаясь от стекол, шаловливыми зайчиками скакали по унылым стенам кабинета и угрюмому лицу его хозяина.

Бодрящая свежесть и монотонный шум города успокоили Гоглидзе. Но требовательный телефонный звонок снова заставил напрячься. Он поднял трубку. Дежурный по управлению доложил о новом происшествии. Шпионская группа японцев пыталась прорваться через границу. Все это после разговора с наркомом для Гоглидзе не представляло интереса. Он, как заведенный, кружил по кабинету и размышлял, как выполнить задание Берии.

«Москва — она и есть Москва! С нее какой спрос? Зато с меня шкуру спустят. Рассчитывать на другие управления можно — куда денутся, если Лаврентий надавит, но напрягаться не станут, у них своих забот по горло. Остается полагаться на тех, кто под рукой. И что я здесь имею?» — задался вопросом Гоглидзе.

Для того чтобы ответить на него, ему не требовалось заглядывать в сейф и рыться в старых материалах. Дела по японской линии были свежи в памяти. Их анализ приводил его к неутешительным выводам. Управление, по большому счету, не располагало оперативными возможностями и не имело агентов, способных решать задачи подобного уровня.

«Есть еще пограничники, — перебирал Гоглидзе в уме тех, кто мог бы подключиться к операции. — Но они работают на тактическую глубину и до армейских штабов не дотягиваются.

Военная разведка? Это при условии, если Лаврентий договорится с Голиковым, без него они и пальцем не пошевелят. Элита! Чистоплюи сраные! Вам бы только по фуршетам и приемам шляться! — с неприязнью подумал о военных разведчиках Гоглидзе и пришел к окончательному выводу: — Как ни крути, а ставку надо делать на харбинскую резидентуру».

Его палец лег на кнопку вызова дежурного — тот немедленно ответил — и распорядился:

— Пашкова и Гордеева ко мне!

— Есть! — прозвучало в ответ.

«Гордеев? А может, Сизов? — окончательно не определился Гоглидзе в своем выборе. — Нет, этот чересчур осторожен, будет лишний раз перестраховываться и пока до цели доберется, время уйдет.

А если Павлов? Ничего не скажешь, хорош. Хватка бульдожья, но слишком нахрапист и интеллигентности не хватает.

Значит, Гордеев! Мать — артистка, научила всяким дворянским штучкам, на французском болтает свободно. Агентурист от Бога, если потребуется, то завербует самого черта. Имеет опыт нелегальной работы в Маньчжурии. Результативный, а главное — удачливый, а она, удача, ох как мне нужна».

Стук в дверь прервал размышления Гоглидзе. В кабинет вошли начальник разведотдела Пашков и старший оперуполномоченный первого отделения капитан Дмитрий Гордеев. Его худощавую, стройную фигуру облегал элегантный костюм. Над высоким лбом кудрявились небрежно причесанные темно-каштановые волосы. Живые карие глаза пытливо смотрели из-под длинных ресниц. Крупный прямой нос не портил общего впечатления. Все в нем выдавало барскую породу.

«Этот точно будет своим среди чужих», — отметил про себя Гоглидзе и предложил сесть.

Пашков с Гордеевым заняли места за приставным столиком и вопросительно посмотрели на него. Он без раскачки перешел к делу.

— Леонид Федорович, как идет работа с харбинской резидентурой?

— В обычном режиме. Обеспечиваем «окна» на границе и проводку по маршруту до Фуцзиня, — коротко доложил Пашков.

— Понятно. С резидентом знаком?

— Нет.

— А ты, Дмитрий?

— На прямой контакт выходить не приходилось. Один раз задействовал их связника, когда поступила срочная информация на Люшкова.

— Было такое, — вспомнил Гоглидзе и, испытываяще посмотрев на него, спросил: — Не побоишься отправиться к японцам в гости?

— А почему бы и нет, но гостеприимством они не отличаются, — оживился Гордеев.

— Ишь, чего захотел, чтобы после твоих фейерверков на армейских складах встречали хлебом и солью, — с иронией произнес Пашков.

— Не откажусь! А если еще с маслом и икрой, то...

— Тебе дай волю, — остановил его Гоглидзе и, согнав с лица улыбку, сухо сказал: — Шутки в сторону. Задача предстоит сверхсложная. Надо любой ценой добыть информацию о планах командования Квантунской армии.

— Планах?.. К какому сроку? — переспросил Пашков, и его брови поползли вверх.

— Уже завтра. Крайний срок — конец ноября.

— Сорок первого? — в один голос воскликнули он и Гордеев.

— Да, да, сорок первого! — подтвердил Гоглидзе и сурово заметил: — Это еще не все. А также данные по флоту и авиации.

Пашков оторопело уставился на него.

— Не смотри на меня так, Леонид Федорович, я в своем уме.

— Всего за месяц? Но это же...

— Месяц и ни дня больше! Приказ Лаврентия Павловича, — отрезал Гоглидзе и нетерпящим возражений тоном потребовал: — Операция требует строжайшей секретности, и потому никаких записей! В управлении о ней знают три человека: я, а теперь и вы. В Харбине — резидент и то вряд ли в полном объеме. Так что, Дима, день на подготовку и — в Харбин. Детали согласуешь на месте с Дервишем. Вопросы?

— Как с резидентурой взаимодействовать? Она же нам не подчиняется, — спросил Гордеев.

— В ближайшие часы вопрос будет решен. Будет шифровка из Москвы, а пока не теряй время и займись «окном» на границе.

Пашков замаялся и мрачно обронил:

— Сергей Арсеньевич, но после захвата группы Мацумото — Цоя оно засвечено.

— Черт! Как не вовремя! — в сердцах воскликнул Гоглидзе.

Гордеев бросил взгляд на Пашкова, тот пожал плечами и предложил:

— Товарищ комиссар, а если проводку провести на другом участке?

— Да! Леонид Федорович, срочно свяжись с нашими во Владивостоке, пусть готовят канал для Дмитрия. От них до Харбина рукой подать, — принял решение Гоглидзе и, заканчивая совещание, напомнил: — Дмитрий, у тебя всего день на подготовку!

— Уложусь, Сергей Арсеньевич, — заверил он.

В четверг, ранним утром, на борту военного самолета Гордеев вылетел к границе и через два часа приземлился на полевом аэродроме близ Уссурийска. Там его встречали начальник разведотдела погранокруга и заместитель начальника районного отделения НКВД из поселка Пограничный. Наскоро перекусив в летной столовой, они выехали к границе с Маньчжурией.

Осенняя распутица расквасила дорогу, а армейские грузовики превратили ее в густо сбитую сметану, в которой райотделовский «козлик» то и дело садился на брюхо. Промокнув до нитки и по уши в грязи, они лишь к сумеркам добрались до заставы. После короткого отдыха, с наступлением ночи, Гордеев в сопровождении начальника заставы и начальника разведотдела отправился к «окну» на границе. За спиной Дмитрия, в рюкзаке, лежали добротное кожаное пальто, шевиотовый костюм и модные ботинки — будущий гардероб представителя фармацевтической фирмы «Сун Тайхан» в Северо-Восточной Маньчжурии.

Погода для перехода выдалась подходящая — на небе не было ни просвета, а усилившийся ветер скрадывал шаги. Дмитрий старался не отстать от капитана-пограничника. Тот, как кошка, неслышно ступал по земле и уверенно находил тропу в зарослях кустарника. На переходе, у ручья, перед ними возникли двое — один присоединился к ним.

— Проводник, — коротко представил его капитан-пограничник; и больше — ни слова.

Через сотню метров они наткнулись на колючее ограждение и залегли. Потянулись минуты томительного ожидания. Дмитрий до рези в глазах всматривался в кромешную тьму, пытаясь заметить условный сигнал. Первым его увидел проводник и спросил:

— Товарищ капитан, видели?

— Видел, — подтвердил тот.

— Пора, Дима. Желаю удачи! — поторопил полковник-разведчик и порывисто пожал руку.

Гордеев вслед за проводником проскользнул под колючее ограждение, и дальше короткими перебежками они стали пробираться к месту встречи с китайскими подпольщиками. Заросли кустарника остались позади, под ногами зашуршала галька — то был ручей, где-то тут их должны были ждать. Проводник перевел дыхание и, приложив ладони ко рту, трижды

ухнул филином. В ответ, слева, ответил посвист рябчика, потом треснула ветка, и перед ними, словно из воздуха, появились двое — обменялись паролями. Дальнейший путь к железнодорожной станции Дмитрий продолжил с новым проводником.

Шли они всю оставшуюся ночь, стороной обходили редкие стоянки заготовителей и останавливались на короткое время, чтобы перевести дыхание. Перед рассветом выбрались к окраине поселка. Здесь Дмитрий расстался с проводником. Спустя несколько минут на улицу уверенной походкой вышел сын белогвардейского офицера, представитель компании «Сун Тайхан» Дмитрий Извольский.

К утру северный ветер сменился на южный и зарядил морозящий дождь. Дмитрий с сожалением вспомнил о брезентовом плаще и добротных яловых сапогах, оставшихся в болоте. Кожаное пальто не спасало от непогоды, костюм напитался влагой, а ботинки быстро отсырели. Спасаясь от ветра и дождя, он, добравшись до вокзала, нашел свободное место в зале ожидания и, прислонившись к стене, в изнеможении закрыл глаза. Озноб вскоре прошел, вместе с ним спало напряжение, которое не оставляло его с той самой минуты, когда за спиной осталась граница. Отогревшись, Дмитрий с любопытством осмотрелся по сторонам.

С тех пор, когда он последний раз был в Маньчжурии, в ней многое изменилось. Реже стала звучать русская речь, в глаза бросалось обилие армейских мундиров. Русские работники КВЖД, купцы и промышленники потянулись в Харбин, подальше от границы, где с каждым днем все больше свирепствовала японская жандармерия и бесчинствовали банды атамана Семенова. И на этой богом забытой станции их почти не осталось. В зале находились в основном корейцы и китайцы. Их тонкие голоса напоминали Дмитрию птичий базар, в какой-то момент в этом гаме слышались тревожные нотки.

В двери возник патруль: японец и двое русских. Они прошли в центр зала ожидания и рыскающими взглядами зашарили

по пассажирам. Дмитрий ощутил холодок между лопаток, рука скользнула в карман пальто и нащупала пистолет. Тут с улицы донесся сильный свисток паровоза, толпа загомонила и, подхватив его, вынесла на перрон.

Из густого тумана, подсвечивая подслеповатым прожектором, появился старенький, еще времен Русско-японской войны, локомотив. Выпустив облако пара, он на удивление резво протащил десяток ветхих вагонов и остановился перед перроном. А дальше началось невообразимое — станция взорвалась: из всех щелей — зала ожидания, вокзальной конторы и товарного двора — повалил люд. У последних вагонов началась дикая давка — китайцы и корейцы штурмом брали себе места. Дмитрий протиснулся к голове поезда, здесь посадка проходила более чинно. Проводник-китаец суетливо протер поручни и согнулся в поклоне перед японским офицером-пограничником. Тот смерил его презрительным взглядом и, не заметив поданной руки, поднялся по ступенькам в тамбур, вслед за ним проплыл огромный чемодан, а затем дружной гурьбой повалили солдаты, потом настал черед чиновников и коммерсантов.

Дмитрий оказался в одном купе с двумя военными японцами и каким-то русским. Японцы по-хозяйски заняли нижние полки, а ему и старожилу КВЖД Алексею Ивановичу Никитину пришлось довольствоваться верхними. Сожалеть о таком соседстве он не стал; не успела улечься суета в вагоне, как в коридоре появился патруль, и началась проверка документов. В их купе полицейские не решились сунуть нос, суровый вид японцев отбил всякую охоту задавать лишние вопросы.

Проверка заняла около двадцати минут. Патрульные возвратились в здание вокзала, дежурный по станции поднял флажок, и паровоз, натужившись, дернул вагоны. Серо-черная гусеница, дробно постукивая колесами, поползла на запад, к Харбину. За окном по-прежнему продолжал моросить дождь, а тянувшийся по сторонам дороги унылый пейзаж навевал на пассажиров еще большую тоску. Дмитрий, чтобы лишний раз

не мозолить глаза японцам, отвернулся к стенке и под мерное покачивание вагона уснул.

Разбудили его громкие голоса — в купе ввалились трое солдат-японцев. Он переглянулся с Никитиным, тот не спал; и, не сговариваясь, они отправились в ресторан. Там было немногочисленно. Четверка китайских чиновников чахла над бутылкой сакэ, а официант с поваром убивали время за игрой в нарды.

Дмитрий прошелся по меню — явно не «мандаринском»: каша из чумизы, тощая, плохо прожаренная утка с блинчиками, рыба, чай с пампушками. Он остановил выбор на рисовой водке, салате и вареной рыбе. Скучающий официант тут же выставил на столик графинчик с маотая — 53-градусной водкой и салат. По-русскому обычаю Дмитрий и Никитин выпили за знакомство. После четвертой рюмки старик захмелел, и его потянуло на воспоминания. Дмитрий в пол-уха слушал, а мыслями находился в Харбине с резидентом Дервишем.

История инженера-путейца Никитина, во многом походившая на судьбы большинства первопроходцев КВЖД, вскоре заинтересовала его. Это был тот счастливый случай для разведчика, когда чужая жизнь могла сделать более правдоподобными пусть даже самые продуманные, но все-таки кабинетные, схему и легенду прикрытия. Память Дмитрия цепко фиксировала детали и события из жизни строителя КВЖД Никитина, которые могли оживить сухой образ представителя компании «Сун Тайхан» в Харбине Извольского.

Лицо старика, согретое теплом прошлых воспоминаний, просветлело. Он снова возвратился к памяtnому для него 1898 году, когда солнечным майским днем первый отряд русских инженеров-путейцев и строителей на пароходе «Благовещенск» причалил к деревянной пристани маньчжурского селения Харбин. В тот день на опийном поле был забит первый колышек и заложен барак, в котором начала работу контора Русско-китайского банка. На глазах она обрастала складскими ангарами и рабочими бараками. Не прошло и четырех месяцев,

как тысячи русских обосновались в «медвежьем углу», и началась грандиозная стройка.

День и ночь у причалов шла разгрузка барж. Прямо с колес материалы поступали на стройучастки, и город рос, как на дрожжах. Через два года на возвышенной части засверкал златоглавыми куполами Свято-Николаевский собор. От него веером разошлись новые улицы и главная из них — прямая, как стрела, — Китайская с величественными зданиями Правления дороги и Железнодорожного собрания.

За четыре с небольшим года русские рабочие с помощью кирки и лопаты соединили Читу с Владивостоком железной дорогой.

Слезы умиления выступали на глазах Никитина, когда он вспоминал шумные балы, которые давало Правление дороги в Железнодорожном собрании, рождественские и крещенские праздники, ломившиеся от изобилия товаров полки в главном торговом доме «И. Чурин и К^о», заваленные пушниной магазины «П. Кузнецов и К^о», веселую суету у ресторанов «Новый свет» и «Тройка».

В Старом и Новом городе, в пригороде Харбина Мадягоу повсюду уверенно звучала русская речь, и по мере того, как дорога продвигалась на юго-восток к твердыне российского флота — крепости Порт-Артур, все прочнее становились власть и влияние России в Северном Китае.

Эту ее величественную поступь приостановила в 1912 году синьхайская революция и окончательно подорвала русская Февральская революция семнадцатого года. Они бесповоротно разрушили особый мир дороги. Здесь лицо Никитина помрачнело, и в его голосе зазвучали печальные нотки.

С началом Гражданской войны в России жизнь в Маньчжурии перевернулась вверх дном. Красные, белые, зеленые, монархисты и социалисты сошлись в безжалостной схватке за власть. Сын Никитина — Александр вступил в отряд атамана Семенова. После очередного набега на станцию Борзя За-

байкальской железной дороги, получив тяжелое ранение, он чудом вырвался из окружения и потом долгие месяцы провел на больничной койке. Встав на ноги, в 32-м уехал на заработки в Шанхай, там его следы затерялись. В 34-м дочь Елена вместе с мужем, инженером КВЖД, выехала в СССР. Ее редкие письма служили слабым утешением для старика, доживавшего свой век в одиночестве.

Рассказ Никитина подошел к концу. В ресторане, кроме них, остались двое самых стойких китайцев. Они вели извечный спор между собой и бутылкой. Дмитрий, расплатившись, подхватил под руки обессиленного от выпитого и воспоминаний старика и повел его в купе. Там для них не нашлось места; десяток пьяных в стельку японцев валялись на полках. Забрав вещи, они провели остаток ночи в купе проводников.

Харбин возник неожиданно. Сквозь сиреневую дымку проступили глинобитные окраины города. Прошло десять минут, и справа промелькнул семафор, возникло монументальное здание вокзала. Поезд плавно замедлил ход и остановился у первой платформы. Пассажиры дружно повалили к выходу. Дмитрий помог Никитину донести чемодан до привокзальной площади и, тепло простившись, поспешил затеряться в толпе. Стараясь не попасться на глаза полицейским, он, не торгуясь, нанял извозчика и коротко бросил:

— На Мостовую!

Старенькая пролетка, прогромыхав по брусчатке площади, скатилась на просторную Китайскую, и лошадь резвой рысью поскакала вперед. В Харбине Дмитрий был впервые и потому с живым интересом присматривался к городу.

День только начался, но на улицах уже появились торговцы, ожили рынки и распахнулись двери мастерских. Над крышами домов курились дымы, и город утонул в сизо-голубой дымке. Благодаря рассказам Никитина Харбин не казался Дмитрию чужим и враждебным. На перекрестке с Мостовой он велел остановиться и, расплатившись с извозчиком, пошел пешком к

месту явки. Его взгляд выискивал среди каменных и бронзовых статуэток Асклепия — покровителя врачей-врачевателей.

Зеркальные витрины магазинов «И. Чурин и К°», «Прохоров» говорили о том, что он близок к цели. Его сердце учащенно забилося, когда слева, над крыльцом дома, возник бронзовый Асклепий. Дмитрий взглядом скользнул по окнам. Во втором от входа на подоконнике стоял горшок с гортензией — условный знак, что явочная квартира не провалена. Он решительно направился к двери аптеки. Массивная ручка легко поддалась нажиму, но щекотка не открылась и отозвалась мелодичным звоном колокольчика. В глубине комнат что-то громыхнуло, потом в прихожей прозвучали легкие шаги, и когда дверь открылась, то на Дмитрия смотрели большие, упрямые в густом лесе ресниц, зеленые глаза. Волосы цвета вороньего крыла, забранные в тугий узел, подчеркивали нежный овал лица девушки. Кокетливая родинка над верхней губой придавала ему лукавое выражение. Не по годам внимательным взглядом она окинула раннего посетителя и мелодичным голосом предупредила:

— Извините, мы еще не начали работу.

Дмитрий замялся, но быстро нашелся и ответил:

— Простите за беспокойство, я к Глебу Артемовичу по неотложному делу.

— Да? Тогда проходите, — пригласила она и скрылась в глубине комнат.

Гордеев прошел в гостиную, там его встретил настоящий богатырь. Косая сажень в плечах, пышная борода, высокий лоб и крупный нос довершали сходство содержателя конспиративной квартиры советской разведки Глеба Свицерского со Львом Толстым.

— Слушаю вас, молодой человек, — густым басом обратился он к гостю.

— Я из компании «Сун Тайхан», — не спешил с паролем Дмитрий и присматривался к содержателю явочной квартиры.

В глазах Свицерского промелькнула тень, и он спросил:

— Так какое у вас неотложное дело?

— Компанию беспокоил ваш отказ от партии судзухинского корня, — с акцентом на последних словах ответил Дмитрий.

Свицерский подобрался, снял очки, протер платком и назвал вторую часть пароля:

— Она оказалась не только пересушена, но и имела много дефектов.

Оба с облегчением вздохнули, порывисто пожали руки и представились. И когда волнение улеглось, Свицерский поинтересовался:

— Вы давно оттуда?

— Вторые сутки.

— Как добрались?

— Без приключений.

— Завтракали?

Дмитрий замялся.

— Все ясно, батенька, не стесняйтесь, мы — тоже, — благодушно заметил Свицерский и распорядился: — Аннушка, у нас гость! — а затем проводил Гордеева в кабинет.

В нем чувствовалась твердая рука хозяина. У окна стоял массивный дубовый стол, уставленный аптекарскими приборами и препаратами. Большой кожаный диван занимал место между дверью и двухстворчатым стеклянным шкафом. Стены украшали картины, среди них выделялись два парадных портрета: мужчина в походной казачьей форме и женщина в свадебном платье с тонкими, тронутыми печалью чертами лица.

— Располагайтесь, как у себя дома, — пригласил Свицерский.

— Спасибо, Глеб Артемович, я очень ограничен временем. Нужны срочная встреча с Дервишем и надежная квартира, — перешел к делу Дмитрий.

— С последним проблем нет, первое время поживете у нас, а что касается встречи, то в ближайшее время она вряд ли возможна. Ваш приезд для нас полная неожиданность.

— Поймите меня правильно — он мне нужен сегодня! — стоял на своем Дмитрий.

— Сложно, но я постараюсь, — заверил Свидерский.

Стук в дверь прервал разговор, в кабинет вошла Анна. Луч света, пробившийся между штор, упал на девушку. Дмитрий невольно задержал на ней взгляд. Точная фигура Анны напоминала статую древнегреческой богини, а грациозные движения не оставили его равнодушным. Смутьившись, она торопливо произнесла:

— Папа, я накрыла на стол.

— Спасибо, Аннушка, мы сейчас, — поблагодарил Свидерский и, подхватив Дмитрия под руку, провел на второй этаж в спальню.

— Располагайтесь, — предложил он и напомнил: — Мы вас ждем к столу.

Гордеев осмотрел комнату и остался доволен. Больше всего его устроило то, что под окном находилась крыша пристройки, по ней в случае опасности можно было покинуть дом. Приведя себя в порядок, он спустился в столовую. Завтрак прошел быстро, после него Свидерский отправился в город на поиски Дервиша, а Дмитрий поднялся к себе в комнату и принялся штудировать путеводитель по Харбину.

Возвращения доктора долго ждать не пришлось. По его довольному лицу можно было догадаться — поиски резидента завершились удачно. Встреча с Дервишем была назначена на вечер, в «Погребке Рагозинского» — уютном ресторане, расположенном в центральной части Китайской улицы. В нем собирались в основном русская эмиграция, старожилы КВЖД и местная богема. Место пользовалось хорошей репутацией, и потому полицейские особо не докучали посетителям своими проверками.

За час до явки Дмитрий вышел в город. Ресторан находился поблизости от фирменного магазина «Кунс и Альбертс», и он, ни разу не сбившись, быстро вышел на него. Осанистый

швейцар, напоминающий отставного генерала, церемонно раскланялся перед ним и распахнул дверь. Шустрый гардеробщик с манерами полкового жиголо ловко подхватил пальто и, заговорщицки подмигивая, попытался всучить что-то из «джентльменского набора» — сигареты «Каска», косячок с опиум. Дмитрий отмахнулся и прошел в зал, на входе задержался и пробежался взглядом по публике.

На слабо освещенной эстраде скучали гитарист и скрипач, зал заполняла разношерстная публика. Среди нее наметанный взгляд Гордеева быстро отыскал того, кто назначил встречу. Внешность корейца, зеленый платок, торчавший из верхнего кармана пиджака, совпали с описанием, которое дал Свидаерский. Резидент, увидев его, дал знак — поправил платок. Гордеев обогнул эстраду и подошел к столику.

— Молодой человек, вы заставляете ждать, я уже нагуляла волчий аппетит! — назвал первую часть пароля Дервиш.

— В таком случае будем угощать его вместе! — ответил от зывом Дмитрий и присел за столик.

Резидент внимательным взглядом пробежался по нему, остался доволен и перешел к делу.

— Как поживает Сергей Арсеньевич?

— Забот по горло! — Дмитрий не стал вдаваться в подробности своего разговора с Гоглидзе.

— Я так и понял. А с недавнего времени они у нас общие?

— Совершенно верно, он рассчитывает на вашу поддержку.

— Поможем, хотя времени в обрез. Надеюсь, справимся.

— Надо успеть до конца ноября, — напомнил Дмитрий.

— Об этом поговорим позже, а сейчас перейдем к более приятному, — и, улыбнувшись, Дервиш заметил: — В Харбине, к сожалению, не так много мест, где можно разгуляться русской душе и желудку. Только здесь вы услышите лучшие песни Александра Вертинского и Коли Негина. А какие растегаи — пальчики оближешь!

— Сдаюсь! — поднял руки Дмитрий.

Дервиш хлопнул в ладоши. Молодец в красной атласной рубаше с лихо, по-казацки, закрученным чубом подлетел к столу и развернул меню. Дервиш не стал мелочиться и остановил выбор на фирменных блюдах «Погребка». Ждать заказ не пришлось, на столе появились легкая закуска и традиционная бутылка «Смирновской», вслед за ними подали расстегаи.

— За знакомство и удачу! — предложил тост резидент.

Дмитрий охотно поддержал, а затем навалился на разносо-лы. В «Погребке» действительно готовили превосходно. Он с аппетитом уплетал за обе щеки и с живым интересом слушал рассказ Дервиша, тот оказался знатоком не только русской, но и китайской кухни.

К этому часу зал заполнился до отказа, и на эстраде про-изошло заметное оживление. Скрипач с гитаристом тронули струны, нежные звуки проплыли под низкими сводами, публика притихла и обратилась к ним. Мелодичный аккомпанемент ги-тары придавал звучанию скрипки особенную притягательность. В зале наступила полная тишина. И когда закончился проигрыш, взгляды публики сошлись на кулисе. Она дрогнула, и на эстра-ду вышел всеобщий любимец — Александр Вертинский. Его встретили дружными аплодисментами, он ответил элегантным поклоном, затем прошелся задумчивым взглядом по залу и запел.

Проникновенный голос певца с первых же секунд завладел Дмитрием и больше не отпускал. Он забыл про ужин и отдался во власть песни. Вместе с ней, казалось, печалилась и страдала сама русская душа. Меланхолические напевы «В бананово-ли-монном Сингапуре», «Не плачь, женулька-жена» тумани-ли взоры убеленных сединами офицеров и безусых юнцов, дряхлеющих князей «голубых кровей» и густо замешанных на барской порке и «царской водке» простолюдинов, прож-женных матрон и экзальтированных институток. На глазах многих наворачивались слезы.

Несколько суток назад Гордеев не мог даже представить, что будет вместе с «недобитыми буржуями» подпевать их песням.

В смятенной душе чекиста зарождалось что-то новое, чему пока не находилось объяснения, — его сердце принадлежало Вертинскому и песне. А когда зазвучала знаменитая «Молись, кунак», публика, как замороженная, смотрела на эстраду и, затаив дыхание, внимала каждому слову.

В эти минуты щемящая боль по прошлому сжимала истосковавшиеся по родному дому и земле сердца потомков столбовых дворян и крепостных крестьян. Песня пробуждала в них призрачную надежду на возвращение. За соседними столиками не выдержали и зарыдали. Боевые офицеры, не стесняясь своих слез, срывающимися голосами подпевали Вертинскому:

Молись, кунак, в стране чужой,
Молись, молись за край родной.
Молись за тех, кто сердцу мил,
Чтобы Господь их сохранил.

Пускай, теперь мы лишены
Родной семьи, родной страны,
Но верим мы — настанет час
И солнца луч блеснет для нас...

Это была уже не песня, а, скорее, молитва об утраченной родине и прошлом. Последний куплет зал пел стоя.

Дмитрий был потрясен. Здесь, в Харбине, он увидел совершенно другую Россию, и она не походила на ту, в которой прошли его детство и юность. Не имела она ничего общего и с теми озлобленными ненавистниками из банд Семенова и Анненкова, что жгли и вырезали приграничные села, а потом на допросах каялись и вымаливали себе прощение.

Перед Гордеевым открылась неизвестная Россия, за которую он готов был биться до последнего вместе с ними, кто в песне-молитве обращался к своей суровой родине. Разделенные границей и идеологией они по-прежнему продолжали оставаться

ся людьми одной крови и сыновьями одной многострадальной Русской земли!

Вертинский кончил петь, а публика все не отпускала его и гремела овациями. Прервало их внезапное появление полицейских.

— Оставаться на местах! Проверка документов! — раздалась грозная команда.

Дервиш и Дмитрий напряглись.

Глава 5

Полковник Дулепов метался по кабинету вне себя от ярости. Ротмистр Ясновский, нахохлившись, угрюмо наблюдал за шефом. И было от чего — японцы в очередной раз вытерли о них ноги, и полная риска работа отдела контрразведки по внедрению агентов в разведывательную сеть большевиков в Маньчжурии пошла коту под хвост. Бестолковая облава в «Погребке» свела на нет оперативную разработку советской резидентуры. После нее рассчитывать на перспективного агента Тихого уже не приходилось — облава бросала на него тень в глазах подпольщиков. Другой агент, Паша, которого с таким трудом удалось завербовать Дулепову, также оказался на грани провала. Его сообщение о важной встрече советских агентов в «Погребке» сработало вхолостую и могло обернуться бумерангом.

Дулепов клял себя, что поделился информацией с японской контрразведкой.

— Бараны узкоглазые! Им не шпионов ловить, а кобылам хвосты подкручивать. Живодеры недоделанные! Только и могут, что яйца щимить! — костерил он полковника Сасо и его подчиненных.

— Китайцев колоть — они мастера. С нашими такой номер не пройдет. Бандура с Козловым как молчали, так и молчат, — поддакивал Ясновский.

— И хрен что скажут.

— А с Федоровым? Так это вообще был цирк. Одного деда целой толпой не взяли. Подлюка, успел шифры уничтожить, двоих узкоглазых завалить и до середины речки доплыть.

— А с ним все концы в воду. Даю голову на отсечение, у него был выход на резидента.

— Рация и то, что осталось от шифровки, однозначно говорят за это, — согласился Ясновский.

— Теперь поди узнай, когда он рыб кормит. Суки! — выругался Дулепов и потянулся к телефону, но не стал звонить и бросил: — Обгадились, теперь сами приползут.

— Сидят по уши в дерьме, — злорадствовал ротмистр.

— Тоже мне жандармы. При государе императоре последний околоточный до такой дури не сподобился бы. Нахрапом хотели взять и получили дулю с маком.

Шум в приемной заставил Дулепова смолкнуть. Дверь распахнулась. Бесцеремонно оттеснив в сторону адъютанта, в кабинет вошли начальник отдела жандармского управления полковник Сасо и глава военной разведки штаба Квантунской армии полковник Такеока. Оба были мрачнее грозовой тучи.

— Легки на помине, — прошептал Ясновский и от греха подальше отодвинулся в угол.

Дулепов сделал вид, что не заметил протянутых рук Сасо и Такеоки. Они обожгли его злыми взглядами, ничего не сказали и заняли места на диване. Дулепов, тяжело пыхтя от душившего его гнева, возвратился к столу и плюхнулся в кресло. В кабинете воцарилось гнетущее молчание, его нарушал дробный стук печатной машинки, доносившейся из-за неплотно прикрытой двери.

Первыми заговорили японцы. Сасо избрал примирительный тон:

— Азолий Алексеевич, мы с вами много сделали, чтобы обезглавить коммунистическое подполье в Маньчжурии. Я и господин Такеока, а также командование Квантунской армии высоко ценим вас и заслуги ваших подчиненных. Но, к сожалению, советская резидентура продолжает действовать. В последнее время она значительно активизировалась, захват ее агентов в Хулиане — лишь надводная часть шпионского айсберга...

И здесь Дулепова прорвало. Он вскочил с кресла и дал себе волю:

— Это вы называете работой!.. Нас — по боку, а сами взяли какую-то шуштуру! Да если бы...

— Мы ловили большевистских агентов! — с раздражением перебил Сасо.

— Агентов? А в итоге — шиш в кармане!

— Господин Дулепов, не забывайтесь!

— Я забываюсь? Это вы забываетесь! Как только дело доходит до денег и серьезных операций, нас дальше лакейской не пускают.

— Лакейской? А это — что, на вас с неба свалилось? — взорвался Сасо и смахнул со стола все, что на нем лежало.

Ротмистр отшатнулся к стене и с испугом смотрел на Дулепова. Старик перегибал палку. Японцы были, конечно, изрядными сволочами, но, по правде говоря, платили прилично и сквозь пальцы смотрели на то, как деньги на агентуру терялись в бездонных карманах шефа. Дулепов тоже понял, что хватил через край, сбавил обороты, но не удержался от упрека и помянул старое:

— Мы вам дали лучших боевиков, чтобы уничтожить Сталина. И где они?.. А их, как слепых щенят, взяли на границе.

Такеока с Сасо поморщились; всякое упоминание о провале покушений на большевистского вождя вызывало у них болезненную реакцию. Расследование, проводившееся специальной комиссией, основательно потрепало им нервы и серьезно подмочило репутации. Они понимали, что еще одна неудача и на карьере можно ставить крест. Только разоблачение большевистской резидентуры и выявление ее агентов в штабе Квантунской армии могли их реабилитировать. Но без помощи Дулепова, как не крути, было не обойтись. В уме, хватке и знании психологии чертовых русских этому мерзавцу нельзя было отказать.

С трудом подавив искушение съездить по наглой роже старой жандармской ищейки, Сасо сделал еще один шаг к примирению и предложил:

— Азолий Алексеевич, забудем старые обиды и начнем с чистого листа. Мы ценим ваш опыт и мастерство, с их помощью надеемся покончить с резидентурой красных.

Дулепов, но уже без прежнего ожесточения, проворчал:

— Если искать, как в Хулиане, а вчера у «Рагозинского», то ничего путного не выйдет.

— Мы учтем допущенные промахи, — не стал заострять тему Сасо.

— Этого будет мало после таких провалов, только тонкая оперативная работа выведет на резидентуру, — заявил Дулепов, и он сел на своего любимого конька: — Без хорошего агента опять попадем пальцем в небо. И потом, хватит мелочиться, надо бросить все силы на поиски резидента! Выйдем на него, считайте, что вся шпионская сеть красных в наших руках. Контрразведка должна шевелить мозгами, а не заниматься полицейским шмоном!

Сасо поморщился, упоминание о кавалерийском наскоке в «Погребке» сидело в нем болезненной занозой. В душе он соглашался с доводами Дулепова и казнил себя за то, что поддался нажиму сверху и пошел на эту авантюрную акцию. Уж слишком общей была информация осведомителя о встрече харбинского резидента с курьером из России. Но в управлении жандармерии и контрразведке Квантунской армии не хотели слышать о какой-либо отсрочке. Резидентура русских сидела в печенках, и поэтому к его доводам не захотели прислушиваться, а потребовали немедленно притащить живого или мертвого советского резидента.

Налет на «Погребок» обернулся фарсом. Грандиозное побоище, устроенное русским офицерем, выплеснулось шумным скандалом на страницы всех харбинских газет. Полицейские откровенно злорадствовали; еще бы, их извечные соперники — жандармы прилюдно сели в лужу. Начальство делало удивленный вид и высказывало недвусмысленные намеки. Он снова оказался в круглых дураках. Перед лицом Дулепова Сасо

чувствовал себя, как провинившийся школяр, и, переборов гордыню, вынужден был согласиться:

— Кто с этим спорит, Азолий Алексеевич, без агентуры проблему не решить, но искать виноватого будет неправильно. Мы, как никогда раньше, должны работать в одной упряжке.

— По-другому нельзя! — присоединился к нему Такеока. — Война в России вступила в решающую фазу. И большевистская гадина норовит ужалить побольнее. Мы должны ее вовремя обезвредить.

— Господа, давайте без высоких слов. Хватит, наслушался их в семнадцатом, до сих пор звенит в ушах, — поморщился Дулепов и зашарил глазами по шкафам.

Пройдоха Ясновский быстро смекнул, в чем дело. Он шмыгнул за дверь и появился с бутылкой коньяка. Вслед за ним вошел адъютант, расставил на столе рюмки и легкую закуску. Сасо с Такеокой перебрались в кресла, поближе к столу. Ротмистр открыл бутылку и разлил коньяк по рюмкам. Выпили молча, без тоста. Дулепов смачно закусил и, не удержавшись, язвительно заметил:

— Настоящий коньяк разгоняет кровь и греет душу, чего, к сожалению, господа, не скажешь о наших отношениях.

Японцы промолчали. Сасо потянулся к бутылке, наполнил рюмки и с акцентом на первых фразах произнес тост:

— За доверие и успехи в нашей работе! Мы надеемся, господин Дулепов, на ваш богатый опыт и, как говорится у вас русских, кто старое э... вспомнит...

— Помянет, — поправил Ясновский

— Благодарю, ротмистр, ...тому глаз вон.

— А кто забудет — оба! — хохотнул тот.

— А вот вам, любезный, их лучше побережь, слепой никому не нужен, — желчно произнес Сасо.

Ротмистр смешался, а Дулепов грозно повел бровями. Такеока поспешил сгладить возникшую напряженность и предложил новый тост:

— Господа, выпьем за взаимопонимание!

В кабинете вновь прозвучал мелодичный звон хрусталя. Коньяк окончательно растопил лёд взаимной неприязни и подозрительности. После очередного тоста, когда Сасо упомянул о выдающемся вкладе Дулепова в борьбу с большевизмом, тот окончательно размяк и, загадочно поглядывая на собеседников, многозначительно сказал:

— Господа, через месяц, а может и раньше, все они — резиденты, агенты красных — вот где у меня будут сидеть! — его увесистый кулак взметнулся над головами.

Японцы озадаченно переглянулись и уставились на Дулепова. А он, загадочно подмигнув, поднялся из кресла, прошел к сейфу, достал из верхней ячейки папку и положил на стол. Ясновский видел ее впервые и, подавшись вперед, через спину Такеока следил за руками шефа. Дулепов, нарочито медленно расстегивая застёжки, вытащил из внутреннего отделения лист из плотной бумаги и развернул. Это оказалась схема, испещренная загадочными цветными кружками и стрелками.

Сасо с Такеокой склонились над ней. Среди множества фамилий и имен они обнаружили свои и оторопело уставились на Дулепова. Тот продолжал загадочно улыбаться и, насладившись произведенным эффектом, торжественно объявил:

— Здесь находится ключ к разгадке провала наших групп боевиков и утечки секретных сведений из штаба Квантунской армии и жандармерии!

— Вы, что же, подозреваете и нас? — не мог сдержать возмущения Сасо.

Ясновский болезненно поморщился. Шефа, похоже, занесло, в душе он принялся костерить его: «Старый идиот! Кусать руку, которая тебя кормит и поит!».

— А почему бы и нет, господин Сасо? — и, сохраняя невозмутимый вид, Дулепов продолжил: — В ней значится не только вы с господином Такеокой, но и я, — его длинный костистый палец ткнул в розовый кружок.

Японцы тупо пялились на схему, а он, загоревшись своим планом, развивал его дальше:

— Господа, отвлечемся от надуманных подозрений и ложных симпатий, а будем следовать логике. Вернемся к эпизоду с провалом покушения на Сталина и обопремся на факты. Что они нам говорят? А они говорят следующее: время, место прохода на границе и маршрут выдвижения в сталинскую лечебницу под Мацестой знали я, вы, ротмистр Ясновский и еще шесть человек, — палец Дулепова поочередно ткнул в десять ярко-красных кружков.

Такеока долго разглядывал схему, а затем с сомнением заметил:

— Разведку и контрразведку невозможно уложить в жесткие схемы. Это искусство, а в нем всегда присутствует что-то от самого Бога или Сатаны.

— Согласен, — не стал упорствовать Дулепов. — Давайте рассмотрим ситуацию в иной плоскости. Нет сомнений, что у красных есть агент, и не один — в штабе армии, в полиции и, возможно, в контрразведке.

Японцы дружно закивали, а Сасо с ожесточением произнес:

— Это наша головная боль!

— К сожалению, где они сидят и что сдают большевикам, мы пока не знаем, но кое-что все-таки известно. Не так ли, господин Такеока? — продолжал развивать свою мысль Дулепов.

— Да, — подтвердил тот. — Нашей разведке удалось добыть некоторую информацию, и она говорит: Разведуправление Красной армии имеет несколько крупных агентов в штабе Квантунской армии. Здесь, Азолий Алексеевич, вы правы, вероятно, и в контрразведке.

— Я так и знал! А теперь посмотрите сюда, — Дулепов достал из папки следующую схему и пояснил: — В нее внесены те, кто имеет отношение к информации, которая ушла к большевикам.

Лист пестрел еще большим числом фамилий и имен, чем предыдущий.

— Азолий Алексеевич, все это очень интересно, но вряд ли быстро приведет к цели, — скептически отозвался Сасо.

— Думаю, нет. У нас имеется хороший компас, — не теряя оптимизма Дулепов.

— Какой?

— Большевистский резидент.

— Вы что, его знаете? — изумился Сасо.

— Пока нет, но это вопрос времени.

— Когда оно наступит, или война закончиться, или нас погонят в шею, — с пессимизмом произнес Такеока.

«Чертов позер, корчит из себя полковника Зубатова. Это тебе не московская охранка, а варварский восток. Кому нужды твои дурацкие схемы, уж лучше сдать японцам парочку подпольщиков. Они вроде как при деле, а нам лишняя копейка», — терзался Ясновский, и в его душе поднималась волна неприязни к Дулепову.

А тот снова заглянул в сейф, и на стол легла новая схема. Она оказалась не столь громоздкой, как две предыдущие, в ней значилось не больше десяти фамилий. Многозначительно посмотрев на собеседников, Дулепов продолжил:

— Так вот, господа, после сопоставления фактов и событий я выделил тех лиц, кто имел отношение к подготовке покушений на Сталина и утечке секретов к большевикам. Как видите, круг подозреваемых оказался не таким уж большим, всего двенадцать человек.

Сасо склонился над схемой, внимательно изучил и быстро оценил ее:

— Вот это действительно перспективное направление!

В схеме его внимание привлекли два офицера из оперативного отдела штаба армии и один — из жандармского управления. Он вспомнил, что штабисты когда-то проходили по сводкам наружного наблюдения, но в связи с чем — забыл.

Собственно, это существенного значения не имело, в архиве материалы сохранились, главное заключалось в том, что схема Дулепова сработала.

— Но это еще не все. У четверых из моего списка среди связей проходит один и тот же русский! — заявил он.

— Большевистский резидент?! — вскрикнул Такеока.

— Да, или кто-то близкий к нему. В любом случае ниточка приведет к шпионскому клубку красных, — подвел итог Дулепов.

Японцы с ним согласились — схемы на поверку оказались не плодом воспаленного воображения — и в один голос принялись славословить его.

— Азолий Алексеевич, вы провели блестящий анализ. Впереди нас ждет... — Сасо осекся и вопросительно посмотрел на Такеоку.

Тот бросил косой взгляд на Ясновского. Ротмистр смешался, его глаза растерянно забегали. От благодушия Дулепова не осталось и следа, он насупился и глухо буркнул:

— Вадим Петрович, оставьте нас одних.

Ясновский, как ошпаренный, вылетел из кабинета. Дулепов с трудом дождался, когда за ним захлопнется дверь и, наливаясь гневом, процедил:

— Господин Сасо, вы хотите сказать, что мой заместитель не заслуживает доверия и работает на большевиков? Это абсурд! Он столько красной сволочи перевешал, что в Харбине фонарных столбов не хватит.

— Азолий Алексеевич, вы нас не так поняли, — поспешил погасить новый конфликт Сасо. — Ротмистру мы полностью доверяем, но, видите ли, речь идет о деле особой государственной важности.

Дулепов нахмурил брови и уставился на японцев. Они хранили молчание. Вопрос был настолько серьезен, что Такеока прошел к двери, плотно прикрыл ее, и только тогда Сасо продолжил разговор:

— Азолий Алексеевич, при всем уважении к вашим руководителям, господам Семенову и Каппелю, то, что я вам сейчас сообщу, — здесь он выдержал многозначительную паузу, — не только они, но и ни одна живая душа не должны знать, того...

— Я в контрразведке не первый день, и не надо мне разжевывать прописные истины, — перебил Дулепов.

— Хорошо-хорошо, — согласился Сасо и, понизив голос, сообщил: — На днях японская армия начнет боевые действия.

Дулепов замер, а через мгновение чужим, осипшим голосом воскликнул:

— Дожил! Дожил! Наконец свершилось! Свершилось!..

Его дрожащая рука потянулась к бутылке, и ее горлышко замолотило по краям рюмок. Коньяк лился по столу, бумагам, а он не замечал, крупные, как горошины, слезы катились по щекам. Выпив, Дулепов расчувствовался и повторял, как заклинание:

— За победу! За матушку Россию! За победу!

Японцы несколько смутились. Сасо, пряча глаза, сказал:

— Извините, Азолий Алексеевич, я раньше времени обнадежил вас: первый удар будет нанесен по Америке.

— К-а-а-к! А-а большевики? — только и нашелся, что сказать он.

— А потом — по ним, Азолий Алексеевич, — поспешил заверить Такеока.

Дулепов потерянно опустился в кресло. Сасо с тревогой посмотрел на Такеоку. Норовистый старик мог надолго захандрить и плюнуть на работу, а заменить его было некем — заместитель, Ясновский, явно не тянул. И это в то время, когда военная машина японской армии набрала полные обороты, а агенты красных в штабе продолжали безнаказанно действовать.

Сасо ломал голову, как вывести из ступора Дулепова. Его похвалы и щедрые посулы оставались без ответа. Он решил сыграть на болезненном тщеславии и лютой ненависти бывшего жандарма к НКВД и предложил:

— Азолий Алексеевич, а как вы посмотрите на то, если в игру с красными ввести Люшкова, но в качестве живца?

— А-а, что хотите, то и делайте, — отмахнулся Дулепов.

— И все-таки, как вы, знаток русской разведки и контрразведки, смотрите на такую комбинацию?

— А чего на него смотреть, он что — баба? У нас, в охранном, на такой крючок ловились и эсеры, и большевики.

— И каков был результат? — не давал Дулепову замкнуться Такеока.

— По-разному, только глядите, чтобы вашу подсадную утку раньше времени не шлепнули.

— Мы надеемся, что с вашей помощью, Азолий Алексеевич, такого не случится, — заявил Сасо и, чтобы разжечь его денежный аппетит, бросил наживку: — Уже принято решение выделить на ваши нужды дополнительно тридцать тысяч.

Она сработала. В глазах Дулепова вспыхнул и погас алчный огонек. Деньги на время заставили его забыть об обиде, но, не желая продешевить, он с сарказмом заметил:

— Однако недорого вы меня цените! Я не иуда, чтобы размениваться на тридцать сребреников.

— Хорошо, хорошо, сорок! — поспешил задобрить Сасо.

Это возымело действие. Дулепов налил себе рюмку коньяка, одним махом выпил и, переведя дыхание, ворчливо заметил:

— Просто так таскать Люшкова, как куклу, перед носом большевистских агентов глупо. Они за двадцать лет насобачились такие фокусы разгадывать, их на мякине не проведешь. Тут надо придумать что-то позаковыристей.

— Вот мы и рассчитываем на ваш опыт, — оживился Сасо и, чтобы заинтриговать Дулепова, сказал: — На одного Люшкова мы ставку не делаем, есть еще одно соображение.

— Какое? — встрепенулся Дулепов, в нем проснулось профессиональное любопытство.

— Запустить в штаб армии, где засели агенты красных, мощную дезу.

— Думаете, заглотят? Вряд ли. Это вам не окопные офицеры.

— А если через наши возможности в Токио отправить на начальника штаба армии важный документ — «Дополнение к плану «Кантокуэн», о нападении на Советы?»

— А что дальше?

— На совещании, где будут присутствовать люди из вашей схемы, генерал Есимото скажет то, что надо! А дальше проследим выход на резидента.

— Хорошая наживка. Я согласен, — Дулепов не стал больше кочевряжиться.

— Отлично! Детали операции согласуем в рабочем порядке! — быстро свернули трудный разговор японцы и, вежливо отказавшись от рюмки коньяка, покинули кабинет.

Еще не успели стихнуть их шаги, как в дверь просунулась пунцовая физиономия Ясновского. Оскорбленный до глубины души подозрением, он с трудом находил слова, чтобы выразить возмущение. Дулепов оборвал его на полуслове и, пренебрежительно махнув рукой, сказал:

— Не бери в голову, Вадим! Проходи и наливай, с этими желтомордыми обезьянами толком не выпьешь.

— Азолий Алексеевич, я, что им, подкидная шестерка? Сволочи! Опустили меня ниже плинтуса! — терзался ротмистр.

— Плюнь и разотри. Одно слово — азиаты, — презрительно бросил Дулепов и пододвинул к нему рюмку.

Ясновский одним махом выпил. Костеря на чем свет стоит японцев, они допили коньяк и съели закуску. Дулепову показалось мало, и он потянулся за новой бутылкой. Ясновский стал отнекиваться.

— Вадим, куда торопиться, когда начальник рядом? — проворчал Дулепов.

— Извините, Азолий Алексеевич, опаздываю на явку с Тихим, — пояснил Ясновский и поднялся с кресла.

— О-о, это святое, — сбавил тон Дулепов и уже в дверях остановил: — Погоди, у меня тут мысль мелькнула. Федорова кто брал?

— Жандармы.

— Полицейские участвовали?

— Только на подхвате.

— Где сидят Бандура и Козлов?

— В центральной, у Тихого.

— Очень даже неплохо, — потер руки Дулепов.

Ясновский терялся в догадках, пытаясь понять, куда клонит шеф. А тот не спешил делиться своими соображениями; попыхивая папироской, хитровато поглядывал сквозь клубы сизого дыма и продолжал говорить загадками:

— После Федорова что-то осталось?

— Почти ничего. Все, гад, уничтожил.

— Кто об этом знает?

— Сасо, Такеока, Ниумура с Дейсаном и мы.

— А, может, все-таки осталось? — глаза Дулепова слились в узкую щель.

— Вы полагаете, японцы нам что-то не договаривают? — предположил ротмистр.

— Не думаю, хотя, черт их знает. Если у них в штабе засел большевистский агент, то чего говорить про нас, каждый второй косит глаз за Амур.

Ясновский пошел пунцовыми пятнами. Обида, нанесенная японцами, снова заговорила в нем, и он с вызовом воскликнул:

— Господин полковник, если вы подозреваете меня, то...

— Уймись, Вадим. Я, что, про тебя сказал? — перебил Дулепов. — Слава богу, мы с тобой не один пуд соли съели. Я о другом. Если развернуть ситуацию с Федоровым и подпольщиками против резидента?

— Как? С покойника ничего не возьмешь, — недоумевал ротмистр.

— А твой Тихий зачем?

— Он-то тут с какого боку?

— Как раз с того самого. Через него запустить Смирнову информацию, что Федоров не успел уничтожить коды.

— Идея, конечно, хорошая, но Тихий не имеет отношения к делу и потом...

— Потом будет суп с котом. Без тебя знаю, что не имеет. Он где у тебя сидит?

— В полиции. И что?

— А то, он там не последняя сошка. При желании мог узнать, а чтобы Смирнов клюнул, пусть расскажет про парочку большевиков, которых мы пасем.

— А как на это посмотрят японцы?

— Не ссы, беру их на себя. Два-три большевика погоды нам не сделают, зато на Тихого сработают!

— Все понял, Азолий Алексеевич. Исключительно тонкий ход!

— Да ладно тебе! Вот что еще. Втолкуй Тихому, пусть язык не слишком распускает, любит, мерзавец, пыль в глаза пустить.

— Не волнуйтесь, подрежу, — заверил Ясновский.

— Действуй! — распорядился Дулепов

Ротмистр вернулся к себе в кабинет, переоделся и отправился в город. Явка с Тихим была назначена в фотостудии Замоёвского. В ней Ясновский и Дулепов принимали особо ценных осведомителей. Бойкое место и сам хозяин служили хорошим прикрытием для белогвардейской контрразведки.

Сам Марк Соломонович Замоёвский появился в Харбине в середине 20-х годов, после какой-то темной истории, произошедшей с ним в Гирине. Вытащил Замоёвского из полиции Дулепов, хорошо знавший его еще по Москве.

В далеком 1906 году молоденький, пронырливый фотограф Марек по глупости спутался с большевиками и попался на банальном хранении марксистской литературы. На допросе в отделении лил перед жандармами крокодильи слезы и клялся в верности престолу, а потом без зазрения совести сдал подель-

ников. Таких, как он, после поражения большевиков в первой революции были сотни. Начальник московского охранного отделения, гений политической провокации полковник Зубатов сумел разглядеть в Замойском будущую большую сволочь и взял на личный контроль работу с тайным осведомителем.

После трех месяцев отсидки «стойкий большевик» Замойский, по совместительству — осведомитель охраны Портретист, вышел на волю и стал работать на два фронта.

К концу 1907 года в Замоскворечье открылась фотостудия. Ее владельцем оказался не кто иной, как Марк Замойский. Божий дар, который у него нельзя было отнять, снимать так, что Квазимодо мог показаться писанным красавцем, и тайная помощь отделения жандармов помогли быстро встать на ноги.

Прошло два года. За это время Маркуша раздобыл и превратился в респектабельного Марка Соломоновича, а студия стала бойким местом. В его лице большевики получили «надежную» явочную квартиру и транзитный пункт для хранения нелегальной литературы. Не в накладе оказалась и охранка — Портретист исправно сообщал о появлении новых большевистских эмиссаров, которые затем попадали под колпак негласного наружного наблюдения. Топтунам не приходилось утруждать себя срисовыванием физиономии врагов царя и отечества. Ловкий агент ухищрялся снабжать их первоклассными фотографиями. Также исправно на стол полковника Зубатова ложилась большевистская газета «Искра», а, спустя время, ее курьеры гасились в полицейских засадах.

Так продолжалось до ноября семнадцатого, а потом все пошло прахом. Разъяренные толпы штурмовали жандармские участки и трясли картотеки осведомителей, как крыс ловили и топили в Москве-реке жандармов и околоточных. Замойский, бросив все, бежал в Сибирь под защиту Колчака. Но она оказалась недолговечной; после разгрома войск адмирала он скитался по Монголии и Китаю, пока судьба не свела его с Дулеповым. И все возвратилось на круги своя.

Ясновского он заметил, когда тот переходил улицу. Ротмистр действовал по всем правилам конспирации: перед заходом на явку проверился с хвостом и, надвинув пониже шляпу, нырнул в подъезд, поднялся на этаж и вошел в студию. В этот час в ней было немногочленно. Помощник Замойского зубоскалил с двумя молоденькими барышнями — китайянками, а пожилая супружеская пара русских листала фотоальбомы, не зная на чем остановить свой выбор.

Замойский встретил ротмистра дежурной улыбкой и предложил подождать в задней комнате. В ней для доверенных клиентов он держал особую коллекцию фотографий — порнографическую. Здесь любители «клубнички» предпочитали втайне наслаждаться этой стороной греховного таланта Марка. Идея такого кабинета принадлежала Дулепову, и он гордился ею. За все годы легенда прикрытия явочной квартиры ни разу не дала сбой; как красным, так и белым, как воинствующим безбожникам, так и смиренным святошам оказалось не чуждо ничто человеческое — они предпочитали хранить в тайне свою греховную страсть.

Ротмистр сбросил пальто на кресло и прошел в тамбур, чтобы открыть вторую дверь, выходившую во внутренний двор, — через нее на явочную квартиру заходили агенты. Возвратившись, он привычно полез в шкаф, достал бутылку водки с двумя рюмками — закуска, вяленая ветчина, тоже оказалась на месте — и, когда все было готово к приему Тихого, принялся настраиваться на явку.

Разговор предстоял нелегкий. В случае провала задания Тихий рисковал поплатиться головой — советская резидентура беспощадно расправлялась с предателями. За последнее время контрразведка потеряла двух опытных агентов, их тела выловили в Сунгаре. Ясновский подыскивал нужные слова, которые бы убедили агента взяться за выполнение опасного задания.

«Награда? — он сразу отмел это предложение. Тихий находится в том возрасте, когда подобные побрякушки уже мало прельщали.

Повышение по службе? Весомый довод, но не для тебя — на карьере ты давно наплевал...

Деньги? Они, конечно, никогда не помешают, но такому бабнику, как ты, их всегда будет мало...

Новый паспорт и билет в Америку, чтобы выбраться из этой китайской помойки?..

Что еще?»

Ясновский не мог сосредоточиться. На глаза лез чертов альбом. Прохиндей Замоийский знал, на чем зацепить мужика, — на седьмой странице находилось фото роскошной блондинки. В ожидании встреч с агентами ротмистр десятки раз перелистывал страницы и каждый раз западал на нее. Пышная грудь, крепкие округлые бедра и завлекательная родинка над пупком пробуждали в нем похотливые желания.

Руки потянулись к альбому, и тишину комнаты нарушил шорох листов. Пикантные позы и сладострастное женское тело разжигали воображение Ясновского. Снисходительная усмешка в глазах красавицы, небрежно наброшенный на бедра прозрачный шарфик еще больше распалили его. Шум во дворе и шаги на лестнице заставили ротмистра встрепенуться. Он поспешно захлопнул альбом.

Дверь скрипнула, серая тень упала на стену, и в комнату проскользнул Тихий. Бывший штабс-капитан, несмотря на годы, сохранил элегантный вид. Костюм от лучшего портного сидел на нем как влитой. Ухоженная борода а-ля Николай Второй, тонкая ниточка усов — все выдавало в нем аристократа. Поздоровавшись, он быстрым взглядом прошелся по Ясновскому, альбому, снисходительно улыбнулся и с деланной озабоченностью спросил:

— Может, я не вовремя, ротмистр?

Тот уловил скрытый намек и раздраженно буркнул:

— Все шутите, капитан?

— Ну, почему вы такой бука, Вадим?

— Служба такая.

— Плюньте на нее хоть раз и закатитесь к мадам Нарусовой. У нее такие сладкие девочки, после них на жену месяц смотреть не будешь.

— Кончайте ерничать, капитан, в вашем возрасте пора думать о высоком.

— О высоком? А где оно? — отмахнулся Тихий и грустно произнес: — Здесь, на китайской помойке, русская женщина — последнее, что осталось хорошего в нашей скотской жизни.

— Ну, зачем же так трагически? Жизнь продолжается! — бодренько произнес Ясновский.

Тихий промолчал и тяжело опустился в кресло. Ротмистр пододвинул к нему рюмку и разлил водку. Выпили молча. Капитан не стал закусывать, потянулся к папиросам и, закурив, продолжил этот, скорее с самим собой, разговор.

— Говорите, жизнь продолжается? Какая? Дворянская честь и офицерский долг на поверку оказались пустым звуком. Мы предали царя, затем — себя. Бог? Отечество? Государь, помазанник Божий? Чушь собачья! Мы, ротмистр, ничтожества! Сиволапый мужик вышвырнул нас из России, как мусор. Как дерьмо! Как... — голос у Тихого сорвался.

— Капитан, успокойтесь! К чему ворошить прошлое? Надо жить будущим, — пытался погасить его эмоциональную вспышку Ясновский.

— Каким, ротмистр? Мы с 17-го по уши в дерьме, и нам из него не выбраться!

— Вырвемся! И тогда... — злобная гримаса исказила лицо ротмистра, и голос сорвался на визг: — Мы загоним в стойло большевистское быдло! Я им все припомню! Краснопузые комиссары и их партийные шлюхи расплатятся своими водками. Я их на столбах вешать буду.

— Да полноте, ротмистр! — отмахнулся Тихий. — Оставьте этот бред для газетчиков из «Нашего пути», истеричных дам и квасных патриотов. Давайте смотреть правде в глаза. Сасо

и нашим желтомордым «друзьям» глубоко наплевать на вас, на меня и на Россию. Все до банальности просто: они платят деньги, а мы их отработываем.

Ясновский перевел дыхание и, покачав головой, сказал:

— Ну, вы и циник, капитан. У вас за душой хоть что-то осталось?

Тот криво усмехнулся и с вызовом ответил:

— Вы не лучше меня! Мы оба давно продались дьяволу. Покупаем души соотечественников и заставляем их доносить друг на друга, совращаем жену и вынуждаем следить за мужем. Презренное золото — вот наш единственный бог! Или вы хотите бросить это занятие и пойти грузчиком на пристань?

Ротмистр зло сверкнул глазами, но ничего не сказал и полез в карман пиджака. Туго перевязанная пачка денег шлепнулась на стол.

— А вот это другой разговор, — хмыкнул Тихий, сгреб ее и поторопил: — Рассказывайте, что вы там с Дулеповым еще задумали?

Ясновский, поиграв желваками, перешел к заданию. Тихий внимательно слушал и не перебивал. По его глазам и лицу трудно было что-либо понять и, не дождавшись вопросов, ротмистр не утерпел и спросил:

— Капитан, чего молчите?

— Хорошая мышеловка. Небось, Дулепов придумал? — буркнул он.

— Все понемногу, — не стал уточнять ротмистр.

— А салом предстоит быть мне?

— Зачем так грубо? Типичная оперативная комбинация.

— Если смотреть из кабинета, то — да. Но башку-то подставлять мне!

— Риск, конечно, есть, но вся наша жизнь — игра.

— Вопрос в том, у кого какая роль, — с усмешкой произнес Тихий и ушел в себя.

Ротмистр не торопил с ответом. В случае провала затея Дулепова могла обернуться кучей трупов с обеих сторон, и капитан являлся первым кандидатом в покойники.

— Смерти я не боюсь, давно у нее в долгу, — первые слова Тихого обнадежили Ясновского, но следующие заставили напрячься. — Только помереть не хочется, как собаке под забором, а здесь все идет к тому. Комбинация дутая, много ходов, на которых придется блефовать. Вашу липовую кашу Смирнов, может, и проглотит, а вот за его хозяина не ручаюсь. Два трупа осведомителей в Сунгари говорят не в нашу пользу.

— Капитан, вы рисуете слишком мрачную картину. Такого профессионала, как вы, не так-то просто раскрыть, тем более мы будем рядом. И, наконец, у вас на руках будет железный козырь, перед которым не устоят ни Смирнов, ни резидент, — пытался переубедить его Ясновский.

— Какой? — оживился Тихий.

— Ключ к шифрам Федорова. На это они клюнут.

— Может, и клюнут. Но я тут причем? Федоровым занимались японцы.

— Вы узнали от них?

— Допустим. А дальше?

— Неполная информация только подстегнет интерес к вам.

— Предположим. А что говорить?

— Специалисты активно работают над расшифровкой захваченных материалов. Не сегодня, так завтра ключ будет у нас, и тогда для резидентуры вы станете ценнейшим источником информации, — убеждал Ясновский.

— А если все-таки не поверят? Прошлый раз Смирнов вашу наживку не заглотил, более того, стал на меня коситься, — колебался Тихий.

— О чем вы, штабс-капитан? Это ваше воображение играет. У них против вас ничего нет! А чтобы рассеять подозрения Смирнова, сообщите ему имена двух подпольщиков из железнодорожных мастерских, на которых вышла наша контрразведка.

Помявшись, Тихий бросил на Ясновского испытующий взгляд и согласился:

— Хорошо, ротмистр, я берусь за задание, но при одном условии.

— Каком? — насторожился тот.

— Дулепов должен гарантировать мне американский паспорт и тихое местечко подальше от этих узкоглазых морд. За двадцать лет они мне так осточертели, что без стакана водки не могу смотреть.

— Считайте, что вопрос решен, как говорится, баш на баш. Вы нам — резидента, мы вам — документы.

— Плюс десять тысяч долларов.

— Решим и это, — заверил ротмистр.

— Тогда договорились, — закончил разговор Тихий и встал из-за стола.

Ясновский прошел к двери, выглянул во двор — там никого не было — и поторопил:

— Вперед! Все чисто.

Капитан шагнул к выходу, в дверях остановился и, хмыкнув, заметил:

— Ротмистр, а альбомчиком в вашем возрасте опасно пользоваться. Такую красоту, как у Марека, никакие нравственные устои не выдержат. Рано или поздно на натуру потянет.

— Ну, капитан... — Ясновский так и остался стоять с открытым ртом. Агент Тихий бесшумно растворился в лабиринте построек.

Глава 6

Облава жандармов в «Погребке Рагозинского» стала для публики полной неожиданностью. На эстраде печально всхлипнула и замолкла скрипка. Скрипач и гитарист съежились и попятились с эстрады. Вертинский скрылся за кулисой. В зале воцарилась звенящая тишина. Полицейские двинулись по рядам. Гордеев оглянулся — свободным оставался лишь выход на кухню — и вопросительно посмотрел на Дервиша. Тот покачал головой, на его лице не дрогнул ни один мускул, и только побелевшая на скулах кожа выдавала волнение.

«Случайность? Не похоже. Но откуда они узнали о встрече с Гордеевым? Откуда? Дима привел за собой хвост? А если предатель? Спокойно, не дергаться, авось пронесет. Документы в порядке. Это у тебя. А у Гордеева? Сыпанется на мелочи — и провал. Надо прорываться; если что, ребята прикроют», — вихрем пронеслось в голове Дервиша, и он шепнул:

— Дима, уходим через кухню! На двор не рвись, там засада, на чердак — и по крышам.

Гордеев кивнул головой. Дервиш дал знак двум крепким парням, занимавшим соседний столик.

Коренастый, с квадратными плечами здоровяк с трудом оторвался от стула и на нетвердых ногах двинулся к выходу, по пути сшиб стол и вместе с ним обрушил на пол дородную даму. Она погребла под собой кавалера и худосочную подругу. Обильно политые соусом, они отчаянно барахтались, пытаясь выбраться из-под живого пресса. Здоровяк поднялся и, растопырив руки, подался к полицейскому.

— Стоять, русская свинья! — заорал тот и потянулся к кобуре с револьвером.

На блаженной физиономии здоровяка появилась идиотская улыбка. Он тянулся облобызать полицейского, тот увернулся и ткнул ему в зубы крохотным кулачком. Из рассеченной губы потекла кровь, от благодушия парня не осталось и следа, его глаза выкатились из орбит и, прорычав: «Мне, русскому офицеру, в морду?», двинул полицейскому. Удар подбросил того в воздух.

Пролетев несколько метров, полицейский шмякнулся на чьи-то колени. А в следующее мгновение зал взорвался гневными выкриками. Боевые офицеры, изрядно подогретые водкой, вскочили с мест и схватились за спинки стульев. Дамы, старики и официанты бросились под защиту стен. Назревала грандиозная потасовка. Полицейские достали из кобур револьверы, но это не остановило расsvирепевших офицеров. Они, чтившие с кадетских лет святое правило «один за всех, и все за одного», с особым сладострастием вымещали на спинах и физиономиях полицейских накопившуюся за годы скитаний и унижений ненависть и злобу. Выстрелы в потолок не остановили побоища. В ход шло все: кулаки, головы, стулья.

Воспользовавшись суматохой, второй телохранитель — Владимир, Дервиш и Гордеев ринулись на кухню. Грузчик, тащивший на спине мешок с рисом, сбросил его на пол и шарахнулся от них в сторону. Дервиш успел ухватить перетрусившего беднягу за шиворот и рявкнул:

— Полиция! Где выход на чердак?

— Там, там, — испуганно тыкал грузчик на обитую железом дверь.

Под ударом ноги Владимира она отлетела в сторону. Из темного провала пахло затхлым воздухом. Дервиш первым бросился по лестнице на чердак, за ним — Гордеев. Владимир прикрывал их отход. Ступеньки предательски поскрипывали под ногами, и когда над головами мутным пятном забрезжил проем люка, Дервиш выбросил руку с пистолетом вверх и, выждав секунду-другую, пружинисто оттолкнулся от лестницы

и беззвучно приземлился на чердаке. Под крышей тревожно заворковали голуби, где-то пискнула мышь, и больше ничто не нарушило тишины. Не мешкая, они пробрались к чердачному окну. Дмитрий выглянул и осмотрелся.

У центрального подъезда «Погребка» полицейские, орудуя бамбуковыми палками и прикладами винтовок, распахивали арестованных по машинам. Во внутреннем дворе и в проулке, примыкавшем к ресторану, мелькали чьи-то тени.

— Заразы, все перекрыли! — выругался он.

— Саныч, может, на Китайской их меньше? — предположил Владимир.

— Давай туда, — согласился он.

Выбравшись на крышу и прячась за фронтоном, они проползли до края и прислушались. Под ними было тихо; похоже, жандармы не выставили здесь оцепления. И только глазастый Владимир заметил тлеющий светлячок сигареты на противоположной стороне улицы — в арке проходного двора. Топот ног на чердаке не оставлял им выбора. В лунном свете холодно блеснула сталь ножа. Владимир, зажав его зубами, соскользнул по водосточной трубе и, слившись со стеной, исчез в темноте. Вслед за ним последовали Дмитрий и Дервиш. Спустившись, они спрятались в нише и ждали возвращения Владимира. С той стороны, где он скрылся, послышался сдавленный вскрик, а потом раздался его тихий голос:

— Саныч, сюда!

Дервиш и Дмитрий присоединились к нему.

— Уходите проходными дворами на Купеческую. Я прикрою, — шепотом торопил их Владимир.

— Зря не рискуй, — предупредил его Дервиш и рывком пересек Китайскую. Дмитрий от него не отставал.

Не успели они скрыться под аркой проходного двора, как за спинами запоздало прозвучал один выстрел, следом — другой. Владимир открыл ответный огонь. Ему ответил залп, и перестрелка, то затихая, то возобновляясь, покатилась в сторону

Диагональной. Владимир уводил погоню в сторону. Вскоре ее шум стих.

Дервиш остановился и, переведя дыхание, сказал:

— Надо что-то делать, в таком гардеробчике далеко не уйти.

— Да, до первого полицейского, — согласился Дмитрий.

— Двигаем к «Новому свету», тут рядом, а там перехватим такси! — поторопил Дервиш и быстрым шагом направился к ресторану.

На пути к ресторану им попала пролетка. Они доехали до магазина «Каплан», а оставшиеся до дома Свицерских метры прошли пешком. Там все дышало миром и покоем. Но это кажущееся спокойствие в любую секунду могло взорваться трелью полицейских свистков и грохотом выстрелов. Дервиш предусмотрительно осмотрелся и решил зайти к дому со двора — среди хозяйских построек легче было затеряться. Дмитрий пошел за ним.

— Погоди, я тут каждый закоулок знаю, — придержал его Дервиш и, достав из кармана пистолет, короткими перебежками пробрался к черному входу.

Дмитрий страховал его и прислушивался к тому, что происходило у дома Свицерских. Его слух ничего подозрительного не уловил. Дервиш был уже у двери. В свете луны на стене появился и исчез его силуэт, потом раздался скрип дверных петель, и опять наступила тишина. Дмитрий не стал таиться и смело вошел в подъезд. В нем царил крошечная темнота. Сверху доносились неясные голоса. Он поднялся на площадку второго этажа. Там его встретил Свицерский.

— Заходи, Дима. Все нормально, — пробасил он.

Они прошли в кабинет. Там уже находился Дервиш; его сотрясал сильнейший озноб. Гордеев чувствовал себя ничуть не лучше. От холода зуб на зуб не попадал. Свицерский, озабоченно покачав головой, спустился в столовую и возвратился с бутылкой водки и ломтем копченого сала. Сноровисто орудуя скальпелем, он кромсал его на куски и приговаривал:

— Сейчас я вас подлечу. С таким компрессом все как рукой снимет.

Дервиш достал из шкафа три колбы, открыл бутылку и разлил водку. Свицерский пододринул к ним тарелку и, хитровато прищурившись, сказал:

— Думаю, коммунисты на меня не обидятся, но сегодня с вами был сам Господь Бог.

— Не знаю, как там с божьим промыслом, но то, что мы с Димой родились в рубашках, — факт! — согласился Дервиш и одним махом выпил.

Дмитрий присоединился к ним. За первой мензуркой последовали вторая, третья. И скоро градус расслабляющей волной ударил Дмитрию в голову. Кабинет поплыл перед глазами, приятная истома разлилась по телу, и то, что произошло с ними в «Погребке», уже казалось не более чем эпизодом из рискованной жизни разведчика. Вскоре веки отяжелели, и он уснул в кабинете.

Разбудил его требовательный стук. Рука скользнула к пистолету и легла на рукоять. Тревога оказалась ложной — красногрудый снегирь, усевшись на раму, нахально долбил по стеклу. День был в разгаре. Солнце поднялось над крышей соседнего дома и, отражаясь от стекол шкафа и зеркала, веселыми зайчиками скакало по стенам. Бодрящий воздух, в котором смешались душистый запах рисовых лепешек и медовый аромат печеной тыквы, потягивал из форточки и будил аппетит.

Причесав на ходу растрепавшиеся волосы, Дмитрий спустился вниз. Жизнь в доме Свицерских шла своим заведенным чередом.

Доктор принимал больного в процедурной, а из кухни доносился звон посуды — там хлопотала Анна. Смутившись, помятый вид не располагал к разговору, Дмитрий торопливо поздоровался и проскользнул в ванную, там долго простоял под душем. Упругие струи воды хлестали по мускулистому телу, и вместе с водой к нему возвращалась свежесть.

Бодрый, гладковыбритый он возвратился в гостиную. В ней, помимо хозяев, находились Дервиш и незнакомый ему молодой человек. Дмитрий бросил быстрый взгляд на резидента. На его усталом, но не подавленном лице, прочитал ответ — вчерашний день обошелся без потерь — и перевел взгляд на незнакомца. Несмотря на сильный загар, высокий рост и черты лица выдавали в нем русского. Мужественное лицо, прямой с небольшой горбинкой нос, темные, слегка вьющиеся волосы и выразительные глаза василькового цвета говорили о том, что в его жилах смешалась кровь горца Кавказа и жителя средней полосы России.

— Павел Ольшевский, — представил спутника Дервиш и с теплотой добавил: — Моя правая рука.

— Я вроде тоже правая, — добродушно пробасил Сви-дерский.

— Правая, правая... Когда надо что-нибудь отрезать.

— Так сколько же их у вас, милейший?

— По правде говоря, не считал, — и Дервиш рассмеялся.

— Александр Александрович, да ты у нас настоящий Шива! — воскликнул Сви-дерский.

— Шива, Шива. Ты кормить нас собираешься? Подавай свои разносолы, о них пол-Харбина слышано, — перешел в атаку Дервиш.

— Так уж и пол-Харбина?

— Не прибедняйся. Посмотри, каких я тебе орлов привел!

Дмитрий и Павел замялись под придиричивым взглядом хозяина.

— Ничего не скажешь — хороши. Как таким откажешь, — согласился Сви-дерский и широким жестом пригласил к столу.

Гости и хозяева, перебрасываясь шутками, заняли места. Дмитрий воспользовался моментом и спросил:

— Александр Александрович, как Володя?

— С ним все в порядке, — ответил он.

— А второй парень?

— Жив-здоров! Руки у них коротки взять Захара.

— Честно говоря, если бы не они...

— Они, Дима, профессионалы и люди долга. Ради товарища и дела, если надо, то и своих жизней не пожалеют.

— Степаныч так и поступил, — напомнил Ольшевский о трагедии радиста Федорова.

Дервиш помрачнел и глухо произнес:

— На войне, как на войне.

— На фронте, там все понятно, — кто твой друг, а кто твой враг, а здесь... — Гордеев развел руками.

— А здесь она везде. Такая наша служба, — печально произнес Дервиш и, что с ним случалось очень редко, высказал то, что было на душе: — У нас чужие имена и не только имена, мы взяли чужие жизни. Мы вступили в мир теней и призраков, где не прекращается извечная борьба добра со злом. Мы приводим в действие и останавливаем тайные пружины, которые движут судьбами сотен и тысяч. Так кто же мы? Злодеи, подобно доктору Фаусту, продавшие душу дьяволу, или праведники, ищущие путь к справедливости и добру?..

В комнате воцарилась тишина. То, что сейчас говорил Дервиш, жило в каждом из них. Свицерский прокашлялся и первым нарушил молчание:

— Для одних — мы герои и великомученики, а для других — заклятые враги. Хотелось бы верить, что нам выпадает удача остаться в тени и тихо исчезнуть в великом течении времени. Потом, спустя десятки лет, его волны вынесут на берега истории наши подлинные имена. В руках разведчика незримая власть...

— Власть, говоришь? — перебил его Дервиш. — Да, это, пожалуй, самое сильное искушение, но она иссушает душу и тело. Разве ради нее мы служим?

— Конечно, нет! — воскликнул Дмитрий. — Почему наши отцы подняли революцию? Ради чего они воевали в Гражданскую войну, а сейчас мы — с фашистами? Для того чтобы

езде победил коммунизм. Чтобы на земле не было нечисти. Справедливость, свобода и равенство — вот ради чего стоит жить и бороться.

— Коммунизм — это, конечно, здорово. Но он — это мечта, — возразил Павел. — А люди живут простыми земными заботами и радостями.

— Мелкобуржуазные заблуждения. Партия этих давно осудила, — категорично отрубил Дмитрий.

— А партия у вас что — Господь?

— Что?.. Что ты сказал? Да за такие слова...

— Какие? — вспыхнул Павел.

Спор грозил перерасти в ссору, но вмешался Свицерский и дипломатично заявил:

— Друзья, я думаю, для нас важнее всего товарищество. Сказано не мною, но точнее не выразишь: нет, ничего святее, чем узы товарищества. И нет высшей чести, чем отдать жизнь за друга своего.

— В самую точку попал, Глеб Артемович, — поддержал Дервиш и, пройдясь суровым взглядом по соратникам, продолжил: — Мы потеряли Федорова. Бандура и Козлов в руках жандармов. Не исключено, такое может случиться с каждым из нас. Дулепов и японцы идут по следу, вчерашняя облава у «Рагозинского» — лишнее тому подтверждение.

— Да, в случайность с трудом верится. Сначала провал Федорова, затем — Бандуры с Козловым, а теперь это, — поддержал Павел.

— Выходит, где-то сидит предатель, — заключил Дервиш.

Логика последних трагических событий подтверждала его вывод и свидетельствовала о том, что контрразведка сумела внедрить в резидентуру своего агента. Если предыдущие провалы еще как-то можно было связать с личной неосторожностью Федорова и Бандуры, то произошедшее в «Погребке» расставило все точки над «и». О предстоящей встрече с курьером НКВД Гордеевым знал ограниченный круг лиц. Вывод напрашивался

сам собою — кто-то из них являлся предателем. Разведчики оказались перед суровым выбором — продолжить работу, рискуя собой, или залечь на дно. Окончательное решение оставалось за резидентом. Тяжкая ноша ответственности за жизни других давила ему на плечи.

Дервиш поднял голову, и в его голосе зазвучал металл:

— Друзья, то, что мы делаем, — опасно и рискованно. Но сегодня, сейчас, под Москвой гибнут тысячи наших товарищей. Жестокий враг подобрался к самому сердцу родины, и наша информация нужна Центру как воздух. Ей придается исключительное значение. Поэтому надо продержаться хотя бы месяц, какую бы цену за это ни пришлось заплатить. Мы с вами солдаты, а значит, должны исполнить свой долг до конца.

— Авось пронесет, — сказал Свицерский и нервно затеребил бороду. В его глазах, обращенных к дочери, разлились боль и тоска. Дмитрий с Павлом сурово нахмурились. В руках Анны жалобно тренькнула посуда.

Дервиш, чтобы смягчить суровость произнесенных им слов, предложил:

— Аннушка, подавай на стол.

— С чего начнем? — оживился Свицерский.

— Конечно, со знаменитых расстегаев, а то после китайской утки я скоро начну крякать.

— Сейчас, — Анна подхватила из-за стола.

Павел с Дмитрием вызвались ей помогать.

После короткой, шумной суеты все снова заняли места за столом. Свицерский разлил по рюмкам водку. Дервиш поднял тост за хозяина дома, а потом все набросились на расстегаи. Они были отменно приготовлены, и молодая хозяйка, принимая комплименты, краснела от похвал.

Свицерский разомлел, благодушно поглядывал на Павла с Дмитрием и лукаво улыбался. Те с сосредоточенными лицами склонились над тарелками и избегали смотреть на Анну. После

завтрака Свицерские остались в столовой, а Дервиш с Гордеевым и Ольшевским, извинившись, уединились в кабинете.

Там они повели профессиональный разговор — как выполнить задачи Центра: добыть достоверную информацию о планах командования Квантунской армии и ликвидировать Люшкова. Эти и без того сверхзадачи осложняли наличие в резидентуре предателя и провал Федорова. Им не давала покоя поразительная осведомленность полицейских и жандармов о явке в «Погребке». Павел склонялся к тому, что Федоров не смог уничтожить все шифры и контрразведка нашла к ним ключ. Дервиш с ним не согласился. Его поддержал Дмитрий. И они были правы. В шифровке Центра сообщалось только о направлении курьера, но ничего не говорилось о месте и времени встречи с ним.

— В таком случае остаются две версии. Первая — предатель. А вторая, — Павел задержал взгляд на Гордееве и неохотно сказал: — или Дима засветился.

— Я?.. Но где? Слежки за мной не было.

— Но если и была, то зачем устраивать облаву в «Погребке»? Предположим, Дмитрия вели, тогда логичнее накрыть нас у Свицерского? Нет, на эту версию не стоит отвлекаться, надо искать предателя, — не поддержал версию Ольшевского резидент.

— Где? Ни одной зацепки, — посетовал Павел.

— Ну, почему — а время?

— Время?

— Да, время, — подтвердил Дервиш и прошел к столу.

Дмитрий и Павел с возрастающим интересом следили за тем, как карандаш в его руке прочертил на листе жирную линию. В ее начале появилась цифра одиннадцать, а в конце девятнадцать. После этого справа появились фамилии: Свицерский и Ольшевский, в левом столбце имена Володя, Захар и неизвестный — Х, а также время.

— Саныч, и что это нам дает? — задался вопросом Дмитрий.

Тот отложил карандаш и пояснил:

— В одиннадцать часов Свицерский узнал от меня о месте и времени нашей с тобой встречи. Где-то около тринадцати к операции подключился Павел.

— Да, — подтвердил он и дополнил: — Через часа два я нашел Володю с Захаром.

— Плюс два, и того получается пятнадцать.

— Володя?.. Он же при нас филера завалил! — не мог поверить Гордеев в то, что тот мог оказаться предателем.

— Я его ни в чем не подозреваю, а констатирую факты. Хотим мы того или нет, но предатель находится среди тех, кто знал о явке. Пока набралось пятеро, — заключил Дервиш и снова обратился к Павлу: — Я никого не упустил?

Тот нервно покусывал губы. Логика и трезвый расчет резидента безжалостно очертили круг подозреваемых, в него попали те, кому он безоговорочно верил: Захар и Володя. За их спинами была не одна рискованная операция. Вчера в «Погребке» они в очередной раз подтвердили свою надежность. Оставались еще Сергей с Андреем, но и по отношению к ним у него не возникало тени сомнения.

— Паша, кто, кроме Захара и Володи, знал о явке? — торопил с ответом Дервиш.

— Сергей и Андрей, — назвал Ольшевский.

— А они тут причем?

— Первыми оказались под рукой.

— И что?

— У Сергея на это время было назначено совещание в управлении полиции, а у Андрея — ночной рейс.

— Что ты им сказал?

— Практически ничего, только что в девятнадцать надо прикрыть явку.

— А про «Погребок» или курьера?

— Ничего. Клянись, Саныч! — вспыхнул Павел.

— Стоп, не кипятись! — остудил его он. — Я пока никого не подозреваю, но то, что японцы с Дулеповым не спят и свой хлеб даром не едят, так это факт. Откуда-то они узнали?

— Может, есть еще человечек, только он в схему не попал? — предположил Дмитрий.

— Я больше никому не говорил. Клянусь! — заверил Павел.

— Паша, речь не о тебе, а если кто-то из ребят лишнее сболтнул?

— Такое нельзя исключать, — Дервиш согласился с Гордеевым и распорядился: — Предателем займусь я, а тебе, Дима, надо срочно менять квартиру.

— Может, не стоит спешить? — замялся тот.

— Стоит. Береженого бог бережет. Павел тебя проводит до места.

— Хорошо, — подчинился Гордеев.

— Вот и договорились. Что касается тебя, Паша, контакты с четверкой временно прерви. Хотим мы того или нет, но угроза исходит от них.

— Согласен. Но как это сделать так, чтобы не насторожить ребят?

— Сошлись на облаву в «Погребке».

— А потом посмотри, кто из них станет искать контакт с тобой, и на том зацепим предателя, — предложил Гордеев.

— Правильно мыслишь, Дима, в этом направлении и будем работать, — одобрил Дервиш и поторопил: — На новую квартиру перебраться до вечера, это район депо. Народ там наш — надежный, пролетарский, жандармы и полицейские лишний раз не сунутся. Связь со мной будешь поддерживать через Павла. Резервный канал — через Свидаерского. Вопросы?

— Нет, — в один голос ответили Ольшевский с Гордеевым.

— Тогда удачи, ребята, — пожелал резидент и отправился в город.

Павел спустился вниз, чтобы подождать, когда соберется Дмитрий. Тот прошел к себе в комнату и принялся паковать

чемодан. Под руку попался фотоальбом, от неловкого движения он свалился с полки этажерки, и фотографии рассыпались по полу: пожелтевшие от времени, со старомодной «ять», и новые, сверкающие свежим гляncем, — в них была запечатлена вся жизнь семьи Свидерских.

На первых еще молодой и без бороды доктор улыбался открытой, жизнерадостной улыбкой. Его крепкая рука бережно поддерживала прелестную, всю в завитушках и бантах девчущку. На другой он, уже изрядно поседевший, вместе с девушкой, в которой без труда угадывалась Анна, печально склонился над могилой жены. Как в калейдоскопе перед Дмитрием промелькнула запечатленная в мгновениях жизнь семьи Свидерских. Жизнь, которая могла в одночасье рухнуть, разбиться на мелкие осколки и рассыпаться, как эти фотографии.

Извечное проклятие профессии разведчика, причинять боль и страдание самым близким и дорогим людям, болезненной grimасой отразилось на лице Гордеева. Он собрал фотографии, положил альбом на место, с ожесточением подтянул ремни на чемодане и спустился вниз.

Свидерские собрались в гостиной. Они все понимали и не стали задавать лишних вопросов. Неловко пожав руку доктора, грустно улыбнувшись Анне, Дмитрий вслед за Павлом вышел во внутренний двор через черный вход. Пешком они добрались до Диагональной, там взяли извозчика и проехали в район железнодорожного депо.

В нем мало что изменилось со времен строительства КВЖД. Двух- и трехэтажные кирпичные и деревянные коробки домов смотрели на окружающий мир безликими, облезлыми фасадами. У одного из них Павел остановился, предложил Дмитрию подождать, а сам скрылся в доме напротив. Прошло несколько минут, он появился в подъезде и энергично махнул рукой. Гордеев быстрым шагом пересек двор, вместе они поднялись на лестничную площадку второго этажа. На нее выходило три двери, а над головой темным провалом зиял выход на чердак.

— Запасной путь отхода, — пояснил Павел и открыл дверь явочной квартиры.

— Тьфу-тьфу, надеюсь, обойтись без него, — скороговоркой проговорил Дмитрий и шагнул в прихожую.

В ней его встретила старушка лет шестидесяти.

Он поздоровался и представился.

— Проходи, сынок, располагайся, — засуетилась хозяйка, просеменила к дальней комнате и, приоткрыв дверь, пригласила: — Проходите, Дмитрий, как вас по бабушке величать?

— Васильевич.

— Вот и хорошо, почувствуйте себя как дома.

— Спасибо, — поблагодарил он и зашел в комнату.

— В общем, Дима, обживайся, а я по делам, — не стал задерживаться Павел и отправился в город.

Весь оставшийся день Ольшевский мотался по мастерским и кафе в поисках Виктора, Захара, Сергея и Андрея. Потом в разговорах с ними пытался исподволь получить подтверждение своим подозрениям, но так и не нашел. Домой возвратился поздним вечером совершенно измотанный и, вяло пожевав лепешку, лег спать, но сон не шел.

«Кто же предатель? Кто? Захар? Виктор? Или Андрей? Чуть собачья! За спиной каждого годы работы в подполье и участие в боевых операциях. Надежные рабочие парни. Нет, таких Дулепову не сломить и не купить. Неужели Сергей? — терзался этой мыслью Павел. — Родился в семье потомственно-го амурского казака, и не просто казака, а станичного атамана. В Гражданскую войну служил у Гамова и дорос до чина есаула. Кроушки крестьян и рабочих на нем немало — это факт! Потом, когда их вышвырнули в Маньчжурию, устроился в охрану КВЖД, а туда, кого попало, не брали. В двадцать четвертом, с приходом советской администрации к управлению дорогой, снова оказался на улице, но без работы не остался — через пару месяцев поступил на службу в полицию Нового города, за год выбился в начальники отделения. В двадцать восьмом в

его судьбе произошел крутой перелом — казачий офицер стал советским агентом Денди».

Павел напрягал память, пытаясь в далеком прошлом Сергея — Денди отыскать ключ к разгадке сегодняшних событий.

Впервые в поле зрения советской разведки он попал в августе 27-го года, когда семеновцы устроили провокацию в Главных железнодорожных мастерских Харбина.

В тот день пьяные молодчики втянули в драку советских студентов-практикантов Восточного факультета Государственного дальневосточного университета Баянова, Поседко и Якушина. Один из них, здоровяк Якушин, не сдержался и как следует отделил двух провокаторов. Оказавшиеся поблизости полицейские упустили зачинщиков драки, но зато жестоко отыгрались на нем и Поседко. Сломал об их спины не одну бамбуковую палку, арестовали и отправили в полицейский участок. Попали они к есаулу, а тот вдруг проявил к ним сочувствие и отпустил на все четыре стороны.

Прошло время. Якушин стал забывать об инциденте и есауле. Но однажды во время ужина в «Погребке Рагозинского» судьба снова свела их. Сергей одиноко скучал над бутылкой и пригласил Михаила за свой столик. Тот не отказался. После нескольких рюмок между ними завязался разговор. Есаул с жадным интересом расспрашивал его о жизни в России.

Из «Погребка» они вышли почти друзьями, потом были еще встречи. Якушин испытывал жалость к этому, казалось бы, сильному, но больному душой человеку. Сергей страдал от одиночества и своей никчемности. Служба в полиции, дававшая ему кусок хлеба, все больше тяготила. В том, что произошло с ним, он винил только самого себя. Перед отъездом Якушина во Владивосток Сергей пришел проводить его на вокзал и попросил передать письмо для родных из казачьей станицы Кумары.

Оно нашло своего адресата. Между есаулом и сестрой завязалась переписка. Он и не предполагал, что обязан этому

харбинской резидентуре. Его отношения со студентами-дальневосточниками не остались без внимания советской разведки. Ее резидент Хан положил глаз на сочувствующего большевистской власти полицейского и привлек его к сотрудничеству.

Со временем Денди стал одним из ее лучших агентов, а добытые им материалы не раз докладывались руководству НКВД СССР. Все это, казалось, должно было перевесить те сомнения, что зародились у Павла и, тем не менее, они оставались. Так и не найдя ответа, он забылся в беспокойном сне.

На следующий день у него все валилось из рук от одной только мысли, что где-то рядом затаился предатель. В круговерти повседневных дел она, словно зубная боль, болезненно напоминала о себе. День шел за днем, но никто из четверки подозреваемых себя ничем не проявил.

Очередное утро в конторе для Павла началось с разбора почты. Рука уже отмела в общую кучу дежурную жалобу мелкого клиента, но в последний момент остановилась. Цепкая память разведчика выхватила из текста фразы: «...Партия сишения и фанфына кондиционна. Ваши претензии необоснованны. Предлагаю их урегулировать девятого числа, если Вам удобно — в одиннадцать часов».

Павел бросил взгляд на календарь и похолодел. «Так это же сегодня! Как я проморгал?» — клял он себя в душе за невнимательность.

Этим письмом агент Ли — один из самых важных источников резидентуры в штабе Квантунской армии — назначал внеочередную явку. Павел чертыхнулся — до встречи оставалось полтора часов. Запихнув бумаги в ящик стола, он выскочил из конторы, перехватил первый попавшийся экипаж и отправился в Мадягоу, чтобы известить Дервиша о явке с агентом и прихватить с собой пару человек из числа подпольщиков для подстраховки.

Извозчик бодренько покрикивал на лошадь, и та резвой рысью скакала вперед. Под мерный перестук копыт возбуждение, охватившее Павла в первые минуты после сообщения Ли, улеглось, и он более спокойно попытался оценить ситуацию. За все время сотрудничества это был третий случай, когда пунктуальный и обстоятельный в своих поступках агент назначал явку вне графика. Только чрезвычайные обстоятельства могли побудить его к этому.

«Чрезвычайные? Но какие? — терялся в догадках Павел и с тревогой посматривал на часы. Стрелки, словно сумасшедшие, неслись к одиннадцати, а до Мадыгоу оставалось больше половины пути. — А если Саныча нет на месте? И потом, где найти ребят? Пойду один, без прикрытия», — решил он и остановил извозчика:

— Стой! Разворачивай и гони к вокзалу!

Через двадцать минут они были на месте. Расплатившись, Павел поднялся в зал ожидания, потолкался среди пассажиров и, не заметив слезки, возвратился на стоянку, взял такси и поехал к набережной. Там, на одной из аллей, должна была состояться встреча с Ли. За квартал до набережной он остановил машину и дальше отправился пешком.

Дождь, зарядивший с самого утра, перешел в снег, и кисельная пелена окутала бульвар. Свинцовая волна Сунгари вспенивалась седыми барашками и со злобным шипением накатывала на берег. Разгулявшийся над речным простором ветер сердито завывал среди крон деревьев парка и безжалостно срывал последние листья. Редкие прохожие спешили укрыться от непогоды в магазинах и лавках, ближе к набережной их становилось все меньше. Павел порадовался: если его и вели филеры, то здесь им было не укрыться.

До встречи с Ли оставалось чуть больше восьми минут. Он сбавил шаг. Перед выходом на бульвар заглянул в галантерейную лавку, для вида покопался в товаре на прилавке и за три минуты

до одиннадцати вышел на улицу. Ему приходилось сдерживать шаг, чтобы вовремя выйти в точку встречи с агентом. После круглой клумбы он свернул на правую аллею и поискал в стене кустарника проход. За ним начиналась та самая тропка, на которой они с Ли должны сойтись.

Павел напряг зрение, ему показалась, что за стволами мелькнула знакомая фигура, и прибавил шаг. Они сближались. Павел прочитал на обычно бесстрастном лице агента следы волнения. Оно передалась ему, и когда их руки сошлись, то шершавый сверток будто ожег огонь.

— Очень ценная информация! — прошептал агент, и через мгновение стена кустарника сомкнулась за его спиной.

Павел торопливо сунул сверток в карман пальто и нащупал револьвер. Прошла секунда-другая, он не услышал звуков борьбы и погони, но, страхуясь, сделал круг, возвратился к клумбе и осмотрелся.

У летнего павильона продолжали возиться рабочие, слева из-за кустов доносился скрип колес тележки дворника. Ничто не выбивалось из привычного ритма жизни и не резало глаз Павла. По отработанному маршруту он вышел на Речную, там был удобный проходной двор, а за ним хорошая «вилка», позволявшая развести филеров контрразведки. Нырнув под арку, Павел стремительно пересек проходной двор и задворками выбрался на Шпалерную. Подвернувшийся под руку извозчик оказался как нельзя кстати.

— К управлению дороги! — распорядился Павел и забрался в пролетку.

Доехав до стоянки такси, он нанял машину и отправился в пригород Харбина — Мадягоу на конспиративную квартиру, где проживал резидент. Опытный водитель сумел быстро пробиться сквозь заборы; и вскоре по сторонам замелькали ветхие русские хибары и глиняные китайские фанзы. У заготовительной конторы Павел остановил машину и дальше пошел

пешком. На подходе к явочной квартире еще раз проверился, снял сигнал — на плетне не висела зеленая циновка, явка не была провалена, и постучал в дверь.

Открыл ее сам Дервиш. Выражение его лица говорило само за себя. Павел поспешил объяснить:

— Саныч, не ругай, так сложились обстоятельства! Ли добыл важную информацию.

— Заходи, поговорим в доме, — смягчился он.

Они прошли в комнату, резидент кивнул на стул, но не удержался от упрека:

— Контрразведка на хвосте висит, а тебе наплевать на конспирацию!

— Я проверялся. Но тут такое дело. Ли вызвал на срочную явку, а у меня не было времени предупредить ребят.

— Что, нельзя было отложить?

— Так я же говорю: информация очень важная.

— Ладно, показывай, что там, — прекратил пикировку Дервиш.

Павел достал из кармана сверток с донесением Ли. Резидент забрал его и прошел в соседнюю комнату. Двадцать минут, которые ушли на расшифровку, Павел не знал, куда себя девать, нервными шагами мерил комнату и с нетерпением ждал результата. А когда Дервиш возвратился, то на его довольном лице все было написано.

В ту же ночь в адрес Центра из резидентуры была отправлена радиограмма. В ней сообщалось:

Дервиш
Центру
№ 4177
10.11.41 г.

«9 ноября от источника Ли поступила заслуживающая серьезного оперативного внимания информация, касающаяся возможных изменений в плане командования Квантунской армии.

8 ноября начальник штаба генерал Есимото провел совещание, на нем присутствовал строго ограниченный круг лиц. В последующем в разговоре с заместителем начальника 3-го отдела Ли удалось выяснить, что на совещании обсуждался вопрос о корректировке плана «Кантокуэн». В частности, об изменении направления главных ударов по частям Красной армии.

По данным того же источника, подтвержденным Саем и Леоном, на военно-морской базе на острове Итуруп начато развертывание крупной авианосной группировки. По неподтвержденной информации, к двадцать пятому ноября там планируется сосредоточить эскадру в составе трех крейсеров, двух линейных кораблей, девяти эскадренных миноносцев, шести авианосцев.

Из анализа материалов, представленных Ли и Саем, усматривается, что объектами нападения авианосной группировки могут стать американские и британские части, дислоцирующиеся в Сингапуре, Гонконге и на Гавайских островах. В частности, в одной из бесед с Ли его близкая связь, высокопоставленный офицер Генерального штаба, при обсуждении ситуации на Тихом океане заявил:

«В ближайшее время курортная жизнь американцев на островах закончится настоящим адом».

По информации Леона, полученной в жандармском управлении, целью военной экспедиции японской эскадры может явиться выход в Сиамский пролив на перехват морских коммуникаций, используемых американцами и англичанами, и оккупация нефтепромыслов на острове Барнео и в Малайе. Для перепроверки и получения дополнительной информации мною задействованы источники Чон и Тур.

В связи с провалом основного радиста и шифровальщика Федорова перехожу на резервный канал и запасной код».

На эту информацию Центр отреагировал немедленно:

Центр
Дервишу

«Данные об изменениях в плане «Кантокуэн» и маневрах военно-морской группировки Нагумо представляют особый интерес. Главная задача: не пропустить нападение Японии на СССР.

Наряду с этим прошу вас всесторонне проанализировать причины провала Федорова и разведгруппы в Хулиане. Вероятно, в резидентуре действует агент японской или, возможно, белогвардейской контрразведки. В связи с этим примите исчерпывающие меры по его выявлению и нейтрализации. Особое внимание уделите обеспечению безопасной работы Гордеева. Поставленные перед ним и вами задачи должны быть безусловно выполнены. Работу на резервном канале санкционирую».

Глава 7

Веселый хоровод снежинок, кружившийся за окном, и фантастические узоры, нарисованные морозом на стекле, не могли отвлечь Павла Фитина от мрачных мыслей. Печальными глазами он смотрел перед собой, и пальцы сжимались в кулаки. Огромные окна здания, стоявшего напротив, зияли мрачной пустотой, за ними, в глубине, угадывались пулеметные гнезда. В сквере у Политехнического музея под кронами лип притаилась зенитная батарея, а над Кремлем серыми тушами нависли аэростаты.

Перед ним лежала ошестинившаяся стволами зенитных орудий и «ежами», осажденная фашистами Москва. Об этом напоминала и серая гусеница из грузовиков. Прямо с колес — с Ярославского вокзала — свежие сибирские дивизии направлялись на фронт, чтобы поддержать обескровленные в боях части народного ополчения, 16-й и 20-й армий.

Всего в двух десятках километров от Лубянки гитлеровские войска предпринимали отчаянные усилия, чтобы прорваться к Москве. Но ни об этом думал Фитин. Он мысленно находился далеко от столицы — в Америке. Начатая меньше месяца назад одна из самых секретных и рискованных операций Управления разведки находилась на грани провала. Дервиш вместе со своими разведчиками совершил, казалось, невозможное — добыл важнейшие данные о планах японского командования. А дальше дело застопорилось. Ведущий нелегал НКВД в США Грин — Ицхак Ахмеров — дважды безуспешно пытался подвести к обсуждению этой информации Гарри Гопкинса — советника президента США. Тот на нее не среагировал.

Время, неумолимое время катастрофически убывало. Все возможные варианты активизации операции были испробова-

ны, но ни один шаг не приблизил к цели. Фитин возвратился к столу и принялся заново перечитывать разведдонесения, надеясь, что за деталью или мелочью может всплыть неожиданное решение, которое радикально изменит ситуацию. Первой на глаза попала злополучная радиограмма Грина, в которую нарком ткнул его носом...

Грин
Центру
№ 4217 от 17.11.41 г.

«По сведениям наших хорошо информированных источников, близких к госсекретарю Корделлу Хэллу и советнику президента Рузвельта Гарри Гопкинсу, империалистические круги США и Японии в обстановке строжайшей секретности продолжают вести тайные переговоры с целью заключения сепаратной сделки.

В середине августа 1941 года японскому послу в США Номура был передан меморандум президента Рузвельта. По имеющейся информации, в нем содержится предупреждение правительству Японии о том, что США оставляют за собой право применить все меры, которые сочтут необходимыми, если японская сторона предпримет дальнейшие шаги в проведении политики военного господства при помощи силы или угрозы ее применения.

Этот демарш американской стороны вынудил японскую военщину к продолжению переговоров, которые были прерваны Хэллом в июле из-за вторжения Японии в Индокитай. Их целью является организация личной встречи японского премьера с президентом Рузвельтом в интересах урегулирования спорных вопросов.

В ноябре, ориентировочно 15, более точными данными не располагаем, в Вашингтон прибыл бывший посол Японии в Германии Курусу и провел ряд встреч с Хэллом. Их содержание установить не удалось. Вместе с тем по некоторым признакам можно судить о том, что переговоры направлены против СССР.

В одном из частных разговоров с нашим источником Гордоном Гопкинсом упомянул о своей беседе с Рузвельтом. Она касалась положения на Тихом океане. Президент сравнил его с футбольной игрой. По его словам, «здесь в данный момент основными игроками являются русские, японцы, китайцы и в меньшей степени англичане, а нам предназначена роль вступить в игру, когда форварды выдохнутся, чтобы забить решающий гол...».

В этом месте шифровки стояли жирный вопросительный и восклицательный знаки, а ниже короткая и выразительная резолюция. В нескольких местах карандаш прорвал бумагу. Нарком был в бешенстве.

«т. Фитин

Вы проявляете преступную медлительность! Операция находится на грани срыва! До настоящего времени не найдено надежных подходов к Хэллу и Гопкинсу. Прошу принять энергичные меры, но задачу выполнить в срок! Пора дать этим футболистам по ногам, а лучше — по яйцам. СССР — не футбольный мяч, который могут себе позволить пинать инвалиды!»

Оставшуюся часть шифровки Фитин пробежал глазами. В другое время содержащиеся в ней сухие цифры оказались бы бесценны. Резидент сообщал, что, несмотря на эмбарго, экспорт из США в Японию к концу октября 41-го года вырос: по металлическому лому почти в четыре с половиной раза, чугуну и листовой стали — втрое. Американцы спешили закачать военную машину Японии в тайной надежде направить ее на Россию.

«Все норовят поживиться за наш счет, а свои барыши оплатить русской кровью. Мало того, что Гитлер лезет из кожи вон, чтобы натравить Японию на нас. Так тут еще американцы ведут двойную игру», — с ожесточением подумал Фитин.

Подтверждение своим мыслям он находил в разведдонесениях швейцарской и голландской резидентур. С ними пере-

кликались сообщения из Берлина агентов Разведывательного управления Генштаба Красной армии Корсиканца и Старшины. Они не оставляли сомнений в том, что гитлеровцы как никогда были близки к своей цели — втягиванию Японии в войну против СССР.

В этой невидимой для непосвященного схватке не на жизнь, а на смерть усилия дипломатов Молотова и разведчиков НКВД пока не приносили успеха. Времени, чтобы изменить ситуацию и выполнить задачу Сталина, почти не оставалось. Счет шел не на недели, а на дни. Япония, подталкиваемая с разных сторон Германией и США, балансировала на грани войны. Казалось, еще одно усилие Берлина, и она, потеряв равновесие, обрушится всей мощью отмобилизованных дивизий на Дальний Восток и Сибирь.

«Если это произойдет, то..?» — Фитина бросило в жар.

Три недели назад Сталин решился снять с Дальнего Востока и Сибири 16 самых боеспособных дивизий и перебросил их под Москву. Операция проводилась в глубочайшей тайне, и пока, по данным харбинской резидентуры, японцы о ней не пронюхали.

«Пока», — но об этом Фитину не хотелось даже думать.

Он в сердцах отбросил радиограмму Грина — надежды, возлагавшиеся на его резидентуру, не оправдались. Ее немногочисленная агентура пользовалась второстепенными источникам в окружении Хелла, Гопкинса, Номуры, и потому о каком-либо ее влиянии на ход переговоров между японцами и американцами не могло быть и речи. Это становилось все более очевидным для Фитина. Как и большинство резидентур, американская так и не оправилась после репрессий 37-го года.

Фитин поехал при воспоминании о том времени. Коса массовых репрессий безжалостно выкашивала ряды советских разведчиков. Дело дошло до того, что докладную записку в Политбюро подписывал простой опер.

В 1938-м, когда фашисты захватили Чехословакию, а японцы проверяли крепость советских границ на Дальнем Востоке, из обескровленных резидентур ничего не поступало.

Руководство советской разведки в течение 127 дней не могло представить ни одного внятного доклада в Политбюро. Со смертью наставников были утрачены ценнейшие источники информации.

Их следы Фитин надеялся отыскать на пыльных полках архивов в делах «врагов народа, проникших в органы НКВД». Одно из них, на бывшего начальника Четвертого (Разведывательного) управления Генштаба Красной армии Яна Берзина, лежало перед ним. Накануне, просматривая архивные материалы, он наткнулся на его докладную записку в Политбюро. Она относилась к концу 1935 года. В ней лаконично излагалась военно-политическая обстановка в Японии, Китае и США, давался ее смелый прогноз на ближайшие годы. Последующее развитие событий в Китае и Монголии подтвердили его с поразительной точностью. Особое место в записке отводилось перспективам развития японо-американских отношений. Ссылаясь на мнение неведомого источника, Берзин делал смелый вывод о неизбежности столкновения интересов Японии и США в Китае и Юго-Восточной Азии.

«Вне всякого сомнения, источник Берзина пользовался информацией самого высокого политического уровня, — заключил Фитин. — Но кто ты? Жив ли?»

В надежде отыскать следы неведомого разведчика он уже сутки не покидал кабинета и перечитал сотни страниц спецсообщений агентов и резидентов, пытаясь выйти на его след. От напряжения слезились глаза, тупая боль сверлила затылок, и, когда казалось, что тайна так и не будет раскрыта, удача улыбнулась Фитину.

В деле бывшего капитана военной разведки Плакидина Ивана Леонидовича обнаружили донесения загадочного агента Сана. Они во многом перекликались с выводами, со-

державшимися в докладной Берзина. К счастью, следы бывшего капитана-разведчика не затерялись. Ни война, ни бомбежки фашистов не смогли парализовать отлаженную машину НКВД. В час ночи на стол Фитина легла подробная справка на Плакидина. «Японский» и «американский шпион» в 1939 году был осужден Особым совещанием к высшей мере наказания за предательскую деятельность. Фитин лихорадочно зашелестел страницами дела и, когда была перевернута последняя, с облегчением вздохнул. Плакидин был жив и отбывал наказание в лагере под Архангельском. Приговор оказался отсроченным, по-видимому, кому-то на самом верху он был нужен.

«Если ты жив, то... — Фитин, поднялся из кресла и возбужденно заходил по кабинету. — Надо выходить на наркома с предложением о подключении к операции. Паша, ты в своем уме? Кого — врага народа? Японского шпиона? Это же безумие! А что делать? Плакидин — ключ к Сану и источникам его информации в США».

«Собственно, чем я рискую? — продолжал размышлять он. — С Лубянки не сбежит. Враг народа? И что? Яше Серебрянскому впаляли «вышку», Рокоссовский с Бирюзовым по «червонцу» получили, а сегодня ими дыры затыкают в разведке и на фронте. Лаврентию Павловичу результат нужен больше, чем тебе, а времени уже не осталось. Он должен подержать».

Фитин отбросил последние сомнения, возвратился к столу и сел за составление докладной. С каждой новой строчкой в нем росла уверенность в своей правоте, и мысли легко ложились на бумагу. Доводы выстраивались в убедительную цепочку. И когда документ был готов, он связался с Берией. Тот, не дослушав до конца, немедленно потребовал к себе. Сложив в папку докладную записку и аналитическую справку Берзина с прогнозом развития ситуации в японо-американских отношениях, Фитин прошел к нему в кабинет.

Берия ни словом не обмолвился о своей резолюции на последней разведсводке Грина и потребовал докладную. По

первой его реакции Фитин понял: попал в точку. Глаза наркома азартно блеснули.

— Молодец! Правильно! Да, надо рисковать, — звучали энергичные реплики Берии. Прочитав до конца, он заключил: — То, что надо! Немедленно подключай к операции. Похоже, Гордону и Ховарду не удастся подобраться к Гопкинсу.

— Если говорить о Ховарде, то да, — подтвердил Фитин.

— Слушай, а ты проверял, этот, твой Плакидин, живой?

— Должен. По последнему докладу, в покойниках не числится.

— Знаю я их доклады, — грозно сверкнул стекляшками пенсне Берия. — Сколько этих чичиковых под трибунал отдали, а им все нейдет. Ворье, лишь бы карманы себе набить! Ладно, черт с ними. Ты, Павел Михайлович, мне этого Плакидина хоть из-под земли достань!

— Есть, товарищ нарком! Я уже подготовил распоряжение на откомандирование, — Фитин достал из папки заполненный бланк.

Берия поставил короткую подпись и предупредил:

— Действуй смело и энергично, но не забывай — товарищ Сталин нам доверяет, но и строго спросит.

— Не подведем, Лаврентий Павлович! — заверил Фитин и возвратился к себе.

В приемной находились майор Крылов и капитан Шевцов. Оба умели держать язык за зубами, обладали бульдожьей хваткой и могли согнуть в бараний рог любого. Пригласив к себе в кабинет, он вручил Крылову пакет и распорядился немедленно вылететь в Архангельск. Речь шла о поручении самого наркома, и через минуту офицеры убедились в этом. Во внутреннем дворе их ждала машина.

Эмка, прошуршав по выскобленному асфальту, выскользнула из темного зева ворот и, набирая скорость, устремилась за город. Фашистская авиация взяла тайм-аут, и меньше чем

за сорок минут они добрались до аэродрома. Справа промелькнула сторожевая вышка с часовым, слева — обнесенная земляным валом зенитная батарея и заваленное снегом караульное помещение. После проверки документов машина с Крыловым и Шевцовым выехала на взлетное поле и остановилась у самолета из особой эскадрильи наркома внутренних дел СССР. У трапа их встретил комендант, поздоровавшись, проводил на борт. Экипаж находился на местах и ждал только команды.

— Капитан Мозговой, — представился командир экипажа и доложил: — Товарищ майор, самолет к вылету готов!

— Летим, — распорядился Крылов и, подумав, сказал: — Капитан, при мне пакет, если с нами что случится, его уничтожить!

— Все будет нормально, товарищ майор! — заверил командир и предостерег: — Держитесь покрепче, впереди...

Последние слова потонули в грохоте моторов. Рев винтов перешел в визг, самолет быстро набрал скорость и оторвался от земли.

После набора высоты болтанка утихла, и здесь Крылова со Шевцовым подстерегала другая напасть. В спешке они не успели переодеться, и мороз все сильнее давал о себе знать. Тонкие шинели и легкие перчатки не спасали, а щегольские хромовые сапоги превратились в настоящие колодки. От холода пальцы на ногах и руках немели, на глазах наворачивались слезы и ледяными горошинами застывали на щеках.

До Архангельска оставалось лета не меньше трех часов. Крылов с ужасом представлял, что его поджидало в конце: в лучшем случае — койка в госпитале, в худшем... Но об этом не хотелось даже думать. Он с трудом разогнул окоченевшие ноги и добрался до кабины. Летчики поняли все без слов — у запасливого штурмана оказались в загорелом унты, нашлись две меховые куртки и лишняя фляжка спирта. Переодевшись, Крылов с Шевцовым взялись за фляжку со спиртом. Вскоре

холод отпустил, и они, закутавшись в воротники курток, забылись в коротком сне.

Ночь подходила к концу. Слабая предрассветная полоска окрасила восток. Далеко внизу из полумрака проступила, насколько хватало глаз, мрачная, бескрайняя тайга. Ни один звук, ни одно движение не нарушали ее белого безмолвия. Здесь безраздельно властвовали холод и особая северная тишина. Прошел еще час, и на пути стали появляться лесные поселки, окруженные уродливыми проплешинами.

Отгородившись от остального мира почерневшими зубьями многокилометровых заборов и ощетинившись сторожевыми вышками, из полярного полумрака возник не нанесенный ни на одну географическую карту архипелаг ГУЛАГ. Архипелаг, поглотивший тысячи виновных и миллионы безвинных жертв, о трагической судьбе которых каждую весну земля напоминала вскрывшимися из-под снега уродливыми язвами гигантских могильников.

Пригороды Архангельска появились неожиданно. Ветер разогнал морозную пелену, и прямо по курсу возникли занесенные снегом деревянные коробки фабричных барачников. Радист вышел из кабины, разбудил Крылова и Шевцова, и они прильнули к иллюминаторам. Из-за пологих холмов появились радиомачта аэродрома и позиция зенитной батареи. Через мгновение они пропали из вида, земля крутанулась под крылом волчком, и самолет резко пошел на посадку. Несмотря на плохую видимость, пилот мастерски посадил машину. К ней тут же подъехали две легковушки.

Сильная поземка стелилась по взлетной полосе, от крепкого мороза перехватывало дыхание. Температура была не меньше тридцати градусов. Крылов и Шевцов, спасаясь от пронизывающего ветра, поспешили к машинам. До лагеря было не меньше двух часов езды, но они отказались от обеда и, не теряя ни минуты, тронулись к одному из «островов архипелага».

Эмки плавно покачивались по укатанному снежнику и не сбавляли скорости. Движение в этот ранний час было небольшое. Навстречу в основном попадались полторки, груженные кругляком и досками. Жизнь в ГУЛАГе не останавливалась ни на минуту. Бригады заключенных, спецпоселенцев и рабочих из «трудовой армии» с утра и до глубокой ночи рубили и пилили лес в тайге. Все было подчинено одной цели: «Все — для фронта! Все — для победы!». И потому жизнь «врагов народа» на весах партийных вождей ничего не стоила...

Доходяга Иван Плакидин с другими «тяжеловозниками», получившими четвертак с довеском в пять лет на спецпоселение, второй месяц загибался в Медвеьем распадке на рубке и трелевке леса. Их бригаде не повезло — делянка досталась на болоте. Лес был редкий, и потому лошадей и трактор начальство не выделило; все приходилось таскать на себе. Как назло попаласть лиственница — дерево злое и вредное, людей не любит. Несмотря на мороз, пила застревала в вязкой древесине, и чтобы ее освободить, каждый раз приходилось забивать в щели клинья. После двух-трех ударов чугунным молотом начинали отниматься руки и болеть кости. Боли продолжали мучить и после работы. Цинга, дистрофия и это проклятое дерево высасывали из эсков последние капли жизни. Из тех, кто с Плакидиным попал на участок, в живых осталась едва ли половина. Лютый холод медленно добивал тех, кто еще держался на ногах.

Каждое утро Иван просыпался с одной и той же мыслью: морозы спадают и случится чудо — старший нарядчик снимет его с бригады и направит в столярку. Там, под крышей, рядом со столовой, можно было отогреться и подхарчиться у знакомых «придурков» в хлеборезке. Но наступал новый день, мороз не спадал, а нарядчик упорно посылал его на делянку. Плакидин понимал, что вряд ли протянет больше недели. Завтрака хватало самое большее на пару часов, а потом наваливались усталость и мороз. Плечо не ощущало боли от бревна. Стылый холод

проникал под изношенный ватник, терзал и кусал измученное тело через дыры в бахилах и рукавицах.

К концу дня в нем, казалось, вымерзло все: мозг, кровь и кости, а в голове звучал только один звук — удар топора. Он плющил и терзал мозг. Вечером в зону возвращались не люди, а бледные тени. Чуть теплая миска баланды и кружка подслащенной бурды ненадолго возвращали к жизни. В выстуженном бараке, где верхние места и места у печки занимали блатные с их шестерками, им — «врагам народа» — приходилось довольствоваться нарами у параша и по углам.

Чуть живой от усталости, холода и голода Иван забрался на свое место. Чтобы хоть как-то сохранить драгоценное тепло, укутался с головой в то, что еще не отобрали урки и охрана. На время боль в суставах и правом плече отпустила, затем унялась дрожь в теле, и он забылся в коротком сне с одной единственной мыслью: «Надо что-то делать, что-то выдумать, чтобы не остаться там, на лесоповале, и не умереть в холодном сугробе».

Самой смерти он давно перестал бояться. Она находилась рядом и смотрела на него равнодушными, отупелыми взглядами доходяг, напоминала штабелем мертвецов, сложенных за стеной инфекционного барака. Промерзшая, как бетон, земля отказывалась принимать их, а времени и рабочей силы у лагерного начальства не оставалось на то, чтобы долбить вечную мерзлоту; это было непозволительной роскошью тратить его на покойников-зэков, когда враг стоял у ворот столицы. Все они, начальник лагеря, нарядчики и бригадиры, лезли из кожи вон, чтобы выгнать план. Невыполнение грозило военным трибуналом, а в нем не чикались, виновным тут же клепали «червонцы» и «четвертаки». И чем тяжелее становилось положение на фронте, тем больше прибавлялось работы похоронной команде. Каждое утро она штабелевала очередную партию «откинувшихся доходяг», и уже никто не обращал внимания на этот, не знающий убыли, «временный склад».

Смерть стала также привычна, как чашка баланды по утрам и команда «отбой» по вечерам. Плакидин жил только одним, как бы так исхитриться, чтобы умереть в тепле на больничной койке. Он бежал от равнодушия, которое было страшнее холода и самой смерти. Оно выстуживало сердце, душу и превращало их в вечную мерзлоту.

Иван с тоской думал о том, что возможно завтра, а может — послезавтра, его оставят последние силы, он рухнет в колючий сугроб и больше никогда не поднимется. Кто-то из охраны лениво приподнимется над костром и прикрикнет, может, даже пальнет или натравит бешеного Троцкого. Но даже эта дурная псина, недолго потаскав тело по вырубке, бросит где-нибудь под кустом и вернется к хозяевам и теплу. Те даже не пошевелиятся, чтобы отогнать шестерку Коромысло, который давно зарился на его свитер, чудом сохранившийся с московской пересылки.

Жадные, трясущиеся руки дерут с деревенеющего тела то, что еще можно обменять у лагерной обслуги на пачку махры и чифиря. И никто, даже добряк Сергеич, с которым они месяц кантовались в штрафном бараке, не прогонит «шакалов». В конце дня он и другие «доходяги» взвалят на себя заледеневший труп и, как бревно, потащат в лагерь. Спотыкаясь о валежины и проваливаясь в сугробы, они будут проклинать его за то, что помер не по-человечески, за то, что отбирает последние силы. Уже в лагере, когда другие бригады начнут хлебать вечернюю баланду, им еще придется стоять на плацу, пока комендант с врачом не проведут по акту «загнувшегося от инсульта «доходягу», и штабель мертвецов у «временного склада» пополнится еще одним «бревном».

«Ну и пусть! Наконец отмучусь», — вяло шевелилась в сумеречном сознании Плакидина эта мысль. Постепенно боль ушла из тела, оно уже не ощущало стылого холода, и он провалился в другой мир...

Упругие струи соленой воды забивали рот и нос, вздыбившаяся морская волна вынесла его на гребень и, сердито

зашипев, стремительно увлекла вниз. Мускулистое, загорелое тело выскользнуло из гневно вскипевших бурунов и, подчиняясь энергичным взмахам рук, поймало новую волну. Она пыталась извернуться под ним, но он яростно молотил ногами и упорно пробивался к затону между скал. Встревоженная Лидия, забыв про книгу рассказов Зощенко, металась по кромке берега и высматривала его среди бушующих бурунов.

До берега оставалось не больше десятка метров. Иван греб изо всех сил, но море не хотело уступать в схватке. Ему пришлось исхитриться. Поймав очередную волну, он не стал сопротивляться и отдался в ее власть. Серdito шипя, она пыталась сбросить его с себя, но он удержался на гребне, стремительно скользнул вниз и поймал ногами опору. Море в бессильной злобе плеснуло вслед пеной и, серdito шипя, откатилось от берега. Иван выбрался на пляж и в изнеможении растянулся на горячем песке, радуясь солнцу и своей маленькой победе.

Подставив лицо солнцу, он наслаждался теплом и свободой. За пятнадцать лет службы в разведке можно было по пальцам пересчитать дни, когда ему не требовалось вживаться в чужой образ и на короткое время побыть самим собой. Пошли четвертые сутки, как он с женой выбрался из холодной и слякотной Москвы в этот крохотный уголок земного рая.

После двух лет нелегальной работы в Австрии по возвращении домой начальник Четвертого (Разведывательного) управления Рабоче-крестьянской Красной армии Ян Берзин хлопотал ему и Лиде путевки в Абхазию. Несмотря на середину октября, загулявшее лето не собиралось уступать место осени. И только яркий багрянец лесов предгорий и ослепительно белые шапки на вершинах Бзыбского хребта напоминали о ней.

Бархатный сезон в Абхазии продолжался. В воздухе появились те удивительные легкость и чистота, что бывают здесь только в октябре. Небо, умытое короткими грозowymi дождями, снова ожило после изнурительной жары и заворачивало нежными красками. Приморский парк украсился нежным бело-

розовым цветом распустившегося олеандра, а свежую зелень усыпала золотистая пыльца буйно цветущего осман-дерева.

Крохотный поселок Новый Афон, прилепившийся, подобно ласточкину гнезду, у подножия величественной Анакопийской горы, вершину которой венчал грозный венец древней цитадели, представлял собой самый драгоценный бриллиант в «короне» Абхазии.

Иван с Лидией безоглядно погрузились в чарующую атмосферу этого божественного места. С наступлением вечера окрестности Нового Афона превращались в грандиозную, фантастическую сцену и напоминали библейские сюжеты с полотен Иванова, Брюллова и Куинджи. В призрачном лунном свете купол колокольни монастыря, подобно Вифлеемской звезде, таинственно мерцал на фоне величественной панорамы гор. А когда наступала полночь, то оживали руины древней цитадели, и в легких порывах ветра, налетавшего с гор, чуткому уху слышались позабытые голоса прежних цивилизаций: греческой, римской и византийской. Над бухтой и на берегу небольшого озера весело перемигивались и приглашали зайти на огонек абхазские пацхи — летние кухни...

— Подъем! — истошный вопль нарядчика вернул Плакидина к смерти.

Тяжелые, словно свинцовые, веки с трудом открылись и перед помутненным взглядом, как сквозь туман, проступила трухлявая, покрытая инеем крыша лагерного барака. Звон рельса, подобно бичу, подстегнул эсков. Иван сполз с нар и с трудом устоял на непослушных ногах.

— Становись! — рявкнул дежурный.

Неровная, вихляющая шеренга выстроилась в проходе. Тут и там в ней зияли провалы — десяток тел остался лежать на нарах. Нарядчики, не дожидаясь команды, подхватили у выхода носилки и рысцой протрусили к покойникам. Живые потухшими, равнодушными взглядами проводили печальную процессию. Вялая переключка прошелестела в бараке, и злоб-

но переругивающаяся очередь выстроилась в туалет. Самым слабым и забитым нужду пришлось оправлять на ходу. Урки пинками загоняли их в строй, чтобы первыми попасть в столовую, а там ненадолго урвать кусочек тепла и размочить вонючей баландой ссохшийся от голода желудок.

Лагерь в эти минуты напоминал растревоженный муравейник. От всех барakov, сбиваясь на бег, черными ручьями стекались к столовой колонны заключенных. Здесь они натыкались на дежурного и его помощника по лагерю. Они снова принимались их ровнять и строить. После короткой «строевой» первыми подхарчиться заходили урки и занимали места у пайки, крохи с их стола доставались «опущенным» и «политическим».

Прошло пятнадцать минут, и конвейер смерти сделал очередной оборот. Из столовок колонны заключенных потянулись на лагерный плац; навстречу из штабного барака вывалила толпа офицеров с «кусками» — сержантами и старшинами. Впереди важно вышагивал сам начальник, а позади, кутаясь в воротники тулупов, трусили «кум» и начальники отрядов. Начальник, взгромоздившись на трибуну, осипшим голосом заклеил «предателей» и, пригрозив «стенкой» за невыполнение норм, возвратился в барак к свету и теплу. После него наступила очередь нарядчиков — в их руках были жизнь и смерть заключенных.

«Политическим», как всегда, не повезло. «Придурки» и спецы расползлись по теплым местам: мастерским, складам и лазарету. А «политические», сбившись в колонны, под лай псов и мат караула, прошлепав по плацу «похоронным» шагом, отправились на лесоповал. Черная, пропахшая запахом костра колонна выползла за ворота лагеря, и гигантская гусеница судорожно потащилась по просеке. Едва волоча ноги, зэки добрались до вырубки. Начальник караула, которого за глаза называли не иначе как Волчок, угрожающе сверкая клыками, торопил нарядчика с распределением работ. Холод стоял со-

бачий, и он с другими вертухаями спешил поскорее пригреть свой зад у костра.

Плакидину и еще трем экам повезло — им выпало быть кострожогами. Они распозлись по делянке собирать сушняк. Лес оказался старым, вскоре первый костер для караула запыльхал на взгорке. То ли мороз сказался, то ли Волчок сегодня встал с той ноги, но караульные и собаки особо не донимали заключенных и отдали все на откуп бригадирам.

Свой костер кострожоги развели подальше от глаз Волчка. Спичка в руках Ивана сухо треснула, и мох вспыхнул, как порох. Языки пламени жадно облизнули ветки, и утренний полумрак заполз под деревья. Снег зашипел, и клубы пара окутали четыре скрюченные фигуры. Иван жадно вдыхал теплый воздух, в котором смешались запах смолы, черничных листьев, и тянул руки к огню. Его трепетные языки касались отмороженных, изуродованных каторжным трудом кончиков пальцев, а сладковатый дым обвевал задубелую, шершавую, как наждак, кожу лица. Он расстегнул ватник, подставил грудь теплу и, казалось, слился с костром, спасаясь от серой ледящей мглы, что выползала из леса, клубилась за спиной и наваливалась на плечи. Ему было страшно разогнуться и не хватало сил, чтобы встать и снова идти в лес собирать сушняк.

Прошел час. Волчок со своей сворой будто забыл про кострожогов, но тут оживились псы и, развернув морды к просеке, угрожающе зарычали. На тропе появились двое. Впереди бежал заместитель начальника лагеря, за ним трусил сам «кум». Такое случалось не часто. Охрана шарахнулась от костра на посты, а псы приняли стойку.

Волчок, затянув ремень на бушлате, рысью поспешил на встречу. Заключенные настороженно косились в их сторону. Неожиданное появление начальства на лесосеке ничего хорошего не сулило. Они хорошо знали: если сам «кум» выбрался из теплого кабинета, где пас стукачей из «придурков» и лагерной obsługi, значит, жди беды.

Энергично размахивая руками, он что-то прокричал Волчку. Тот на полпути развернулся и еще резвее помчался к сбившимся в кучку кострожогам.

— Задницу ему, что ли, скипидаром смазали? — пробормотал Сергеич.

— Смазали ему, а достанется нашей, — мрачно заключил Иван.

— Похоже, по нашу душу.

Сергеич не ошибся.

— Плакидин, бегом ко мне! — истошно заорал Волчок.

— Эх, Сергеич, накаркал, — тяжело вздохнул Иван и, утопая в снегу, побрел навстречу.

— Ты можешь быстрее, скотина? — взвился Волчок.

— Угомонись, сержант, — прикрикнул на него подоспевший «кум» и незлобно поторопил:

— Давай поживее, Плакидин!

Теряясь в догадках, он с трудом поспевал за «кумом». В конце тропы их ждали сани, и когда они добрались, он распорядился:

— Садись, Плакидин!

Обескураженный Иван плюхнулся на сиденье. Заместитель начальника лагеря взял в руки вожжи и зычно гаркнул. Лошадь с места пошла рысью, и спустя двадцать минут они были у ворот зоны. Часовые без команды распахнули створки, и сани подкатили к крыльцу штабного барака.

— За мной, Плакидин! — приказал «кум» и поднялся на крыльцо.

Сонная жизнь в управлении лагеря была взорвана. В дежурке непрерывно трещали телефоны. Дежурный и помощник осипшими голосами отдавали команды. По коридору носились очумелые капитаны и старлеи, перед кабинетом начальника лагеря они замирали и испуганно жались к стенам. Все говорило о том, что в лагерь нагрянула комиссия. И они, властители жизни и смерти тысяч заключенных, казавшиеся такими важными и

значительными, с приездом начальства стали вдруг маленькими, суетливыми и угодливыми.

Плакидина провели в кабинет начальника лагеря. Он впервые видел его так близко. На плацу и трибуне тот казался внушительным и величественным, а тут на Ивана смотрели бегающие, покрасневшие от беспробудного пьянства водянистые глаза; дряблая, покрытая склеротическими жилками кожа мелко тряслась на оплывших щеках. Начальник лагеря был не в своей тарелке и с испугом косился на двух явно не местных офицеров — высокого, атлетического сложения майора и коренастого капитана, напоминающего медведя.

Они не стали слушать доклад «кума» и с откровенным любопытством разглядывали необычного ээка, за которым пришлось лететь из Москвы. Майор поморщился — дым костра и кислый, тошнотворный запах давно немытого человеческого тела заполнили помещение. Его цепкий и тяжелый взгляд прошелся по Ивану. Запавшие щеки, темные глазницы неправдоподобно больших глаз, седая, клочковатая щетина на посиневшем лице и засаленные, свалывшиеся волосы нисколько не напоминали того жизнерадостного здоровяка в дорогом заграничном костюме с фотографии из дела заключенного.

— Майор, а это точно он? — усомнился Крылов.

— Он, он! — засуетился начальник лагеря и прикрикнул: — Плакидин, ты что, язык проглотил?

— Заключенный номер И-2617, статья 58, пункт 1... — начал Иван монотонно бубнить лагерную «молитву».

Крылов снова сверился с фотографией, и все еще с сомнением произнес:

— Вроде как он.

— Других у нас нет, — высунулся вперед «кум».

— А ты что, отец его? — хмыкнул Шевцов.

— Я...

— Заткнись! Не тебя спрашивают!

— Сережа, кончай, время идет, — остановил препирательство Крылов и вытащил из кармана пакет. У «кума» и началь-

ника лагеря от любопытства вытянулись шеи. Крылов достал из него предписание и бросил взгляд вниз листа. Его брови полезли на лоб — под текстом стояла подпись самого Берии. Начальник лагеря заглянул через плечо и обомлел — такого за его службу еще не случалось. Крылов внимательно вчитывался в каждое слово документа, и озабоченность на лице сменилась тревогой. Лагерное начальство, пожирившее глазами посланца из Москвы, съежилось и, казалось, стало меньше ростом.

В наступившей тишине были слышны лишь треск поленьев в печке, шуршание бумаги и тяжелое дыхание перетрусившего начальника лагеря. Но Ивану было глубоко наплевать на него. Тепло и запах давно забытого настоящего ржаного хлеба кружили голову. Последний раз он ел его в конце сентября. Тогда он удачно сменял шерстяной шарф на шматок сала и краюху хлеба из офицерской столовой.

Крылов прочитал до конца предписание и сунул под нос начальнику лагеря. Тот, увидев подпись наркома, потерял дар речи и распахнутым ртом хватал воздух. Крылову надоело ждать, и он распорядился:

— Ты понял, майор? Мы забираем Плакидина.

— Сережа, куда его такого? Пусть в порядок приведут, — возмутился Шевцов

— Действительно, такого и мать родная не узнает, — согласился Крылов и зло бросил начальнику лагеря: — Совсем оборзели! Себе морды наели, а людей до ручки довели!

Тот съежился и принялся что-то лепетать про болезни и нехватку продуктов. «Кум» не стал высовываться и благоразумно промолчал, чтобы не попасть под горячую руку москвичей. Крылову надоело выслушивать этот бессвязный лепет, и он приказал:

— Майор, хорош плакаться! Даю полчаса, чтобы привести Плакидина в божеский вид. Отмыть, постричь и накормить. Мы его забираем.

— Забираете? А где при-при-каз? — дар речи вернулся к начальнику лагеря.

— Приказ? Какой? Чтоб тебя расстрелять? Ты что, читать разучился? Полчаса на сборы! — прикрикнул Крылов.

— Есть! Все сделаем! — замельтешил начальник лагеря и метнул красноречивый взгляд на «кума» и дежурного.

Те поняли все без слов. Не прошло и десяти минут, как отмытого и закутанного в чистые простыни самого начальника лагеря Плакидина передали в руки лучшего парикмахера — Сашка. До войны он работал в модном салоне на Сумской, в Харькове. А теперь стриг исключительно лагерное начальство. Его тонкие и длинные, как у пианиста, пальцы, легкими движениями укладывали волосы зэка Плакидина в модную причёску. Соскучившись по настоящей работе, Сашок, как истинный мастер, отдавался ей всей душой.

А Иван находился в прострации, происходящее казалось ему каким-то невероятным сном. Он устал гадать, чем все закончится, и положился на судьбу. Сашок в последний раз взмахнул ножницами, пододвинул зеркало, отступил в сторону. Иван глянул и растерялся.

— Ну что, налюбовался, красавец? — в дверь просунулась озабоченная физиономия «кума», и он поторопил: — Пошли, самое время перекусить!

Вслед за ним Плакидин прошел в соседнюю комнату и обомлел. На столе дымились тарелки с наваристым борщом, в миске лежали куски отварного мяса, середину стола занимала горка нарезанного крупными ломтями хлеба и бутылка водки.

— Чё стоишь, Иван? Садись и поешь по-человечески, — пригласил Крылов.

Плакидин на непослушных ногах подошел к столу и присел на краешек табурета. Пришедший в себя начальник лагеря подрагивающей рукой разлил водку по стаканам и вопросительно посмотрел на Крылова. Тот поднял стакан и молча выпил, к нему присоединились остальные. Иван не решался взяться за свой, его голодный взгляд пожирал хлеб.

— Чё на нее смотреть? Пей, — подтолкнул под локоть Шевцов.

На втором глотке у Ивана перехватило дыхание.

— Закуси, — подсунул Крылов миску с мясом.

Пораженные цингой зубы впились в мякоть. Не обращая внимания на боль в деснах, Плакидин глотал кусками мясо и хлеб. После второго стакана его повело, а дальше все происходило, как в тумане. Теплая эмка, покрасневшиеся лица Крылова и Шевцова, обледеневшие ступеньки трапа и убаюкивающий шум винтов самолета, под который особо опасный государственный преступник Иван Плакидин впервые заснул крепким сном.

Глава 8

Интуиция и многолетний опыт филерской службы подсказывали испытанному помощнику полковника Дулепова — начальнику бригады наружного наблюдения Модесту Клещову, что эта прогулка Гнома по набережной Сунгари — под такой кличкой в оперативных сводках проходил японский офицер — не была случайной. После того как он вышел за КПП части, поднялся к себе в квартиру, переоделся в гражданскую одежду и снова возвратился в город, две бригады филеров не спускали с него глаз. На этот раз пришлось работать с японцами из жандармского управления. Опыта у них было маловато, зато гонора хватало на двоих, и, скрипя сердцем, Клещов подчинился приказу Дулепова. Тут, как говорится, плетью обуха не перешибешь. Японцы платили деньги, и они же «заказывали музыку».

Объект оказался не из окопных офицеров, а штабной шишкой, и потому Дулепов распорядился взять самых опытных филеров. Японцы тоже не ударили лицом в грязь и выделили лучшую бригаду с Ямагато. Поворчав, Клещов согласился с такой комбинацией — в ней имелся резон: японцы отработывали китайские связи Гнома, а его бригада — европейцев. За двадцать лет жизни в Маньчжурии для Модеста, не говоря уже о рядовых филерах, все они — китайцы, японцы и корейцы — казались на одно лицо.

С Гномом им повезло: большущая голова на тщедушном теле, как поплавок для рыбака, служила для филеров хорошим ориентиром. Вел он себя прилично и не пытался выбрасывать фортели со сменой такси и беготней по подворотням. По пути зашел в магазин, для вида покрутился у прилавка, но на таких детских приемах асов наружки Клещова было не провести. Его

поведение и действия они просчитывали на три шага вперед и, если Дулепов что-то не напутал, то объект никак не тянул на профессионала. Гном тупо убивал время, но после аптеки острый глаз Модеста подметил в его поведении изменения.

Объект стал суетлив, и филеры приняли «стойку». Первым на контакте с ним засветился приказчик из магазина «Кунс и Альбертс». Но Клещов не оставил за ним хвоста — приказчик был пустышкой. Подобострастная рожа, вороватые глаза, в которых застыло по червонцу, и сопливый возраст — он явно не тянул на серьезного агента красных.

Китайская забегаловка, куда затем заглянул Гном, для японского офицера выглядела явным перебором. По дороге к бульвару он сделал еще один финт — завернул в антикварную лавку. Здесь филерам Клещова пришлось напрячься — в дверях Гном столкнулся с русским, судя по одежде, конторским служащим. Он бесцеремонно протиснулся мимо гордого самурая. Клещов мгновенно отреагировал и отрядил за конторским филера.

После лавки Гном не стал нарезать круги и направился к бульвару на набережной. Непогода вымела с нее праздных гуляк, и филерам, чтобы не засветиться, пришлось вести слежку на расстоянии. Клещов, накануне схвативший простуду, быстро взопрел и широко распахнутым ртом хватал холодный воздух. Застуженное горло тут же дало о себе знать, кутаясь в шарф, он старался изо всех сил, чтобы не упустить Гнома. Тот, как назло, прибавил шаг, перед клумбой свернул на глухую аллею и пропал из вида. Филеры в душе материли коротышку и молили Бога, чтобы тот, кто придет на встречу с ним, не оказался карликом.

Клещов занервничал; интуиция и опыт подсказывали: сейчас должна произойти явка Гнома с агентом большевиков. И здесь на выручку пришла бригада Ямагато. Японские филеры догадались проскочить вперед и старательно имитировали рабочую команду, занимавшуюся разборкой летнего павильона. Маневр не помог. Гном не появился на этом маршруте. Клещов чертыхнулся — место для явки было выбрано удачно, наружное

наблюдение оказалось отсеченным. Медлить было нельзя, и он ринулся через кустарник. Перед ним открылась прогалина среди деревьев.

На ней находились Гном и неизвестный. Высоко поднятый воротник и низко надвинутая шляпа скрывали его лицо. Но Клещов ни на секунду не усомнился — перед ним европеец. Высокий рост и манера одеваться говорили сами за себя. Они сблизались, а когда сошлись, на мгновение задержались. Клещов уже не сомневался — на его глазах произошла моментальная явка. Гном сбросил информацию Долговязому — как мысленно окрестил того Клещов. Тот свернул на боковую аллею, описал полукруг и быстрым шагом направился к Речной.

Проклиная непогоду и простуду, Клещов бросился к машине.

— Гони к Речной! Долговязый в черном пальто и черной шляпе! — просипел он и рухнул на заднее сиденье.

Машина крутанулась волчком, промчалась по набережной и, пронзительно взвизгнув тормозами, с трудом вписалась в улицу. По сторонам сплошной стеной поднялись каменные коробки домов, справа промелькнул темный провал арки проходного двора. Клещов сообразил: Долговязый непременно должен им воспользоваться и крикнул:

— Быстрее на Шапалерную! Там перехватим! — приказал он водителю.

Тому пришлось изворачиваться среди теснившихся на дороге пролетов и крестьянских арб. Пробившись к Шпалерной, он остановил машину на перекрестке. Клещов соскочил на тротуар и завертел головой по сторонам. Но было поздно — Долговязый оказался профи и умело замел следы. Гоняться за призраком по Харбину было безнадежным занятием, и Клещов поплелся к машине, надеясь, что его подчиненным и бригаде Ямагато повезло больше. Надежде не суждено было сбыться. Навстречу понуро плелись два филера; Долговязый и их оставил с носом.

Подобного на памяти Клещова давно не случалось. Поднимавшаяся в нем волна гнева на подчиненных не выплеснулась наружу. Битый жизнью и начальством он быстро смекнул: раздуть скандал выйдет себе дороже; молча хлопнул дверцей и отправился в отдел контрразведки. Окончательно выбил его из колеи приезд Сасо — его машина стояла у подъезда. Проклинающая в душе всех и вся, Клещов поднялся в приемную. Там уже находился Ясновский.

— Ну, как? — с порога спросил он.

— Да так, — угрюмо буркнул Клещов.

— Хоть что-нибудь зацепили?

— Да, яйцами за провода. Теперь они ни туда и ни сюда.

— Не зарывайся, Модест! Я тебе не твои филеры.

— Доложи шефу, — отрезал Клещов и угрюмо устался в угол.

Ротмистр зло сверкнул глазами и бочком протиснулся в кабинет Дулепова.

«Черт бы побрал этого надутого японца! Как ты не во время! — терзался Клещов. — Один на один с Азолием можно как-то объяснить. Ну, психанул бы старик, ну, в рожу съездил бы, не обидно — между своими и не такое случается. А тут на глазах желтомордого и так обосраться».

Окрик Дулепова заставил его поежиться. В дверях показался Ясновский, косо посмотрел и сквозь зубы процедил:

— Проходи, Модест, но соловьем не заливайся, им сейчас не до тебя.

Клещов переступил порог и исподлобья стрельнул взглядом по Дулепову и Сасо. Оба были оживлены, а их лица покраснелись. Обычно чопорный японец сегодня не походил на себя, громко говорил и раскатисто смеялся. Разгадка стояла на столе — бутылка коньяка была наполовину пуста.

«С чего бы так веселиться? А-а, понятно, Гном засветился, — смекнул пройдошливый Клещов и приободрился. — Значит, не все потеряно. А Долговязый? Ну, нет! Я не пернапролом,

матерый волчище за версту мог почувствовать опасность и тогда ищи-свищи ветра в поле. Вот за это Азолий точно башку снес бы», — решил Клещов придерживаться этой позиции и доложил:

— Господин полковник, имею честь...

— Модест, давай без солдафонства, — барственно махнул рукой Дулепов.

— После того как объекта Гнома нам передали под наблюдение, я, памятуя ваше указание об особой важности задания, работу вел с дистанции и применял комбинированные...

— Ближе к делу, Модест, — торопил тот.

— За ним зафиксировано два заслуживающих внимания контакта. Первый имел место на выходе из антикварной лавки на набережной. Объект — русский, взят в проработку. Информации о нем пока нет, хлопцы еще не вернулись с задания. Второй произошел на бульваре, неподалеку от летних павильонов. Можно сказать, что, встречи, как таковой, не было. — И тут Клещов решил подыграть себе. — Но я дал команду хлопцам зацепить Долговязого.

— А почему Долговязого? — оживился Дулепов.

— Гном ему по яйца будет.

— Да погоди, Модест, со своей яичницей. Что за птица и откуда?

— По обличью и одежде — русский, но не из тех, кто жопой костыли в шпалы на железке забивает. Из барчуков. Я их породу за версту чую.

— Мы не на охоте. Кто такой? — торопил Дулепов.

Клещов скосил глаза на Сасо. Тот превратился в слух.

«Значит, японцам ничего неизвестно о Долговязом, — догадался он и заговорил скороговоркой:

— Объект работал со знанием дела. Маршрут выбрал с умом. На набережной в такое время хвост светится, как красный фонарь над борделем мадам Нарусовой. Сошлись они на

тропке, что отходит от боковой аллеи. Контакт был моментальный. Потом хлопцы Ямагато продолжили работу по Гному, а мы повели Долговязого. Он рванул к центру города, голову даю на отсечение, что нас не заметил, в конце улицы шмыгнул в подворотню. Я не стал устраивать гонки, чтобы не вспугнуть объект, — смолк Клещов и с опаской ждал реакции.

Лицо Сасо оставалось непроницаемым, а в глазах Дулепова вспыхнули огоньки. Клещов сжался, так как хорошо знал, что за этим последует. Но тот потрепал его по плечу и заявил:

— И хорошо, что не вспугнули. Главное, что засветился Гном, а этот, как ты говоришь, Долговязый от нас не уйдет. Не так ли, господин Сасо?

Японец кивнул головой. Дулепов, подталкивая Клещова к двери, прошипел на ухо: «В следующий раз за такую работу яйца оторву!». И уже громко потребовал:

— К вечеру на стол подробный рапорт на Гнома и Долговязого.

— Слушаюсь, — промямлил Клещов и, как ошпаренный, вылетел в приемную.

Ясновский злорадно посмотрел на его бурую физиономию, ухмыльнулся и с схиством спросил:

— Ну, как банька, Модест? Может, холодного пивка для рывка?

Клещов ожог ротмистра испепеляющим взглядом. В душе он готов был разорвать на части этого надушенного павлина, но, молча, проглотил обиду и отправился писать рапорт.

Дулепов возвратился к столу и потянулся к бутылке.

— Нет-нет! С меня хватит, — отказался Сасо.

— Как хотите, а я выпью. Недопитый коньяк все равно, что знойная женщина, брошенная в постели.

— Вам виднее, — хмыкнул японец и, поднявшись с кресла, объявил: — Мне пора, надо собраться с мыслями и наметить план дальнейших действий. Появление Долговязого — лишнее

подтверждение того, как это говорится у вас русских, что попали в самое яблочко. Жаль, конечно, что ушел...

— А, может, оно и к лучшему, — не стал развивать болезную тему Дулепов. — Главное, что мы не засветились. Дальше дело техники, кинем все силы на Гнома. Рано или поздно, но Долговязый всплывет, а за ним и резидент.

— Не будем загадывать, Азолий Алексеевич, Гном и Долговязый — это хорошо, но надо искать и другие подходы к резиденту, — не был столь категоричен Сасо.

— Отдайте мне Люшкова — и дело закрутится! Красные за ним давно охотятся.

— Хорошо. Я дам команду.

— И еще. Подкиньте деньжат, а то на этого жеребца наших не хватит, — закинул удочку Дулепов.

— Присылайте счета, оплатим, — закончил разговор Сасо, надел шляпу и вышел из кабинета.

Дулепов в одиночестве допил коньяк и затем зычно гаркнул:

— Ротмистр!

Ясновский показался в дверях.

— Не застоялся? Погарцевать не хочешь? — спросил Дулепов, и его физиономия расплылась в ухмылке.

— Вроде не жеребец, — хихикнул ротмистр и расслабился.

— Вот им и поработашь, — усмехнулся Дулепов и полез в сейф, достал пачку денег и, бросив на стол, сказал: — Забирай, тут на неделю хватит пошататься по кабакам и борделям.

Брови Ясновского поползли вверх.

— Знаю, что не охоч ты до женского полу. Водку жрать и баб щупать придется Люшкову, а тебе смотреть, чтобы эта скотина раньше времени с копыт не свалилась.

— Люшкову?! — изумился Ясновский.

— На него будем ловить резидента.

— Резидента? А если Люшкова раньше шлепнут?

— Не должны! А ты тогда на кой хрен нужен?

Ротмистр замялся.

- Что не понятно, Вадим? — нахмурился Дулепов.
- Можно вопрос?
- Давай.
- С голодухи Люшков накинется и на водку, и на баб, но потом смекнет. И как тут быть?
- Резонно. И что на ум приходит?
- Так с ходу и не скажешь, больно он ушлый, на мякине не проведешь.
- Иди от жизни. Мы ищем их резидента. Так?
- Да.
- Вот пускай и помогает.
- Как? — не мог понять Ясновский.
- Скажешь, что в Харбин направили связника из Управления НКВД по Дальневосточному краю.
- Точно! Он же там служил!
- Соображай дальше, Вадим.
- Ну, вы и голова, Азолий Алексеевич. Ничего не скажешь, хитро придумано! — восхитился он.
- Что есть, то есть. Тридцать лет за красной сволотой гоняться — это тебе не геморрой в кресле высиживать, тут и задница начнет думать, — снисходительно произнес Дулепов и поторопил: — Забирай деньги и гони за Люшковым.
- Ясновский замялся.
- Ты чего?
- Дело боюсь завалить, господин полковник. Вы же знаете мои отношения с Люшковым, где-нибудь не выдержу и сорвусь.
- Ох, и хитер же ты, Вадим, — от благодушного настроения Дулепова не осталось и следа, он сухо отрезал: — Выдержишь! Если надо будет — прикажу. Так не только водку жрать с ним станешь, а и в засос расцелуешься. Нам что, за красивые глазки японцы платят?
- Я думал, как лучше... — мямлил Ясновский.
- Это мое дело думать, а твое — выполнять. Вопросы есть?
- Никак нет.

— Работать вместе с Модестом! — закончил разговор Дулепов.

Ясновский суетливо сгреб со стола деньги и, выйдя из кабинета, вызвал машину.

Настроение было мерзопакостное. На дармовые деньги погулять, а при случае прикарманить «копейку» — это пожалуйста. Но не в компании с Люшковым. Тут было запросто самому пулю схлопотать. Расстроенный такой перспективой, ротмистр выглядел мрачнее тучи.

Унылый пейзаж — скошенные поля кукурузы, редкие перелески, за которыми проглядывали нищие китайские селения, и начавший накрапывать дождь вгоняли ротмистра в смертельную тоску. Дорога пошла под уклон, и впереди показались глинобитные китайские фанзы и русские мазанки. В одной из них скрывался от боевиков советской разведки Люшков. Искать ее Ясновскому не пришлось — среди жалких лачуг она выделялась высоким глиняным забором и массивными деревянными воротами. В глубине двора, за чахлым кустарником, виднелось несколько строений.

Появление ротмистра не осталось незамеченным; за забором произошло движение: в калитке приоткрылась прорезь и настороженная физиономия подозрительным взглядом прошла по машине.

— Ротмистр Ясновский, — представился он, сунул охраннику под нос документы и грозно рявкнул: — По приказу полковника Сасо прибыл за господином Люшковым!

Это возымело действие. Охранник засуетился и загремел запором. Ротмистр вошел во двор и решительно направился к дому. Навстречу выкатился маленький, круглый, как колобок, второй цербер, судя по лоснящимся щекам и пронырливым глазкам, — старший. Документы спрашивать он не стал, догадался, что пожаловало начальство, и на сносном русском спросил:

— Госпадина приехала к госпадина Рюскова?

— Да, по приказу полковника Сасо я забираю его, — подтвердил ротмистр.

— Моя такой приказ получила. Госпадина звать Яснова?

— Да.

— Оценъ карасе! Оценъ карасе! — зачастил колобок и покатился к дому.

Вслед за ним ротмистр прошел в дом. В комнате царил полумрак. Середину ее занимал круглый стол, покрытый плюшевой скатертью, в углу, на шкафу, блестел надраенной медью тульский самовар, невесть как оказавшийся здесь.

— Вы ко мне? — раздался голос.

Ясновский не заметил, как вошел Люшков, и про себя отметил: «А ты сильно изменился. Видать, не сладко приходится, раз японцы тебя в такой дыре держат».

С того времени, когда они встречались в последний раз, Люшков осунулся и сдал. Залысины добрались до самого затылка, кудрявый смоляной хохолок поник, нос вытянулся и сизой сливой навис над брезгливо поджатыми губами. Прежними оставались только глаза. Из-под густых, кустистых бровей они хитрыми буравчиками сверлили Ясновского.

— К вам, к вам, Генрих Самойлович, — подтвердил ротмистр и сделал в его сторону реверанс. — Ценим и не забываем о вас.

— С чего бы это? — насторожился он.

— Ну как же, служим одному делу и...

— Ладно, ротмистр, оставьте эти сказки для дураков. Говорите прямо — зачем пожаловали? — перебил Люшков.

— Вам что, не осточертело торчать в этой дыре?

— Допустим. А вы что предлагаете?

— Харбин вас устроит?

— С чего такая милость?

— Как с чего? Взяли боевиков, тех, кто готовил на вас покушение, вышли на радиста резидентуры.

— И что — взяли? — оживился Люшков.

— К сожалению, только труп и полусгоревшие бумажки, но шифровальщики кое-что прочли. В ближайшие дни в Харбин прибывает связник НКВД. Встреча с резидентом намечена в одном из ресторанов. Требуется ваша помощь. Азолий Алексеевич и господин Сасо очень на вас надеются, — вдохновенно врал Ясновский.

— А я тут с какого бока?

— С самого нужного. Связник направлен Управлением НКВД по Дальневосточному краю, так что готовьтесь встречать сослуживца. К сожалению, точная дата и место встречи неизвестны — то ли «Новый свет», то ли «Модерн», то ли «Погребок Рагозинского».

— Век бы его не видал, — процедил Люшков.

— Ну, почему же. В тюремной камере он очень даже неплохо будет смотреться, — хохотнул ротмистр.

— Ладно, едем. Осточертело сидеть в этой норе, — согласился Люшков и ушел в спальню собираться.

Через полчаса, погрузив нехитрый скарб в машину, они выехали в Харбин. К месту добрались в сумерках. Конспиративная квартира дулеповской контрразведки находилась на улице Нижняя, рядом с Благовещенским собором. Ясновский провел Люшкова по комнатам и, оставив ключи, предупредил, что будет через час. Оставив его обживаться, ротмистр отправился домой, переоделся и возвратился.

Люшков уже был готов. Он, как застоявшийся конь, рвался из узды, чтобы пуститься во все тяжкие. Обход ресторанов они начали с «Модерна». В него Люшков вошел вальжной походкой светского льва, небрежно смахнул пальто на руки гардеробщику, взбил поредевший кокон волос и, перепрыгивая через ступеньки, спустился в зал.

Ясновский выбрал столик, с которого хорошо просматривался вход. Тут же перед ними появился официант. Люшков не стал мелочиться и, решив сполна отыгаться за «китайскую

диету», сделал заказ. Ротмистр недовольно нахмурился — такой нагрузки кошелек мог и не потянуть. И пока официант занимался заказом, Люшков плотоядным взглядом пожирал обнаженные женские плечи, роскошные груди, наливными яблоками выпиравшие из смелых декольте. Приметив парочку стоящих бабенок, он оживился.

Ясновскому надоело глазеть на закуски; он разлил водку по рюмкам, и первый тост, как водится, подняли за здоровье, а дальше пили за все подряд. Вскоре на эстраде заиграл оркестр, и публика заметно оживилась. Люшков нацелился на томную брюнетку и пригласил на танец, отгарцевав, возвратился к столику, подмигнул Ясновскому и набросился на аппетитно поджаренную свинину. После осточертевшего риса он блаженствовал, но в какой-то момент почувствовал себя не в своей тарелке.

Обостренное чувство опасности подсказывало: не все так благополучно, как пытался представить ротмистр. Люшков занервничал. Мимо его ушей пролетала болтовня Ясновского, а обнаженные ляжки скачущих на эстраде девиц далеко не первой молодости не будили похотливых желаний. Шум ресторана перестал кружить голову. Люшков быстро протрезвел и исподволь наблюдал за публикой. Ничего подозрительного не заметил и подумал, что ему померещилось, но тут поймал на себе пристальный взгляд и скосил глаз в ту сторону.

За столиком у колонны сидели трое — двое русских служащих средней руки из числа тех, кто протирает штаны в конторах и торговых лавках, и их подруга. На нее без слез смотреть было невозможно. Худая и плоская, как доска, с квадратным подбородком и большими неровными зубами, она отвечала своим кавалерам замороженной лошадиной улыбкой.

«Мужики, вроде, ничего. Но баба?.. И что они нашли в этой кобыле?» — недоумевал Люшков, и в его голове снова зашевелились смутные подозрения.

Странная компания изредка прикладывалась к рюмкам, вяло ковырялась вилками в тарелках и постреливала цепкими взглядами по залу. Люшков напрягся. Ему ох как хорошо был знаком этот взгляд! Троица засуетилась. Верзила резко опустил руку под стол, и здесь вся жизнь Люшкова промелькнула в одно мгновение...

Как и в то июньское утро 1938 года ледяющий холодок зашевелился между лопаток. Он принял окончательное решение — уйти к японцам. Растерянный начальник заставы и пограничный наряд остолбенело смотрели, как начальник Управления НКВД уходил в сторону Маньчжурии, а когда спохватились, то было поздно.

Густой туман молочной рекой выплеснулся из распадка на нейтральную полосу, серебристой росой осел на высокой траве, голенищах сапог, прохладными струйками потек по пышущему жаром лицу Люшкова. Пограничники продолжали что-то кричать вслед, а он упорно шел вперед, страхась оглянуться назад и увидеть вспышку выстрела. Закончилась полоска вспаханной земли. Их проклятой земли! Он не выдержал и сорвался на бег. Прочь от ненавистного Берии, его холуев, братьев Кобуловых, и этой проклятой советской власти! Власти, которая выпила, высосала из него все соки. Власти, которой он отдал себя без остатка.

В 1916 году с юношеской пылкостью Геня Люшков окунулся в подпольную работу. По ночам, скрываясь от полицейских, вместе с парнями из рабочих дружин расклеивал по улицам Одессы большевистские листовки, а когда в городе установилась советская власть, без раздумий вступил в Красную гвардию. Во время оккупации Одессы немцами остался на подпольной работе. В феврале восемнадцатого был арестован, но сумел бежать из тюрьмы. Отчаянно рубился с бандитами Петлюры, пока не заболел сыпняком, и, три недели провалявшись в выстуженном вагоне, чудом выжил, а как только поднялся на ноги, опять ринулся в бой. Под Каневым попал в окружение, четверо суток

петлюровцы преследовали отряд по пятам, но ему с горсткой красноармейцев удалось пробиться к своим.

Партия заметила преданного бойца и в июне двадцатого направила в ЧК. Там он по-прежнему не щадил ни себя, ни врагов и каждую новую служебную ступеньку зарабатывал потом и кровью. Орден Ленина и знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ» ему вручили не за красивые глазки. Прошло целых шестнадцать лет каторжной работы без отпусков и выходных, когда, наконец, его оценили. При назначении на должность начальника Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю сам грозный Николай Иванович Ежов наставлял, как оправдать доверие партии и сберечь драгоценную жизнь товарища Сталина, наезжавшего на отдых в Сочи и Гагру.

Новоиспеченный комиссар госбезопасности 3-го ранга Генрих Люшков дневал и ночевал на спецобъектах, выполняя указания наркома, в надежде увидеть и услышать Вождя, быть рядом и дышать одним воздухом с ним, товарищами Ворошиловым, Молотовым и Ежовым. Могла ли когда-нибудь тетя Муся представить, что сын одесского портного, которого последний городской с Гороховой трепал за пейсы, будет так близок к самому товарищу Сталину.

И в тот момент, когда он мог оказаться рядом с Вождем, изменчивая фортуна повернулась к нему задом. Гром грянул среди ясного неба. Вместе с архитектором Мироном Мержановым они надрывали пупы, готовя под Сочи новый спецобъект для Сталина. Дача получилась как картинка, принимать ее прилетел всеильный Власик. Зажравшийся боров! Не так его приняли, сапоги у фонтана замочил, а то, что перед этим в Гагре нализался, как свинья, и обоссался в штаны, так это ничего. История с фонтаном навсегда похоронила карьеру Люшкова. С подачи Власика его сослали в Сибирь.

Здесь, у черта на куличках, предстояло доживать до пенсии, и он с горя запил. Но беда, как водится, не ходит одна. Однажды в компании с заместителями зашел разговор, кто с

кем и где служил. Кто-то начал нахвалять братьев Кобуловых, которые с приходом в наркомат Берии круто пошли в гору, и черт дернул его за язык ляпнуть: работники они — как из говна пуля, зато жополизы отменные. Дальше, войдя в раж, брякнул, что «задницу начальству лизать можно, но повизгивать от удовольствия — это уж слишком».

Мерзавец зам в тот же вечер заложил его с потрохами и наверняка приврал с три короба. Через неделю в управление нагрнула московская комиссия и начала копать. Работала две недели, уехала молча и прихватила с собой двух начальников отделов, те назад не вернулись. Следующим на очереди должен был стать он. Дурные предчувствия не обманули: на 12 июня ему назначили встречу у «живодера» Богдана Кобулова. Какая к черту встреча! В Москве его ждала пуля.

И сейчас, когда Клетчатый сделал движение, он отшатнулся за Ясновского и сдавленно просипел:

— Столик у колонны! Клетчатый!

Ясновский дернулся и через мгновение с облегчением выдохнул:

— Свои. Нас прикрывают.

Люшков в изнеможении расплылся по спинке стула и какое-то время находился в ступоре. Ротмистр посмотрел на него с сочувствием, взял бутылку, налил рюмки до краев и предложил выпить. После такой встряски у Люшкова пропало всякое настроение, и Ясновскому стоило немалых трудов уговорить его поехать в «Новый свет». Там тоже не оказалось ни советского связника, ни боевиков, которые теперь повсюду мерещились предателю. Далеко за полночь Ясновский, сам чуть живой, отвез его на конспиративную квартиру.

Так продолжалось четыре дня. За это время они обошли все значные места Харбина, но так и не натолкнулись на связника. Очередное утро для Люшкова началось с похмелья. Голова гудела, как медный котел, язык шершавой теркой обдирает губы, а изо рта так несло, будто в нем переночевал табун лошадей. Он с

трудом сполз с постели, и едва ноги коснулись пола, как острая рвущая на части боль прострелила колени и раскаленным металлом разлилась по позвоночнику. Люшков кулем свалился на кровать. В последние годы с приближением зимы на него наваливалась эта напасть, перед которой были бессильны врачи, единственными спасителями были китайские лекари.

«Началось, надо ехать к Чжао», — вспомнил Люшков, превозмогая боль, дотянулся до телефона и позвонил Ясновскому. Тот не заставил себя ждать и через час изрядно помятый после вчерашнего загула поднялся в квартиру. С его помощью Люшков спустился к машине, и они отправились к лекарю.

Аптека Чжао находилась в районе пристани, была хорошо известна в городе, и Ясновскому не составило большого труда отыскать ее. Старик сразу же узнал старого пациента, сочувственно зацокал языком, с помощью ротмистра провел в комнату, располагавшуюся за конторкой, и уложил на топчан. Маленький, сухонький, с абсолютно лысым черепом и обезьяньим личиком, на котором жили одни глаза, Чжао живо принялся за дело. Ясновский деликатно удалился.

Люшков закрыл глаза и отдался во власть рук старика и его загадочной терапии су-джок. Длинные и узловатые, как корни женьшеня, пальцы Чжао коснулись одеревеневшего от боли тела. И о чудо! Прошло немного времени, она начала затихать, и Люшков погрузился в расслабляющую дрему. Очнулся он от легкого покалывания в кончиках пальцев. Чжао макал в какую-то желтоватую жидкость короткие иголки и затем легким, неувимым движением вонзал их в его руку. Вскоре она наполнила ошетилившегося ежа. И когда старик закончил процедуру, Люшков не решался встать. Первое движение далось ему с трудом. В нем все замерло в предчувствии дикой боли в спине, но он ее не ощутил. Радостный Люшков вышел к Ясновскому.

Ротмистр был занят разговором с высоким темноволосым господином. Увидев Люшкова, он не смог сдержать удивления и воскликнул:

— Генрих, это чудо! Ты ходишь!

Высокий обернулся к Люшкову. Удивленно-радостный взгляд Ольшевского заставил его поморщиться. Но Павла это не смутило. Нахально сунув руку, он представился:

— Прохор!

— Генрих Самойлович, — неохотно назвал себя Люшков.

— Извините за беспокойство, но я так рад нашей встрече.

Это такая удача!

Люшков и Ясновский недоуменно переглянулись.

— Господа, к кому я только не обращался, но отцу ничего не помогает. А тут...

— Мы-то здесь причем? — недоумевал Ясновский.

— Господин Чжао поставил Генриха Самойловича на ноги!

— Как видите, — буркнул Люшков, напоминание о болезни испортило настроение.

— Генрих Самойлович, это поразительно! И что — никаких болей? — продолжал допытываться Прохор.

— Не жалуясь. Извините, молодой человек, но я тороплюсь, — свернул разговор Люшков и, бросив деньги на конторку, вышел на улицу. Ольшевский отступил к окну. Ясновский смахнул сдачу и покинул аптеку. Павел с трудом дождался, когда они сядут в машину.

Прошло два дня, как из Москвы пришел ответ на запрос Дервиша о болезни Люшкова. И надо же такому случиться — они столкнулись нос к носу. В том что это был он, у Павла сомнений не возникало. Фигура, осанка и глаза, их никак не изменишь, и, наконец, имя и отчество — все совпадало. Как только машина с Люшковым скрылась за углом, Павел поспешил на квартиру Свицерских. Доктор находился на месте, он попросил его разыскать резидента, а сам возвратился в контору.

Незаметно прошмыгнув мимо кабинета Ван Фуцзю, — частые отлучки вызывали у него раздражение — Павел заскочил к себе в конторку. Вытащив из шкафа толстые гробсбухи, он засел

за работу, но не мог сосредоточиться над столбцами цифр — все мысли занимал Люшков. За этим занятием его застал Дмитрий. Он тоже искал резидента. На только что завершившейся явке с Леоном тот сообщил «убойную информацию».

Судя по ней, жандармское управление затеяло с советской резидентурой свою игру. Дулепов с подчиненными по нескольку раз на день появлялись в здании и надолго запирались в кабинете Сасо. Зачастили туда и офицеры из разведотдела штаба Квантунской армии — подполковник Ниумура и майор Дейсан. О чем они вели разговоры, Леону не удалось узнать. Но позже в разговоре с Сасо тот обронил фразу, которая дорогого стоила. Раздраженный всей этой суетой он бросил в сердцах: возня с планом «Кантокуэн», затеянная разведотделом, свелась к сотрясанию воздуха.

И это было еще не все. Накануне Леон встретил в городе Люшкова. Свое появление тот отметил грандиозной пьянкой и шумной дракой в ресторане «Тройка». События развивались с такой калейдоскопической быстротой, что требовалось немедленное участие Дервиша. Первым адресом, куда они заглянули, стал дом Свицерских. Доктор успел оповестить резидента, и он с нетерпением ждал Павла. Его появление вместе с Дмитрием вызвало на лице Дервиша недовольную гримасу — руководителям резидентуры из соображений безопасности собираться в одном месте без острой необходимости было запрещено. Но дело до разноса не дошло, вмешался Свицерский и пригласил всех к столу.

— Глеб Артемович, их не кормить, а хороших плетюганов всыпать им надо! Совсем разболтались, — проворчал Дервиш.

— Саныч, на голодный желудок много не навоюешь. Поужинаем, а там видно будет.

— Ох, и добрый же ты, Глеб Артемович; гляди, как бы без зятя не остаться.

— Это кто тут меня замуж выдавать собрался? — из верхних комнат донесся возмущенный голос.

По ступенькам лестницы застучали каблучки, и раскрасневшаяся Анна, сжав пальцы в кулачки, решительно двинулась на Дервиша. Ее лицо горело румянцем, брови изогнулись гневной дугой, а на щеках появились задорные ямочки. Свицерский усмехнулся в бороду, сложил руки на груди и снисходительно сказал:

— Сам виноват, Саныч, прогневил львицу, теперь защищайся.

— Сдаюсь, согласен на ужин, — рассмеялся Дервиш и, обняв девушку, ласково сказал:

— Ты уж нас извини, Аннушка, мы сначала посеCRETничаем, а потом непременно отведаем твоего знаменитого пирога.

— Э, нет, чаем от нас не отделаетесь, — не уступал Свицерский.

— Хорошо, уговорили, накрывайте стол, — сдался Дервиш и направился к лестнице.

Вслед за ним — Дмитрий с Павлом, поднялись на второй этаж и зашли в кабинет Свицерского. Дервиш плотно прикрыл дверь и, не стесняясь, дал себе волю:

— Вы что, совсем сдурели? Мальчишки! Федорова вам мало? Контрразведка на пятках висит, а вы в обнимочку по Китайской прогуливаетесь...

— Саныч! Саныч! — пытался вставить слово Павел.

— Что, Саныч? Если на себя наплевать, так о других подумайте. Квартиру доктора хотите провалить? Не мне вам объяснять, что мясники Дулепова сделают со стариком и Анной.

— Но такого случая может и не представится, удача сама в руки прет! — горячился Дмитрий.

— Какого такого случая? Какая еще удача? Смотри, чтобы в другом месте не поперло, тогда никаких штанов не хватит!

— Люшков в городе объявился! — выпалил Павел.

— Да?.. Где? — Дервиш забыл о нарушениях конспирации.

— В аптеке Чжао.

— Какого черта его понесло?

— Болячку лечил.

— Откуда знаешь?

— Сам сказал.

— Кто, Люшков? — изумился резидент.

— Он самый, — подтвердил Павел.

— Ты с ним говорил?

— Как с вами.

— Ну, авантюрист! Ну, авантюрист! Ну...

— Все нормально, Саныч! У него никаких подозрений не возникло, — заверил Павел и предложил: — Там надо организовать засаду!

— Засаду? — Дервиш задумался.

— Саныч, такого случая больше не представится! — наседал с другой стороны Дмитрий.

Резидент не спешил с решением, на его лицо легла тень, и он, покачав головой, ответил:

— Нет, ребята, что-то тут не так. Но не пойму, где собака зарыта. С чего это вдруг японцы вытащили Люшкова на свет божий?

— Не только вытащили, а еще и засветили. Леон сообщил, что он в обнимочку с Ясновским по кабакам ходит, а вчера в «Тройке» устроил пьяный дебош. К чему бы это? — задался вопросом и Гордеев.

— Да-а, интересно получается... На Дулепова не похоже, он за лишнюю копейку удавится, — терялся в догадках Дервиш.

— Не знаю, Саныч, может, оно друг с другом не связано, но с появлением Люшкова Дулепов зачастил в жандармское управление, там же замечены Ниумура и Дейсан. Похоже, японцы повели с нами игру по-крупному, — предположил Дмитрий.

— Вот только какую? И что за роль отведена в ней Люшкову? — не мог разгадать этот японский ребус Павел и вопросительно посмотрел на Дервиша.

Резидент знал значительно больше, чем они, и ему, вероятно, были известны те тайные пружины, что сейчас двигали япон-

ской разведкой и контрразведкой. Опыт и интуиция говорили Павлу: противник решил своими острыми ходами побудить раскрыться резидентуру, и в этом предположении он не ошибся. Резидент не стал пускаться в долгие объяснения, перед ним находились профессионалы, и коротко пояснил:

— Японцы готовятся к наступлению, а мы им здорово мешаем, вот и решили обострить игру. Подставляя нам Люшкова, они рассчитывают убить двух зайцев: выманить нас на себя и отвлечь от главного — подготовки к нападению.

— Но мы-то не лыком шиты и напролом не пойдём! — заявил Павел.

— Тянуть с Люшковым тоже нельзя, Центр своей задачи не отменял, — напомнил о приказе наркома Дмитрий и предложил: — Надо организовать засаду у аптеки. Там у него нет серьезного прикрытия, ротмистра и водилу нейтрализовать труда не составит.

— Стоп, ребята! Не будем пороть горячки, — охладил их пыл Дервиш. — Задание, безусловно, надо выполнить, но прежде все — обмозговать.

Дмитрий с Павлом не стали спорить, снизу их поторавливал к столу Свидаерский. Запах пирога, а больше — близость к Анне заставили молодых людей на время забыть о Люшкове и жандармах.

Глава 9

Крылов разбудил Плакидина, когда самолет приземлился на подмосковном военном аэродроме. Все вокруг было погружено в кромешную тьму. Столица затаилась в ожидании очередного авиационного налета. С запада приближался нарастающий гул мощных моторов, по небу зашарили лучи прожекторов, затем заухали зенитки, и во всполохах разрывов проступили хищные силуэты гитлеровских бомбардировщиков. Шевцов бросил взгляд на часы — время поджимало — и спросил Крылова:

— Будем ждать, Сережа?

Тот прислушался к зенитным разрывам и неуверенно ответил:

— Похоже, сюда не прорвутся!

— Вчера дальше Речного не пустили, — подтвердил водитель.

— Поехали! — решил Крылов.

— Сереж, а если с ним что случится? — напомнил Шевцов о приказе Фитина: доставить Плакидина живым и без единой царапины!

— Если б да кабы... Чё гадать! — отмахнулся он и сел в машину.

Задние места заняли Шевцов с Плакидиным. Под вой воздушных сирен и лай зениток они поехали на Лубянку. Ровный гул мотора и мерное покачивание на хорошо укатанной дороге быстро усыпили Ивана, рядом сонно клевал носом Шевцов. Позади остались перелески и начались окраины Москвы. Крылов расслабился и расстегнул тулуп. Эхо взрывов удалялось все дальше к югу. Вдруг дорога вздыбилась, и ослепительная вспышка разорвала темноту. Земля содрогнулась, и ударная

волна подбросила машину. Вторая авиабомба разорвалась поблизости, и куски смерзшейся земли забарабанили по капоту и стеклу.

— Глуши! Всем в укрытие! — крикнул Крылов.

Водитель резко сбросил газ, машина вильнула на обледеневшей дороге и ткнулась в снег.

Шевцов очнулся и, выпихнув наружу еще не пришедшего в себя после сна Плакидина, кубарем скатился в кювет. Иван слетел в сугроб, снег шершавой теркой прошелся по лицу. Он ошалело вскочил на ноги и ничего не мог понять.

— Ложись! Ложись, дурак! — надрывался Крылов.

Его голос потонул в вое новой бомбы. А Плакидин продолжал торчать как свечка.

«Идиот! Чего стоит?! Что я привезу Фитину?» — похолодел Крылов от этой мысли, выскочил из укрытия и в стремительном броске сшиб Ивана на землю.

В следующее мгновение она вздрогнула и черно-багровым грибом вздыбилась рядом с ними. Взрывная волна обожгла дыхание и стеганула по лицам. Камни и куски льда просыпались на спины. А потом наступила тишина. Бомбежка закончилась так же внезапно, как и началась. Отряхиваясь и ощупывая себя, первыми поднялись Шевцов с водителем. Крылов с Плакидным остались лежать.

— Сережа, что с тобой? — окликнул Шевцов и, не услышав ответа, бросился к нему.

Из рваной раны на шее Крылова хлестала кровь.

— Митя, ко мне! — закричал Шевцов.

Водитель бросился на помощь. Двоем они перенесли Крылова в машину. Плакидина не зацепило, он сам забрался на заднее сиденье. Шевцов разрывался между требованиями инструкции, категорически запрещающей любые отклонения от маршрута, и необходимостью срочной помощи Крылову. Раны, судя по всему, оказались тяжелыми, он на глазах терял силы. Иван догадался и решительно заявил:

— Капитан, едем в госпиталь! Инструкции инструкциями, а жизнь одна!

— Василь Степаныч, тут по пути один есть, — поддержал его водитель.

— Туда, Митя! — распорядился Шевцов, затем сдернул с себя куртку, гимнастерку и принялся рвать на бинты нагельную рубаху. Иван пришел ему на помощь, вместе они перевязали раны Крылова. Водитель выжимал из машины все, что мог, и лишь на комендантских постах притормаживал, чтобы не получить вслед автоматную очередь.

Перед глазами Плакидина мелькали горящие развалины, вывороченные с корнями деревья, исковерканные машины. Улицы оцетинились противотанковыми ежами, а перекрестки бугрились опорными пунктами, выложенными мешками из песка. Лица часовых были напряжены и суровы, но в их глазах он не заметил растерянности и страха. Столица готовилась стоять насмерть.

«Как такое могло случиться, что фашисты дошли до Москвы? Как?!» — это не укладывалось в его голове.

Он и другие разведчики предупреждали об угрозе войны, когда она еще вызревала в пивных Мюнхена и под крышей дворца императора Хирохито. Но им не вняли. Чувство горечи и обиды, что жило в Плакидине последние годы, здесь, в осажденной столице, стало мелким и несущественным перед той страшной бедой, что обрушилась на страну и народ. Народ, который в очередной раз оказался сильнее и благороднее своих правителей. Отбросив в сторону прошлые обиды, он встал на пути вероломного врага. Врага, который сегодня сеял смерть в самой Москве.

Бешеная гонка по улицам города закончилась. Впереди перед аркой госпиталя творилось столпотворение, и только удостоверение НКВД и изворотливость Мити позволили пробиться им к крыльцу. Шевцов выскочил из машины, перехватил двух санитаров с носилками, заставил переложить на них Крылова и отнести в приемное отделение. Дежурный хирург

опытным взглядом прошелся по раненому и распорядился немедленно отправить в операционную.

К Лубянке они подъехали с опозданием. Ее мрачная громада не вызвала в Иване никаких чувств. Он послушно шел за Шевцовым. На входе в подъезд они застряли. Часовой мусолил бумаги на него и не решался пропустить.

— Ты чё, читать не умеешь? Там же по-русски написано! — потерял терпение Шевцов.

— Еще тебя научу, — огрызнулся часовой.

— Чт-о-о?! Не видишь, кто подписал?

— Без коменданта не могу.

— Какой еще комендант! У меня приказ самого наркома! — и рука Шевцова потянулась к португес часового.

Тот дрогнул и отступил в сторону. Иван с Шевцовым вошли в подъезд и поднялись к лифту. В лифте Плакидин почувствовал себя неуютно под холодным взглядом старшего лейтенанта и отвернулся к стенке.

— Иван, нам выходить, — на очередной остановке позвал Шевцов.

Они вышли на просторную лестничную площадку и двинулись по длинному коридору. По коридору, который жил своей, отличной от всех других советских учреждений, жизнью. Особенная тишина властвовала здесь повсюду: толстые ковровые дорожки гасили шум шагов, а обитые кожей двери не пропускали звуков. У одной из них Шевцов остановился и заглянул в приемную. В ней никого не было, он неуверенно шагнул вперед и постучал в неплотно прикрытую дверь.

— Заходите, — пригласили его.

Вслед за Шевцовым Иван прошел через тамбур и оказался в просторном кабинете. Обстановка в нем мало чем отличалась от той казенной, что царила в наркомате. У стены стояли кожаный диван и два кресла. Напротив, за большим дубовым столом, под портретом Сталина расселся молодой человек в военной форме без знаков различия.

«Порученец или помощник? — подумал Плакидин, а тот продолжал бесцеремонно копошиться в папках. — Нахал, как тебя терпит твой хозяин?»

«Нахал», нисколько не смущаясь, продолжал самоуверенно распоряжаться:

— Присаживайтесь, товарищ Плакидин, а вы, товарищ Шевцов, свободны.

Иван подумал, что ослышался: так за последние четыре года его никто не называл. Он присел на стул у приставного столика и посмотрел на дверь в смежную комнату. Хозяин кабинета из нее так и не появился. А «нахал» захлопнул толстую папку с бумагами и посетовал:

— Хотите верьте, хотите нет, но мы когда-нибудь утонем в бумагах.

— Пока не знаю, кому верить, — осторожно ответил Плакидин.

«Нахал» мягко улыбнулся и представился:

— Фитин Павел Михайлович, начальник Первого управления НКВД.

— Извините, название мне ни о чем не говорит.

— Разведка.

— Да!? — поразился Иван молодости ее начальника и совершенно другим взглядом посмотрел на него.

Опытный разведчик, прошедший суровую школу в большевистском подполье на Украине, а затем пятнадцать лет пропахавший на нелегальной работе, Плакидин мысленно сравнил Фитина с бывшим своим руководителем Берзиным.

«Наверно, около тридцати? — прикинул он и ужаснулся: — И он руководит разведкой всей страны! Но это невозможно! Необстрелянных, зеленых мальчишек ставить на такое дело».

Фитин не спешил начинать разговор, и, не скрывая любопытства, откровенно рассматривал того, от которого во многом зависели успех предстоящей операции и его собственная судьба. Его взгляд цеплял каждую мелочь.

«Костюм фасонистый — явно с чужого плеча. Рубашка и галстук тоже не твои, ты такое носить не станешь. Разведчик не должен выделяться, эта аксиома даже в том аду, где ты оказался. Похоже, в приступе усердия лагерное начальство вытряхнуло заначку блатаря-пижона. Вон как старалось, такую прическу, как у тебя, в Москве до войны еще поискать надо было. Держишься ты молодцом, чувствуется старая школа. Потерял достоинство — потерял самого себя. А глаза! В них нет ни страха, ни заискивания. Да, остались от тебя кожа да кости, но не сломался!» — заключил Фитин и, пододвинув к Плакидину пачку «Беломора», предложил.

— Закуривайте, Иван Леонидович.

— Спасибо. Там такое дорого стоит, пришлось бросить, — сначала отказался Иван, но, не устояв перед искушением, потянулся к папиросам.

— Понимаю, — согласился Фитин и продолжил разговор. — Я изучил ваше дело и должен сказать, к глубокому сожалению, таких трагедий произошло немало.

— Я, слава богу, жив, а сколько безвинных сгинуло в тюрьмах и лагерях. Какие... — Плакидин не смог договорить. Дрожащие пальцы никак не могли ухватить папиросу. Он скомкал ее и, не в силах сдержать себя, крикнул: — Нет, как вы могли!.. Как допустили, что захватили полстраны и бомбы рвутся в Москве! Как?..

Фитин ничего не ответил, порывисто поднялся из-за стола и возбужденно заходил по кабинету. Перед ним находилась еще одна бессмысленная жертва «Большого террора». Изможденный голодом, холодом и дикой несправедливостью этот человек думал не о себе, а о ней — о Родине, от имени которой его осудили на бесчестье и смерть. Фитин поражался мужеству и стойкости Плакидина, которого не сломали ни предательство друзей, ни унижения тюрьмы, ни каторжный труд в лагере.

«Формально, по закону, ты особо опасный государственный преступник, враг народа! Твой приговор никто не отменял,

но то было вчера, — размышлял Фитин, пытаясь найти верный тон в разговоре с Плакидиным. — Война все изменила, она сурово и безжалостно разделила на их и нас. Их — тех, кто вероломно напал на страну, и предателей, которые до поры до времени таились, а теперь решили отыграться сполна.

Так кто же ты, Иван Плакидин? Кто? — снова и снова задавал себе этот вопрос Фитин. — Смертельно обиженный на советскую власть человек или сохранивший в нее веру? Ты, пройдя все девять кругов земного ада, а не дантовского, загробного, сумел устоять. Ты не оклеветал и не потащил за собой никого из соратников. Ты и сейчас думаешь не о себе, а о той страшной беде, что нависла над столицей и страной.

Нет, ты не враг. Какой ты к черту враг! — дерзкий ум молодого начальника разведки загорелся смелой идеей. — А что, если тебя самого подключить к операции? Рискованно? Несомненно! Работа с врагом народа — это не шутки, малейшая ошибка — и окажешься с тобой в одной камере...

Страшно? А кому сейчас не страшно. Нет, надо рисковать, — все больше укреплялся Фитин в своей мысли. — Прямое участие Плакидина в работе с Саном активизирует операцию и позволит выполнить задачу товарища Сталина в срок. Но как убедить в этом Лаврентия Павловича? Как? Тут одних эмоций и слов о надежности Плакидина явно недостаточно. Необходимо найти надежный крючок, с которого невозможно сорваться...

Жена и сын живы. Родственники врага народа — серьезный аргумент для Берии. Если их вытащить из лагеря в «шарашку», посадить на льготный режим и дать усиленный паек, а Плакса направить в Штаты, то получится неплохой размен. Он нам — Сана с материалами, а мы — жизнь жене и сыну. Вариант выходит железный, Лаврентия Павловича должен устроить», — окончательно определился Фитин, возвратился к столу и возобновил беседу.

— Кто такой агент Сан, насколько глубоко он способен осветить положение в высших кругах США и Японии?

Этот прямой вопрос заставил Плакидина подобраться. Он, как настоящий профессионал, не спешил раскрываться, а ждал очередного вопроса Фитина.

— Положение тяжелое, вы все сами видели. В этой ситуации мы можем рассчитывать на вас и Сана в решении важной задачи? — повторил вопрос Фитин.

Такая прямая постановка вопроса рассеяла опасения Плакидина, что НКВД ведет с ним какую-то темную игру, и он заговорил на языке разведки:

— Такая постановка задачи требует твердых гарантий, что его жизнь и репутация не пострадают.

— Да, — подтвердил Фитин и не отвел в сторону глаз.

— Скорее, даже репутацию. В положении Сана она значит больше, чем сама жизнь. В свое время он был вхож в ближайшее окружение президента США и императора Хирохито.

— В этом вы можете быть абсолютно уверены. Его безупречная репутация — залог успешного выполнения задания.

— Хорошо. Что от меня требуется?

— Ничего сверхъестественного. Восстановить с ним связь и продолжить работу.

Рука Плакидина с папиросой повисла в воздухе. Он не мог поверить в то, что услышал, и, с трудом находя слова, переспросил:

— Я... я... не ослышался?

— Нет.

— К-а-а-к! Вы доверяете врагу народа?

На лице Фитина появилась болезненная гримаса, он нажал на кнопку звонка — в дверях появился помощник — и распорядился:

— Принесите чай и что-нибудь к нему.

— Есть! — ответил тот и вышел.

В беседе возникла пауза. Фитин не спешил форсировать события и решил дать время Плакидину прийти в себя. Иван вытащил из пачки новую папиросу, но так и не закурил. Боясь услышать самое страшное, он, не поднимая глаз, спросил:

— Что с моим сыном и женой?

— Они живы, — ответил Фитин.

— Живы?! — воскликнул Плакидин и приподнялся со стула.

— Видите ли, Иван Леонидович, — Фитин старательно подыскивал слова, — по закону близкие родственники врага народа, извините, репрессированного, подлежат...

— Я знаю. Что с ними?

— Они находятся под Нижним Тагилом, но в ближайшее время в их судьбе произойдут существенные изменения. Мы переведем их сюда в нормальные условия.

— Что значит — существенные изменения?

Фитин не стал кривить душой и честно ответил:

— В нынешнем положении больше того, что я сказал, сделать не могу. Здесь они будут обеспечены всем необходимым, а остальное — их полная свобода — зависит от результатов вашей работы в Штатах.

— Страхуетесь? — на этот раз в голосе Плакидина не было ожесточения. Со всей искренностью он заявил:

— Я вам, Павел Михайлович, очень благодарен. Вы не Господь Бог, но сделали гораздо больше, чем мог начальник разведки. Я не стану говорить высоких слов, профессионалы в них не нуждаются, наш судья — совесть и время.

— Вот и договорились, — оживился Фитин, на его лице появилась открытая улыбка, и предложил: — Пока передохните, а потом побалуемся чайком.

Иван остался один в кабинете. Из приемной доносился голос помощника Фитина, он звонил в столовую. Несмотря на поздний час, на столе перед Плакидиным появился поднос. На нем ароматно дымилась чашка с настоящим чаем, на блюде золотились аккуратно нарезанные дольки лимона, а в вазе было черничное варенье. Иван ничего этого не видел и все еще не мог прийти в себя. За последние сутки с ним произошло столько невероятных событий, что их вполне хватало

бы на целую жизнь. Ему страстно хотелось верить молодому и, похоже, искреннему в своих намерениях руководителю советской разведки.

Шум шагов заставил Плакидина встрепенуться. Из смежной комнаты в кабинет стремительно вошел крепко сбитый, но уже успевший погрузнеть мужчина, за ним показался Фитин. Не здороваясь, он прошел к столу, уверенно занял кресло начальника разведки, а тот так и остался стоять.

— Садись, Павел Михайлович, — властно произнес вошедший и впился глазами в Ивана.

Тот поежился под его тяжелым взглядом, и холодок обдал спину — перед ним сидел Берия. Вблизи нарком сильно отличался от своих парадных портретов, висевших в кабинете начальника лагеря и в клубе. Большие залысины и серый цвет лица старили его.

Разговор начался с неожиданного вопроса Берии:

— Плакидин, на советскую власть обижаетесь?

— Нет, я за нее сражался, — помедлив, ответил Иван.

— Правильно делаете, — категорично отрезал Берия и заговорил чеканными словами:

— Честные коммунисты не имеют ничего общего с наймитами мировой буржуазии, пробравшимися в ряды чекистов и пытавшимися захватить власть в партии и стране! Товарищ Сталин разгадал их коварные планы и, опираясь на здоровые силы, вырвал с корнем ядовитое жало у этой гидры! К сожалению, — здесь тон Берии стал еще жестче, — многих жертв удалось бы избежать, если бы мы, чекисты, проявили политическую бдительность. Из-за нашей близорукости немало врагов народа проникло в органы государственной безопасности. Ловко маскируясь, они вершили черные дела. Тысячи честных коммунистов и беспартийных были ими оклеветаны и брошены в лагерь. Эти оборотни замыслили отравить товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова и уже предвкушали близкую победу, но просчитались. Преданные чекисты под

мудрым руководством товарища Сталина сорвали с них маски и разоблачили предателей. Ежов, Миронов и их пособники ответили по заслугам за совершенные преступления. Сегодня мы расплачиваемся дорогой ценой за то, что эти мерзавцы натворили, — и кулак Берии обрушился на крышку стола.

Плакидин поежился. Энергия, исходившая от наркома, и непреклонная воля, звучавшая в его словах, подавляли и подчиняли себе. Он противился этому, и в нем нарастал глухой ропот. То, что произошло с ним и теми, кто сейчас томится в тюрьмах и лагерях, трудно было объяснить только одной злой волей врагов, пробравшихся в партию. За всем этим стояло нечто большее, но сейчас не время было разбираться кто прав, а кто виноват. Враг, жестокий и беспощадный, стоял у ворот столицы, и речь шла о существовании самого государства и народа.

Иван выдержал пронизывающий взгляд Берии — глаз не опустил и коротко сказал:

— Час назад я все увидел.

— Не буду скрывать, — продолжал напористо говорить нарком, — положение тяжелое. Фашисты и японцы насаждают с двух сторон. И вы, как профессионал, хорошо понимаете, насколько важно получить точную информацию об их планах. Агент Сан, судя по всему, располагает такими возможностями. Не так ли?

— Располагал, — уточнил Иван и пояснил: — Последний раз мы встретились весной тридцать восьмого, а потом...

— Знаю! — перебил Берия. — Сегодня не время говорить об обидах и ошибках. Беда у нас одна. Где он жил в последнее время?

— В США.

— Установим — не проблема. От вас требуется выйти с ним на контакт и приступить к работе. Время не ждет, оно работает на фашистов и японцев, а это тысячи новых жертв.

— Товарищ нарком, меня не надо убеждать. Я готов работать, если Сана не постигнет моя участь.

Берия нахмурился. Фитин подавал Ивану предостерегающие знаки, но он сделал вид, что их не заметил, и повторил вопрос:

— Я могу надеяться, товарищ нарком?

— Я представляю руководство НКВД, и, полагаю, моего слова достаточно.

— Ежов и Ягода были руководителями комиссариата, но это их не спасло.

Берия зло сверкнул глазами и отрезал:

— Политбюро достаточно?

— Надеюсь, да, — ответил Иван.

Фитин побледнел и боялся поднять глаза на Берию. Тот опалил взглядом зарвавшегося зэка и, подавив вспышку гнева, процедил:

— Не забываетесь, Плакидин, незаменимых у нас нет! — Затем повернулся к Фитину и приказал: — Немедленно приступайте к работе!

— Есть, товарищ народный комиссар! — ответил он вдогонку Берии и с облегчением вздохнул.

Иван и Фитин еще какое-то время хранили молчание. Злой дух Берии продолжал витать в кабинете. Первым заговорил Фитин и предложил:

— Ну, что, Иван Леонидович, попьем чайку?

— Спасибо, уже не хочется, — отказался он.

— Тогда к делу, времени осталось в обрез.

— Сколько?

— Несколько дней.

— Сколько, сколько? Это невозможно! — опешил Плакидин.

— Вам будут созданы все условия для работы и предоставлены необходимые материалы, — заверил Фитин и, вызвав помощника, распорядился: — Петр Семенович, отвезете товарища на объект С. Коменданта предупредить: с головы Ивана Леонидовича не должен упасть ни один волос.

Не прошло и часа, как Плакидин оказался в совершенно ином мире. В нем ничто не напоминало о войне. За высоким зеленым забором, среди густого соснового бора затерялся двухэтажный дом. Это была конспиративная дача Первого управления НКВД, на которой велась подготовка разведчиков-нелегалов. Домашняя обстановка и особенная тишина настраивали на деловой лад.

Комендант и помощник Фитина проводили Ивана в кабинет на втором этаже. В нем было тепло и уютно. На столе лежали аккуратные стопки документов и пенал с остро заточенными карандашами.

— Это вам предстоит проработать, Иван Леонидович, — кивнул на стопку документов помощник Фитина.

— Успею ли? Слишком мало времени, — усомнился он.

— Надо постараться! А пока подкрепитесь.

В управлении Фитина все было отработано до мелочей. Не успел Иван осмотреться, как немногословная прислуга внесла в столовую пышущий жаром самовар, чашки, вазу с вареньем, домашнее печенье, расставила на столе и тихо удалилась. Ужин прошел быстро. Помощник Фитина, не желая отвлекать Плакидина от работы, попрощался и выехал в Москву. Несмотря на поздний час, Иван принялся перебирать дела, не зная, за какое из них взяться. Слишком много событий произошло в стране и в мире, от которых на четыре долгих года его отгородили дверь тюремной камеры, а потом колючая проволока лагеря.

Он остановился на материалах токийской и шанхайской резидентур. Постепенно работа захватила его. Гибкий, тренированный ум разведчика воскрешал прошлое и находил связи между ним и тем, что происходило сегодня. Перед Плакидиным вырисовывались очертания нового мира и угадывались подспудные пружины, приводившие в движение целые государства и народы. Увлеченный работой он не замечал времени, но усталость и слабость дали о себе знать — лагерь напомнил о себе

острой болью в спине. Иван перебрался из кресла в постель и впервые за последние годы заснул крепким сном.

Проснулся он рано — сказывалась лагерная привычка. После завтрака совершил прогулку, а потом сел за изучение документов. Ближе к вечеру к дому подъехала машина; то был не Фитин. В кабинет поднялся комендант дачи и распорядился следовать в Москву. В холле Ивана ждал высокий, с непроницаемым лицом человек.

Они выехали в Москву. Машина остановилась у старого купеческого особняка на Кропоткинской. На этой улице находилась конспиративная квартира Особого сектора ЦК, которым руководил секретарь Сталина Поскребышев. В сопровождении молчаливого спутника Иван поднялся на третий этаж. В квартире их встретила такая же, как и он, немногословная хозяйка. Поздоровавшись, она провела Плакидина в гостиную и оставила одного. Он присел на диванчик и с любопытством ожидал, что последует дальше.

Прошла минута-другая. За его спиной послышался шорох. Книжная полка отошла от стены, и из потайной двери вышли двое. Один — среднего роста, в застегнутом до последней пуговицы френче, с наголо бритой головой. Из-за его спины выглядывал стройный, с тонкими чертами умного лица и щегольской ниточкой усов молодой человек.

Плакидин с нескрываемым интересом рассматривал странную пару. Бритоголовый смутно кого-то напоминал, но кого, он не вспомнил.

«Молодого я точно не видел. В 38-м ты был мальчишкой...

Бритый? Определенно, я тебя где-то видел, — напрягал Иван память. — Алексей? Поскребышев? Секретарь Сталина! Как же ты изменился. Сколько же прошло лет с тех пор, как мы последний раз виделись?

Но причем тут Фитин и ты? Что все это значит?» — терялся в догадках Плакидин.

Поскребышев, будто прочитал его мысли, улыбнулся и, тепло поздоровавшись, спросил:

— Забыл меня, Иван?

— Девятнадцатый год! — ожили в Плакидине воспоминания.

— Южный фронт, — подтвердил Поскребышев.

— А теперь у нас какой фронт?

— Общий — борьбы с фашизмом, — сурово отрезал Поскребышев и заговорил в деловом тоне: — Иван, сейчас не время разбираться с фронтами. Враг у нас общий — фашизм. Тебе предстоит решать ответственную задачу товарища Берии...

— Да. Откуда вам известно? — поразился Иван и, вспомнив, кто находится перед ним, спохватился: — Ах, да!

— Именно, да! — с нажимом на последнем слове произнес Поскребышев и продолжил: — Я не преуменьшаю возможностей НКВД и не подвергаю сомнению преданность Берии товарищу Сталину и партии, но цена успеха слишком велика, чтобы доверять ее одному человеку и одному ведомству.

Плакидин поежился. Ему предлагалась политическая игра, в которой фигура комиссара даже такой всемогущей организации, как НКВД, могла стать разменной монетой. Он решил не кривить душой и прямо заявил:

— Я понимаю всю важность и ответственность задания, но, извините, Алексей Иннокентьевич, некая двусмысленность моего положения вызывает недоумение и вынуждает меня отказать от вашего предложения и...

— А тебе еще ничего не предлагалось, — оборвал его Поскребышев.

— Можно и так догадаться, — с вызовом ответил Плакидин.

Поскребышев нахмурился. Иван напрягся, ожидая вспышки гнева, но секретарь Сталина сумел выдержать ровный тон:

— Иван, это не роль двойного агента. Речь идет о другом. Партии, я еще раз повторяю, требуется абсолютно достоверная

информация о развитии ситуации в Японии и США. Мы не хотим второй раз наступать на одни и те же грабли. В июне сорок первого уже раз поплатились. Гитлер застал нас врасплох!

— Врасплох? Как же так? — в Плакидине проснулась старая боль. — О том, что война с Германией неизбежна, стало очевидно после того, как Гитлер занял кресло канцлера! Я об этом предупреждал.

— Не все так просто, Иван. Да, мы получали материалы разведки. Да, мы знали и готовились к войне. Но когда и где это произойдет — в мае, июне, а может, весной сорок второго — на сей счет от Берии и Голикова поступали самые противоречивые данные. Мало того, что фашисты подбрасывали дезинформацию, так еще свои сбивали с толку! На этот раз подобной промашки допустить нельзя. Товарищу Сталину необходима честная, а не прилаженная в кабинетах Лубянки и Генерального штаба информация. Ты понял?

— Извини, Алексей Иннокентьевич, после того, что со мной было, уже не знаешь, кому и верить.

— Иван, твои человеческие чувства мне понятны.

— Дело не в чувствах, я просто многого не знал.

— Речь не о том, кто больше, а кто меньше знал. Не время искать виновного, свернем Гитлеру башку, вот тогда и разберемся.

— Я готов сделать все, что в моих силах, — отбросив последние сомнения, заверил Плакидин.

— Вот и хорошо, — оживился Поскребышев и возвратился к заданию: — Насколько мне известно, работу намериваешься вести через коминтерновские связи?

— Да, — поразился Иван его осведомленности. — Мой источник...

— Я знаю, — остановил Поскребышев и, представив молодого человека, пояснил:

— Детали операции обсудишь с Борисом Пономаревым. Коминтерн — по его части.

Тот выдвинулся из тени торшера, и в ярком свете будущий куратор показался Плакидину совсем юным. Удивление, отразившееся в его глазах, не осталось незамеченным, и Поскребышев ворчливо заметил:

— Ты, Иван, не смотри, что Борис молодой. Он молодой да ранний, настоящий профессионал.

— Сработаемся, Алексей Иннокентьевич, — дипломатично ответил Пономарев.

— В таком случае желаю успеха и надеюсь на тебя, Иван! — завершил встречу Поскребышев и направился к двери.

— Алексей, в 38-м это ты спас меня от расстрела? — спросил Плакидин.

Поскребышев обернулся и с мягкой улыбкой ответил:

— Не люблю ходить в должниках, в 19-м — ты, в 38-м — я. Так что мы квиты.

— Спасибо, — голос Плакидина дрогнул, и он попросил: — Алексей, у меня к тебе будет одна просьба: если что со мной случится, позаботься о жене и сыне.

— Брось, Иван. Ты обязан вернуться живым, от этого слишком многое зависит. И не только для них, — многозначительно заметил Поскребышев и скрылся в потайном ходе.

Оставшись одни, Пономарев и Плакидин продолжили обсуждение деталей операции. И когда все вопросы были исчерпаны, немногословный телохранитель отвез Ивана на дачу.

На следующее утро, как обычно, приехал Фитин и ни одним словом не обмолвился о вчерашней его поездке в Москву и беседе с Поскребышевым, а сразу перешел к делу.

Видимо, доводы Ивана, изложенные во время их предыдущего разговора о том, что представленные ему информационные материалы вряд ли могли произвести, при всем артистизме Сана, нужное впечатление на советника президента Рузвельта Гарри Гопкинса, возымели действие. Фитин привез с собой данные, добытые токийской и основными китайскими резидентурами.

После завтрака Плакидин поднялся в кабинет и принялся за изучение дел. Выцветшие чернила, пожелтевшие листы бумаги хранили на себе хорошо знакомые почерки Дзержинского, Артузова и Берзина. Сама история, героическая и трагическая, советской разведки смотрела на него с этих страниц. Он с жадным интересом вчитывался в докладные резидентов и сообщения агентов.

Уже давно остыл чай, незаметно подошло время обеда, а Плакидин все не мог оторваться от материалов дел. Информация разведчиков Рамзая, Кима, Ли, Сая, Фридриха, Осипова и других постепенно рассеивала словесный туман, что напускали политики, и обнажала перед ним скрытые пружины, двигавшие событиями в Корее, Китае и Индокитае. Среди них встречались и сообщения Сана. Не без гордости он перечитывал зававшие в память строчки. Его информация занимала далеко не последнее место в докладах руководства разведки членам Политбюро. На некоторых сообщениях имелись отметки, что с ними знакомился лично Сталин, чаще всего ему представлялись материалы другого ценного агента Абэ.

Плакидин по несколько раз перечитывал его донесения, и они вызывали профессиональное восхищение. Абэ имел доступ к таким материалам, о которых разведчик мог только мечтать. Раньше, чем Сан, на целых два года, в конце двадцать седьмого, он добыл знаменитый и тщательно скрываемый меморандум генерала Танаки, ставший программой японской военной экспансии и борьбы за мировое господство. В конце двадцатых годов предсказал будущий захват императорской армией Маньчжурии и неизбежность военного столкновения Японии и СССР в Монголии и на Дальнем Востоке.

С созданием Японией в Маньчжурии марионеточного государства Маньчжоу-Го центр разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза переместился на его территорию. В Харбине сходились многие тайные нити. Непостижимым образом в самом центре этой шпионской паутины

снова оказался Абэ. Он регулярно сообщал о засылке японской и белогвардейской агентуры на территорию Дальнего Востока и Сибири. Вскрыл группу провокаторов, которые под видом советских разведчиков создали ложную разведывательную сеть из патриотически настроенных русских эмигрантов и китайских коммунистов. Выявил и разоблачил десятки агентов-двурешников, перевербованных 2-м отделом штаба Квантунской армии и контрразведкой Семенова, которые направлялись в Маньчжурию Иностранным отделом НКВД и военной разведкой.

Поистине бесценной оказалась информация Абэ о позиции японской делегации на переговорах о продаже КВЖД. В 1935 году, когда в Генеральном штабе вооруженных сил Японии еще только приступили к разработке плана военной кампании против Монголии и СССР, ему стали известны основные его положения. Через неделю они легли на стол руководства советской разведки.

Оперативные возможности этого агента поражали Ивана. Для Абэ, казалось, не существовало невыполнимых задач. Судя по поступающей от него информации, он занимал один из ключевых постов в разведке или контрразведке Японии. За лаконичными строчками донесений трудно было угадать, кто мог скрываться под этим псевдонимом, но из отдельных штрихов складывался смутно знакомый образ разведчика. И чем глубже Иван вчитывался в документы, тем сильнее в нем крепло убеждение в том, что они раньше встречались. Одно из последних сообщений Абэ, поступившее из Сеула, касалось подготовки японцами покушения на Сталина.

«Сеул?.. Ну, конечно же, Сеул!» — озарило Ивана.

В середине двадцатых годов он находился на нелегальном положении в Корее и случайно познакомился с молодым японским офицером, происходившим из древней самурайской семьи. Во время Гражданской войны в составе японского экспедиционного корпуса он принимал участие в операциях против амурских партизан и получил орден. После разгрома армии

атамана Семенова и генерала Каппеля вел разведывательную работу в Маньчжурии, а затем в Сеуле среди русской эмиграции.

К тому времени Абэ то ли в силу внутреннего конфликта, вызванного жестокостями войны, то ли в силу возникших симпатий к одному из объектов своей вербовочной разработки — сотруднику советского торгпредства, в котором не видел врага, стал проникаться все большей симпатией к Советской России. Вскоре она переросла в нечто большее, и теперь уже советский разведчик исподволь подводил Абэ к мысли о помощи СССР, но довести до конца начатое дело не удалось. Японская контрразведка наступала ему на пятки; в 1927 году он вынужден был уносить ноги и перебрался в США, а перспективного кандидата пришлось передать в Иностранный отдел ОГПУ. Генеральный консул СССР в Сеуле, сотрудник ИНО Иван Чичаев взял Абэ на связь и продолжил развивать с ним контакт.

К чему он привел, Плакидин судил по толстой папке спецдонесений. Вчитываясь в их строчки, он находил подтверждение тем своим материалам, что получал через Сана. Работа Абэ была выше всяческих похвал; в его сообщениях содержались не только сухая констатация фактов и оценка состояния отношений между Японией и США, а что особенно важно, давался прогноз их развития на перспективу. Для той, будущей работы, на которую его нацеливал Фитин, эти материалы были бесценны, но в сентябре сорокового информация от Абэ перестала поступать.

Иван внимательно просмотрел оставшиеся документы, но ничего не обнаружил и с нетерпением ждал наступления вечера, когда должен был появиться Фитин. Тот приехал поздно, от чая отказался, время и Берия подгоняли его, и сразу перешел к делу. Выслушав предложения о работе с Саном, уточнил ряд деталей и одобрил, а потом прошел к буфету и достал бутылку коньяка. Иван выставил на стол рюмки. Фитин улыбнулся, разлил по ним коньяк и предложил:

— За будущее удачное начало!

— Я бы предпочел за завершение, — пошутил Плакидин и после паузы продолжил: — А вот, если к возможностям Сана прибавить возможности Абэ, то результат не заставит себя долго ждать.

— У нас на Дальнем Востоке имеются и другие важные источники информации, — уклончиво ответил Фитин и помрачнел.

Ссылка на Абэ лишний раз болезненно напомнила ему о своем рапорте Берии. Случилось это в первых числах сентября сорокового года. В харбинской и сеульской резидентурах полным ходом шла чистка. Бывший резидент в Корее Калужский, «изобличенный» следователями НКВД как японский агент, «покаялся» и «признался», что его перевербовал Абэ. Вслед за ним подобное признание сделал и сотрудник харбинской разведывательной сети Новак.

Дело на «японских шпионов» набрало «вес» и находилось на контроле у самого Сталина. И ему, Павлу Фитину, без году неделя начальнику 5-го отдела Главного управления государственной безопасности, ничего другого не оставалось, как подписать тот проклятый рапорт, чтобы не быть заподозренным в шпионской связи с разоблаченными «врагами народа». В нем он был вынужден признать:

«Абэ стал предателем и превратился в важнейшую фигуру японских разведорганов в Маньчжурии и Корее, дезинформировал наши органы и внедрился почти во все каналы советской разведывательной работы в Маньчжурии и Японии».

Нарком Берия рассмотрел рапорт и потребовал ликвидации агента, но война помешала исполнить приказ. В начале сорок первого Абэ пытался инициативно восстановить связь, но от его помощи отказались, опасаясь дезинформации и подставы со стороны японцев.

Это решение болезненной раной жило в памяти Фитина. Сославшись на усталость, он свернул разговор и покинул дачу. Плакидин еще на одни сутки был предоставлен самому себе...

А 20 ноября 1941 года с подмосковного военного аэродрома взлетел самолет и взял курс на Тегеран. Через шесть часов Иван Плакидин, теперь уже гражданин Мексики Хорхе Вальдес, с другими пассажирами торопился попасть на рейс, отправлявшийся в Каир.

Глава 10

После завершения встречи с Тихим ротмистр Ясновский не стал заезжать на обед домой, а сразу отправился на доклад к Дулепову. Ему было что сообщить: вопреки пессимистическим ожиданиям явка с агентом прошла результативно — он вошел в доверие к подпольщикам. Опасения Дулепова, что на Тихом можно ставить крест, оказались излишними. Смирнов не заподозрил в нем предателя, выдавшего Дулепову явку советского резидента с курьером НКВД в «Погребке». Более того, сообщение Тихого о захвате контрразведкой части радиogramм Федорова укрепило его положение среди подпольщиков. Хитроумный план Дулепова сработал: Смирнов поручил Тихому выяснить, что удалось расшифровать японцам.

С легким сердцем Ясновский возвратился в отдел контрразведки. Дулепова на месте не оказалось — он обедал в ресторане. Ротмистр, сгорая от нетерпения, взял дежурную машину и поехал в «Новый свет». Шеф оказался на месте, занимал столик в крайней кабинке, и появление зама встретил недовольной гримасой. Старик — известный чревоугодник — не любил, когда ему мешали ублажать желудок.

Ясновский пробормотал извинения, присел на край стула и вполголоса стал докладывать. После первых слов челюсти Дулепова замедлили движение, вилка скользнула по маринированному опенку, а рука больше не тянулась к графину с водкой. Сообщение ротмистра заставило полковника забыть об ухе и расстегаях — советская резидентура заглотнула подкинутую им наживку. Прямо из ресторана они отправились в управление жандармерии.

Полковник Сасо оказался на месте и принял их необычайно любезно. Основания для хорошего настроения имелись и у него — операция по русской резидентуре шла без сбоев и набирала обороты. Деза, запущенная под советского «крота» Гнома, сработала: он вывел на Долговязого. И хотя тому удалось ускользнуть от наружного наблюдения, Сасо не отчаивался и верил: рано или поздно он снова проявится. В последние дни «крот» то ли от собственной самоуверенности, то ли под давлением Долговязого все нахальнее совал свой нос в чужие кабинеты и документы. Сасо не сомневался: дни советской резидентуры сочтены.

Появление в кабинете Дулепова с Ясновским лишний раз подтверждало это. Сумбурный доклад ротмистра, подкрепленный основательными доводами полковника, свидетельствовал о том, что русские пошли ва-банк. Тяжелейшее положение под Москвой и занесенный над Дальним Востоком меч Квантунской армии не оставляли им выбора. В НКВД готовы были заплатить любую цену, чтобы добыть данные о планах японского командования. Осторожный Сасо из опасения, что в белогвардейской контрразведке мог оказаться советский «крот», не спешил делиться с Дулеповым и Ясновским информацией, полученной на Гнома. Отделавшись общими фразами, он поспешил их выпроводить. Его гораздо больше занимало другое — с часу на час должна была начаться очередная оперативная комбинация, затеянная против Гнома.

Сасо посмотрел на часы — стрелки показывали начало четвертого, — не выдержав, потянулся к трубке телефона. На звонок ответил полковник Мацуока.

— Все идет по плану? — спросил Сасо.

— Да, — подтвердил он.

— Чем занимается объект?

— Готовит сводный отчет.

— Как себя ведет?

— Ничего необычного.

— Отлично! Действуйте, как договаривались, — распорядился Сасо и опустил трубку.

Теперь ему оставалось ждать результата. Чтобы убить время, он принялся перечитывать материалы дела на Гнома. Вскоре это занятие наскучило — в нем ему было известно все, вплоть до мелочей, и он переключился на разгадывание кроссвордов. Порыв ветра распахнул форточку, струя холодного ветра хлестнула по лицу, и Сасо встрепенулся. За окном сгустились сумерки. Он прошел к шкафу, накинул плащ, по опустевшему коридору спустился к дежурному, сдал ключи от кабинета и вышел на улицу.

Напротив мрачной громадой нависало здание штаба, в окнах второго этажа горел свет. Там, в одном из кабинетов, находился Гном. В последнее время полковник Мацуока не давал ему продыха и заваливал горой сводок, справок и докладных. Каллиграфический почерк, когда-то спасший Гнома от передовой, со временем стал сущим наказанием. И на этот раз, когда большинство офицеров разошлось по квартирам, а кто-то развлекался в борделе мадам Нарусовой, ему приходилось корпеть над очередным шедевром начальственной мысли.

Тишину кабинета нарушил скрип двери. Гном отложил в сторону карту минных полей на участке реки Уссури и обернулся. В кабинет вошел полковник Мацуока. Его вид был суров и многозначителен. Гном засуетился, торопливо застегнул верхние пуговицы кителя и дернулся к висевшему на стуле ремню.

— Да будет вам, капитан, вы не на строевом плацу, — барственно махнул рукой Мацуока, подошел к столу и положил темно-вишневую папку.

Гному она была хорошо знакома, в ней хранились особо важные документы, поступавшие из Генштаба и от командующего Квантунской армией. Обычно надменный в общении с подчиненными, Мацуока с участием заметил:

— Заработались, капитан.

— Не успеваю, господин полковник, много работы.

— Что поделаешь, сейчас не до отдыха, а по-другому нельзя, — в голосе Мацуоки зазвучали пафосные нотки. — Император и дух самурая требуют от нас самоотверженности и преданности великому делу победы над врагами.

— Так точно, господин полковник! — живо подхватил Гном

— Молодец! — похвалил Мацуока и продолжил. — С такими, как вы, Квантунская армия сокрушит Советы, и Сибирь станет нашей. Мы очистим ее от варваров и создадим империю, равной которой еще не знал мир!

Гном терялся в догадках, чем было вызвано такое красноречие Мацуоки. А тот, разразившись еще одной гневной тирадой против большевиков, перешел к делу — открыл папку и выложил на стол карту со стопкой листов. На ней в глаза бросались размашистая подпись командующего Квантунской армией и гриф особой важности. Изогнутые синие и черные стрелы — направления будущих ударов японских корпусов — нацелились на Читу, Благовещенск и Хабаровск. Аккуратные столбцы цифр были сведены в таблицы, которые в известный только узкому кругу день и час должны были ожить и заговорить скороговоркой пулеметов, громом орудийных залпов и танковыми клиньями вонзиться в оборонительные порядки противника. Вся эта огромная, несущая смерть и разрушение военная машина копила и набирала силу на лежащем перед Гномом буро-зеленом клочке карты.

У него перехватило дыхание: то, ради чего он ежедневно рисковал и безуспешно пытался узнать, находилось перед ним. Опытный взгляд штабиста не мог ошибиться. Это была та самая карта и тот самый план наступления, о котором перешептывались близкие к командующему армией офицеры. Гному стоило немалых усилий, скрыть охватившее его волнение. Но Мацуока, кажется, ничего не заметил и объявил:

— Капитан, вы знаете о нехватке офицеров в отделе. Майор Сато выехал в командировку в Хэган и вернется через четыре дня...

«Поехал к границе выверять на месте детали плана наступления? — сообразил Гном, и внутри у него все затрепетало. — Остаюсь только я. Ну, давай же, говори! Приказывай!»

— Завтра мне необходимо представить начальнику штаба план наступления с последними изменениями, — чеканил каждое слово Мацуока. — Я поручаю вам выполнение этой важной задачи. Времени осталось мало. Надеюсь, вы справитесь?

— Так точно, господин полковник! — заверил Гном.

— Помните, капитан, каждое слово и цифра из этих документов — строжайшая тайна. Агенты НКВД отдали бы многое, чтобы узнать ее.

— Ясно, господин полковник!

— Еще раз напоминаю, никому и ни одного слова! В кабинет никого не впускать! Документы вернуть лично мне! Понятно?

— Да!

— За работу, время не ждет! — поторопил Мацуока и вышел из кабинета.

Давно уже стихли шаги полковника, а Гном, как замороженный, смотрел на карту. Лишь шорох стрелок часов нарушал тишину кабинета; они неумолимо отсчитывали секунды и минуты отпущенной ему удачи. Сделать до утра копию карты и таблиц казалось невыполнимым делом. Глаза страшились, а руки выполняли свое дело. Гном закрыл дверь на ключ, плотно задернул шторы, потом достал из ящика письменного стола кальку, которую держал для таких случаев, раскатал по карте, и, вооружившись карандашом и лекалом, принялся за работу.

Карандаш стремительно скользил по бумаге, очерчивая линии будущих фронтов и котлов окружения. Цветная паутинка все гуще покрывала территорию советского Дальнего Востока и Забайкалья. Он работал без отдыха и останавливался, лишь когда у дверей раздавались шаги часового или засидевшегося допоздна штабного офицера. Работа над картой подошла к концу далеко за полночь. От невероятного напряжения спина

одеревенела, голова кружилась, а перед глазами плясала рябь из черных точек. Пошатываясь, Гном добрал до топчана и без сил рухнул.

Свинцовая усталость охватила тело, глаза сами закрылись, и он провалился в обволакивающую темноту. Из полузабытья его вывел шум в коридоре. Бряцание оружием и отрывистые команды говорили о том, что подошло время смены караула. Гном очнулся, посмотрел на часы и ужаснулся — стрелки показывали ровно четыре. Час, целый час драгоценного времени был упущен. Стараясь наверстать потерянное, Гном ополоснул лицо холодной водой, возвратился к столу и занялся таблицами. Стрелки неумолимо отсчитывали минуты, и, чтобы успеть, ему пришлось копировать те таблицы, в которых содержались наиболее важные данные. С наступлением рассвета карта командующего Квантунской армией с внесенными в нее изменениями, а также пояснительная записка были готовы. Гном сложил их в сейф и в изнеможении распластался на топчане.

Поднял его на ноги рык дежурного по штабу. Он рапортовал прибывшему на службу командующему. Вслед за этим захлопали двери кабинетов, и громкие голоса зазвучали в коридоре. Штаб ожил и забурился. Гном встрепетнулся, прошлепал к зеркалу и ужаснулся — на него смотрело землисто-серое, с глубоко ввалившимися глазами и поросшее густой щетиной лицо. До появления Мацуоки оставались считанные минуты, и ему пришлось срочно приводить себя в порядок. Полковника Гном встретил гладко выбритым и в застегнутом на все пуговицы кителе. Тот был немногословен, похвалил за работу и, проявив редкое благодушие, разрешил отдохнуть до обеда.

Отпущенных шести часов Гному хватало, чтобы найти Ольшевского и избавиться от опаснейшего груза. Не успели стихнуть шаги Мацуоки, как он поспешил на выход из штаба. Пристальный взгляд часового заставил сердце Гнома тревожно забиться. Проверив его пропуск, он нажал на кнопку. Входная дверь распахнулась, морозный воздух наполнил тамбур. Гном

с облегчением вздохнул, вышел на улицу, и ноги сами понесли его к конторе Павла.

Пакет жег грудь и подгонял вперед. На Китайской Гном взял извозчика, доехал до вокзала, там сделал круг и, не обнаружив за собой хвоста, возвратился на Соборную площадь, дальше пошел пешком. День выдался погожий. В лучах восходящего солнца купола Свято-Николаевского собора горели жаром, зеркальным блеском сверкали витрины магазина «И. Чурина и К°», а на центральных улицах было не протолкнуться. Утренний Харбин напоминал собой Вавилон. До девяти, когда Ольшевский должен был появиться в конторе, оставалось около десяти минут, и Гном замедлил шаг...

Этого часа с нетерпением дожидалась группа Гордеева. Ровно в девять Люшков обычно выходил из подъезда, садился в машину и под охраной Ясновского отправлялся к Чжао поправлять здоровье. На этот раз пьяный загул в «Тройке» дал о себе знать. Шторы на окнах квартиры оставались задернутыми, а прислуга — бывший санитар из пехотного полка, шмыгавший по утрам в ближайшую лавку за солеными огурцами и рассолом, из подъезда не показался. Запаздывал и педантичный Ясновский. Стрелки подобрались к половине десятого. Гордеев начал нервничать — маячить и дальше на глазах у филеров из белогвардейской контрразведки становилось небезопасно. Один из них, чернявый, с ухватками трамвайного карманника, оставил свое место и вразвалочку направился к машине. Михаил быстро сообразил и обнял Анну.

— Ребята, не увлекайтесь, так и до свадьбы недалеко, — пошутил водитель.

— Не волнуйся, Коля, тебя пригласить не забудем, — усмехнулся Михаил и прижался к Анне.

— Мы так не договаривались, — отстранилась она и лукаво посмотрела на Дмитрия. Опасность придала девушке еще большую привлекательность, и в нем заговорила ревность. Ему стал ненавистен коротышка-шпик, из-за которого чужие руки

прикасались к Анне. А тот вихляющей походочкой подвалил к машине и нахально стрельнул взглядом по пассажирам. Николай дернулся к дверце.

— Не заводись, — шепнул Дмитрий.

Филер продолжал вертеться перед зеркалом и подкручивать жидкие усишки. У Николая лопнуло терпение, он не выдержал, распахнул дверцу и рывкнул:

— Тебе чё, тут парикмахерская? Вали отсюда!

— Чё орешь? В зеркало нельзя посмотреть? — огрызнулся филер.

— С твоей рожей не в зеркало, а в з...

— Чё-ё? Тоже мне Аполлон выискался. На свою посмотри! Я щас...

Увесистый кулак Николая, полетевший к носу филера, заставил того отскочить на тротуар.

— Ты чё, Коля? — всполошился Дмитрий.

— А ты хотел, чтобы он еще документик проверил? — буркнул он.

— А если...

— Ребята, смотрите! — остановила их спор Анна.

— Ну, что там? — насторожился Дмитрий.

— Красотка у подъезда Люшкова вам никого не напоминает?

Гордеев и Николай повернули головы в ту сторону. На крыльце стояла разбитная торговка, с виду обыкновенная русская баба, что сотнями толкались на рынках и в мелких лавках. Оглянувшись, она спустилась со ступенек, перешла улицу, бесцеремонно оттеснила на край лавки китайца-зеленщика и по-хозяйски разложила на прилавке нехитрый товар.

— Так, то ж вчерашняя баба, только пальто другое! — узнал ее Николай.

— Косынку тоже поменяла, — отметила наблюдательная Анна.

— Видно, у господина Дулепова с гардеробчиком напряг, — с сарказмом заметил Дмитрий.

— Теперь ясно, где у них первый пост охраны, — заключил Михаил.

Второй они вычислили еще вчера; он находился неподалеку, в пекарне Обухова. Возможно, где-то имелись и другие, но их обнаружить не удалось. Клещов умело организовал наружное наблюдение.

— Все, ребята, сворачиваемся! Слишком много лишних глаз. В случае чего, Ван подстрахует. Коля, трогай! — распорядился Гордеев.

Двигатель старенького «форда» чихнул и, выпустив клубы едкого дыма, покотил вниз по улице, на перекрестке свернул на Деповскую, въехал во внутренний двор и остановился. Николай вышел из машины, поднял капот и, чтобы не привлекать внимание, занялся двигателем. Дмитрий решил еще раз найти подтверждение своим наблюдениям и неспешным шагом направился к дому Люшкова. По пути заметил знакомый «мерседес» — ребята из группы Ольшевского дежурили на подстраховке. Это добавило Дмитрию уверенности, и он свернул в пирожковую.

Пирожковая располагалась на углу, и из ее окон хорошо просматривался дом Люшкова. За то время, пока он отсутствовал, здесь мало что изменилось. Филерша-торговка, как хорошая молотилка, продолжала лузгать семечки, зато китайца-зеленщика будто ветром сдуло. Соседство с чертом в юбке, которая через слово сыпала отборным матом и костерила желтомазых на чем свет стоит, не вынес бы и амбал-грузчик с пристани.

В пекарне Обухова тоже ничего необычного не происходило — филеры-разнорабочие копошились где-то внутри. Дмитрий заказал чай с пампушками и, пристроившись за столиком у окна, продолжил наблюдение.

Унылый осенний пейзаж оживляли стая бездомных псов, грызущихся за кость, и китасц-нищий. Потрепанная дабу едва прикрывала голое тело, засаленная войлочная монголка повисла на ушах, из-под нее смотрели молодые и не по годам смышленные

глаза. Один из лучших боевиков харбинского подполья Малыш Ван, как только удалось найти дом, где квартировал Люшков, занял этот «ароматный пост» — свалку у общественной бани и русской харчевни. Сегодня Малышу не повезло. Люшков задерживался с отъездом. Порывы холодного ветра, забираясь под дабу, жальщими иголками впивались в тело. От озноба зуб не попадал на зуб, в довершение к этим напастьм добавилась еще одна. Дохлая кошка завалилась под ящики и смердела так, что приступы тошноты выворачивали желудок бедолаги Малыша наизнанку.

Превозмогая себя, он крючковой палкой выковыривал куски тыквы, хлеба, глиняные черепки и складывал в мешок. Поднявшееся над крышами домов солнце пригрело, и смрад стал невыносим. Благо, что со стороны реки потянул ветерок, и зловонное облако понесло в сторону филерши. Она перестала лузгать семечки, собрала лоток и перебралась подальше. Ван торжествовал и, чтобы сделать победу окончательной, зацепил крюком дохлую кошку и выпихнул ее на край ямы. Зловоние распространилось на всю улицу. Праздные зеваки у харчевни тут же ретировались, не выдержала и филерша — покинула свой пост и перебралась в подъезд.

В это время со стороны Деповской послышался шум мотора, и хорошо знакомый Малышу «опель» подъехал к дому. Из него вышел Ясновский; выглядел он изрядно помятым. Стрелки брюк, обычно наглаженные до умопомрачительной остроты, пузырились на коленях, а модная шляпа выглядела так, будто побывала под чьим-то задом. Под глазами залегли темные мешки, а кожа напоминала древний пергамент. Разбитной походкой ротмистр направился к подъезду. С его появлением зашевелились и филеры, торговка возвратилась на свой пост, а из двора пекарни вышли два кряжистых мужика с метлами и принялись суетливо мести мостовую.

Прошло несколько минут. Из подъезда выскочил телохранитель Люшкова и шмыгнул в харчевню за рассолом. Дмитрий

оживился и не спускал глаз с окон квартиры. Как и в предыдущие дни, занавески в спальне и гостиной оставались задернутыми — Люшков опасался снайпера. Сквозняк, гулявший по комнатам, всколыхнул их и в падающих на окно лучах солнца Дмитрий увидел двоих. Ясновский, запрокинув голову, жадными глотками пил воду из графина. Люшков топтался у зеркала и приводил себя в порядок. Его голова отчетливо пропечаталась в окне. Рука Гордеева потянулась к пистолету. Один, всего один удачный выстрел и с предателем было бы покончено. Дервиш такого приказа не дал, и Дмитрию только и оставалось, что наблюдать.

Люшков не заставил себя ждать — вскоре появился на улице вместе с Ясновским. Выглядел он бодро, похоже, ночные загулы не сказались на его здоровье, твердым шагом прошел к машине и сел на заднее сиденье. Ротмистр занял место рядом с водителем. После их отъезда расслабились и филеры. Однако Малыш и Дмитрий не спешили покидать наблюдательные посты. И не напрасно. Во дворе пекарни заработал мотор и из ворот выкатился «форд», а из соседнего дома на улицу вышли три молодчика. Это окончательно убедило Дмитрия в том, то Павел прав — ликвидацию Люшкова безопаснее всего было проводить у аптеки Чжао.

Там дежурила группа Ольшевского. Ее ожидал сюрприз. Ясновский, оставив Люшкова у Чжао, возвратился в город. Это немало озадачило Павла. Он не мог понять, почему они изменили заведенный порядок. То ли это было верхом их самонадеянности, то ли коварный Дулепов задумал какую-то пакость. Пока Павел ломал голову, ему на смену приехал Дмитрий с группой и продолжил наблюдение за аптекой.

Шло время, сеанс лечения Люшкова затягивался. Первым терпение иссякло у Михаила. Он порывался проверить аптеку.

— Миша, уж лучше мне, — предложила Анна.

— Лучше... Хуже... Четвертый день глаза мозолим. Нянькаемся со сволочью, по мне — пойти и кончить! — вспыхнул он.

— А вдруг засада? — предостерег Николай.

— Саныч приказа не давал, — напомнил Дмитрий.

— Какая разница, с приказом или без, — буркнул Михаил и потянулся к пистолету.

— Миш, остынь! Чё горячку пороть? Дулепов просто так ничего не делает, — и Николай обратил внимание на странную тишину у аптеки.

А тот упрямо гнул свое:

— Они что, невидимки? Если так...

— Угомонись! Будем ждать, — оборвал Дмитрий.

— Чего? Когда рак на горе свиснет? — отмахнулся Михаил и ухватился за ручку дверцы.

— Стой! Я приказываю сидеть! — рыкнул Гордеев.

— Чё? Я тебе не пацан, чтобы меня строить! За мной...

— Дима! Миша! Прекратите! — вмешалась Анна.

Дмитрий отпустил руку Михаила и почувствовал себя неловко. Он, которого Центр направил для выполнения особого задания, поддался эмоциям и, вместо того чтобы убедить, пытался, как солдафон, поставить на место того, кто не раз доказал свой профессионализм.

— Извини, Миша, погорячился, — повинулся Дмитрий.

Михаил быстро остыл и, смутившись под укоризненным взглядом Анны, пробормотал:

— Я тоже хорош. Не пойму, какая муха укусила.

Окончательно их примерил и заставил забыть об инциденте Николай. От его внимательного взгляда не ускользнуло то, на что они не обратили внимания.

— Ребята, кажись, засада? — спросил он.

— Где? — вскрикнули они в один голос.

— Соседний с аптекой дом, — кивнул Николай.

Пустовавшее еще вчера полуподвальное помещение сегодня ожило. Новенькая вывеска появилась в окне, а над входом погромыхивал на ветру большущий жестяной сапог.

— Интересно, что это за сапожник там объявился? — оживился Михаил.

— Чтобы нас подковать. Место для наблюдения самое подходящее, — стоял на своем Николай.

— Да, подозрительно все это, — согласился Дмитрий и предложил: — Надо бы прощупать.

— Согласен. Кто пойдет? — поддержал Михаил.

— Можно мне? — вызвалась Анна.

— Лучше я, а вы с Мишей подстрахуете, — взял на себя инициативу Гордеев.

— Ладно, — не стал возражать Михаил.

— Коля, езжай вперед, я там выйду, — распорядился Дмитрий.

Они отъехали от аптеки, свернули за угол и остановились у булочной Ожогина. Гордеев вышел из машины и направился к сапожной мастерской. Чуть позже вслед за ним двинулись Михаил с Анной. Дмитрий неспешным шагом приближался к мастерской и мысленно выверял план акции против Люшкова. С того места, которое предстояло занять основной группе, до аптеки Чжао было ровно сто семьдесят шагов и три с половиной минуты спокойного хода. Теперь же, если у «сапожника», как предполагал Николай, готовилась засада, в план ликвидации срочно требовалось вносить изменения.

Внимательный взгляд Дмитрия не упускал ни одной мелочи. Несмотря на внезапно возникшее осложнение в операции, он не терял уверенности, что более подходящего места для ее проведения, чем аптека Чжао, не найти. Ближайший к ней полицейский участок находился в полукилометре. За все дни наблюдений здесь так и не появилась ни одна «бамбуковая палка» — полицейский. Прилегающие узкие улочки не позволяли развить скорость, поэтому при самом удачном раскладе подкрепление к Люшкову могло подоспеть не раньше чем через десять минут. Располагавшаяся поблизости строительная контора, у

которой постоянно терся рабочий люд, идеально подходила для группы прикрытия.

Все эти «за» и «против» будущего плана Дмитрий мысленно взвешивал, пока шел к сапожной мастерской. Поравнявшись с крыльцом, испачкал в пыли ботинки, по щербатым ступенькам спустился вниз и толкнул дверь. Старые, плохо смазанные петли пронзительно взвизгнули, он шагнул вниз — в носшибанул кисловатый запах отсыревшей кожи — и остановился на пороге, подождал, когда глаза освоятся с полумраком.

На наспех сколоченных деревянных стеллажах сиротливо стояли несколько пар мужских и женских туфель и десятков колодок. У окна, склонившись над сапожной лапой, ловко орудовал над башмаком иглой и дратвой плюгавенький мужичонка. Его узловатые пальцы покрывали черные точки, а на указательных кожа заскорузла от дратвы. Как и положено сапожнику, с утра он был пьян.

Дмитрий поставил ногу на ящик. Сапожник отложил башмак в сторону, заученным движением смахнул бархоткой пыль с ботинка, а потом щетка в его руке буквально запорхала в воздухе. Пока он наводил на ботинках зеркальный блеск, у Дмитрия было время осмотреться. Жандармами здесь и не пахло. Изо всех углов на него глядела нищета, а лихая чечетка, сыгранная щеткой на ящике, развеяла последние подозрения, что перед ним шпик. Дмитрий выгреб из кармана мелочь, бросил на контору, вышел на улицу и возвратился к машине. За то время, пока он отсутствовал, Люшков покинул Чжао. Забрал его Ясновский. Он приехал один и без охраны. Но больше Дмитрия порадовало другое — контрразведка никак себя не проявила. Он уже не сомневался в том, что акцию по Люшкову откладывать дальше не имело смысла, а местом ее проведения должна стать именно аптека Чжао.

С этим предложением в тот же вечер Гордеев отправился на встречу с Дервишем. Тот был не один, в комнате находился

Ольшевский. Вяло поздоровавшись, резидент, скорее по привычке, поинтересовался:

— Как отработали по Люшкову?

— Нового ничего, на час задержался, после вчерашней пьянки приходил в себя, — не стал вдаваться в подробности Дмитрий.

— Зато у нас одна новость хуже другой, — с горечью произнес резидент.

— А что случилось? — и от хорошего настроения Дмитрия не осталось следа.

Не услышав ответа, он перевел взгляд на Павла. Тот с ожесточением произнес:

— С Ли творится что-то непонятное.

— Похоже, ведет двойную игру, — мрачно сказал Дервиш.

— Вряд ли, Саныч. Я знаю его не первый год. Он работает не за страх, а за совесть, — решительно возразил Павел и, продолжая недавний спор, заявил: — Скорее, японцы используют его втемную.

— Паша, хрен редьки не слаще! Если они вычислили его, то рано или поздно выйдут на тебя.

Гордеев с недоумением смотрел на них и не мог понять, что послужило основанием для серьезных подозрений в отношении одного их самых надежных источников резидентуры. Сбитый с толку недомолвками, он рассердился:

— Вы можете говорить яснее?

— О чем? Пока есть одни только предположения, — с раздражением ответил Павел.

— Какие?

— Саныч полагает, что контрразведка через Ли подсунула нам план наступления Квантунской армии!

— Пл-а-а-н? Ничего себе... — у Дмитрия не нашлось слов.

— Вот тут и зарыта собака, — с ожесточением произнес Дервиш.

— Какая? И причем здесь наступление?

— А при том, Дима! Вспомни, что тебе сообщал о наступлении Леон?

— Ничего. О нем даже не было речи, — окончательно запутался он.

— Вот то-то и оно! Не только он, а и Сая ничего не слышал, — напомнил Дервиш.

— Саныч, но в управлении жандармерии о таких вещах могут и не знать. Это чисто армейские дела, — возразил Павел.

— Согласен, — не стал спорить он и заметил: — Паша, меня больше настораживает то, как план попал к Ли.

— Обыкновенно. Начальник отдела полковник Мацуока потребовал от него сделать к утру экземпляр карты со сводными таблицами к плану наступления, — пояснил Ольшевский.

— И что тут такого? Обычное дело, военным всегда не хватает одной ночи, — не усмотрел ничего подозрительного Гордеев.

— Возможно, если бы не одно существенное обстоятельство. Раньше к таким документам Ли не подпускали, а тут сам с неба упал! — стоял на своем Дервиш.

— Ну, а если он первым под руку попался? — предположил Дмитрий.

— Хотелось бы верить, но подобные материалы направо и налево не раздают.

— Это еще не основание, чтобы на Ли ставить крест, необходимо продолжать игру, — не верил в провал агента Павел.

— Доиграемся... Как бы тот крест Сасо на нас не поставил, — предостерег Дервиш.

— И все-таки, не торопимся ли мы с Ли? Может, стоит подождать? — не был столь категоричен Гордеев.

— Нет времени, Дима! Контрразведка дышит нам в затылок.

— Неужели все так далеко зашло?

Вопрос Гордеева заставил помрачнеть Павла — разум отказывался поверить, что Ли — предатель. Пять лет успешной его работы на советскую разведку говорили сами за себя. Вместе

с тем от доводов Дервиша тоже нельзя было отмахнуться. Эти сомнения отразились на лице Дмитрия, и, чтобы их развеять, резидент потребовал:

— Давай, Паша, рассказывай, что произошло в твоей конторе после явки с Ли.

— Страшного — ничего, — не стал тот драматизировать ситуацию и пояснил: — После того, как Ли ушел, в контору заглянул странный тип. Секретарю представился каким-то начальничком из санитарного управления. Вначале интересовался поставками компании в военные госпитали, а затем потребовал подготовить личные дела на работников конторы якобы для отбора кандидатов на работу в секретную лабораторию где-то под Гирином.

— Вот тебе еще одно подтверждение, что за Ли тянется хвост, — убеждал Дервиш.

— По почерку похоже на контрразведку, — согласился Гордеев.

— А теперь, Дима, давай-ка вернемся к тому, что сообщил тебе Леон о наступлении.

— Саныч, а он-то тут причем? Между ним, Ли и планом наступления нет никакой связи.

— А притом! Здесь-то и зарыта собака. Давай-ка, вспоминай, — потребовал резидент.

Дмитрий напряг память. В том потоке разнообразной информации, что обрушилась на него в Харбине, было не просто разобраться. Фамилии, имена и события сплелись в один запутанный клубок. Он мысленно снова прокручивал последнюю явку с Леоном. И его озарило. Тогда он не придавал значения фразе, которую в разговоре с Леоном обронил его приятель из штаба Квантунской армии. Он заявил агенту: «Возня с планом наступления, затеянная жандармами, яйца выеденного не стоит!».

«Не того ли плана, над которым работал Ли? Если так, тогда все сходится. Саныч прав — контрразведка втягивает нас в игру!» — осенило Дмитрия, и он спросил:

— Как японцы вышли на Ли? Как?

— На следующей явке постараюсь выяснить, — ответ Павла служил слабым утешением.

Дервиш тут же развеял его иллюзию и заявил:

— Ее может и не быть! Через Ли контрразведка получила выход на тебя.

— Я слезки за собой не заметил.

— Это вопрос времени. Рано или поздно ты засветишься.

— Русских в конторе больше десятка, и пока до меня доберутся...

— Не стоит оболящаться, — перебил Дервиш и потребовал: — Паша, тебе надо немедленно уходить в подполье!

— А как же Люшков? По нему все готово, осталось только на курок нажать.

— Им займется Дмитрий.

— Саныч! — в голос Павла смешались горечь и обида. — Я начинал это дело, я и доведу до конца. Зачем Диме рисковать? Он чистый!

Резидент с грустью смотрел на них. Молодые, красивые, полные жизни и энергии, они оба были дороги ему.

«В словах Павла есть резон, — размышлял он. — Если японцы вышли на Ли и после явки не провели захват, значит, или не засекли контакт, или после провала в «Погребке» Сасо хочет отыграться по-крупному — накрыть всю резидентуру! Раз так, у нас есть еще время. Пожалуй, Павел прав: надо рискнуть и замкнуть контрразведку на него с Ли, тогда Дима останется чистым и сможет продолжить работу».

Пока он взвешивал все «за» и «против», Гордеев и Ольшевский хранили молчание — не в правилах разведки забегать вперед резидента.

— Операцию по ликвидации Люшкова поручаю тебе, Павел. Срок — два дня. Ты, Дмитрий, обеспечишь прикрытие, — окончательно определился Дервиш.

Следующий его вопрос: как поступим с Ли — вызвал спор.

Павел предлагал спрятать его в подполье, а Дмитрий настаивал на игре с японской контрразведкой, рассчитывая тем самым выиграть время, чтобы выполнить задание Центра — добыть действительный план боевых действий Квантунской армии. О нем Москва настойчиво напоминала в последних радиограммах.

Дервиш не осуждал Фитина за их категоричный и жесткий тон. Под Москвой, в битве не на жизнь, а на смерть, гибли десятки, сотни тысяч. В Центре верили, что он, Ольшевский, Свицерские, Гордеев и десятки других разведчиков сумеют вовремя предупредить о военной угрозе с востока. Угрозе, которая с каждым днем становилась все более реальной. Леон, Сай, Ли и Фридрих сообщали: «Самурай» изготовился к роковому прыжку и вот-вот прыгнет, но куда — это оставалось самой большой загадкой.

По информации Ли, первый удар японцы должны нанести по советскому Дальнему Востоку. Ее опровергали материалы Леона и Сая. Согласно их данным, в ближайшее время атакам с воздуха и моря будут подвергнуты британские и американские военные базы в Тихом океане. Существовал и третий вариант развития событий — Япония продолжит наступление на юг к нефтепромыслам Филиппин и Малайи.

В этом потоке разноречивых разведывательных материалов, где правда переплелась с тонкой дезинформацией, запущенной японской разведкой Дервишу, было невероятно сложно определить истинное направление, по которому покатится безжалостный каток войны. В том, что она начнется, у него не возникало сомнений.

С ним были согласны Дмитрий с Павлом. Они прекратили спор и теперь ждали окончательного решения Дервиша. Он выдержал паузу и объявил:

— Сейчас всем важно сохранять спокойствие. Выдержка и терпение позволят нам выполнить задания Центра.

— Саныч, сколько можно ждать? Люшков свободно разгуливает по Харбину. О плане наступления толком ни черта не знаем! Одна мышьяная возня получается! — в сердцах произнес Дмитрий.

— Ну почему? С Люшковым не сегодня, так завтра покончим, — возразил Павел.

— Если Дулепов нас раньше времени не прихлопнет. Если...

— Стоп, Дима, не заводись! Нам только этого не хватало. Зачем переть на рожон? Сасо с Дулеповым только того и ждут, — осадил его Дервиш.

— Но надо же что-то делать? — продолжал кипятиться он.

— Будем думать.

— Я согласен. Но как? Какой-то замкнутый круг получается.

— Я, кажется, знаю! — воскликнул Павел и склонился над записями Ли.

Дервиш подался к нему и внимательно следил за тем, как он сверял их с данными карты.

— Паша, чего копать в этой дезе. Говори, что надумал, — торопил Дмитрий.

Его вопрос остался без ответа. Ольшевский находился во власти своих мыслей. Через мгновение его лицо осветила радостная улыбка, в глазах смешались удивление и робкая надежда. Но он не спешил делиться догадкой и опять принялся тасовать таблицы.

— Паша, не тяни! — толкнул его под локоть Дервиш.

— Сейчас, Саныч, сейчас. Я... Я, кажется, понял! — боялся он упустить мысль.

Затем сгреб таблицы, пододвинул к нему и, все еще сомневаясь в своей догадке, неуверенно произнес:

— В записях Ли нет ни одного слова и ни одной цифры, связанных с эскадрой адмирала Нагумо.

— Причем тут Нагумо? — недоумевал Гордеев.

— Постой, постой, Дима! — оживился Дервиш и сам взялся за записи Ли.

Гордеев удивленными глазами наблюдал за тем, как резидент лихорадочно раскладывал из них пасьянс, и его озарило. На последней явке с Леоном тот тоже говорил об эскадре Нагумо. По его данным, четыре авианосца, пять линкоров, семь крейсеров с тремя сотнями самолетов на борту покинули основную базу и вышли в Тихий океан. Это было неделю назад, а потом как отрезало. Ни сам Леон, ни другой агент, Сая, не находили в последних донесениях ни слова о ней. Эскадра, как летучий голландец, исчезла из военных сводок японцев и растворилась в безбрежных просторах Тихого океана.

Пытаясь найти ее след, Дмитрий присоединился к Дервишу. Он просматривал таблицы, в них в сухих цифрах была сконцентрирована военная мощь Японии, но так и не нашел упоминания об эскадре Нагумо. Она являлась тем самым ключом, который открывал разведчикам главную тайну японцев — направление будущего наступления. Для Дмитрия это становилось все более очевидным, и он предложил:

— Саныч, я тебя понял! Через Сая и Леона надо выяснить, куда направляется эскадра Нагумо!

— То же самое можно узнать через Ли, а заодно заставим подергаться Сасо, — поддержал его Павел.

— Согласен. Теперь, ребята, понятно, куда нам плыть! — повеселел Дервиш и предупредил:

— Действовать надо предельно осторожно, слишком высоки ставки, — здесь его голос дрогнул. — Но чтобы там ни случилось, мы обязаны выполнить задание! В Центре в нас верят и надеются.

Тот день в харбинской резидентуре стал поворотным. Впереди ее ждали блестящий успех и страшная трагедия.

Глава 11

Закончился долгий перелет над Атлантикой. За это время Иван Плакидин успел выспаться, подсел к иллюминатору и с любопытством разглядывал грандиозную панораму горной системы Сьерра-Мадре Восточной. Бездонные ущелья, обширные каменные плато и циклопические нагромождения скал поражали воображение. Он не мог оторвать глаз и любовался этой еще не тронутой человеком девственной природы. О его присутствии напоминали лишь крохотные поселки по берегам рек и уродливые проплешины, оставшиеся после вырубок леса.

И чем дальше самолет удалялся от побережья, тем заметнее становились признаки большого города. Буйную тропическую сельву сменили пестрые квадраты ухоженных полей, мрачная бездна ущелий растворилась в голубой дымке. Вскоре тонкой серебристо-черной паутиной проступила сеть дорог. Столица Мексики Мехико возникла неожиданно. Горы расступились, и в лучах яркого солнца, подобно созвездью самоцветов в малахитовом обрамлении зелени, полыхнул волшебными красками древний город.

Двигатели пронзительно взвыли, самолет резко накренился и пошел на посадку. Земля быстро приближалась и заполняла горизонт. В следующее мгновение под крылом возникли серая лента взлетной полосы и выжженное палящим солнцем поле аэродрома. Несмотря на сильный боковой ветер, пилот уверенно посадил тяжелую машину и подрулил к зданию аэровокзала. Стюард открыл пассажирский люк, и в салон хлынула струя горячего воздуха.

Иван стащил с себя куртку, положил ее в сумку, вышел на трап и вместе с толпой пассажиров направился в зал ожидания.

На выходе его встретил немногословный сотрудник резидентуры Хосе. О себе он больше ничего не сообщил; собственно, это не имело значения. Они встретились, чтобы, спустя несколько часов, навсегда расстаться, прошли к машине и, не теряя времени, тронулись в путь.

Проехав десяток километров, Хосе свернул в кустарник, остановился и затем извлек из тайника в машине пакет с новыми документами для Ивана. С этого момента гражданин Мексики Хорхе Вальдес перестал существовать. Кучка пепла — все, что осталось от паспорта, теперь уже новоиспеченного торгового агента фирмы «Эпштейн и сыновья», жителя канадского города Монреаля Айвона Грина.

Оставив город в стороне, они углубились в прокаленную, как сковорода, саванну. После пронизывающего холода русской зимы Иван изнывал от жары и частенько прикладывался к фляжке, но это не спасало. Жгучее солнце палило немилосердно, пыль и песок забивали глаза, скрипели на зубах и, смешиваясь с потом, разъедали кожу. Хосе выжимал из мощного «форда» все, что мог, и только на короткое время останавливался у родника или ручья, чтобы освежиться и снова продолжить путь. Унылый пейзаж изредка оживляли причудливые нагромождения источенных ветром скал и выросли гигантских кактусов.

После трех часов бешеной гонки машина свернула к затерявшемуся в чахлому кустарнику бунгалу. Здесь Плакидина ждала легкий одномоторный самолет и трое немногословных мексиканцев. Ополоснувшись в холодном ручье, бравшем начало в глубине каменного разлома, и перекусив, он занял место в кабине за спиной пилота. Винт яростно рубанул воздух, мотор взревел во всю мощь, и клубы пыли навсегда скрыли бунгалу, а вместе с ним и Хосе.

Легкий спортивный самолет, набирая скорость, несся по дну высохшей речки. На него стремительно набегала каменная гряда. Иван сжался в комок. В последний момент пилот оторвал

самолет от земли и, едва не зацепив шасси за зубчатый гребень скалы, вырвался на простор, взяв курс на север. Плакидин, открыв фонарь кабины, жадно хватал ртом пьянящий воздух свободы и купался в этой бесконечной голубизне неба. Внизу, насколько хватало глаз, простирались суровые горы; их однообразие вскоре утомило, и убаюканный монотонным рокотом мотора он не заметил, как задремал.

Разбудил Ивана странный звук, напоминающий удары индейских барабанов. Он открыл глаза и поежился. Проливной дождь хлестал по плексигласовому колпаку кабины и шипящими ручьями змеился по фюзеляжу. Кисельная пелена тумана окутала самолет плотным одеялом, но пилот каким-то чудом выдерживал нужный курс. Вскоре дождь прекратился. Тучи поредели, проглянуло солнце, и в его лучах под крылом блеснула река. Иван догадался — Рио-Гранде! За ней начались Соединенные Штаты Америки. Через полчаса самолет пошел на снижение. Пилот, покружив над пустынной местностью, посадил машину у одинокого ранчо.

После короткой передышки Плакидину снова пришлось менять самолет и пилота. Время, неумолимое время и непреклонная воля наркома НКВД Лаврентия Берии, которая проявлялась даже здесь — за тысячи миль, гнали Ивана вперед. Пилот-американец уверенно вел машину, и поздним вечером они приземлились в аэропорту города Ричмонда. Из аэропорта сотрудники нью-йоркской резидентуры отвезли Ивана на железнодорожный вокзал, вручили билет в вагон среднего класса и растворились в сгустившейся темноте. Фитин с подчиненными сделали свое дело. Теперь Плакидину приходилось рассчитывать только на себя самого.

Не дожидаясь, когда поезд тронется, он забрался на верхнюю полку и забылся в глубоком сне. Лагерь, стылый барак, кабинеты Лубянки, Фитин и Берия — все смешалось в бешено крутившемся калейдоскопе. В следующее мгновение эта мрачная мозаика рассыпалась, и перед Плакидиным возникло море.

Оно ласково плескало ленивой волной и нежно щекотало ноги. Он глубоко вдохнул и с головой погрузился в воду.

Разбудили Ивана беззаботный детский смех и яркий солнечный свет. Он приоткрыл глаза и осмотрелся. Нет, это не был очередной сон. На нижней полке шла веселая возня. Молодая супружеская пара пыталась уговорить непоседливую, как чертенок, девушку. Семейная идиллия, веселый перестук вагонных колес и живописные пейзажи, мелькавшие за окном, пробудили в нем чувство опьяняющей свободы, которое овладело им в ту самую минуту, когда в тегеранском аэропорту захлопнулся люк пассажирского самолета и за ним остались два угрюмых офицера из спецотдела НКВД.

Пять дней назад он, медленно угасавший в стылom лагерном бараке, не мог себе представить подобного хода событий. Всемогуший Лаврентий Берия вырвал его из небытия. Подчиняясь воле наркома, десятки разведчиков приняли участие в молниеносной операции. Покинув Москву, замерзавшую и задыхавшуюся в тисках осады, Плакидин за считанные часы преодолел два континента и оказался в США. Впереди его ждала явка с советским резидентом Ахмеровым. Центр назначил ее в итальянском ресторанчике в районе Бруклина. Это место Ивану было знакомо по предыдущей командировке. Закрыв глаза, он пытался представить себе резидента.

Один из лучших разведчиков 1-го управления НКВД в Америке Ицхак Ахмеров, больше известный на Лубянке под псевдонимами Майкл Адамец, Майкл Грин и Билл Грейнике, добывал ценнейшую информацию — подлинники документов из Пентагона и Госдепа. Агенты из этих ведомств сумками приносили на явки секретные депеши, распоряжения и докладные. Объем был настолько велик, что группа из трех помощников Ахмерова не успевала переснимать их на микропленки.

Наряду с блестящими организаторскими способностями, Ицхак обладал поразительной способностью завоевывать до-

верие окружающих. Перед его обаянием и умением польстить мало кто мог устоять. После предательства связника 4-го отдела 1-го управления НКВД Чэмберса он в короткий срок восстановил работу резидентуры, а позже приобрел ряд перспективных источников. Вскоре созданная им агентурная сеть покрыла почти все Восточное побережье США, а несколько агентов заняли ключевые посты в министерствах экономики и энергетики. Его успехи вынуждали руководство советской разведки закрывать глаза на многие прегрешения «горячего южанина».

Ахмерову, выросшему в Баку, где жизнь была ключом, трудно было вместить свою неумную натуру в аскетические шоры «железного рыцаря революции». Он позволял себе обедать в самых шикарных ресторанах и отдыхать во Флориде в компании соблазнительных стриптизерш. Его женитьба на племяннице лидера коммунистов США Эрла Брудера — хорошенькой Хелен Лоури вызвала шок в управлении разведки. Ахмеров нарушил табу и перешел все мыслимые и немыслимые границы — нелегал мог позволить себе только одну любовь: любовь к Родине и только одну связь — с НКВД.

В какой-то момент казалось, что для Ицхака все кончено. Нарком Ежов в поисках «врагов народа, пробравшихся в советскую разведку», каленым железом выжигал измену. К лету 1938 года большинство резидентур оказались обезглавленными.

Ахмеров уцелел. Его спасло от неминуемой расправы не объяснение, не лишенное кавказкой хитрости, и не влияние через Хелен на ее дяденьку — норовистого Брудера, который и сам-то находился под контролем Особого сектора ЦК. Его спасли близкие отношения с Гарри Гопкинсом, другом президента Рузвельта, и Эджером Хиссом, занимавшим важный пост в управлении Госдепа Дальнего Востока. Оба были позарез нужны наркому НКВД, и потому «горячего южанина» решили не трогать.

Многое из этого не было известно Плакидину, но то, что Ицхак мог сыграть важную роль в предстоящей операции, у

него сомнений не вызывало. Он пытался сосредоточиться на предстоящей беседе и продумывал ее варианты, но так не сделал окончательного выбора. Поезд въехал в каменные джунгли Нью-Йорка. Пассажиры оживились и стали собираться. Иван присоединился к ним и на перрон вокзала вышел полным сил и энергии.

Прошло пять лет с тех пор, как разведчик Плакидин покинул город. Память не подвела; он быстро отыскал итальянский ресторан, где была назначена явка с Ахмеровым. В нем почти ничего не изменилось, разве что строгие костюмы официантов, фронтовые фотографии и плакаты, призывающие бороться с немецкими шпионами и диверсантами, напоминали о том, что война в далекой Европе своими отголосками докатилась и сюда.

До встречи с Ицхаком оставалось время, и Иван воспользовался этим. После изматывающей дороги через полмира, из того ада, где властвовали цербер Волчок и сторожевой пес Троцкий, ему хотелось сполна насладиться редкими минутами покоя перед тем, как погрузиться в мир тайной войны. Заказав легкую закуску, он мелкими глотками пил коньяк, прислушивался к завораживающей мелодии негритянского блюза, наслаждался пением певца и учился радоваться мелочам жизни. Она опять возвращалась к нему, как и тогда — в далеком 1912 году.

В тот год, в сентябре, Одесса изнывала от невероятной жары. Дикие пляжи в районе Лузановки снова ожили, и вся Молдованка и Пересыпь повалили к морю. Вместе с Вовиком Крамлиди, Юркой Сердюком и Саней Кововым он, поживившись кавунами на бахче у Евсеича, отправился на пляж. Там ныряли и гонялись друг за другом, наслаждаясь остатками последнего тепла перед наступлением промозглой и слякотной зимы. Затем, забравшись на баркас, уминали за обе щеки сладкие, как сахар, кавуны и, наевшись до отвала, откликнулись на спину. У них уже не оставалось сил пошевелить ни ногой,

ни рукой. Запах просмоленных досок кружил голову, а легкая качка убаюкивала...

— Столик заказывали на двоих? — это вопрос вернул Ивана из далекого прошлого.

Он встрепенулся. Перед ним стоял мужчина, хорошо знакомый по фотографиям, которые показывал Фитин. Теплая улыбка гуляла на полных губах, черные волосы отливали синевой, а смуглая кожа выдавала в нем южанина.

— Я жду компаньона, — назвал Плакидин вторую часть пароля и протянул руку.

Ахмеров ответил энергичным рукопожатием, сел за столик, скептически оценил скудный обед и с иронией заметил:

— Нет, так не пойдет! Вы что, решили меня уморить? — и, подозвав официанта, изменил заказ.

Начал он с шотландского виски и закончил кубинскими ананасами. От обилия на столе глаза Плакса округлились. Это не осталось незамеченным Ахмеровым. Он хитро прищурился и сказал:

— Что поделаешь, Иван, положение обязывает. Как говаривал один известный поэт — «Ешь ананас, рябчиков жуи! Радуйся жизни, проклятый буржуй!».

— Извините, Ицхак, по-моему, там шла речь о последнем дне этого жизнерадостного гурмана, — с улыбкой заметил Плакс.

— Не буду спорить. Но нам такое вряд ли грозит, — рассмеялся Ахмеров и, разлив виски по рюмкам, предложил тост: — За встречу и успешную работу!

Не успели они закусить, как официант — в надежде на щедрые чаевые — решил ублажить богатого клиента: снова подлетел к столику, согнулся в низком поклоне и поинтересовался:

— Господа еще что-то закажут?

— Спасибо, пока нет, — отказался Ицхак и, чтобы отделаться от официанта, ворчливо заметил: — Не суетитесь, любезный. Когда надо — я позову.

— Хорошо, сэр! — смешался тот и ретировался в подсобку.

Теперь, когда разговору никто не мешал, с лица Ахмерова исчезла маска счастливого жизнелюбца, и, понизив голос, он с тревогой спросил:

— Как там у нас?

— Тяжело, но выстоим, — не стал скрывать Иван.

— А он где?

— На месте. Седьмого принимал парад.

— Значит, не так страшно, как здесь малюют, — оживился Ахмеров и с ожесточением произнес: — Когда же эту погань в шею погоним?

— Скоро, ждать осталось недолго. Из Сибири свежие дивизии подтягиваются.

— Ну, слава богу! — к Ицхаку вернулось хорошее настроение, и он сменил тему: — Дома у меня как?

— Наши не забывают и поддерживают.

— Спасибо.

— К сожалению, я ничего от них не привез, сами понимаете.

— Конечно, конечно! — спохватившись, Ахмеров вспомнил об обеде и, кивнув на тарелку с жареной по-итальянски форелью, предложил: — Попробуйте, пока не остыло, великолепная вещь, особенно с соусом.

Ицхак знал толк в настоящей кухне. Ее запахи будили зверский аппетит, и Иван после лагерной голодухи с жадностью набросился на деликатес. Не отставал от него и Ахмеров, успевая сыпать шуточками и анекдотами. И когда появилось чувство сытости, он, не меняя благодушного выражения лица, принялся вводить Плакидина в оперативную обстановку.

Иван внимательно слушал и не переставал удивляться способностям Ицхака. Ему удалось почти невозможное: то ли благодаря природному обаянию, то ли каким-то гипнотическим способностям, он сумел найти подход и расположил

к себе замкнутого и крайне осторожного друга президента Рузвельта — Гопкинса. Более того, сумел убедить его в том, что ему уготована выдающаяся роль стать доверенным лицом двух величайших деятелей — Рузвельта и Сталина.

Во многом под впечатлением бесед с Ахмеровым в июле сорок первого Гопкинс прилетел в Москву. Поистине царский прием, устроенный Сталиным в Кремле, еще больше укрепил Гарри во мнении о своей исключительности. Не посчитавшись с мнением посла США в Москве Лоуренса Стейнгарда и военного атташе Айвэна Йитона, смотревших на Сталина, как на коварного и безжалостного восточного тирана, Гопкинс действовал по своему усмотрению.

Последовавшая на следующий день долгая и теплая встреча в кремлевском кабинете с вождем большевиков, на которой тот не жалел слов в адрес прозорливости Гопкинса и исключительности его миссии, только еще больше подогрела тщеславие спецпредставителя президента Рузвельта. Персональное бомбоубежище, эскорт охраны и прислуги, лучшие кавказские вина и блюда, о которых не могли мечтать послы США и Великобритании, окончательно вскружили голову Гопкинсу.

В Вашингтон он вернулся окрыленным, и на встрече с Ахмеровым, все еще пребывая под впечатлением бесед со Сталиным, горячо благодарил за ценные советы, которые помогли понять загадочную душу вождя большевиков. Ицхак, у которого было солидное официальное прикрытие, тонко укреплял Гопкинса в этом мнении и при каждом удобном случае искусно подогревал его честолюбие «дружескими личными посланиями товарища Сталина», чтобы исподволь подвести друга президента к мысли о необходимости более решительных шагов со стороны США по сближению с СССР. И это принесло результат.

Рузвельт внял доводам друга и стал критически относиться к оценкам Черчилля, подозревавшего «вероломного Джо» в двойной игре. Последовавшая вскоре американская военная и

экономическая помощь России сыграла важную роль в ее войне с Германией. Во время того визита Гопкинса в Москву был достигнут и другой немаловажный результат — он бумерангом ударил по антисталински настроенному военному атташе Йитону, и не без активного участия Гопкинса его поменяли на лояльного к русским Феймонвиля.

Плакидин продолжал слушать Ицхака и одновременно оценивал его нынешние возможности в решении задачи, поставленной Берией. Отдавая должное мастерской работе резидента, он вместе с тем старался не подпасть под влияние незаурядной натуры Ахмерова и объективно оценить перспективы совместной работы. И чем глубже он задумывался над тем, что говорил Ахмеров, тем все большие сомнения возникали в успехе предлагаемого им замысла операции. Роль доверенного посредника между Сталиным и Гопкинсом, которую Ицхак взял на себя, являлась одновременно и плюсом, и минусом.

В этой совершенно новой ситуации Иван видел гораздо больше минусов. Одно дело — подчинить интересы США, что Гопкинс с присущей ему твердостью и целеустремленностью делал, совместной с СССР борьбе с фашизмом, где стратегические цели обеих сторон совпадали, и совсем другое — действовать по указке Сталина в борьбе с Японией. В случае, если бы Гопкинс понял, что его используют, то операцию ждал бы оглушительный провал. После этого даже самые «теплые и дружеские личные послания товарища Сталина» вряд ли бы исправили положение.

А когда Ахмеров перешел на детали предстоящей операции, то Плакидин потерял интерес к разговору. В нем крепло убеждение: предлагаемый Ицхаком путь неминуемо приведет в тупик. Под диктовку Сталина ни Гопкинс, а тем более Рувельт никогда не будут действовать — это было очевидно. В нем крепло мнение: решение о более тесном сотрудничестве США с СССР и переход американцев к более решительным действиям против растущей военной экспансии Японии на Тихом океане

должны вылезть в уме и сердце президента! Ивану становилось все более очевидно — задачу такого масштаба не под силу выполнить даже такому асу, как Ицхак. Пожалуй, только Сану, пользующемуся абсолютным доверием у Гопкинса и одному из самых информированных специалистов по Японии, она была по плечу.

Разговор подошел к концу. Плакидин не стал убеждать Ахмерова в том, что предстоящая работа с Гопкинсом должна строиться через него, и предложил оставить окончательный выбор за Центром. На том они и расстались. Плакидин выехал в Вашингтон на встречу с семейством Лейба. Через его главу, Абрама, он надеялся восстановить связь с Саном.

По дороге на вокзал Иван в пол-уха слушал словоохотливого таксиста-мексиканца и напрягал память, пытаясь воскресить картины из того далекого прошлого, когда мальчишкой подрабатывал в мастерской Лейбы...

Двадцатое столетие только начиналось. Шел 1916 год. В Одессе бушевала весна, но она не несла радости. Затянувшейся кровопролитной и бессмысленной войне не было видно конца. Третий год от Балтики до Черного моря перемалывались миллионы человеческих жизней. Поражения на фронтах, голодные бунты и стачки в опустошенных городах сотрясали Российскую империю, и тогда ура-патриоты принялись искать виноватого. Волна за волной черносотенные еврейские погромы прокатились по Москве, Киеву и Одессе.

Досталось от них и семейству Лейба. Его глава, Абрам, не стал испытывать судьбу и, сложив нехитрые пожитки, вместе с семьей собрался в далекую Америку. В тот печальный день на Торговой улице присутствовали соседи и друзья Лейба. После грустного, со слезами прощания, все расселись по повозкам и отправились в порт. Там старшие Лейба не могли сдерживать слез, а маленькие Айвик и Рита, радовавшиеся путешествию, махали ручонками тем, кто остался на пирсе. Всплакнул и Иван, жалея о потере друзей.

Через одиннадцать лет, в двадцать седьмом, мать Ивана получила письмо от тети Муси из Нью-Йорка. Она писала, что они устроились хорошо, а дядя Лейба, благодаря помощи старых друзей, завел свое дело и быстро пошел в гору. Прошел год, и связь с ними оборвалась. Потом до Плакидиных дошел слух, что Лейба переехали в Вашингтон, сам дядя Абрам ушел на покой и дела передал Айвику.

Спустя двадцать пять лет, в беседе с Борисом Пономаревым, Ивану открылась тайна отъезда Лейбы в Америку. Накануне революции партия большевиков нуждалась в деньгах, а он умел их зарабатывать. Нью-Йорк оказался для него «золотым дном». Предприимчивый, хваткий Абрам Лейба быстро встал на ноги, и вскоре касса большевиков, а затем и коминтерновцев, начала щедро пополняться. Настоящую цену его работе знали лишь Поскребышев и спецкурьеры, а теперь и Плакидин.

До встречи с Лейба оставались считанные часы. Иван жил ее ожиданием и подгонял время. Ему казалось, что поезд ползет как черепаха и, чтобы понапрасну не терзать себя, он взялся за газеты. С их страниц дохнуло горячим дыханием пока еще далекой от Америки войны. Фашисты, не считаясь с колоссальными потерями, упорно лезли к Москве, их передовые части вышли на расстояние прямого артиллерийского выстрела к столице. По-прежнему оставалось запутанным положение на Дальнем Востоке. С особым вниманием Иван читал репортажи военных корреспондентов газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» из Китая, Малайи и Филиппин. Судя по ним, положение там напоминало тревожное затишье перед бурей. Японская военная машина угрожающе погромыхивала у границ британских и голландских владений в Юго-Восточной Азии.

От тревожных мыслей Ивана отвлек гудок паровоза. Поезд подъезжал к вокзалу. Пассажиры оживились и принялись паковать чемоданы. Он уложил вещи в саквояж и, стора от не-

терпения, первым двинулся к тамбуру. Поезд, выпустив клубы пара, остановился у перрона, и людской поток выплеснулся из вагонов. Иван без труда нашел кассу, где была назначена встреча с Лейбой. Ждать его пришлось недолго, они встретились взглядами. Крупный мужчина в элегантном костюме стоял у колонны и внимательно разглядывал Ивана. Густые черные волосы, большой с горбинкой нос, темные, как маслины, глаза — в них Иван находил что-то неуловимо знакомое.

— Айвик?! — вырвалось у него.

— Ваня! — радостно воскликнул тот.

Они бросились друг к другу в объятия. Потом в машине Айвик, мешая русский с английским, с жадным интересом расспрашивал Ивана о жизни в России и, конечно, в родной Одессе. Тот не скупился на слова, деликатно обходил мрачные периоды жизни, а чаще обращался к светлым детским воспоминаниям. За разговором они не заметили, как приехали на место.

Здесь, в Джорджтауне — одном из самых уютных районов Вашингтона, в большом, отгороженном от внешнего мира чугунной решеткой и густыми зарослями доме жило многочисленное семейство Лейба. Подстриженные газоны, широкие аллеи ухоженного парка и изящная колоннада большого дома, проглядывавшая за липами, чем-то напоминали Плакидину дворянские усадьбы южных районов Украины.

Плавнo покачиваясь и шурша опавшими листьями, «форд» проехал через тенистый парк и остановился у парадной лестницы. Не дожидаясь остановки, Иван выскочил из машины и стремительно, перепрыгивая через ступеньки, поспешил в дом. Айвик едва поспевал за ним. Их шаги нарушили гулкую тишину просторного холла. В ответ где-то на втором этаже захлопали двери и зазвучали громкие голоса. В следующее мгновение навстречу Ивану высыпали ребятишки. Они остановились на лестничной площадке и с неподдельным интересом разглядывали гостя из далекой России. Вслед за ними спустилась полная молодая женщина — жена Айвика. Тетю Ядю Иван

узнал без труда. Безжалостное время добавило седины в ее некогда черные, как воронье крыло, волосы, а у глаз рассыпалась густая сеть морщинок. В двух статных молодых девушках он не смог угадать непосед — близняшек Риту и Суламифь. Вся эта пищащая и смеющаяся компания налетела на него и принялась тискать, целовать и трепать за полы плаща.

Айвику стоило немалых усилий, чтобы вырвать Ивана из женского плена. Впереди его ждала встреча с Абрамом Лейбой. Тот находился в библиотеке. Она занимала добрую половину правого крыла дома, и когда они вошли, то Иван ощутил в душе трепет — это была настоящая сокровищница знаний. Массивные стеллажи из красного дерева поднимались до самого потолка. За их стеклами тускло мерцали тисненными переплетами книги. Они лежали повсюду — на полках, подоконниках, конторке и столе, за которым сидел дядя Лейба.

Сын портного с Малой Арнаутской, он поздно научился писать и читать, но открывшийся перед ним захватывающий мир книг навсегда покорило сердце любознательного мальчишки. По вечерам, как только отец заканчивал работу и закрывал мастерскую, он торопился забраться на чердак и ночи напролет при свете свечей запоем читал романы Купера, Скотта и Дюма. С тех пор книги стали его самой большой и непроходящей страстью.

Иван порывисто шагнул к высокому, худому старику. Тот с трудом поднялся из глубокого кресла и, преодолевая боль в коленях, шагнул навстречу. Сохранившие прежнюю силу руки стиснули Ивана. Они долго стояли, обнявшись, и, как когда-то в детстве, старик ласково трепал его по голове и как истинный одессит с легкой иронией заметил:

— Мой мальчик, ты прилично выглядишь, будто только с Дерibasовской.

— Стараюсь лицом в грязь не ударить, — отшутился Иван.

— Это не самое страшное, его можно и отмыть, главное — душу не замарать.

— Папа, тебе вредно стоять, — суетился вокруг них Айвик.
— Ты что, меня совсем за развалину принимаешь? — храбрился тот.

Но ноги подвели его, и Иван с Айвиком, бережно поддерживая старика, повели к дивану. Он шумно протестовал.

— Не время мне валяться в кровати, когда такой гость в доме. Сынок, распорядись, пусть накроют стол в беседке.

— Там будет прохладно, папа, — возразил он.

— Так что, мне теперь с печи не слазить и с грелкой обниматься?

— Папа, может, лучше в мансарде?

— наших сорок не знаешь? Они не дадут поговорить, а мне с ним за дело перетолковать надо. Пусть накроют в беседке! Будет еще гость, — не уступал старик и, навалившись им на плечи, пошел к пруду.

Айвик на ходу раздавал указания прислуге, и когда они спустились к беседке, вокруг стола уже шла оживленная суета. Сначала появился графинчик с водкой, затем вареная в остром соусе фасоль и маринованный чеснок. Старик Лейба оставался верен себе во всем — в богатстве предпочитал простую и скромную пищу. Айвик усадил его в кресло-качалку, заботливо укутал ноги теплым пледом, разлил водку по рюмкам и поднял тост за милую сердцу Одессу. Старик прослезился. Потом они помянули ушедших. Упоминание об отце острой болью отозвалось в сердце Ивана...

В тот теплый июньский вечер ничто не предвещало беды. На рыбном базаре, как всегда, стоял громкий гомон, шла бойкая торговля, за пятак спорили до хрипоты, а, войдя в кураж, целую корзину кефали спускали за копейки.

На Дерибасовской и у Дюка было не протолкнуться — настоящее раздолье для одесских щипачей, зеваки только и успевали хвататься за пустые карманы.

У синематографа Хейфица штурмом брали кассу, чтобы попасть на Хенкина.

Банда ворвалась в город средь бела дня и, как изголодавшаяся волчья стая, набросилась на беззащитных жителей, громила лавки и магазины. Отец пытался остановить эту кровавую вакханалию. Пьяные бандиты не пожалели его: на глазах жены и сына поглумились и потом изрубили шашками. И кто глумился? Вадька и Сашок, с которыми Иван когда-то запускал голубей с этого самого двора.

В тот же день он записался добровольцем в часть особого назначения при губернской ЧК. Три месяца гонялся за бандитами по степям и хуторам. Глубокой осенью у села Любашовки чоновцы зажали остатки банды в балке. Бой был жестокий и короткий. Вадьке с Сашком повезло — их не зарубили шашками, но на этом свете они не задержались. Ивана не смогли остановить ни командир отряда ЧОНа, ни начальник местной ЧК. Его побелевший от напряжения палец отпустил скобу спускового крючка, когда из барабана нагана вылетела последняя пуля. И потом на каждой новой операции он не щадил себя и был беспощаден к врагам. В сердце Ивана осталось место только для ненависти.

После очередного боя с бандитами, в котором он изрубил шашкой целый десяток, начальник уездной ЧК из Раздольной, старый большевик, отобрал у него наган и выставил за порог. Тогда, после разговора в Раздольной, в Иване все кипело от негодования. Его, не жалевшего себя ради защиты советской власти, лишили права карать ее врагов! О какой душе мог говорить этот чахнувший от чахотки, полученной на царской каторге, человек? Какая могла быть справедливость к тем, кто никогда не знал жестокой нужды, которая ютилась в бедных крестьянских избах и убогой заводской слободе? Иван этого не понимал. Продолжать службу ему пришлось в Красной армии.

Шло время. И он не замечал, как жгучая жажда мести иссушала душу и ослепляла разум. Мягкость друзей ему казалась трусостью, их сомнения и колебания воспринимались как

предательство. Эти нетерпимость и беспощадность к любой слабости отталкивали от него друзей и множили врагов. Перевод в Москву в военную разведку стал для Плакидина благом. Здесь, вдалеке от дома, постепенно притупилась боль утраты, а работа с Яном Берзиным заставила по-иному посмотреть на окружающий мир.

Командировка в Германию открыла перед Иваном смысл тех слов, что однажды сказал ему старый чекист из Раздольной — не все враги, кто против власти. В самом сердце Германии, в холодном и чопорном Берлине, он снова встретил тех, кого считал врагами. Большинство владели жалкое существование, но не нужда и несправие, а глубокая тоска по утраченной родине причиняла им самую острую боль. Боль, которая нашла отклик в душе Плакидина. Она оказалась у них одна и принадлежала России...

Прошлые воспоминания отразились на лице Плакидина и не остались незамеченными мудрым стариком Лейбой.

— Я тебя понимаю, мой мальчик, — с участием заметил он. — В этой жизни каждый несет невосполнимые утраты. Одних они ломают, а других закаляют, но настоящий мужчина, пока есть силы, идет вперед, а когда они покидают, то должен пройти в два раза больше.

— Спасибо, — с теплотой пожал ему руку Иван и многозначительно сказал: — До Вашингтона я добрался, а дальше надеюсь идти с вашей помощью.

— Поможем. Разве старый Лейба отказывал хорошему человеку?

— Папа, и про меня не забудьте, — поддержал шутливый тон Авик.

Старик хитровато покосился на него и заговорил по-украински:

— Сынок, шось у горли дэрэенчить, трэба горло промочить.

— Папа, может, подождем, когда второй гость подъедет? — напомнил он.

— Он не обидится, наливай!

Айвик снова потянулся к бутылке и разлил по рюмкам. Они выпили, и разговор перешел на войну. Иван с жадным вниманием слушал отца и сына Лейба. Из их рассказов перед ним открылись иные Америка и американцы, совершенно непохожие на тех, которых он знал несколько лет назад.

Шум на центральной аллее перебил разговор, на ней оказалась машина.

Абрам Лейба многозначительно посмотрел на Ивана и сказал:

— Вот и наш общий друг.

Сан! От встречи с тобой зависит многое, если не все», — подумал Плакидин, и его сердце встрепенулось.

С последней их встречи в Шанхае минуло пять лет. За это время произошло столько невероятных событий, что их хватило бы ни на одно столетие. С карты мира исчезли многие государства, пали десятки правительств, а три континента оказались охваченными пожаром невиданной по своему размаху и ожесточенности войны. В ее пламя были брошены сотни миллионов людей. Она безжалостно ломала и коверкала судьбы целых народов. Вне всякого сомнения, война коснулась и жизни Сана. Что в ней за это время произошло, Ивану оставалось только гадать. Сгорая от нетерпения, он поднялся с кресла и вышел из беседки.

Машина остановилась на стоянке, затем хлопнула дверца, и осанистая мужская фигура промелькнула за кустами роз. Хорошо знакомая размашистая походка и борода не оставляли сомнений — то был Сан. Иван двинулся ему навстречу. Сошлись они на лужайке. На секунду-другую замерли, а затем крепко обнялись.

Годы и испытания мало изменили Сана. Он выглядел моложе своих сорока восьми лет. Здоровый румянец по-прежнему играл на щеках, во взгляде сохранился юношеский задор, и лишь вокруг глаз появилась густая сеть тонких морщинок, а на висках пробилась поздняя седина.

— И долго вы там стоять собираетесь? Статуй у меня и без вас хватает. Присоединяйтесь к нам, — окликнул их Абрам Лейба.

Судя по тому, как здесь встречали Сана, Иван понял — в семье Лейба он желанный гость. На этот раз Айвик без напоминания наполнил рюмки, и тост «за дружбу старую до дна» все охотно поддержали. После нескольких рюмок беседа стала более непринужденной. За ней незаметно пролетело время. Абрам Лейба, утомленный разговором, извинился и отправился в дом. Айвик тоже не задержался и, понимая деликатность положения, оставил Ивана с Саном одних.

— Замечательный старик, замечательная семья, с ними чувствуешь себя моложе, — с теплотой в голосе произнес Сан.

— Но годы, к сожалению, берут свое, — с грустью заметил Плакидин.

— Да, тебя они не пощадили.

— Что, здорово сдал?

— Нет, держись ты молодцом, — смутился Сан.

— Конечно, японская тюрьма не сахар, — хмыкнул Иван и, не вдаваясь в подробности, рассказал легенду, которую они отработали с Фитиным для Сана. Она у него не вызвала сомнений, и тогда Плакидин перешел к главному. Он вскользь затронул ситуацию на Тихом океане. Она заинтересовала Сана. Особый интерес вызвала информация Ивана о военных приготовлениях Японии к нападению на США. Данные, которые он приводил, отразились на лице Сана целой гаммой противоречивых чувств. Не дослушав до конца, он вскочил и заметался по беседке. Обрывки бессвязных фраз срывались с губ.

— Подлецы! Значит, переговоры с Курусу — ширма. Это же безумие воевать на два фронта! Они что...

— Какие к черту переговоры! Они водят вас за нос, — подлил масла в огонь Плакидин. — Вспомни Гитлера. Мерзавец

наплевал на все договоры и залил кровью Европу. А чем лучше его Хирохито? Два сапога пара, с той лишь разницей, что первого надраивали в мюнхенских пивных, а второго — под сводами императорского дворца.

— К сожалению, ты прав. Судя по информации твоих японских друзей, ситуация складывается угрожающая, — согласился Сан.

— Не просто угрожающая, а катастрофическая! Война стучится в двери вашего дома, промедление смерти подобно. Надо действовать!

— Иван, я понял и переговорю с Гарри, — заверил Сан.

Плакидин не стал больше углубляться в эту тему. Для первого раза он сообщил достаточно. Сан заинтересовался, теперь осталось запастись терпением и ждать, как Гопкинс отреагирует на информацию.

Прошло два дня после их разговора в доме Лейба. За это время Иван успел обжиться в новой квартире, когда позвонил Сан и назначил ему встречу. Проходила она в ресторане. Уже с первых слов Плакидин понял: первый, а главное — удачный ход в операции сделан. Гопкинс самым серьезным образом воспринял его информацию и расценивал маневры японской военно-морской эскадры как подготовку к броске на юг, к вожделенной нефти. Более того, Гарри проявил заинтересованность в получении дополнительных данных. Это обнадежило Ивана. Сразу после встречи с Саном он отправил срочные радиogramмы в Москву. Одна, более подробная, ушла в адрес Особого сектора ЦК на имя Поскребышева, другая — в НКВД начальнику разведки.

Фитин прочитал шифровку на одном дыхании. Рискованная комбинация с Плакидиным дала результат. Дело сдвинулось с мертвой точки; Гопкинса пока втемную удалось подключить к игре. Дальнейшее ее развитие зависело от работы Плакидина с Саном. Скупые строчки из его шифровки давали на то надежду.

Пилигрим
Центру

«22.11.41 г. провел встречу с Грином. Работа через него по Гопкинсу представляется перспективной. Из беседы с ним у меня сложилось впечатление, что Гопкинс симпатизирует Грину как человеку, но скептически относится к его возможностям добывать важную и достоверную информацию по Японии и Дальнему Востоку. Наряду с этим, на мой взгляд, необходимо учесть, что близость Грина к товарищу Сталину, о которой он постоянно говорит на встречах с Гопкинсом, может иметь обратный эффект. Тот может расценить это, как завуалированную попытку давления на президента Рузвельта с целью склонения его к действиям в интересах СССР.

Гопкинс до мозга костей американец, для которого США и их национальные интересы превыше всего. В связи с чем активную работу с ним через Грина считаю нецелесообразной. Его можно использовать в качестве вспомогательного канала доведения информации. Основные усилия предлагаю сосредоточить на Санае. Его и Гопкинса связывает многолетняя дружба. Последний высоко ценит компетентность и независимое мнение нашего источника по проблемам Японии и Тихоокеанского региона. Об этом свидетельствуют результаты последней беседы между ними. Гопкинс с большим интересом отнесся к информации Санае о военных замыслах Японии в отношении США и полностью разделил его оценку, что угроза вооруженного конфликта между двумя странами как никогда велика. Он согласился с доводами Санае, что президент Рузвельт должен занять более жесткую позицию в отношениях с императором Хирохито.

Вместе с тем, по мнению Гопкинса, Япония вряд ли пойдет на вооруженную конфронтацию с США в силу того, что располагает ограниченными материальными ресурсами для ведения затяжной

войны на Тихоокеанском театре боевых действий. По его словам, госсекретарь Хэлл и президент Рузвельт склоняются к тому, что приготовления японского флота имеют своей целью нанесение удара на юг в интересах захвата стратегически важных нефтепромыслов и нарушения морских коммуникаций Великобритании.

В заключение встречи с Саном Гопкинс отметил как исключительно полезную его информацию о планах Японии и заявил, что немедленно поставит в известность Рузвельта. Кроме того, высказал настоятельную просьбу добыть дополнительные данные, касающиеся планов японской военщины.

С учетом этого прошу Вас подготовить и направить в мой адрес по срочному каналу связи необходимую информацию».

Глава 12

Ясновский мучительно напрягся, сердце бешено замолотило, и пот холодным ручьем заструился по спине. Он яростно отбивался, но цепкие руки крепко держали за ноги и тащили к яме. Из нее доносился зловонный запах, от которого перехватывало дыхание, а тошнотворный ком подкатил к горлу. Его голова зависла над обрывом, зияющая пустота могильным холодом обдала лицо. Ротмистр отчаянно хватался за кусты, острые колючки ранили ладони, еще несколько сантиметров — и он свалился бы в яму.

Яркая вспышка разорвала чернильную темноту ночи и зловещим отблеском отразилась на гладких, словно отполированных стенках ямы. Ясновский пришел в ужас. Перед глазами на ее дне бурлило месиво из человеческих тел. Страх придавал дополнительные силы, ему удалось освободиться из захвата. Он вскочил на ноги и, сломя голову, бросился бежать. Погоня отстала, но тут под ноги попался корень, и ротмистр со всего маха врезался в дерево. От удара в глазах все померкло, и сознание покинуло его, а когда вернулось, кошмар продолжился.

Перед Ясновским возник ресторан «Тройка», с крыши которого на него хищно нацелились обросший до неузнаваемости Люшков и еще одна омерзительная рожа. Извиваясь ужом, он скользнул к входу и, отбивая колени, скатился к ногам гардеробщика. Тот пришел ему на помощь и затолкал в подсобку. Но Люшков не отставал. Ворвавшись в вестибюль, он крутанулся волчком, потом по-поросячьи взвизгнул и набросился с кулаками на гардеробщика. Швейцар, попытавшийся их разнять, получил хорошего пинка, и, озверев, Люшков принялся молотить всех подряд. Под его горячую руку попал и Ясновский.

На шум драки в вестибюль высыпали обслуга, кучка пьяных офицеров, и между ними завязалось драка. Ротмистр оказался между двух огней, на нем отыгрывались и те, и другие. Клубок тел, хрипя и ругаясь, катался по полу. За сплетением рук и ног Ясновский увидел Дулепова и потерял дар речи. Негодяй, вальяжно развалившись в кресле, с гаденькой улыбочкой наблюдал за тем, как его дубасили половой и официант, а затем вскочил на ноги, разметал толпу и сам вцепился ему в горло.

— Скотина! Мерзавец! Казенные деньги пропивать! — надрылся Дулепов и хлестал ротмистра по щекам.

Ясновский пытался что-то сказать, но от удушья не хватало воздуха. Костлявые пальцы полковника железной хваткой сошлись на шее. В последнем отчаянном усилии ему удалось дотянуться до его рук и вонзиться зубами.

Истошный вопль и глоток свежего воздуха вырвали ротмистра из кошмара...

Пробуждение оказалось страшнее сна. Перед ним, схватившись за палец, скакал и верещал живой, из плоти и крови, Дулепов. Ясновский закрыл и снова открыл глаза, надеясь избавиться от ужасного наваждения. Но это был не сон. До боли знакомая люстра раскачивалась под потолком, а с фотографии на стене за ним наблюдала, заливаясь счастливым смехом, супружеская чета Ясновских. Сама жена, испуганная и растерянная, застыла на пороге, за ее спиной торчала угрюмая физиономия Клещова. Стены, мебель, Дулепов, Клещов и супруга поплыли перед глазами ротмистра. Похолодев, он с ужасом наблюдал за немыслимыми телодвижениями начальника.

Первым опомнился Клещов, выхватил из кармана пальто платок, бросился к Дулепову, чтобы перевязать рану. Тот стонал и яростно сверлил глазами ротмистра. Бедолага попытался что-то сказать в оправдание, но из осипшего горла вырывались только нечленораздельные звуки.

В ответ Дулепов разразился угрозами:

— Скотина! Мерзавец! Сгною!

Ясновский вовсе потерял голову и приготовился к худшему. Дулепов не контролировал себя и, схватив его за ворот ночной рубахи, заорал:

— Как выглядел Длинный? Как?

— Долговязый, господин полковник, — подал голос Клещов.

Ясновский оторопело смотрел на них, на набухшую кровью повязку на пальце Дулепова и не мог взять в толк, о чем они спрашивают. Вчерашний пьяный дебош в «Тройке», кошмарный сон, беснующийся шеф и какой-то там Длинный — все смешалось в замутившемся сознании ротмистра.

— Скотина! В последний раз спрашиваю: как выглядел Длинный из аптеки Чжао? — не стесняясь в выражениях, кричал Дулепов.

— Долговязый, — поправил Клещов.

«Какая аптека? Какой Длинный? Какой Долговязый? — силился понять Ясновский и растерянно бормотал:

— Господин полковник, о чем вы? Какой Долговязый? Какой Длинный?

— Идиот! Болван! Мозги пропил! — продолжал бушевать Дулепов.

— Тот, что у Чжао болтал с тобой про болячку Люшкова, — дал подсказку Клещов.

«Аптека? Долговязый? Неужели? Так это он? — Ясновского пронзила догадка. — Боже мой, ты же нос к носу столкнулся с тем, кого Модест засек на явке с Гномом. Не может быть? Может! Сходство поразительное. Как две капли воды похож на советского агента Долговязого.

— Он! Точно он, господин полковник! — наконец дошло до Ясновского.

— Долговязый? Ты ничего не путаешь? — все еще не мог поверить ему Дулепов.

— Он! Он, Азолий Алексеевич! Христом Богом клянусь!

Дулепову было не до клятв, потрясая ротмистра за ворот ночной рубахи, он прорычал:

— Где эта чертова аптека! Где?

— В районе пристани, сразу за...

— Когда там будет Люшков?

Ясновский лихорадочно вспоминал.

— В девять. Нет, в десять! Точно, в десять, господин полковник!

Дулепов с Клещовым бросили взгляд на часы. Было начало одиннадцатого.

— Вот же, зараза! — от досады Клещов заскрипел зубами.

— У-у-у! — завыл на одной ноте Дулепов и, отшвырнув в сторону ротмистра, ринулся к двери, на пороге обернулся и гаркнул: — Модест, эту пьянь — тоже в машину.

Дверь с треском захлопнулась за ним. С косяка посыпалась штукатурка, портрет счастливой супружеской пары Ясновских качнулся и рухнул на пол. Ротмистр непослушными руками схватился за брюки, но нога никак не попадала в штанину. На помощь пришли жена и Клещов; одели его, вывели на улицу и усадили в машину.

Дулепов ожег испепеляющим взглядом непутевого зама и, продолжая бормотать под нос проклятия, стал подгонять водителя. Клещов и его заместитель Соколов благоразумно помалкивали. Оба не один раз на собственной шкуре испытали, что значит попасть под горячую руку шефа. В запале он не разбирает ни правых, ни виноватых, его костлявый, увесистый кулак вышиб не один зуб у незадачливых подчиненных.

Ротмистр, протрезвев, забился в угол и боялся проронить слово. На крутых виражах его болтало из стороны в сторону, а тошнота удушающими приступами подкатывала к горлу. Он терпел и молил только об одном, чтобы опередить агентов-боевиков, нацелившихся на Люшкова. В противном случае (об этом ему не хотелось даже думать) Дулепов отыграется на нем сполна и припомнит все, что было и чего не было: как оставил

Люшкова без охраны, как с женой вместо дела раскатывал на служебной машине по магазинам в то время, когда остальные, как взмыленные лошади, носились по Харбину в поисках агентов НКВД.

«В лучшем случае погонят в три шеи со службы, а в худшем...», — Ясновского бросило в жар при одной только мысли о душегубе Палачове.

Дулепов не обращал на него внимания и был поглощен только одним — перехватить агентов-боевиков советской резидентуры раньше, чем они ликвидируют Люшкова. «Где? Где они сидят?» — эта мысль сверлила ему мозг, и он бросил через плечо:

— Модест, думай, как этих гадов перехватить?

— Так влет и не скажешь, господин полковник, — ответил тот.

— А ты соображай! На кой черт тогда ты и твоя свора легавых сдалась!

— Щас, соображу. Щас, господин полковник! — заверил Клещов и напряг свою недюжинную память. Он хорошо знал Харбин, но этого одного было мало, чтобы вычислить место засады боевиков. Здесь требовались детали: проходные дворы, стоянки машин, торговые точки лотошников и прочие мелочи, по которым можно вычислить засаду и место, где должны сойтись будущая жертва и палач.

— Стоянка для извозчиков и такси у харчевни, — вспомнил он.

— От нее метров сто, сто пятьдесят до аптеки, — тут же выдал расстояние Соколов.

— Там, вероятнее всего, они поставят машину, — предположил Клещов.

— Подходящая позиция для стрелка, — оценил ее Соколов.

— Вряд ли, далековато. Что еще? — торопил Дулепов.

— Строительная контора Букреева, — добавил Клещов.

— Через улицу напротив. Место бойкое, возле нее вечно толчется народ, легко затеряться и отличная позиция: бабахнул, скакнул в машину и поминай, как звали, — заключил Соколов.

— Вот ты эту позицию и закроешь! Возьми Хваткова, еще пару человек и наглухо блокируй подходы к конторе. Особое внимание окнам, что выходят на аптеку. Улица там узкая, могут пальнуть через стекло. Уловил расклад?

— Да, — подтвердил Соколов и предложил: — Мефодич, надо бы прошерстить и чердак?

— Правильно! — одобрил Клещов и обратился к Дулепову: — Азолий Алексеевич, как план — принимается?

— Действуйте, — поддержал он и напомнил: — Проходные дворы не забудьте.

— Их и соседнюю улицу перекроет бригада Тяжлова.

— Слушайте, а про аптеку совсем забыли? Там Люшкова и кокнул! — спохватился Соколов.

— Вряд ли, — усомнился Клещов.

— Согласен, — поддержал его Дулепов.

— Это почему же? — недоумевал Соколов.

— Толпой в аптеку они не повалят, а у одиночки против Люшкова шансов нет. Он с лета бьет в яблочко, — напомнил Клещов.

— Долговязый — не дурак лезть в петлю, — категорично заявил Дулепов.

— Долговязый? С чего вы взяли, что будет он? — в один голос воскликнули Соколов с Клещовым.

— А потому... — подал голос Ясновский и осекся под взглядом Дулепова.

— Протрезвел, мерзавец? — прорычал он.

— Азолий Алексеевич, и все-таки почему Долговязый? — не мог понять его логики Клещов.

— Долго объяснять, Модест! Лучше скажи...

Резкий толчок швырнул их вперед. Дулепов ударился о лобовое стекло и яростно матюгнулся. Водитель отчаянно

надавил на тормоза и крутанул руль. Машину развернуло и потащило по мостовой. Над капотом промелькнуло испуганное лицо рикши, из-под колес донесся хруст дерева, а потом сдавленный крик.

Первым пришел в себя Клещов. Он выскочил из кабины. Перед ним на мостовой корчился рикша, а под ногами хрустели обломки коляски. Тут же, как из-под земли, возник плягуавый полицейский-китаец. Раздувшись от собственной значимости, он грозно надвинулся на Модеста. За его спиной моментально начала расти и набухать, как грозовая туча, толпа китайцев. Клещов выхватил из кармана удостоверение и сунул полицейскому под нос — оно не произвело никакого впечатления. Невозмутимый истукан, похоже, не знал ни слова по-русски.

— Дорогу! — зарычал Клещов.

Полицейский ничего не понял, но по интонации и выражению его лица догадался об угрозе и схватился за кобуру.

— Модест, кончай с ним цацкаться! Тащи эту обезьяну в машину! — кричал разъяренный Дулепов.

Соколов кинулся Клещову на подмогу. Вдвоем они быстро скрутили полицейского и запихнули на заднее сиденье. Толпа китайцев угрожающе загудела, и над их головами появились бамбуковые палки. Это не остановило Дулепова. Он выхватил револьвер и дважды пальнул в воздух. Дружный вопль заглушил эхо выстрелов. Китайцы, давя друг друга, бросились врассыпную, лишь коротышка-полицейский продолжал ерепениться. Соколов не стал тратить на него слов и, шмякнув рукоятью пистолета по голове, выпихнул из машины.

— Гони! Гони! — яростный вопль Дулепова подхлестнул водителя.

Машины с Дулеповым и филерами, разметая по сторонам брички, пролетки и рикш, неслись к аптеке Чжао. В этой гонке со временем время опережало Дулепова. Полковнику оставалось только полагаться на удачу и уповать на безалаберность Люшкова...

Тот, как уже не раз случалось, опаздывал на прием. Стрелки часов приближались к одиннадцати. Павел извелся в ожидании и нервно тербил рукоять пистолета. Дмитрий с Николаем чувствовали себя не лучше. Нервы у всех были на пределе, и когда на перекрестке мелькнул знакомый темно-синий «опель», они забыли об опасности. Теперь все их помыслы подчинялись одной цели — ликвидации предателя.

— Она! Он! — воскликнул Николай, изучивший машину Люшкова до мелочей.

«Опель» миновал стоянку у пирожковой Лободина, заехал на тротуар и остановился неподалеку от входа в аптеку. Дальше путь загораживали леса у соседнего дома, на них возилась бригада русских и китайских рабочих. Водитель вышел из машины и открыл заднюю дверцу. Первым показался Люшков, вслед за ним выпрыгнул мальчишка лет семи, а затем осторожно ступила на скользкий тротуар пышная брюнетка. Ротмистра и охраны рядом с ними не было. Дмитрий с Павлом озадаченно переглянулись.

— Бабы нам только не хватало, — чертыхнулся Николай.

Павел нервно покусывал губы. Нажать на спусковой крючок, чтобы выполнить приказ Центра — ликвидировать предателя, он готов был без колебаний. Но то, что сейчас происходило перед ним, породило в душе смятение. Стрелять в Люшкова на глазах женщины и ребенка — на такое он не рассчитывал. Их присутствие смутило не только его.

— Бабу с пацаном приволок? Охраны нет? Ясновского тоже? К чему бы это? — недоумевал Николай.

— Коля, кончай накручивать и без того тошно! — оборвал Гордеев. Поведение Люшкова сбивало с толку, и он терялся в догадках:

— Ребята, чтобы все это значило? Зачем притащил женщину и пацана? Где Ясновский? Может, это подстава Дулепова?

— Дима, все проще, у сына болячка, — пытался успокоить их и себя Павел.

— Это когда же он успел настрогать? — усомнился Николай.

— Пацан любовницы, — предположил Дмитрий.

— Похоже, так.

— Ладно, нам его не крестить. Филеров видите?

— Вроде нет, — ответил Николай.

— Он один. Должно получиться! — к Павлу возвращалась уверенность.

— Да. Одно только хреново — мы уже тут глаза успели намозолить, — посетовал Гордеев

— Василич, а если свернуть туда? — Николай показал на арку проходного двора.

— А что? Оттуда я пешком пройду, — поддержал Павел.

— Многовато времени уйдет! Секунд двадцать останешься без прикрытия, — не решался менять позицию Гордеев.

— Дима, зачем оно?

— А водила?

— Пока он расчухается, успеете забрать, — настаивал Павел.

— Ну что? Едем, Дима? — и Николай потянулся к ключу зажигания.

— Погоди, — не спешил со сменой позиции Гордеев и перевел взгляд с аптеки на улицу.

На стоянке перед харчевней в этот «мертвый час» стояли две пролетки и три машины. Поблизости от нее, подобно гнилому зубу, торчал китайский мостовой ресторан. Вся его жизнь проходила у тротуара на утопанной глиняной площадке. Несмотря на ранний час, она была ключом. Рикши, грузчики, лотошники и нищие коротали время за чашкой чая чабэй и дешевой мучной похлебкой в ожидании клиента, поденной работы и милостыни. Холодный ветер вынуждал их теснее жаться к огромной металлической бочке, под которой сердито потрескивало пламя. Внутри нее булькало и издавало сладковатый запах бурое варево. В его парах медленно вращалась большая

деревянная катушка, на которую была намотана посеревшая от пепла мучная лапша. Худые, грязные руки тянулись к ней и норовили урвать побольше. Повар был безжалостен, его палка тут же настигала голодного неудачника.

Малыш Ван, накануне перебравшийся со свалки на новый пост наблюдения, наловчился обводить вокруг пальца этого цербера. В тот самый момент, когда палка опускалась на руку очередной жертвы, ему удавалось ухватить небольшой кусок лапши. Одержав маленькую победу, Малыш Ван тут же прятался за спины жаждущих получить свою порцию лапши и, посасывая солоноватое тесто, следил за тем, что происходило вокруг аптеки.

У самого опасного места, где контрразведка могла выставить засаду, — строительной конторы, жизнь шла своим чередом. Китайцы-поденщики, сбившись в кружок, с азартом играли в «камень-ножницы». Рука одного игрока, сжатая в кулак, стремительно вылетала вперед, второй выбрасывал растопыренную пятерню, а самый проворный в последний момент раскрывал «бумагу» — раскрытую ладонь. «Ножницы» и «камень уступали «бумаге». Мелочь, водившаяся в карманах проигравших, переходила к победителю, но там не задерживалась. Позванивая ею, мальчишка-нищий тут же спускался в ресторан за кувшином с шаосинцзю. Дешевое вино подогревало игроков, и игра продолжалась с еще большим азартом.

Очередной вопль игроков потонул в грохоте пронесшейся по улице подводе. Она остановилась у грузового двора строительной конторы и перекрыла въезд. Ее хозяин соскочил на землю и исчез за дверью, а два его работника, чтобы убить время, затеяли игру в карты.

Это не осталось без внимания Малыша Вана и Николая.

— Ребята, гляньте на те две морды. Не нравятся они мне, — поделился он своими наблюдениями.

Гордеев присмотрелся и согласился:

— Да, не больно похожи на работяг.

— И сапожника не видно, — в Николае проснулась тревога. Дмитрий пока не находил для нее оснований и с улыбкой заметил:

- Наверно, вчера заквасил.
- Пора уж похмелиться.
- А если не на что?

Их пикировка заставила насторожиться Павла. Сонное царство, господствовавшее в мастерской в этот час, было непривычно. Но в следующее мгновение опасения рассеялись. Дверь мастерской открылась, и на пороге появился сапожник. Он проковылял к мостовому ресторану, купил у лотошников луковицу с лепешкой и возвратился к себе. Павел потерял интерес к нему, мастерской и переключился на стройку. Там стало заметно оживленнее. Маленький, верткий, как обезьянка, бригадир напустился на рабочих, и те, взявшись за кирки, принялись крошить фасад дома. Облако пыли поползло по улице и закрыло вход в аптеку.

- Чтоб у них руки отсохли! — в сердцах произнес Павел.
- Другого времени не нашли, — вторил ему Дмитрий.
- Надо перебираться, ребята, — настаивал Николай.
- Давай, — согласился он.

Николай завел машину, на малой скорости проехал вниз по улице, свернул во двор, развернулся и остановился под аркой. С этого места просматривались дверь и окна аптеки, стоянка такси, но выпадала строительная контора.

— Коля, подай чуть вперед, обзора не хватает, — попросил Дмитрий и осекся.

Его и внимание Павла привлек темный «опель». Он остановился у конторы, и из него вышли трое. Высокий, барственного вида старик, с военной выправкой. За ним едва поспевали двое, чем-то напоминающие своими повадками хорошо выдрессированных бульдогов. Все трое скрылись за дверью.

- Этих-то зачем принесло? — задался вопросом Дмитрий.
- Подозрительные типы, — сделал вывод Павел.

— Не по нашу ли душу?

— Дима, не надо накручивать, мало ли какие у них дела.

— Главное, чтобы до нашего им не было дела, — буркнул он и сосредоточился на аптеке.

У ее входа и на улице ничто не выбивалось из привычного ритма, разве что прибавилось народа. Приближалось время обеда — и у рикш, и таксистов прибавилось работы. На стоянке перед харчевней не оставалось свободного места, и припоздавшему такси пришлось парковаться на обочине. Водитель, потягивая дешевую харбинскую сигарету «Каска», обшарил взглядом соседние машины и задержал его на сапожной мастерской. Отвратительный нищий в летних матерчатых туфлях, грязной дабу и засаленной «монголке» приткнулся на крыльце. Он брезгливо поморщился и поднял глаза к небу. На крыше аптеки появились два трубочиста.

На них обратил внимание и Николай.

— Зима на носу, а они трубы чистят? — не без удивления заметил он.

— Странно. Чтобы это значило? — насторожился Дмитрий.

— Но не летом же делать, когда не топят, — более спокойноотреагировал Павел.

— Так-то оно так, но почему без ерша?

— Действительно, — задумался Дмитрий над вопросом Николая.

Ответа он так и не услышал. Дверь аптеки открылась, и на улицу выскочил мальчуган. Долгое ожидание утомило непоседу, он воинственно набросился на рыжего кота, нацелившегося на шумную стайку воробьев, терзавших кусок печеной тыквы.

— Внимание, ребята! — призвал Дмитрий и подобрался.

На пороге аптеки появилась дама, а за ней проглянула благодушная физиономия Люшкова. Чжао творил чудеса, избавив предателя не только от болей, а и вернув свежесть после вчерашнего загула в ресторане «Тройка». Павел напрягся, рука скользнула в карман плаща и проверила пистолет. Холод

металла придавал уверенности, и он, как пловец перед прыжком в воду, глубоко вдохнул и взялся за ручку дверцы.

— Мы рядом, Паша. Все будет нормально, — заверил его Дмитрий.

— Я пошел, ребята, — глухо обронил он.

— Удачи, Паша! — пожелал Николай и перекрестил его вслед.

Ольшевский ступил на тротуар и не почувствовал под собой ног. Его охватила необыкновенная легкость. Напряжение, несколько мгновений назад владевшее им, исчезло. Все его существо было подчиненно одной цели — дойти до аптеки и там спустить курок. Строительные леса скрыли Люшкова, и ему пришлось сойти на мостовую. Боковым зрением Павел наблюдал за рабочими, копошившимися на строительных лесах, — они не прерывали работы — и прибавил шаг. До предателя оставалось чуть больше тридцати метров. А тот не подозревал о грозящей ему смертельной опасности и беззаботно болтал с брюнеткой.

«Один, два, три», — мысленно отсчитывал шаги Павел и уже никого и ничего не замечал, кроме Люшкова.

— Эй, глаза протри! — раздраженный окрик сбитого им прохожего не остановил его.

— Ах ты, негодяй! А ну, стой! — взвился оскорбленный толстяк...

— Он? Долговязый? — одновременно воскликнули Клещов с Соколовым и приникли к окну.

— Кучерявый. Горбоносый. Каланча пожарная. Припадает на левую ногу, — повторял вслух приметы Клещов.

— Ну, шеф! Ну, голова! — Соколов поразился прозорливости Дулепова.

— А ты как хотел, Савелий?

— Чего ждем, Мефодич? Пора! — рвался тот на улицу.

— Не гони лошадей.

— Люшкова же кокнут!

— Туда ему и дорога.

— Как?

— Приказ шефа. Ждать до последнего, пока все гады из нор не повылазят. Разом прихлопнем! — рычал Клецов и не спускал глаз с Долговязого.

Павел не подозревал, что с каждым шагом кольцо засады все плотнее сжимается вокруг него. Ему оставалось пройти десяток метров и разрядить в Люшкова обойму.

«Пора!» — нашептывал Павлу один внутренний голос.

«Смотри, чтоб не получилось, как в прошлый раз. Подойди поближе!» — сдерживал другой.

«Куда еще? Стреляй! Пора!»

Перед глазами Павла возникло отечное, с темными мешками под глазами лицо Люшкова. Он, склонившись к брюнетке, продолжал что-то оживленно говорить. Она отвечала ему грудным залиvistым смехом. Неспешным шагом они приближались к машине. Поравнявшись с нею, Люшков пропустил спутницу вперед и распахнул дверцу.

Павел выхватил пистолет из кармана плаща, стремительно шагнул к предателю и вскинул руку. Их взгляды сошлись. Глаза Люшкова раскатились на пол-лица. Он, как замороженный, таращился на ствол, а рот распахнулся в беззвучном крике. Павел нажал на спусковой крючок и не услышал выстрела. Злая судьба снова подставила ему ножку — пистолет дал осечку.

— Генрих! — истеричный женский вопль взорвал спокойствие улицы.

Брюнетка, потеряв от страха голову, заметалась между машиной и Люшковым. Павел лихорадочно передернул затвор и вскинул пистолет, пытаясь поймать цель. Но на его пути живым щитом встала женщина. Люшков вцепился в нее мертвой хваткой, пытаясь к машине и истошно вопил:

— Котов, стреляй! Стреляй!

В следующее мгновение улица взорвалась командами, ревом машин и топотом ног. Филеры Клецова брали разведчиков в кольцо.

— Взять живьем! Живьем! — надрывался Дулепов.

Павла захлестнули ярость и злость. Он видел только одного Люшкова — цель, перед которой все остальное меркло. Тот пытался втиснуться в машину. Но ему мешала брюнетка; она висела на нем неподъемной гирей. Ударом кулака Люшков сшиб ее на мостовую и нырнул в «опель». Павел нажал на курок. Грохот выстрела слился с отчаянным детским криком. Он обернулся. На него огромными, вмиг повзрослевшими глазами, смотрел мальчик и молил:

— Дяденька, не надо! Не надо!

Павел пришел в замешательство. Рев двигателя и визг колес заставили его действовать. Он вскинул пистолет и начал стрелять. Заднее стекло на «опеле» разлетелось вдребезги, серая сыпь пробоев покрыла кабину, внутри кто-то пронзительно вскрикнул. Машина с Люшковым, вильнув, врезалась в стену сапожной мастерской. И здесь в дело вступили филеры Клещова. Они открыли огонь по Павлу. Он откатился под защиту крыльца. Их выстрелы становились все прицельнее и не давали ему поднять головы. Но тут подоспела помощь. «Форд», прорвав оцепление, поравнялся с ним, задняя дверца распахнулась, из нее высунулся Дмитрий и крикнул:

— Прыгай! Прыгай!

Павел нырнул в машину и распластался на заднем сиденье. Николай нажал на газ, а Дмитрий с двух пистолетов отстреливался от погони. Вслед раздавалась бешеная пальба, ее заглушил взрыв гранаты — это вступили в бой ребята из группы прикрытия. Они приняли огонь на себя и отсекали погоню. Николай давил на газ и все дальше уходил в отрыв. Вскоре стрельба и истошные вопли стихли. Павел пришел в себя и только тогда почувствовал, что ранен в плечо. На плаще проступило бурое пятно, его заметил Гордеев и спросил:

— Потерпеть сможешь?

Павел кивнул и, достав из кармана платок, приложил к ране.

Николай бросал на него тревожные взгляды, а сам рыскал глазами по сторонам в поисках подходящего места, чтобы остановиться и сделать перевязку.

— Давай направо, Коля! — заметил арку Дмитрий.

Тот свернул к ней и остановился во дворе. Там они сделали Павлу перевязку и поехали к Никольской церкви, где их должна была ждать резервная группа с машиной. Ее на месте не оказалось. Облава в городе смешала все планы. Дмитрий не стал испытывать судьбу и принял решение затеряться в районе железнодорожных мастерских, куда жандармы и полицейские не отважились бы сунуть свой нос. Николай, избегая центральных улиц, кружным путем добрался до депо, остановился на задах строительного склада и спросил:

— Что дальше, Дима?

— Концы в воду! И быстрее! — поторопил Гордеев.

— Это как?

— Машину сжигаем, а Пашу — к Свицерскому.

— На чем?

— На такси.

— Так, может, на нашей доедем?

— Ага, до первого патруля. Все, палим! — положил конец спору Гордеев и открыл бензобак.

Слив бензин, он вместе с Николаем облил «форд» и поджог. Гудящий факел взметнулся вверх, ухнул глухой взрыв, и от машины осталась груда искореженного металла.

— К дороге, ребята! Паша, как ты, можешь идти? — спросил Гордеев.

— Все нормально, — заверил он и, превозмогая боль в плече, старался не отстать от него и Николая. Выбравшись на Дёповскую, они попытались поймать такси; их, как назло, словно вымело метлой. Шло время. Павла от потери крови начало пошатывать, бурое пятно на плаще стало величиной с тарелку, а лицо начало опухать от ушибов и порезов. Его вид

привлекал внимание прохожих. Гордеев, опасаясь, что кто-то может навести на них полицейских, распорядился:

— Коля, лови машину! — а сам вместе с Павлом свернул во внутренний двор, усадил его на лавку и принялся хлопотать над раной.

Прошло несколько минут, в арке показался Николай и энергично махнул рукой. Дмитрий стащил с себя плащ, укутал им Павла, довел до его такси, усадил на заднее сиденье и попросил водителя:

— Землячок, нам бы к «Мутному глазу»!

Таксист понял с полуслова и весело заметил:

— Однако хорошо гуляете ребята!

— Грех жаловаться, а если с ветерком прокатаешь, то не обидим, — поторопил Николай.

— О чем речь. С ветерком, так с ветерком, только держись! — хмыкнул таксист и нажал на газ.

Рюмочная «Разгуляевка», более известная среди местных остряков как «Мутный глаз», пользовалась особой славой. Даже самые стойкие не могли устоять перед соблазнительными официантками, сначала ублажавшими клиентов водкой, а затем и телом. Рано или поздно и у трезвенников, и язвенников отшибало мозги и мутнели глаза. Пережив не одного хозяина, не одну грандиозную драку, а также многочисленные скандалы, «Разгуляевка» продолжала манить к себе многочисленную публику. Но не это, а ее близость к дому Свидерских заставляла Гордеева стремиться туда. Его обещание щедрых чаевых подстегнуло таксиста. Он лихо подрезал повороты и притормаживал лишь, когда навстречу попадались машины с полицейскими и грузовики с солдатами. Дмитрий сжимал пистолет в кармане и молил Бога, чтобы машину не остановил патруль. Наконец впереди показался бронзовый Асклепий. У дома Свидерских было спокойно. На стояке перед «Разгуляевкой» он и Павел вышли, а Николай поехал дальше к Дервишу, чтобы доложить о результатах операции и выяснить обстановку.

Пальба в центре Харбина и слухи о ней со скоростью лесного пожара распространялись по городу. Свицерские, без того сидевшие как на иголках, не находили себе места, и когда в дверях зазвенел колокольчик, доктор, несмотря на свои пятьдесят шесть, первым оказался у двери. Вслед за ним по лестнице скатилась Анна и, увидев раненого Павла, побледнела.

— Аня, воду и бинты! Павла — в кабинет, — распорядился Свицерский.

Аня бросилась в столовую. Дмитрий, подхватив под мышки обессиленного Павла, повел его наверх. Свицерский задвинул засов на входной двери и присоединился к ним. В кабинете уложили Павла на кушетку, и Анна занялась обработкой раны и многочисленных порезов. После перевязки и обезболивающего укола Павел почувствовал себя лучше и сделал попытку приподняться.

— Лежи, герой! Успеешь находиться. А сейчас выпить успокоительного и спать! — потребовал Свицерский и попросил: — Аннушка, поищи.

Она зазвенела медицинскими склянками, целая батарея которых выстроилась на полках шкафа, отыскала бутылек с желтоватой жидкостью и отлила в мензурку.

— Мало! Он что, воробей? — хмыкнул доктор и, когда мензурка заполнилась до краев, поднес Павлу.

В носшибанул резкий запах багульника, валерьяны, и он поморщился.

— Пей, пей! Только здоровее будешь, — насел Свицерский.

Павел сделал глоток. На вкус снадобье оказалось не столь противным, как ему казалось, и он выпил до дна. Сухость в горле быстро прошла, приятная истома разлилась по телу, и глаза начали слипаться. Сквозь сон до него доносились приглушенные голоса Свицерских и Гордеева, последнее, что осталось в памяти — лицо Анны.

— Уснул, — сказала она и поправила подушку под его головой.

— Проспит до утра как убитый, — заверил Свицерский.

— Мне пора. Надо узнать, что с ребятами, — стал собираться Гордеев.

— Будь осторожен! — предупредила Анна.

— За Павла не волнуйся, мы присмотрим, — заверил доктор и проводил его к черному ходу.

Приоткрыв дверь, Дмитрий прислушался. Начавшийся дождь монотонно барабанил по металлической крыше, а в дырявых водосточных трубах уныло завывал ветер. Среди этих звуков обостренный опасностью слух ничего подозрительного не уловил. Он распахнул дверь, дворами вышел на соседнюю улицу и еще раз проверился. Ничего не выбивалось из привычного ритма жизни, но ближе к центру в глазах рябило от армейских мундиров. Белогвардейские и полицейские патрули проводили повальные проверки на стоянках такси, у аптек и больниц в поисках большевистских агентов. И чтобы не попасться им на глаза, Дмитрий вынужден был добираться до резервной явочной квартиры окольными путями.

К его приходу на ней собрались Дервиш, Николай и двое ребят из группы прикрытия. Судя по их подавленному виду, операция провалилась — Люшков уцелел, а резидентура понесла серьезные потери: двое убитых, трое раненых и двое оказались в руках полицейских. Следующим мог стать Ольшевский. Дервиш ни на минуту не сомневался: Сасо с Дулеповым теперь уже точно знали, кого надо искать в харбинской конторе компании «Сун Тайхан». С его мнением согласился Дмитрий и поддержал решение: на время свернуть активную работу с большинством агентов. После совещания Гордеев с Дервишем отправились на квартиру Свицерских.

Там еще не знали о потерях, понесенных резидентурой, и опасности, нависшей над другими ее участниками. Они пребывали в хорошем настроении. Рана Павла оказалась неопасной. Лекарство и крепкий сон быстро восстановили его силы. Ранение напоминало о себе легким зудом, зато лицо

поыхало пламенем. Он прошел к зеркалу и увидел в нем отечную физиономию. Правая щека вздулась багровыми рубцами порезов, а левый глаз затянул лиловый синяк. В таком виде дальше первого полицейского патруля было не пройти. Но не столько собственное состояние, сколько результат выполнения задания — ликвидация Люшкова — интересовал его. В предатель была разряжена вся обойма, но у него оставались сомнения. Дервиш на его немой вопрос хранил молчание. В тусклом свете керосиновой лампы его лицо напоминало восковую маску, и по нему трудно было что-либо понять. Ни слова о Люшкове не проронил и Гордеев. Их молчание тягостно действовало на Павла. Пауза затягивалась, нарушил ее приход Свицерского.

— Все спокойно, Саныч. Анна дежурит внизу, если что, предупредит, — сообщил он и подкрутил фитиль лампы.

Пламя зубастыми тенями заплясало на стенах и осунувшемся лице Дервиша. Прошедшие сутки вымотали его основательно. Он повел плечами, мельком глянул на Павла, задержал взгляд на повязке и потухшим голосом спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Нормально. А как у ребят?

— У них хуже.

— Что с ними?

— Трое ранены. Двое убиты. Володю и Антона взяли, — обронил Дервиш.

— И это еще не конец, — с ожесточением произнес Дмитрий.

— Да? А Люшков? — упавшим голосом спросил Павел.

— Живой, сволочуга!

— Не может быть! Я в него всю обойму всадил!

— Может, и еще как может! Сопли не надо было жевать, а сразу валить! — сорвался Дмитрий.

Павел опешил, его растерянный взгляд метался между Гордеевым и Дервишем, а с губ срывались обрывки слов:

— Люшков... Живой... Я... Я... не мог.

— Не мог? А Володя смог, когда тебя прикрывал!

— Дима, перестань! — пытался погасить ссору Дервиш.

— Я, что? Мы таких парней потеряли! А у него ручки затряслись! — не унимался Гордеев.

— Чт-о-о? Что ты сказал? — Павел задохнулся от возмущения.

— Что слышал!

— Если бы не осечка. И мальчик... Я...

— Белогвардейская шляха с сученком!

— Так он же ребенок! Как можно? Как?

— И что? Значит...

— Дима, хватит! Мы с детьми и женщинами не воюем! — осадил его Дервиш.

В Гордееве все кипело, он не мог остановиться и бросал одно обвинение за другим:

— Наше слюняйство — это удар по всей операции! Мы провалили задание Центра! Мразь Люшков топчет землю и плодит выводы! Дожалеемся! Так они и до советской власти доберутся! Я...

— Стоп, Гордеев! Говори да не заговаривайся, — оборвал его Дервиш и отрезал: — Ты советскую власть не трогай! Она Люшкова и всех их переживет. Давили и будем давить эту мразь! Но мы, Гордеев, не душегубы.

— Да? Много в белых перчатках навоюете? — огрызнулся Дмитрий.

— Все, хватит! — потребовал Дервиш, перевел взгляд на Павла и спросил:

— Крепко задело?

— Не очень, за недельку отлежусь. Вот только как в конторе объяснить?

— О ней забудь! — отрезал резидент.

— Почему? Надежная крыша, — недоумевал Павел.

— И не только про нее, а и про квартиру. Дулепов ждать не станет!

— Выходит, мне уходить в группу Володченко?

— Исключено! — был непреклонен Дервиш.

— Так что же делать? — растерялся Павел.

— Ничего. Залечь на дно. Встанешь на ноги, переправим за Амур. Этим займется Дмитрий, вот там и доспорите. Всем все ясно?

— Да, — согласились оба.

— Раз так, то расходимся! — закончил встречу Дервиш.

Он, Павел, Дмитрий, Свидерские и их помощники-подпольщики, несмотря на понесенные потери, не теряли надежды, что главное задание Центра им удастся выполнить. В Москве также верили в них и рассчитывали получить информацию, которая позволит Плакидину сделать еще один важный шаг на пути к цели.

Глава 13

Центр Пилигриму

«С Вашими выводами и предложениями по организации последующей работы с Саном в качестве основного канала доведения информации до Друга согласны. С учетом этого дальнейшие контакты с Грином прекратите, ему на этот счет даны соответствующие указания. Основные усилия сосредоточьте на непосредственной работе с Саном. В этих целях необходимо провести с ним экстренную встречу и довести информацию о планах японской военщины.

Так, по достоверным данным, подтвержденным надежным источником в посольстве Японии в Москве, кабинет Тодзио планирует в ближайшие дни нанесение ударов на суше и на море по вооруженным силам США и Великобритании в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане.

Основная роль в операции отводится военно-морской группировке адмирала Нагумо, которая в своем составе насчитывает: восемь крейсеров, 20 эсминцев, 30 транспортных судов и 27 подводных лодок. На борту шесть авианосцев сосредоточено 350 самолетов, в том числе 40 штурмовиков-торпедоносцев, 103 штурмовика-бомбардировщика, 129 бомбардировщиков и 78 истребителей.

По непроверенным сведениям, Курусу и Номура ведут интенсивные секретные переговоры в Госдепе на предмет возможного заключения сепаратной сделки между Японией и США. 20-23 ноября в ходе конфиденциальных встреч Курусу с неустановленным лицом из Госдепа обсуждался вопрос о нормализации отношений между Японией

и США. В качестве первого шага рассматривался вопрос о снятии США эмбарго на поставки нефти и размораживании финансовых активов Японии взамен на ряд уступок с ее стороны в Китае и Юго-Восточной Азии.

С учетом важности данной информации немедленно задействуйте Сана и Друга для ее перепроверки. Нельзя исключать того, что в последний момент милитаристские круги Японии пойдут на заключение сепаратной сделки. Прошу Вас сделать все возможное и невозможное, чтобы сорвать ее. Крайне важно обеспечить выполнение этого задания в течение ближайшей недели. Необходимо убедить Друга и его высокопоставленные связи в необходимости принятия против Японии более жестких и решительных мер».

Тон радиogramмы Центра вызвал у Плакидина раздражение. В Москве переоценили первые успехи работы Сана с Гопкинсом. Острая реакция Рузвельта и Хэлла на его информацию о планах японцев была обнадеживающей, но не давала достаточных оснований для того, чтобы рассчитывать на быстрое развитие операции. Иван полагал: в сложившейся ситуации было бы разумнее не форсировать события, а выдержать паузу и посмотреть на реакцию американцев.

Фитин же пережимал и торопил события. В Москве, видимо, в полной мере не представляли деликатность отношений Сана с Гарри. При всем уважении к нему и доверии к поступающим от него данным Гопкинс, будучи опытным и осторожным политиком, вряд ли полностью полагался на них. В силу своей близости к Рузвельту и Хэлли он обладал разноплановой информацией, которая стекалась к ним из различных источников — разведки, дипломатов, союзников — и позволяла видеть ситуацию глубже и шире. Для них были важны скрытые детали, которые позволяли увидеть за завесой искусной дипломатической лжи и тонкой разведывательной дезинформации, на которую так горазды дипломаты и агенты Германии и Японии,

истинные намерения и конечные цели таких вероломных политических «кидал», как Гитлер и Хирохито.

«Именно детали и оттенки, — размышлял Плакидин над последней информацией Центра, готовясь к встрече с Саном. — Какие именно и как их обыграть, чтобы они стали неопровержимым доказательством? Акцент на цифрах, приведенных в радиограмме Фитина и отражавших мощь японской военно-морской эскадры, нацелившейся на США, может дать обратный эффект. У осторожного Гопкинса такая осведомленность Сана вызовет подозрение и, более того, может натолкнуть на мысль, что его банально используют, чтобы оказать давление на Рузвельта. И тогда пиши пропало. В лучшем случае — конец отношениям с Саном, а в худшем... Так что же делать?» — Иван ломал голову над этой пока неразрешимой задачей и каждый раз наталкивался на категоричный приказ Центра — задачу выполнить в ближайшую неделю!

«В ближайшую неделю? Они что, там, на Лубянке, с ума сошли? Всего неделя! Я, что им, — Господь? Почему семь дней? Почему?» — негодовал Плакидин и не находил ответа.

Ответ знали только в Кремле. 6 декабря 1941 года своенравная госпожа История круто изменила ход мировых событий. Но об этом в конце ноября не дано было знать ни президенту Рузвельту, ни премьер-министру Черчиллю с их всезнающими «Магией» и «Энигмой» — программами дешифровки. Добытые перед войной американской и британской разведками коды к дипломатической переписке Японии и Германии так и не стали ключом к разгадке тайны операции японского Генштаба по нанесению удара по ВМС США на Тихом океане (операция «Восточный ветер»), а тем более секрета — непостижимой души русского воина. В тот день именно его госпожа История сделала своим избранником.

В глубочайшей тайне под руководством Верховного главнокомандующего молодой энергичный генерал Георгий Жуков готовил к наступлению войска Красной армии под Москвой.

Свежие сибирские и дальневосточные дивизии и только что покинувшие заводские цеха эскадрильи штурмовиков, истребителей, артиллерийские дивизионы и танковые корпуса скрытно занимали полевые позиции, чтобы ранним морозным утром 6 декабря нанести неожиданный удар по измотанным в кровопролитных боях фашистским войскам, а потом перейти в наступление.

Всего сутки — роковые день и ночь — разделяли наступление Красной армии и трагедию, разыгравшуюся на военно-морской базе Пёрл-Харбор. Трагедию, которая потом повергнет всю Америку в шок. Этих суток также не хватило императору Хирохито и премьеру Тодзио, чтобы остановить занесенный для удара меч войны. Военно-морская эскадра адмирала Нагумо, поймав в паруса роковой «Восточный ветер», на всех парах неслась к Гавайским островам.

До часа X оставалось всего семь дней, и потому каждый из противников торопился сделать свои ходы. Шифровка Центра не была блажью руководителя советской разведки Фитина, она была продиктована высшими интересами. Иван не мог этого знать, но интуиция и профессиональный опыт подсказывали: эти семь дней Москве были необходимы как воздух. Остыв, он сосредоточился на предстоящей встрече с Саном и пытался выстроить логическую цепочку доказательств, которые бы убедили не столько его, сколько Гопкинса, а вместе с ним президента Рузвельта не поддаваться на отвлекающие маневры Куррусу с Номурой. Плакидин снова и снова выстраивал цепочку доказательств агрессивных намерений японской военщины, и, когда она сложилась, позвонил Сану. Договорились встретиться в доме Лейба.

До Джорджтауна, где жили Лейба, предстояло ехать через весь город. Погода выдалась ненастная, после дождя ударил мороз, и гололедица покрыла дороги. Плакидин заблаговременно вызывал такси, но все равно к месту добрался с опозданием. Встретил его старший Лейба. Держался он бодро и пребывал в

хорошем настроении, о недавнем приступе радикулита напоминала овчинная телогрейка. Они прошли в библиотеку, здесь, как всегда, было тепло и уютно. Мягкий свет светильников, тихое потрескивание поленьев в камине и запах сосны настраивали на хороший лад. Вслед за ними вошел слуга, оставил на столе поднос с дымящимся кофейником и кувшинчиком со сливками. Лейба разлил кофе по чашкам, сделал глоток и, откинувшись на спинку кресла, наслаждался ароматным напитком. Иван сосредоточенно помешивал ложкой сливки и не знал с чего начать разговор.

— Что, мой мальчик, не все ладится? — первым нарушил затянувшееся молчание Лейба.

Иван неопределенно пожал плечами.

— Если хочешь, можешь не говорить. Я понимаю, мне старику поздно совать нос в чужие тайны, да и какой с того прок — не сегодня, так завтра помру.

— Ну, что вы, Абрам Моисеич. Дай Бог вам еще столько прожить!

— А зачем? Я ведь не Кощей, чтобы тысячу лет себя и других мучить, одну бы прожить по-человечески.

— Вам нечего стыдиться! — искренне сказал Иван.

— Да будет тебе. Так еще при жизни бронзой покроюсь, — отшутился Лейба и, согнав с лица улыбку, спросил:

— И все-таки, Иван, что такой кислый?

Он, помявшись, ответил:

— Есть проблемы.

— С Саном?

— И да, и нет, — махнув рукой на конспирацию, Иван признался: — Проблема не в нем, а в моем начальстве!

— А-а, понимаю, как всегда гонит в шею и требует результата.

— Не то слово — за горло берет! Если бы только меня, — и, не сдержавшись, Иван дал волю чувствам. — В Москве думают, что я волшебник. Им вынь и через неделю дай результат! Я же

не Вольф Мессинг, чтобы заставить думать в Белом доме так, как того хотят в Кремле!

— О-о, если таким образом обстоят дела — это не шутки!

От бывшего благодущия Лейбы не осталось и следа. Он поставил чашку на стол, закрыл глаза и ушел в себя. Прошла минута-другая, а старик так и не шелохнулся. Плакидин решил больше не беспокоить его своими проблемами и с грустью поглядывал на часы. Сан должен был подъехать, но и его задерживала непогода. Подлив кофе, Иван пил его мелкими глотками и настраивался на встречу. В камине тихо потрескивали поленья, в печной трубе монотонно гудел ветер, и эти звуки, казалось, убаюкали Лейбу. Но это только казалось. Его ресницы дрогнули, глаза открылись, в их глубине вспыхнули лукавые искорки, и он вернулся к началу разговора:

— Так, говоришь, Иван, начальники не шутят?

— Какие могут быть шутки? Не сделаешь, потом три шкуры спустят! — в сердцах произнес он.

— У тебя-то одна, чего бояться? — хмыкнул Лейба.

— От этого не легче.

— Так-то оно так, послушай одну историю, — сменил тему разговора Лейба и, усмехнувшись каким-то своим мыслям, продолжил: — Перед войной, еще той, вместе с твоим отцом поехал в Харьков открывать меняльную контору, и там история вышла. Про Марка Шуна он тебе не рассказывал?

— Нет. Первый раз слышу, — признался Иван и бросил взгляд на часы.

— Не гоношись, Иван, ничего с твоим Саном не случится, послушай лучше, — остановил его Лейба и вернулся к своей истории.

— Так вот. Приехали мы в Харьков и остановились в самом центре, на Сумской. Приходилось бывать?

— Проездом.

— О, Сумская! Какая была улица! О ней лучше, чем Фима Бибирман, не скажешь! Ваш Маяковский рядом с ним отдыхает.

— Дядя, причем тут Фима и Сумская? У меня голова о другом болит! — начал терять терпение Иван.

— Нет, ты послушай, что он говорил. Это просто песня! — и старый Лейба повторил незабвенного Фиму:

— Один станок — просто станок. Два станка — мастерская! Одна б...ь — просто б...ь. Много б...й — Сумская!

Иван рассмеялся, с интересом отнесся к продолжению рассказа и пытался понять, к чему клонит мудрый старик. Тот отхлебнул кофе и, подмигнув, спросил:

— Так на чем я закончил, мой мальчик?

— Э... э... на этих... — замялся Иван.

— Ах, да, Сумская! Замечательная улица! Жил на ней Марк Соломонович Шун. Не хуже меня знаешь, среди нашего брата дураков не бывает. Так вот, Марк был гений, сто очков вперед мог дать любому. Мудрейший был человек, даже Еся Либерман, которого вся одесская полиция не могла взять за цугундер, приезжал к нему за советом.

— А Чека его на первом году посадила на нары, и никакие советы не помогли, — язвительно заметил Иван.

Лейба бросил на него укоризненный взгляд. Он смешался и поспешил исправить допущенную бестактность.

— Извините, язык мой — враг мой! Я весь внимание.

— Так вот, до девятьсот пятого Марк преподавал в университете, но с математикой ему не повезло, — на лице Лейбы снова появилась лукавая улыбка, — половина студентов подалась в бомбисты, а другая — в аферисты. Потом, в девятьсот шестом, когда восстания и стачки пошли на убыль, жандармы очухались, и Марк чуть сам не пошел по этапу в Сибирь.

Слава богу, тот его умом не обидел, да и отца не зря Соломоном звали. Марк сумел-таки выкрутиться, но в университет больше не вернулся. Ему приказали забыть туда дорогу, чтобы своим вольнодумством молодые умы не смущал. Недолго помыкавшись, Марк открыл мастерскую — иллюзион. И непросто мастерскую — в ней зрителям предлагали самим сниматься.

И они повалили валом — кто не захочет покрасоваться на экране. Оператор у Марка был настоящий волшебник, умел поймать в каждом что-то свое особенное и ...

— Дядя, вы хотите сказать, что надо зацепить что-то личное? — осенило Ивана.

— Правильно! Политики тоже люди, но большие, и у них большие слабости и большие амбиции. Любовь Париса к Прекрасной Елене привела к войне между Троей и Грецией. Оскорбление, которое нанесли вожди даков императору Трояну, дорого им обошлось. Римские легионы не оставили камня на камне от их городов, а тех, кто уцелел, превратили в рабов. Так, что, Иван, простые ходы могут оказаться самыми эффективными.

«Как только его найти? Как?» — задумался Плакидин.

Появление мрачного Айвика сбило его с мыслей. Жизнерадостный и неутомимый, сегодня он был угрюм и немногословен. Последние победные радиосводки, передававшиеся из Берлина о критическом положении Красной армии под Москвой, нагоняли смертельную тоску. Главный пропагандистский рупор Германии — Геббельс грозился в ближайшие дни провести парад войск вермахта на священной для большевиков площади — Красной.

Лейба с ожесточением крутанул рукоять настройки радиоприемника и поймал волну Москвы. Суровый голос диктора Левитана сухо перечислял оставленные отступающими частями Красной армии населенные пункты. За тысячи километров от Москвы их названия острой болью отзывались в сердце Ивана и Лейбы. Они ловили каждое слово диктора. Айвик достал из шкафа карту Советского Союза, расстелил на столе. Она была испещрена красными и синими линиями фронтов. Карандаш в его руке заскользил по названиям захваченных фашистами русских городов и поселков.

Под ударами вермахта пал Клин, в Ясной Поляне, в усадьбе Льва Толстого, хозяйничали фашисты. Третья танковая группа,

усиленная моторизованными дивизиями, после отхода советских войск из Солнечногорска, продолжала упорно атаковать, угрожая столице окружением с севера. В центре четвертая танковая группа, подобно тарану, крушила боевые порядки 316-й стрелковой дивизии генерала Панфилова и конников генерала Доватора. Враг, не считаясь с потерями, рвался к Москве, и зубчатая, словно пила, линия фронта все глубже врезалась в ее оборону.

Иван невидящими глазами смотрел на карту Айвика и ощущал на себе то колоссальное напряжение, которое испытывали бойцы и командиры Красной армии на полях Подмосковья, изрытых и перепаханных сотнями тысяч снарядов и бомб. Он готов был сделать все возможное и невозможное, чтобы выполнить приказ Фитина. Его ум искал убедительные аргументы, которые бы помогли Сану убедить Гопкинса, но они разбивались о суровый голос Левитана. Тот продолжал сухо перечислять потери советских войск, и в душе Плакидина зашевелились сомнения, что Москва устоит.

Айвик сделал еще одну отметку на карте, и под нажимом дрогнувшей руки грифель скрипнул и рассыпался на куски.

— Брось это занятие! Они сжали пружину до предела, и она вот-вот должна разжаться, — остановил его Лейба-старший.

— Папа, о чем ты? Какая пружина? Геббельс болтает: его генералы видят Кремль! — воскликнул Айвик.

— А что ему остается?

— Иван, сколько отсюда до Москвы? — и палец Айвика ткнул в острие синей стрелы, нацелившееся на столицу.

— Километров двадцать — двадцать пять, — ответил он.

— Но их еще надо пройти, — заметил Лейба и напомнил: — Бывало и хуже! Наполеон и поляки сидели в Кремле. А кончили чем?

— Папа, но тогда было другое время!

— А вот тут ты, сынок, неправ! Время было то самое — зима! Но не это главное. Люди остались те же — русские!

Шум и громкие голоса на лестнице положили конец тяжело-му для всех разговору. Айвик выключил радиоприемник. Иван бросил беспокойный взгляд на Лейбу, тот ободряюще кивнул головой, и он преисполнился решимости перед предстоящим разговором.

Шаги в коридоре стихли. Дверь распахнулась, и на пороге появился Сан. В ярком электрическом освещении стали заметнее следы волнения на его лице. Поздоровавшись, он задержал тревожный взгляд на Плакидине. Тот не подал виду и старательно скрывал те горькие чувства, что испытывал в душе.

— Гололедица ужасная! Прошу прощения за опоздание, — посетовал Сан.

— Да, погода дрянь, давайте ее улучшим, — пригласил Лейба-старший к столу.

— Возражений нет. Если можно, ограничиться кофе? — предложил Иван.

— Ну, нет! Так не пойдет! — энергично возразил Айвик и увлек всех за собой в столовую.

Там уже был накрыт стол, и слуги ждали новых распоряжений хозяина. Лейба отпустил их и взял на себя роль распорядителя. После первой рюмки водки, поднятой за победу, за ней последовала вторая и третья — за здоровье хозяев, а потом и гостей. Градус и хорошая закуска вскоре смягчили тревогу, что владела собеседниками. Лейба-старший незаметно подал Айвику знак, и они, сославшись на неотложные дела, покинули столовую. Сан, проводив их взглядом, вопросительно посмотрел на Ивана.

— Имеется серьезный разговор, — пояснил он.

— Я так и понял. Что, есть важные новости?

— Более чем! Я только что получил от своих друзей исключительно важную информацию.

— Полагаю, она касается затянувшегося конфликта между США и Японией?

— Совершенно верно. Но надо говорить не о конфликте, а о войне! — решил обострить разговор Иван.

— Даже так? О войне?! — опешил Сан.

— Да, о войне! Переговоры, которые ведут с вами Курусу и Номура, — это лишь ширма, за ней скрывают приготовления японцев к нападению.

— Возможно, твои друзья правы. Но не сегодня. Гарри с Хэллом не питают иллюзий насчет мирного соглашения с Японией. Они и Рузвельт полагают: Хирохито и Тодзио ждут, чем все закончится под Москвой.

— В этом и состоит ваше заблуждение. Они считают Рузвельта простаком и водят его за нос!

— Что? — возмутился Сан.

Иван понял: незатейливый ход, подсказанный ему Лейбой-старшим, дал результат и поспешил подкрепить его данными из шифровки Фитина. Сухие цифры, характеризующие боевую мощь эскадры адмирала Нагумо, а также последняя информация о переброске летчиков из авиационных частей Квантунской армии на военно-морскую базу на острове Итуруп произвели впечатление на Сана. Но он все еще не мог поверить в то, что США находятся всего в шаге от войны с Японией. И Плакидин не удержался от упрека:

— Мне показалось, ты или недооцениваешь последнюю информацию, или сомневаешься в ней?

— Иван, извини меня, но... — Сан тяжело вздохнул и, стараясь не задеть его чувств, старательно подбирая слова: — У меня нет сомнений в объективности этих данных и искренности намерений твоих японских друзей предотвратить надвигающуюся войну. Гопкинс понимает, что она неизбежна, но не сегодня, не сейчас...

— Сан, одного понимания мало, — раздраженно заметил Иван и насел на него: — Японцы не ставят вас ни в грош! Движение эскадры Нагумо тому подтверждение. Пока не поздно,

надо действовать. Завтра будет поздно! Пора от грозных деклараций переходить к конкретным и жестким действиям.

— Для них еще не пришло время, — вяло отбивался Сан.

— Как бы вы потом не кусали себе локти!

— Иван, мне кажется, ты излишне драматизируешь ситуацию. Хэлл и президент держат под контролем ситуацию. Положение дел в Европе и здесь у нас, на Востоке, не так однозначно, как представляется твоим друзьям в Токио. Поверь мне, у президента имеются и другие надежные каналы, по которым поступает самая проверенная информация. Да, ситуация взрывоопасная и потому требует особой деликатности и осторожности, любое непродуманное движение с нашей стороны сорвет восстановленные с таким трудом переговоры и спровоцирует войну с Японией.

— Но переговоры, которые ведут с вами Курусу и Номура, — блеф! Как вы этого не понимаете?

— Не совсем. Пять дней назад они передали Хэллу новые предложения, и в них есть основа для компромисса. Япония готова отвести свои войска из Индокитая и прекратить военную экспансию в Южной части Тихого океана, а взамен просит заморозить свои активы в США и возобновить поставки нефти.

— Сан, ваша вера в успех переговоров — ошибка и глубочайшее заблуждение! Вы желаемое выдаете за действительное. С ними в принципе невозможно договориться, — продолжал убеждать Плакидин. — Посмотрите на себя глазами Хирохито, и все станет ясно. Неужели вам мало уроков Европы и России? Сколько можно находиться в плену иллюзий?

— Иван, мы не идеалисты и знаем, с кем имеем дело. Хирохито и Тодзио — мерзавцы, но не безумцы, чтобы вести войну на два фронта — против нас и России. Их военные демарши, по мнению Гарри и Рузвельта, рассчитаны на то, чтобы оставить за собой то, что удалось захватить в Азии.

Это стойкое убеждение Сана о невозможности развязывания Японией войны против США сводило на нет все аргументы

Плакидина. Иван искал новые доводы, которые бы поколебали его уверенность в мирном исходе переговоров. А Сан, хорошо понимавший чувства друга, недавно вырвавшегося из тюрьмы, относил его катастрофические оценки на счет перехлестывающих через край эмоций. В отличие от Плакидина ему были хорошо известны уязвимые стороны японской военной машины. С теми ограниченными ресурсами, какими располагала императорская армия, и без запасов нефти, к которым она упорно пробивалась, воевать против такого гиганта, как Америка, было равносильно самоубийству. Подобной точки зрения придерживались Гарри Гопкинс и президент Рузвельт.

Придерживался ее и премьер Великобритании Черчилль. В своем последнем конфиденциальном послании к Рузвельту он сообщал о концентрации японских войск на южном направлении и расценивал это как подготовку к захвату южных нефтепромыслов. Но об этом ни в НКВД, ни тем более Плакидин не знали. Не знали они и того, что с помощью «Энигмы» британская разведка, для которой немецкие дипломатические коды не составляли секрета, контролировала содержание германо-японских переговоров в Берлине.

На них речь шла об открытии второго фронта борьбы против СССР. Риббентроп выкручивал руки японскому послу Осиме, пытаясь добиться согласия на то, чтобы премьер Тодзио, наконец, исполнил свое обещание и ударил русским в тыл. Осима, зная о последнем сверхсекретном решении Тайного совета при императоре, отложившего выступление Квантунской армии против СССР до весны сорок второго и определившего в качестве ближайшей стратегической цели — завоевание господства на Тихом океане, вертелся ужом, чтобы уйти от конкретного ответа. Так и не добившись своего, Риббентроп пришел в ярость и направил в Токио зашифрованную радиogramму послу Отту. В ней он требовал, чтобы тот встретился с премьером Тодзио и получил ответ на вопрос о сроке выступления Японии в войну с СССР.

Расшифровка радиogramмы Риббентропа заняла у британских дешифровальщиков всего несколько часов — «Энигма» не давала сбоев. Прошел еще час, и ее содержание стало известно Черчиллю; он незамедлительно поделился информацией с Рузвельтом. Она лишний раз убеждала президента во мнении, что Япония не устоит под давлением Германии и пойдет на развязывание войны против СССР. В этом случае, как полагал Рузвельт, ее армия надолго увязнет в боевых действиях в лесах Сибири и угроза большой войны на Тихом океане отодвинется на неопределенный срок.

Но об этом ничего не было известно ни Фитину, ни тем более Плакидину. Сан, видимо, что-то знал, но считал не вправе делиться такого рода конфиденциальной информацией. Поэтому Ивану ничего другого не оставалось, как воспользоваться советом Лейбы и снова обратиться к его чувствам и амбициям. Он взял со стола бутылку холодной минеральной воды и предложил:

— Может, выпьем, чтобы охладить наш градус?

— Да, что-то разгорячились, — согласился Сан и, сделав несколько глотков, деликатно заметил:

— Иван, не обижайся, но пойми и меня правильно — это чересчур.

— Что ты имеешь в виду?

— Если и дальше так активно загружать Гарри, то он подумает, что я выступаю адвокатом Сталина.

— А причем тут Сталин, когда война грозит Америке?

— Но она на руку Москве.

— Москве? А разве остановить агрессора это не благое дело?

— И для этого самим развязать войну?

— Господи, неужели неясно? Гитлер и Хирохито понимают только один язык — язык силы! — эмоции захлестнули Плакидина. — Вы руководствуетесь здравым смыслом в отношениях с безумцами! Для них не существует никаких принципов и никаких норм морали. Они одержимы самым большим ис-

кушением — властью. Властью над умами и жизнями людей, властью над всем миром.

Сан молчал. Но Иван не терял надежды достучаться до его сердца и с жаром говорил:

— Неужели история вас ничему и не учит? Ради этой проклятой власти тираны идут на самые страшные преступления и готовы уничтожить все, даже сам мир. Нерон предал огню Рим, только чтобы чудовищные декорации вдохновили его на новый стих. Тамерлан залил морем крови и превратил некогда цветущую Среднюю Азию в безжизненную пустыню лишь потому, что стены просвещенных Хив и Бухары закрывали горизонт кочевнику. Европа стонет под кованым фашистским сапогом, и если завтра падет Россия, то следующая на очереди — Америка! Вы этого хотите?

Эмоциональное обращение Плакидина не могло оставить равнодушным Сана. Ему изменила выдержка.

— Разве я с этим спорю! — с болью в голосе воскликнул он. — Да, война с Японией неизбежна, но не сегодня. Пустые баки танков и самолетов истеричными бреднями этих господ не наполнишь. Японии, как воздух, нужны Бирма и Борнео с нефтепромыслами.

— О, боже! Как же вы заблуждаетесь! Ну, почему не хотите видеть очевидного? Почему? Они действуют, как бандиты! Нападают из-за угла и хапают все разом.

— У нас нейтралитет. Мы не можем уподобиться им.

— Да что вы носитесь с этим нейтралитетом, как старая девственница со своей честью! Если Гитлер с Хирохито подомнут под себя Россию, то потом в свое удовольствие изнасилуют Америку. И кому тогда будет нужен ваш девственный нейтралитет?

— Но не нам же первыми начинать войну и стать агрессором?

— Для начала неплохо бы дать пинка под зад мерзавцам Курусу и Номуре. Для них это будет убедительный аргумент.

— Легко сказать. Существует определенная дипломатическая этика, — мямлил Сан.

— Этика? Порядочность? У кого? У мерзавцев? Да они вас за недоумков держат, — нагнетал обстановку Плакидин и нанес еще один удар по самолюбию Сана, бросив в лицо: — В окружении Тодзио прямо заявляют, что с вашим президентом-инвалидом расправятся за неделю!

— Чт-о-о? Мерзавцы! — задохнулся от возмущения он.

— Да-да, за неделю! А вы еще облизываете Курусу с Номурой.

— Негодяи! Подлецы! — пришел в бешенство Сан, вскочил с кресла и закружил вокруг стола.

Мудрый Лейба оказался прав. Эмоции оказались сильнее фактов. Теперь Плакидину оставалось надеяться, что также отреагирует Гопкинс. Он не стал больше накручивать Сана — это стало бы перебором. Вспышку его гнева погасило появление Айвика. Семейство Лейба ждало их к столу. Иван с Саном с трудом досидели до конца обеда и, торопливо попрощавшись с хозяевами, разъехались по домам.

После беседы с Саном Плакидин чувствовал себя как выжатый лимон и, поднявшись в квартиру, лег спать. В его положении ничего другого не оставалось, как запастись терпением и ждать.

Прошли сутки. Сан хранил молчание. Но интуиция подсказывала Ивану, что развязка должна вот-вот наступить. И она не подвела.

Грядущая война, подобно грозовой туче, набухла и свинцовым прессом давила на Вашингтон. В Белом доме нарастало тревожное ожидание.

Затерявшаяся в Тихом океане военно-морская эскадра адмирала Нагумо, рыскающие вблизи Атлантического побережья немецкие подводные лодки и участвовавшие диверсии в нью-йоркском порту подтверждали поступающие по разным каналам разведанные о том, что в Берлине и Токио приступили

к розыгрышу последнего акта военной драмы сорок первого года.

Для Рузвельта и Хэлла становилась все более очевидной двойная игра Курусу и Номуры. Хэлл не принял их. На японцев это подействовало, как холодный душ. Они занервничали и, опасаясь, что их хитрость разгадана, подключили все свои связи в Госдепе и Пентагоне, пытаясь понять, что за всем этим кроется. Но железная завеса секретности непреодолимой преградой стояла на их пути. В глубокой тайне Гопкинс и Хэлл готовили правительству Японии ноту протеста. Противоречивые слухи о ней все-таки просочились за стены Белого дома и дошли до Курусу.

23 ноября он направил паническую телеграмму министру иностранных дел Сигенори Того, в которой сообщал: американцы разгадали его игру. Но это не остановило японских ястребов войны, а только подхлестнуло. Морская армада адмирала Нагумо завершила маневры и взяла курс на Пёрл-Харбор.

Плакидин этого не мог знать. Фитин тоже находился в неведении. Молчал и Сан. Ивану казалось, что он намеренно избегал встречи с ним. На календаре было 24 ноября 1941 г. Еще один день войны подходил к концу. За окном сгустились вечерние сумерки. Иван уже готовился ко сну, когда в холле раздался требовательный звонок. Он с недоумением посмотрел на часы — стрелки приближались к десяти — и пошел открывать дверь.

На лестничной площадке стоял Сан. Обычно спокойный и невозмутимый, он явно находился не в своей тарелке. Борода растрепалась, галстук сбился в сторону, легкий не по сезону плащ был распахнут. Иван принял у него шляпу, помог раздеться и собрался отправиться на кухню, чтобы приготовить кофе.

- В следующий раз, время не ждет! — остановил Сан.
- Это случилось? — его волнение передалось Плакидину.
- Да!
- Насколько все серьезно?

— По пустякам я не стал бы тебя беспокоить. Это вот-вот произойдет!

— Чт-о-о? Война? — воскликнул Иван.

— Пока нет.

— Так что же?

— Президент принял решение — Японии будет заявлена нота!

— Правда?

— Я отвечаю за свои слова. Два часа назад Гарри сказал мне об этом.

— Так чего же мы стоим, проходи! — спохватился Плакидин и распахнул дверь в гостиную.

Сан, помявшись, вошел, взял графин с водой, налил в стакан, жадными глотками осушил до дна и рухнул в кресло. Непослушными пальцами он развязал галстук, швырнул на стол и в сердцах бросил:

— Вот же мерзавцы!

— Кто? — терялся в догадках Плакс.

— Оправдались твои худшие прогнозы, Иван! Негодяи и Курусу, и Номура водили нас за нос. Последние данные нашей разведки подтвердили информацию твоих источников в Токио. Эскадра адмирала Нагумо продолжает движение на юг, у границ с Бирмой происходит концентрация пехоты, подтягивается тяжелая техника.

— А что говорят сами Курусу и Номура?

— Подлецы! Их заверения ничего не стоят! Вчера, когда Хэлл припер их к стенке, они не смогли дать вразумительного ответа. У него лопнуло терпение, и он выставил их за дверь.

— Такое уже было. Побранятся и помирятся, — напомнил Иван.

— Но не сейчас, на этот раз все гораздо серьезнее.

— Да?

— В Белом доме и Госдепе пришли к выводу: дальнейшие переговоры с этими лжецами теряют всякий смысл.

— И что же Хэлл намерен делать?

— Поставить зарвавшихся японцев на место. В ближайшие дни, а возможно часы, правительству Японии будет заявлена нота протеста.

— А она не окажется очередной пустой декларацией, от которой они отмахнутся, как от назойливой мухи?

— Не думаю. Нота будет выдержана в самых резких тонах. Я хорошо знаю Хэлла, теперь он не будет миндальничать.

— Правда?! — воскликнул Плакидин. Он все еще не верил, что задуманная в Москве операция удалась.

— Вот увидишь, — просто сказал Сан.

— А что в ней? Что?

— Деталей не знаю, но в общих чертах содержание сводится к тому, что Япония должна безоговорочно остановить продвижение своих военно-морских сил на юг, прекратить военные действия в Китае и в ближайшие месяцы вывести из него не только армию, а и силы полиции.

— Это же ультиматум!

— По сути — да.

— Японцы его не примут. Значит, война!

На лицо Сана набежала тень, и он с горечью признал:

— Да, она почти неизбежна. Хэлл и Рузвельт это понимают, но дальше помыкать собою не позволят. Нота — последний шанс для Хирохито и Тодзио. Иван, — его голос дрогнул, — ее еще можно избежать. Гарри надеется на твои связи в Токио. В запасе есть еще два дня. Если им не удастся склонить разумные головы в окружении императора к миру, то за их ошибки придется расплачиваться тысячами безвинных жизней.

— Слишком мало осталось времени, — посетовал Плакидин.

— Понимаю, но это последний шанс и его надо использовать, иначе — война.

— Попытаюсь.

— Пожелаю тебе удачи, а мне пора, — закончил разговор Сан.

— Может, на дорожку выпьешь? Погода ни к черту, — предложил Плакидин.

— Нет-нет, только не сегодня, — отказался Сан и, попрощавшись, покинул квартиру.

Оставшись один, Иван возвратился на кухню и вскрыл тайник. В нем хранились шифры и средства тайнописи. Очистив кухонный стол от посуды, он принялся составлять шифровку в Центр. Работа быстро спорилась; через час донесение было готово. Держать его у себя Иван не стал и выехал на квартиру к радистам. В полночь расшифровка с донесением Пилигрима легла на стол Фитину.

В ней сообщалось:

Пилигрим
Центру

«По данным Сана, полученным через его близкую связь Друга, ожидается, что в ближайшие часы правительством США будет заявлена нота протеста руководству Японии. Ее содержание носит жесткий и ультимативный характер. Со слов Друга, Рузвельт более чем когда-либо настроен решительно и намерен потребовать от кабинета Тодзио незамедлительного прекращения военной экспансии на юге Индокитая.

Переданные ранее Курусу американской стороне предложения по урегулированию кризисной ситуации в Юго-Восточной Азии и Китае в нынешней ситуации рассматриваются Рузвельтом как неприемлемые для США. В категоричной форме президент намерен поставить вопрос о полном и безусловном выводе всех японских военных и полицейских сил с оккупированных территорий Китая, и только на таких условиях согласен возобновить прерванные переговоры.

В Госдепе США надеются, что этот решительный протест и совместные с Великобританией дипломатические усилия позволят остановить агрессора и удержать его от развязывания широкомасштабной войны».

Глава 14

Перестрелка с подпольщиками у аптеки Чжао переросла в затяжной бой. На заднем дворе и у подъезда здания дулеповской контрразведки было настоящее столпотворение. Одна за другой подъезжали и отъезжали машины, битком набитые полицейскими и филерами. Воздух сотрясали невообразимые гвалт и рев автомобильных моторов. С ближайших улиц как ветром сдуло нищих. Стоянка такси перед торговым домом «Прохоров и К°», несмотря на приближение обеденного времени, также опустела. Хозяева ближайших лавок и магазинов, наученные горьким опытом, не стали рисковать и предусмотрительно закрыли ставни на окнах.

В последнее время для них и жителей района соседство с контрразведкой стало сущим наказанием. Подпольщики периодически обливали стены здания краской, а по ночам, случалось, постреливали по окнам. В ответ дулеповцы вымещали свою злобу на арестованных — палачи истязали свои жертвы, и даже толстые стены тюрьмы не могли погасить стоны и крики несчастных. В такие дни жизнь жителей ближайших домов превращалась в настоящий кошмар. Предстоящая ночь грозила стать ночью ужасов. Приникнув к щелям в ставнях, они с затаенным страхом наблюдали за всем происходящим.

К подъезду подкатил изрешеченный пулями «форд». Разъяренные дулеповцы вытащили из него двух истерзанных подпольщиков и поволокли в тюрьму. Затем подъехал грузовик, и из кузова сбросили на мостовую три бездыханных тела. На крыльцо высыпала охрана, но поглазеть не успела — у ступенек, взвизгнув тормозами, остановился «опель». Из него, пыхтя и матерясь, выбрался Дулепов, ожег их свирепым взглядом и рывкнул:

— Чего тарашитесь? Тащите мерзавцев во двор! — тяжело ступая, он поднялся на крыльцо.

Навстречу метнулся дежурный с докладом:

— Господин полковник, только что звонил господин Сасо и...

— Да пошел он... — прорычал Дулепов и, яростно сверкнув глазами, направился к кабинету.

За ним, едва поспевая, тащились Ясновский и Клещов. Во время боя им крепко досталось, особенно Клещову. Здоровенный лиловый рубец вздулся на левой щеке, а нос превратился в синюшную картошку. Пыхтя и задыхаясь, он старался не отстать от Дулепова и ротмистра.

Только они скрылись за дверью, как на улице появился разбитый вдребезги «опель». Дребезжа и громыхая, машина чудом дотащилась до крыльца и остановилась; из нее вывалился окровавленный Люшков. Ссадины и порезы покрывали его лицо, а модный плащ превратился в лохмотья. Припадая на правую ногу, он, поддерживаемый Соколовым, заковылял наверх, в кабинет Дулепова.

За его дверями звучали крики и отборный мат. Клещов с Ясновским, не стесняясь в выражениях, поносили друг друга. Дулепов, не обращая на них внимания, вытащил из бара недопитую бутылку коньяка, налил полную рюмку, одним махом выпил и плюхнулся в кресло. Его остекленевший взгляд вперился в парадный портрет своего кумира — Бенкендорфа, потом скатился ниже и остановился на ротмистре с Клещовым. Секунду-другую он оставался недвижим, а потом вскочил, как ошпаренный, и с воплем «Сволочи!» запустил в них папье-маше.

Папье-маше просвистело рядом с головой ротмистра, ударилось в стену и разлетелось вдребезги. Ясновский и Клещов тут же забыли о перепалке, забились по углам и со страхом глазели на Дулепова. Полковника охватил приступ необузданного гнева. Схватив со стола подсвечник и размахивая им перед их испуганными физиономиями, он обрушился с обвинениями:

— Мудаки! Все просрали! Все! С вами не краснопузых ловить, а баранов. Разгоню к чертовой матери! Дармоеды! Я вас...

Ясновский в последний момент успел увернуться от дулеповского мосластого кулака, пролетевшего рядом с носом, и скользнул по стене к двери. Она приоткрылась, в щель просунулась физиономия насмерть перепуганного адъютанта. Заикаясь, он промямлил:

— Г-господин п-полковник...

— Чего еще? — прорычал Дулепов и, замахнувшись подсвечником, рявкнул: — Пшел вон!

Адъютанта дуло как ветром, и в кабинет ввалился Люшков.

— Ты-ы? Комиссарская морда! Я... — вызверился Дулепов и осекся.

На него смотрело черное дуло пистолета.

— Сволочь! Мразь! Ты мне за все заплатишь! — сипел Люшков и, припадая на раненую ногу, наступал на Дулепова.

Ясновский съежился и, кажется, стал меньше ростом. Его затравленный взгляд метался между окном и дверью. Клещов же, оказавшись в мертвой зоне, не потерял присутствия духа и стерек каждое движение Люшкова. Тот, изрыгая проклятия, надвигался на Дулепова, но запнулся за ковер и потерял равновесие. Клещов коршуном налетел на него, вышиб пистолет и опрокинул на пол. Ему на помощь бросился Ясновский.

Ярость придала Люшкову дополнительные силы. Клубок тел, рыча и кусаясь, извивался у ног Дулепова. Тот метнулся к столу, трясущимися руками ухватился за ящик и, не замечая торчащего ключа, судорожно дергал за ручку. Замок не выдержал, и ящик вылетел из гнезда. На пол вывалились деньги, документы, горсть патронов и пистолет. Схватив его, Дулепов передернул затвор, вскинул руку, пытаясь поймать на мушку Люшкова.

— Прекратить! Не стрелять! — властный голос остановил его палец на спусковом крючке.

На пороге стоял Сасо. За ним топтался Ниумура. На их лицах все было написано. Брезгливо поморщившись, Сасо

переступил через валявшиеся в ногах тела и прошел к дивану. Презрение, сквозившее в его взгляде, вогнало Дулепова в краску. Пряча глаза, он зачем-то принялся суетливо перебирать разбросанные по столу папки. Люшков, Клещов и Ясновский поднялись с пола и, как побитые собаки, понуро смотрели в пол.

Сасо с непроницаемым лицом опустился на диван и сквозь зубы процедил:

— Что, господа, победу поделить не можете?

Дулепов и Люшков, обжигая друг друга ненавидящими взглядами, промолчали. Сасо, не желая прощать Дулепову его снобизма и унижения, которое перенес после неудачной облавы в «Погребке» на советского курьера, не упустил возможности отыграться сполна и с ухмылкой спросил:

— Чего молчите? Или из вас, как из большевиков, каждое слово клещами надо вытягивать?

— Мне не о чем говорить с этой комиссарской мордой, — буркнул Дулепов и отвернулся от Люшкова.

— Ты на свою посмотри! У барана и то умнее, — прошипел тот.

— Чт-о-о? Да я...

— Стоп! — осадил их Сасо и, как последних недоумков, принялся отчитывать: — Мозгами надо шевелить, а не зубы друг другу чистить! Дурное дело не хитрое, надо...

— Ваши у «Рагозинского» умом тоже не блистали, — огрызнулся Дулепов.

Сасо поиграл желваками на скулах, но не стал лезть в бутылку — перепалка на глазах Ниумуры авторитета ему не добавляла — и перешел к делу:

— Сколько пленных? Что они говорят?

Дулепов насупился и мрачно обронил:

— Двое.

— И это все?

— Есть еще трупы.

— Не густо. Ну, да ладно, я смотрю, вы уже потренировались, так что пора большевикам языки развязывать, — желчно произнес Сасо и поднялся с дивана.

Дулепов с трудом подавил кипевший в нем гнев и, не глядя на Ясновского, приказал:

— Ротмистр, зови Палачова!

— Есть, господин полковник! — встрепенулся тот и, ужом проскользнув мимо Ниумуры, выскочил в коридор.

Клещов проводил ротмистра тоскливым взглядом и переминался с ноги на ногу. В присутствии японцев он не осмеливался доложить Дулепову о потерях среди филеров — они были огромны. Тот сгрэб в кучу разбросанные по полу и столу документы, деньги, пистолет, запихнул их в ящик и молча шагнул к двери. Вслед за ним потащился Люшков.

— А ты куда? — злобно прошипел он.

— Тебя забыл спросить! — огрызнулся тот.

— Прекратите! — Сасо остановил готовую вспыхнуть с новой силой ссору и распорядился: — Господин Люшков, спуститесь вниз, там ждет моя машина. Вас отвезут в госпиталь и окажут помощь.

Бормоча под нос ругательства, заклятые противники-соперники вынуждены были подчиниться и разойтись.

Дулепов сопровождал японцев в подвал. В тусклом свете затянутых паутиной электрических ламп ржавые, с облупившейся краской двери тюремных камер одним своим видом вызывали невольную дрожь. Угрюмый, устрашающего вида надзиратель, повозившись с ржавым замком, отодвинул засов. Дулепов первым, а за ним Сасо и Ниумура, вошли в камеру.

Слабые солнечные лучи с трудом пробивались через крохотное, покрытое толстым слоем пыли оконце. В полумраке трудно было определить живы или мертвы подпольщики, и только тяжелое, прерывистое дыхание говорило о том, что жизнь еще теплилась в их истерзанных телах. Зловещее молчание в каме-

ре нарушило гулкое эхо шагов. На входе в камеру появились Ясновский и хорунжий Палачов.

Внешность хорунжего была под стать фамилии. Огромная, нескладная фигура и длиннющие, свисавшие до самых колен руки, квадратная, скуластая физиономия с далеко выступающим подбородком довершали сходство Палачова с орангутангом. Один только взгляд на него вызывал ужас у несчастных жертв. И когда это чудовище ввалилось в камеру, то, казалось, заполнило собой все свободное пространство. Маленькие, злые глазки хорунжего, спрятанные за далеко выступающими скулами, вопросительно посмотрели на японцев — те хранили молчание — и остановились на Дулепове. Тот мотнул головой в сторону подпольщиков и распорядился:

— Митрофан, для тебя есть работа — развяжи языки сволочам!

— Если они у них остались, то куда денутся, — хмыкнул он, и его каменная физиономия пошла трещинами.

— Только не переборщи. Они нужны живыми, — предупредил Дулепов и, подозвав надзирателя, приказал: — Принеси табуретки!

Палачов склонился над пленными и покачал головой.

— Часом, не подошли? — встревожился Дулепов.

— Вроде нет, но мозги, похоже, отбили. У рыжего дырка в башке.

— Начинай, пока не сдохли! — поторопил Сасо.

— Не переживайте, господин полковник, они живучие как кошки, — ослабился в ухмылке Палачов и вылил на несчастных ведро ледяной воды.

Бурые ручьи, в которых смешалась кровь с водой, растеклись по полу, и слабый стон прозвучал в камере.

— Я же говорил, живучи как кошки! — оживился Палачов, ухватил за плечи совсем юного, почти мальчишку, подпольщика, приподнял его над полом и прислонил к стене.

Сасо, Ниумура и Дулепов подошли ближе, чтобы рассмотреть свою жертву. Из-под густых прядей волос на них с ненавистью смотрели не по-юношески взрослые глаза.

— У-у-у, звереныш, — прошипел Дулепов.

— Жить хочешь? — спросил Сасо, но так и не услышав ответа, повторил вопрос: — Я тебя спрашиваю — жить хочешь?

— Бесполезно. Эти выродки понимают, когда с них шкуру сдирают, — скептически заметил Дулепов.

Жандарм сделал еще одну попытку разговорить арестованного, но, так и не добившись ничего, отошел к стене и сел на табуретку.

— Митрофан, кончай с ним лясы точить, приступай! — приказал Дулепов и занял место рядом с Ниумурой.

Палачов легко поднял тело подпольщика, сноровисто связал веревкой руки и вздернул на металлический крюк, торчавший в потолке. Японцы и Дулепов молча наблюдали за зловещими приготовлениями палача. Он достал из сумки щипцы, пилу, большие иглы, примус и разложил их на полу. Его жертва, кусая губы, следила, как Палачов разжигал примус. Пламя, набирая силу, сердито зашипело. Хорунжий оглянулся на Дулепова, тот махнул рукой и двинул примус под ноги подпольщику. Душераздирающий крик пробился сквозь метровые тюремные стены и был услышан в соседних домах.

Пытки подпольщиков продолжались до ночи. Палачов применил весь свой пыточный арсенал, но так и не смог их сломить. Измотанные безрезультатным допросом Дулепов, Сасо и Ниумура поднялись в кабинет. Их надежда добраться через пленников до советской резидентуры не оправдалась. Резидент по-прежнему оставался недостижим.

— Остался Долговязый, — попытался как-то смягчить горечь неудачи Дулепов.

— И Гном, — вспомнил Ясновский.

Японцы никак не отреагировали и потянулись к вешалке за пальто. Их уход остановило внезапное появление Клещова. Он ворвался в кабинет и выпалил:

- Есть, Азолий Алексеевич!
- Что стряслось? — с раздражением спросил Дулепов.
- Азолий Алексеевич, не все потеряно!
- Говори толком.
- Вы как в воду глядели! Он засветился!
- Да кто он?
- Долговязый и тот, что стрелял в Люшкова, — одно и то же лицо!
- Чт-о-о? Кт-о-о? — оживились Дулепов и японцы.
- Ольшевский! Заместитель управляющего отделением компании «Сун Тайхан»! — торжественно объявил Клещов.
- Ну почему ты не разнюхал вчера? Почему? — и от досады Дулепов хватил кулаком по столу.
- Вы все знали? Как это понимать, Азолий Алексеевич? Как? — опешил Сасо.
- Знали и молчали? — возмутился Ниумура.
- Знал... Молчал... Какое это имеет значение! — в сердцах произнес Дулепов и, схватив Клещова за грудки, заорал: — Где? Где эта сволочь?
- Ищем! Ищем!
- У-у-у! — взвыл Дулепов и, отшвырнув Клещова, плюхнулся в кресло. Тот затравленным взглядом косился на японцев, но на их мрачных физиономиях трудно было что-то прочесть.
- Какие есть еще зацепки на Ольшевского? — деловито заговорил Сасо.
- Живет один, снимает квартиру в Старом городе. В компании работает больше пяти лет, близких связей с сослуживцами не поддерживает. Происходит из дворян. В двадцатом вместе с отцом бежали от красных и осели... — бубнил Клещов.
- Да засунь ты это дворянство себе в задницу! Что говорят его начальник и секретарь? — пришел в себя Дулепов
- От начальника толку никакого, с перепугу забыл, как самого зовут. А секретарь дала ценную наводку...
- Какую? На кого?

— Прорезался один японец.

— Это был мой человек, он прорабатывал связи Гнома, — вставил слово Сасо.

— У-у! Сами себя за хвост ловим! — застонал от досады Дулепов.

— Азолий Алексеевич, давайте не будем друг друга накручивать! Шла дежурная проверка. Надо смотреть дальше.

— У нас еще осталась квартира Долговязого, — напомнил Ниумура.

— Так он там и сидит, нашли дурака, — буркнул Дулепов.

— Кое-что нашли, Азолий Алексеевич, — подал голос Клещов.

— И что? — снова оживился он.

— Вот эта записка лежала в кармане пиджака, — Клещов достал ее из пакета и развернул на столе.

Дулепов, Сасо и Ниумура склонились над ней. Ее содержание читалось с трудом. От времени чернила выцвели, отдельные буквы вытерлись на изгибах, а часть текста отсутствовала.

— Ни черта не разберешь! В сортир только сходить, — потерял интерес Дулепов.

— Азолий Алексеевич, тут есть одна интересная деталь, — обратил его внимание на абзац текста Клещов.

— Какая?

— Речь идет о каком-то докторе.

— Д-а-а? — в Дулепове снова проснулся интерес. Он дернул ящик стола, вытащил из-под бумаг лупу и склонился над запиской. Клещов действительно не ошибся. В короткой, состоящей всего из десятка слов фразе под увеличительным стеклом проступило: «...жду у доктора...», дальше в тексте отсутствовал целый клочок и заканчивался он «...для нашего японского друга». Это была явно не любовная записка.

«Почерк размашистый и угловатый, вне всякого сомнения, принадлежал руке мужчины», — сделал вывод Дулепов,

и его деятельный ум принялся искать недостающие звенья в шпионской цепочке.

Опыт и логика подсказывали ему — молодой, полный сил и здоровья Ольшевский вряд ли нуждался в медицинских услугах. Теперь, когда отпали последние сомнения в его принадлежности к советской разведке, эта, на первый взгляд, невинная, записка приобретала особый, шпионский смысл. В ней, вероятно, шла речь о встрече с агентом — японцем, возможно, с тем самым Гномом. Но это нисколько не приближало Дулепова к советскому резиденту. Связующее с ним звено — Ольшевский — было безнадежно утеряно. Единственной зацепкой оставался неведомый доктор. Это был последний шанс добраться до резидента. Теперь все решало время и, отшвырнув лупу, Дулепов распорядился:

— Модест, немедленно собрать всех своих топтунов!

— Есть! — не стал задавать вопросов тот.

— Мы немедленно подключим к поиску наружку! — быстро сообразил Сасо.

— Модест, переверни этот вонючий Харбин, но найди мне гребаного доктора! — потребовал Дулепов.

— Землю буду рыть, Азолий Алексеевич, но отыщу этого краснопузого докторишку! — поклялся Клещов и спросил: — Что с квартирой Ольшевского?

— Взять под колпак, особое внимание тем, кто имеет отношение к медицине.

— А если заявится сам?

— Он не сумасшедший! — отмахнулся Дулепов.

— И все-таки такую возможность не надо исключать, — возразил Сасо.

— Все понятно, господин полковник. Если появится, то не упустим, — заверил Клещов.

— Раз понятно, то чего стоишь? Ноги в руки и вперед! — рывкнул Дулепов.

Клещов пуглей вылетел из кабинета, скатился в дежурку и собрал всех филеров. Пока он ставил им задачи, в кабинете Дулепова продолжался спор. Сасо с Ниумурой настаивали на продолжении допроса арестованных подпольщиков. Он не соглашался:

— Пустая трата времени! Я их сволочную породу знаю, скорее язык себе откусят, чем слово скажут!

— Даже если и узнаем, то это ничего не даст. Те, кто был с ними связан, уже легли на дно, — поддержал его Ясновский.

— В нашем деле любая мелочь может сыграть, — не сдавался Сасо.

— Сейчас не до мелочей. Доктор — наша главная цель! — твердил Дулепов.

— Азолий Алексеевич, может, пришло время активизировать Смирнова через Тихого? — предложил Ясновский.

— О, правильно мыслишь, Вадим!

— А нам накрутить Гнома и посмотреть, где все пересечется, — подхватил эту мысль Ниумура.

— Перспективная комбинация! — согласился Сасо и, завершая совещание, решил добавить прити дулеповской контрразведке и пообещал: — Ищите резидента, Азолий Алексеевич, с нашей стороны отказа ни в чем не будет.

Взбодренный столь щедрым посулом, Дулепов довольно засопел и заверил:

— Господа, можете не сомневаться, на этот раз резидентура большевиков будет в наших руках!

— Успеха, господа, — пожелали ему с Ясновским японцы и покинули кабинет.

Еще не стихли их шаги на лестнице, как Дулепов начал действовать и распорядился:

— Вадим, хватит штаны протирать. Бегом на явку с Тихим!

— Я понял, но... — ротмистр замялся, — он и без того рискует, а после такой пальбы может пойти в отказ.

— Чт-о-о? Передай этому пижону, вот что он у меня получит! — Дулепов сунул под нос ротмистру фигу.

— Азолий Алексеевич, и все-таки деньжат надо подбросить. Без него Смирнова не раскрутим.

— Мерзавцы! Все продали! Царя! Веру! Отечество! — прорычал Дулепов, но полез в сейф, достал пачку купюр и швырнул ее на стол.

Ясновский торопливо запихнул деньги в карман и перед тем как уйти поинтересовался:

— И последнее. Ему какую линию поведения занять в разговоре со Смирновым?

— Самую простую. Пусть говорит все, как было, и про этих двух красных ублюдков не забудет сказать.

— А что про них говорить, если молчат?

— В том весь и фокус.

— Не понял?

— Сейчас поймешь. Раз они не говорят, то, может, живодеры Сасо развяжут им языки. Завтра, ночью, повезем их к нему.

— Вы думаете, они пойдут на акцию? Сомневаюсь. После такой мясорубки у них не хватит сил.

— Это ты так думаешь. А для большевиков отдать жизнь за своего — святое дело. Вот пусть и отдадут.

— Хорошо, как прикажете, — не стал возражать Ясновский и направился к выходу.

На пороге Дулепов окликнул его:

— И вот что еще, Вадим, это очень важно: пусть твой Тихий в разговоре со Смирновым скажет, что мы ищем доктора.

— Доктора? Но это же... Если Сасо...

— Делай, что говорю! — не стал вдаваться в подробности своего замысла Дулепов.

— Есть! — козырнул ротмистр и озадаченный вышел в приемную.

Этот рискованный ход пришел в голову Дулепову в последний момент. Он надеялся, что опытный Клещов, сев на хвост

Смирнову, выведет его на резидента. И тогда он снова окажется на коне, а главное — японцы продолжат платить деньги. Теперь, когда сыскная машина была запущена на полные обороты, Дулепову ничего другого не оставалось, как запастись терпением и ждать. Усталым взглядом он пробежался по кабинету, задержался на недопитой бутылке коньяка, плеснул в стакан, выпил, прошел в комнату отдыха и в изнеможении распластался на диване. Коньяк не успокоил разгулявшиеся нервы, в голову лезли дурные мысли.

«А если провал? Тогда, Азолий, твоя песенка спета, получишь под зад коленом и прощай служба» — от этой мысли Дулепова сначала бросило в жар, а потом в душе поднялась волна гнева: «Меня? Меня, который положил полжизни на борьбу с большевизмом, — и за борт? Я — столбовой дворянин! Я — русский полковник!.. Дворянин — без дворянства... Полковник — без армии... Холуй на побегушках, вот ты кто! Вербовал в агенты и пытал, таких же, как и сам, русских? На деньги япошек покупал одних, а затем предавал других. Я спасал Россию! — искал себе оправдания Дулепов. — Какую?»

И память возвратила его в далекое лето 1914 года. Русские войска лупили в хвост и гриву австрияков и немцев. В 1916 году стремительное наступление Брусилова на Южном фронте, казалось, должно было решить исход войны в пользу России. Триумф был близок, и только большевики со своим главарем Лениным каркали, как воронье, предрекая скорую гибель империи. Для молодого и карьерного жандармского подполковника Дулепова это выглядело не более чем горячечным бредом загнанных в угол злобствующих фанатиков.

В те месяцы десятки арестованных агитаторов и бомбистов прошли перед его глазами. Обреченные на каторжные работы, они вещали о скором крахе самодержавия и империи. Но прошел лишь год, и эти безбожники и голодранцы пришли к власти.

«Почему? Как такое могло произойти в набожной России?» — терзался Дулепов и, не найдя ответа, уснул.

Разбудил его громкий стук в дверь. На пороге стояли Клещов с Ясновским. Их разгоряченные лица и лихорадочно блестящие глаза заставили подскочить Дулепова. Он почувствовал прилив свежих сил и, предвосхищая события, воскликнул:

— Ну что, клюнули?

— Не то слово, Азолий Алексеев! Заглотили с потрохами! — радостно воскликнул Ясновский.

— Отлично! — потер руки он и потребовал: — А теперь давайте по порядку!

Ротмистр и Клещов, перебивая друг друга, принялись пересказывать события последних часов. Они развивались стремительно. Тихий успешно выполнил задание Ясновского. Не успела за ним захлопнуться дверь, как Смирнов ринулся в город. Филеры вместе с Соколовым следовали за ним по пятам. А он, надеясь на темноту и подгоняемый сообщением Тихого, не особенно пекся о конспирации, и это облегчало слежку. Одна за другой перед филерами засвечивались явки резидентуры. Первая находилась в Старом городе, в квартале, где жили рабочие табачной фабрики. На ней Смирнов долго не задержался и сразу же направился в район пристани. Здесь филерам пришлось как следует попотеть — в лабиринтах порта не так просто было уследить за ним, но они исхитрились и засекли еще одну явку. Она оказалась не рядовой — на этот раз Соколов вышел на связника резидентуры. Через него филеры засекли еще три подозрительных адреса. Сеть русской резидентуры проступила перед Дулеповым, как паутина в лучах восходящего солнца. Пришел его звездный час. Он не стал медлить и позвонил Сасо. Тот тут же примчался, и не один, а вместе с Таекокой и Ниумурой.

Они заперлись в кабинете Дулепова. Он не упустил свой шанс покрасоваться и сел на любимого конька. Под его рукой на большом листе ватмана один за другим возникали разноцветные кружки, соединенные стрелками; жирные петли все туже завязывались вокруг фамилий советских разведчиков.

Но Сасо не спешил начинать аресты. Резидент и загадочный доктор пока не проявились, но то, что они стоят за какими-то фамилиями из схемы Дулепова, ни у кого не возникало сомнений. Окончательную ясность внесла информация, добытая на следующий день филерами Клещова.

На доклад к Дулепову он прибыл самолично. Тот немедленно позвал японцев, и уже вместе они внимательно изучили материалы наружного наблюдения. После встречи со связником в речном порту и еще одной явки в районе железнодорожного депо Смирнов возвратился домой. В восемь часов он, как обычно, появился в мастерской, исправно просидел до обеда и потом снова вышел в город, потолкался на рынке, купил моток шпагата и на обратном пути зашел в аптеку, сначала в китайскую, а после нее в русскую. И в той, и другой Смирнов пробыл несколько минут, взял склянки с лекарствами и возвратился к себе.

Сначала Дулепов, а затем и Сасо обратили внимание на странность в поведении Смирнова. Он сделал покупку не в аптеке, располагавшейся в сотне метров от мастерской, а совершил большой крюк по городу и не поленился пешком дойти до Аптекарской. За посещением аптеки Свицерского определенно что-то крылось — это мог быть тот самый загадочный доктор, о котором шла речь в обрывке записки, обнаруженной на квартире Ольшевского.

Подтверждение своей догадке Дулепову и Сасо долго ждать не пришлось. Не прошло и двух часов, как Клещов представил доказательства. Поставки препаратов из харбинского отделения компании «Сун Тайхан» хозяину аптеки, доктору Свицерскому, осуществлял не кто иной, как Ольшевский. Теперь все становилось на свои места.

Дальше события развивались еще более стремительно. Вечером филеры Клещова снова засекли появление Смирнова в доме Свицерских, на этот раз он пришел не один, с ним были еще двое. Судя по всему, на квартире проходил большой сбор резидентуры. Дальше медлить было нельзя, и Сасо решил

действовать. По его команде в управлении жандармерии и отделе контрразведки были подняты на ноги все силы. Группы захвата скрытно заняли позиции на Аптекарской, у дома Свицерских.

В этот поздний час жизнь на улице, как и во всем Харбине, замерла. Ночную тишину изредка нарушали шум автомобильного мотора, торопливые шаги запоздалого пешехода и отрывистые команды военных патрулей. Ни один луч света не пробивался из-за плотно закрытых ставен в доме Свицерских. Казалось, что в нем все вымерло, но это кажущееся спокойствие было обманчиво.

На втором этаже, в кабинете доктора, собрались Дервиш, Гордеев, Ольшевский и Смирнов. Чуть позже, проверив охрану в холле и у черного входа, к ним присоединился Свицерский. Лица у всех были суровы и сосредоточены. Сообщение Тихого о розыске контрразведкой некоего доктора, ни у Дервиша, ни у Гордеева, ни у Павла не вызывало сомнения в том, кого именно она искала.

Несмотря на критическую ситуацию, Дервиш сохранял спокойствие, и его голос по-прежнему звучал твердо:

— Товарищи, контрразведка села нам на пятки, но это не повод для паники. Дулепов с Сасо только и ждут того, что мы сорвемся и начнем совершать ошибки. Сейчас от каждого требуются выдержка и хладнокровие.

— Саныч, никто не паникует. Как-нибудь выкрутимся, — не терял уверенности Смирнов.

— Не первый раз, — поддержал его Ольшевский.

— И все-таки опасность очень велика. Глеб Артемович, тебе и Анне надо немедленно уходить! — не терпящим возражений тоном заявил Дервиш.

Свицерский молчал и горестно кивал головой.

— Вместе с вами пойдет Павел.

— Может, я останусь? У меня есть, где отсидеться, — возразил он.

— Нет! Сейчас не время для споров. Уходишь вместе с Свицерскими! — отрезал Дервиш и, обращаясь к Смирнову, распорядился: — Выводом из города займешься ты, Сергей.

— Не волнуйся, Саныч, сделаю, как надо, — заверил он.

— С этим решили. Пошли дальше. Сегодня ночью будут перевозить наших товарищей из...

Громкий хлопок на улице, за ним второй, третий заставили всех замереть. В следующее мгновение сухую трескотню пистолетов перекрыли раскатистые залпы ружейных выстрелов. Огонь становился все плотнее и ближе. Дом вздрогнул от тяжелых ударов. На лестнице раздался топот ног, дверь распахнулась, и на пороге кабинета появился раненый Николай.

— Жандармы! Полицейские! — крикнул он и снова метнулся вниз на помощь товарищам.

Дервиш, Ольшевский и Гордеев схватились за оружие. Анна побледнела и прижалась к отцу.

— Паша, забирай доктора с Анной и прорывайся через дворы! — приказал Дервиш и вслед за Дмитрием выскочил на лестничную площадку.

Свицерский навалился плечом на шкаф, сдвинул его в сторону, вытащил из тайника пистолет и присоединился к Павлу и дочери. Спуститься на первый этаж им не удалось — бой шел у лестницы. Дмитрий и Дервиш с трудом сдерживали натиск наступавших. Увидев Павла и Свицерских, они закричали:

— Отходите через черный ход! Там...

Их голоса потонули в грохоте выстрелов. Осколки стекла и щепки от ставен посыпались в дом, он наполнился едким дымом. Пользуясь завесой дыма, полицейские захватили большую часть первого этажа. Смирнов, Дервиш и Гордеев вынуждены были отступить на лестничную клетку. Положение становилось критическим, и Дмитрий предложил:

— Саныч, отходи! Я прикрою!

Тот не решался выйти из боя.

— Уходи, Саныч, какой смысл нам всем погибать, — подержал Дмитрия Смирнов.

— Ребята, какие же вы... — спазмы перехватили горло резиденту. Он задержал взгляд на лицах испытанных товарищей. Их глаза говорили больше всяких слов. Дервиш пожал руку Гордееву и бросился к черному входу, там столкнулся со Свицерскими и Ольшевским. Они возвращались обратно. И этот путь отхода был блокирован. Дубовая, на кованых петлях дверь трещала под ударами топора и прикладов.

— Если по крыше? — сообразил Павел.

— Других вариантов и не осталось! — согласился Дервиш.

Под прикрытием огня Дмитрия и Николая они пробрались к дальней комнате. Ее окна выходили на крышу сарая. С этой стороны не было плотных полицейских кордонов, лишь на выходе из двора мельтешили темные силуэты. Шум боя переместился с улицы внутрь дома.

Павел распахнул окно и выглянул наружу. Крыша сарая вплотную подступала к подоконнику и была пуста — то ли в суматохе боя, то ли по другим причинам, полицейские сюда не добрались. Он первым шагнул вперед. Черепица глухо погромыхивала под ногами, но во дворе за шумом перестрелки ничего не слышали. Вслед за ним Дервиш с Анной помогли выбраться на крышу Свицерскому. С его весом это далось с трудом. До земли оставалось каких-то два-три метра, но для доктора они стали непреодолимым препятствием.

Дервиш с Павлом метались по крыше в поисках выхода и теряли драгоценное время. Стрельба в доме слабела. Жандармы и полицейские теснили оставшихся в живых подпольщиков. Шум рукопашной доносился из коридора второго этажа.

— Уходите! Оставьте меня! Спасайтесь сами! — умолял Свицерский.

— Только вместе! — не хотел даже слушать Дервиш.

— Сейчас, Глеб Артемович, что-нибудь придумаем! Что-нибудь придумаем! — твердил Павел и рыскал по крыше. Под-

вернувшийся под руку деревянный шест мог стать спасением для доктора и Анны.

— Павел, ты — первый и прикрываешь. За ним — ты, Анна, потом — Глеб Артемович, — тут же принял решение Дервиш.

Ольшевский опустил шест на землю, легко соскользнул по нему, откатился под прикрытие стены и приготовился к стрельбе. Через несколько секунд рядом с ним залегла Анна. Пришел черед Свицерского. Шест угрожающе затрещал под тяжестью его тела, но выдержал, и он благополучно опустился на землю. Для Дервиша спуск не составил труда. Собравшись вместе, они осмотрелись.

В темноте светлым пятном проступала арка проходного двора, до нее было не больше двадцати метров. Следов засады никто не заметил, и Павел пошел первым, за ним крались Свицерские, а Дервиш прикрывал отход. Всего несколько шагов отделяли их от арки и темневшего за ней сквера, когда Павел, скорее, почувствовал, чем увидел, две тени, метнувшиеся из ниши. Коварный Дулепов загонял их в мешок.

«Засада!» — обожгло его, и он нажал на курок пистолета. Прозвучал выстрел, и обмякшее тело рухнуло под ноги.

На выстрел Павла ответили залпом. Плотный ружейный огонь не давал поднять головы ни ему, ни Дервишу. Западня вот-вот могла захлопнуться. Дервиш не стал медлить и приказал:

— Паша, мы отвлекаем огонь на себя! Аня, Глеб Артемович, попытайтесь прорваться!

— Я пошел! — крикнул Павел, выхватил второй пистолет и, яростно нажимая на курки, ринулся на противника. Справа от него бежал и вел огонь Дервиш. Полицейские сосредоточили на них огонь, и этим воспользовались Свицерские — они смогли вырваться за арку.

Павел, преодолевая боль (пуля зацепила правый бок), свалился под прикрытие ступеней крыльца и крикнул:

— Саныч! Они прорвались! Теперь — мы!

— Даем залп — и вперед! — поддержал Дервиш.

Стреляя с обеих рук, они бросились в новую атаку. Полицейские и жандармы, ошеломленные отчаянным натиском, потерялись. Павлу удалось прорваться к арке проходного двора, за ней темной стеной проступал сквер. Перебежав дорогу, он из последних сил вскарабкался на забор и свалился в кусты. Подняться ему не удалось — сверху навалились двое. Чьи-то цепкие руки вырывали пистолет, чьи-то пальцы клещами сошлись на горле, и в его глазах потемнело. Полицейские скрутили Павлу руки и поволокли к аптеке. Там все было кончено. Из дома выносили раненых и убитых.

Перед подъездом металась разгоряченные боем Дулепов и Сасо. Павла подтащили к ним — крутившийся рядом Ясновский опознал его, и Сасо распорядился отправить в управление. Ротмистр подогнал машину и вместе с Клещовым впахнул в нее Павла. Дулепов с Сасо, раздав последние указания, тоже собрались уезжать, но тут в доме громохнул один, затем другой взрыв — взорвались гранаты. В следующее мгновение из окна второго этажа выпрыгнул человек, кубарем прокатился по мостовой, отшвырнул в сторону Ясновского, вышвырнул из машины водителя и запрыгнул на сиденье.

Атака оказалась настолько стремительной, что полицейские и жандармы не успели опомниться и прийти в себя. Вслед уносящейся машине запоздало прозвучали выстрелы. Но они уже не могли причинить вреда — «форд» скрылся за поворотом.

Смирнов, последний из оставшихся в живых разведчиков, вырвался из окружения. Вместе с ним сбежал из плена и Павел Ольшевский.

Глава 15

Сталин отложил в сторону ручку и тяжело поднялся из-за стола. Ему так и не удалось сосредоточиться на документах, оставленных Поскребышевым. Недавний звонок Берии, взволнованный и интригующий тон, которым тот сообщил о получении НКВД особо важных разведданных, смешал все мысли. Сталин терялся в догадках: по пустякам в столь ранний час Лаврентий не решился бы его беспокоить. От Лубянки до Ближней дачи езда занимала не более получаса, а он все не появлялся. Возвратившись к столу, Сталин попытался продолжить изучение документов, но так и не смог.

«Что за особо важные данные? Чем они могут обернуться накануне контрудара по фашистам?» — эти мысли не давали ему покоя.

Готовившееся в глубочайшей тайне наступление под Москвой, на которое было поставлено все, в том числе и его имя, должно было разорвать танковые клещи фашистов, смыкавшиеся вокруг столицы, остановить зарвавшегося Гитлера и показать всему миру, что он, Сталин, не сломлен неудачами первых месяцев войны и готов к борьбе. И вот теперь, когда до решающего часа остались считанные дни, «особо важные разведданные» могли смешать так тщательно отработанные планы.

С чем ехал Берия, Сталину оставалось только гадать. Лаврентий даже по ВЧ-связи опасался сказать — что же такого, сверхважного добыли разведчики? Прошло больше сорока минут после его звонка, а охрана дачи молчала. В Сталине нарастало раздражение, когда, наконец, со двора донесся шум автомобиля. Он отдернул штору и выглянул в окно.

На аллее появился Берия. Широкополое пальто не могло скрыть осанистого брюшка, а шляпа, сбившаяся на затылок, — глубоких залысин. О прежнем Лаврентии напоминали лишь неизменное пенсне и порывистые движения.

«Все мы бессильны перед старостью, — с горечью подумал Сталин. — Какой-то десяток лет назад Лаврентий был настоящим джигитом, а сейчас и на осла не влезет»...

«Когда же это было? — и он напряг память. — Кажется, в двадцать девятом на Рице». До этого Серго Орджоникидзе и Нестор Лакоба не раз говорили ему о молодом и энергичном земляке-чекисте Берии. В тот раз Лаврентий не произвел впечатления. Щуплый, суетливый он напоминал великовозрастного подростка. Пенсне, чудом державшееся на тонком птичьем носу, мешковато сидящие галифе придавали карикатурность всей его фигуре. И тем не менее, Лакоба души в нем не чаял, а Менжинский с Ягодой в один голос говорили: более хваткого и искушенного в закавказских делах чекиста, чем Берия, не найти. Но Киров был категорически против. И тогда в пику ему он назначил Лаврентия на должность заместителя полпреда ГПУ в Закавказской Республике; как оказалось — не ошибся.

Берия быстро освоился с новым и сложным участком работы. Без особого труда подмял под себя председателя Закавказского ГПУ — медлительного, часто заглядывавшего в стакан и неравнодушного к хорошенькой юбке Реденса — и фактически стал ее полновластным хозяином. К концу тридцатого года ликвидировал в Грузии оппозицию из числа сторонников Троцкого, и заткнул глотки оставшимся на свободе дружкам меньшевика Ноя Жордания. После этого Нестор с Серго снова стали подъезжать к нему с предложением назначить Берию вторым секретарем Закавказского крайкома партии. В тот раз он не дал согласия, хотя их мнение и совпадало с его планами осадить самого Лакобу с его абхазцами, враждовавшими с грузинами, и заставить понервничать зарвавшегося первого секретаря Закавказского крайкома Орахелашвили, возомнившего себя удельным князьком.

Честолюбивый, быстрый на решения и обладающий буль-дожьей хваткой чекист Берия подходил на эту роль, как никто другой, но он решил выждать и предложил рассмотреть вопрос ближе к пленуму ЦК. Ситуация зависла и обострила борьбу между Лакобой и Орахелашвили; это ему было на руку. Слухи о предстоящем назначении просочились в Тифлис, а потом в Сухум и подлили масла в огонь войны, полыхавшей между ними. Она ослабляла обоих и выводила из себя «отца всех абхазов» — гордеца Нестора, в последнее время ставшего своевольничать и подвергать критике подходы ЦК и его лично к коллективизации на Кавказе.

К лету тридцать первого Лакоба насмерть разругался с Орахелашвили и лез из кожи вон, стараясь пропихнуть в секретариат Берию. Орджоникидзе его не поддержал и ушел в сторону. И тогда хитрец Нестор зашел с другой стороны: дождался, когда в октябре Сталин приехал на отдых в Гагру, и вместе с Ворошиловым напросился в гости. С собой они прихватили Берию; на даче появились задолго до завтрака и, как водится, привезли подарки. Лаврентий особо расстарался и выставил к столу бочонок «Хванчкара» с виноградников родины вождя — Гори. На первых порах он не высовывался и скромно держался за спинами Ворошилова и Лакобы. Те, уже побывавшие на даче, вели себя бойчее. Клим, азартно поблескивая глазами, косился в сторону чайного домика.

Из распахнутых дверей и окон доносился звон посуды и возбужденные голоса прислуги. На летней террасе пыхтел пузатый самовар, а в глубине комнаты тускло отсвечивал зеленым сукном и манил к себе великолепный бильярдный стол. Ворошилов не утерпел и подтолкнул плечом Нестора, тот тоже загорелся: оба были отменными игроками и не упускали возможности сразиться. Здесь, на даче у Холодной речки, бильярдный стол признавался всеми безоговорочно лучшим, но солнечный день и тонкое благоухание осеннего сада влекли на открытый воздух.

После ливневых дождей и короткого похолодания в Абхазии установились погожие дни. Днем не было той изнуряющей жары, что стояла в сентябре, воздух стал кристально чист и прозрачен. В сине-бирюзовой дымке причудливыми замками угадывались вершины Главного Кавказского хребта, а склоны гор полыхали багровым пожаром увядающей листвы. Привольно раскинувшаяся Бзыбская долина напоминала огромный персидский ковер, щедро усыпанный золотистым цветом созревающих в садах хурмы и мандаринов. Внизу, у скал, безмятежную гладь моря морщил неутомонный дежурный сторожевик. Вдали белоснежными парусниками санаторских корпусов виднелась красавица Гагра.

Снизу, со стороны поселка, долетали ароматные запахи. Там варили мамалыгу, чурчхелу и коптили мясо. Где-то в верховьях речки монотонно скрипело мельничное колесо. Из глубины леса веселым звоном отзывалась пила, в ответ раскатистым эхом звучали удары топора. Все это воскрешало давно позабытые чувства. Сталин ощутил на ладони шершавую виноградную лозу, а на губах почувствовал сладковато-терпкий запах зрелого винограда «изабелла». Вождь уступил место крестьянину, и в нем заговорил неистребимый, передавшийся с кровью зов предков к земле.

— Нестор! Клим! Хватит бездельничать! — нарочито громко прикрикнул он.

Лакоба и Ворошилов оборвали смех и недоуменно переглянулись. Берия насторожился и нервно затеребил пояс.

— Надо убрать весь дикий кустарник, он мешает саду!

Этот призыв вызвал у них небывалый прилив энтузиазма, каждый стремился показать себя перед Вождем. Охрана притащила метлы, топоры, грабли и садовые ножницы. Он взял ножницы и энергично принялся срезать ветви дикого орешника. Его настроение передалось другим. Ворошилов, как бывало в кавалерийской атаке, лихо рубил топором сучья, а Нестор, как заправский дворник, подметал дорожку к чайному домику.

Берии достались грабли. Работал он неумело. Зубья цеплялись за расщелины, и это выводило его из себя. Рядом с ним охранник лупил топором по узловатому корню кизила. В неумелых руках лезвие скользило и высекало сноп искр из гранитного валуна. Берия отбросил грабли, пихнул в бок незадачливого рубаку, выхватил топор и громко, так громко, чтобы слышали все, прокричал:

— Мне под силу рубить под корень любой кустарник, на который укажет хозяин этого сада — Иосиф Виссарионович!

Топор со свистом опустился, и корень отлетел в сторону.

— Смотри, Лаврентий, чтобы между ног что-то не зацепил, — поддел Ворошилов.

Тот отреагировал, опустил топор на плечо и пожирал взглядом только его — Сталина!

В последние годы так смело и дерзко смотреть на него никто не отваживался. Берия серьезно рисковал, но, как расчетливый игрок, понимал: без риска добиться серьезного успеха в политике невозможно. Впервые он попал в ближний круг Хозяина, и это произошло не в холодном и чопорном Кремле, где сотни партийных секретарей проходили безликой массой перед «живым богом», а здесь, под Гагрой. На земле, где веками жили их предки, где родились и выросли они сами. Их объединяло нечто большее, чем принадлежность к одной партии и земляческие узы, это была неумная жажда власти. И, судя по всему, ради нее амбициозный мингрел готов был служить хоть самому черту и рубить головы так же безжалостно, как кустарник.

Дерзкий чекист ему запомнился. И в декабре тридцать шестого, когда Нестор не поддавался на настойчивые уговоры оставить Абхазию и занять кресло наркома внутренних дел СССР, в памяти всплыл Берия. Он понадобился, чтобы после Ежова, сделавшего свое дело, зачистившего партию от брюзжащих и путающихся под ногами бухаринцев и зиновьевцев, убрать вслед за ним ставших уже ненужными свидетелей — чекистов...

Шум шагов в коридоре отвлек Сталина от воспоминаний.

В комнату стремительно вошел Берия. Его лицо разругалось от мороза и возбуждения, за стеклами пенсне лихорадочно поблескивали глаза.

— Что стряслось, Лаврентий? Часом, не Гитлера поймал? — с сарказмом спросил Вождь.

— Иосиф Виссарионович, в наркомат поступила информация особой важности! — забыв поздороваться, выпалил тот.

Волнение Берии передалось Сталину. Он жадно затянулся, не замечая, что трубка погасла. Щеки зашлепали, словно сдувшийся мяч, усы встали торчком, как у рассерженного кота. Нарком смешался и скосил взгляд в сторону.

Сталин с раздражением прокашлялся, повернулся спиной и, припадая на левую ногу, вернулся к столу, опустился в кресло и сухо заметил :

— У нас не важных дел не бывает.

Берия нервно слотнул и суетливо зашарил по папке, но замок заело.

— Что там у тебя? — торопил Сталин.

— Иосиф Виссарионович, операция «Белый снег» вступила в завершающую стадию. По только что полученным оперативным данным, в ближайшие дни, а возможно — часы, произойдет резкое осложнение отношений между Японией и США, которое, вероятнее всего, приведет к военному конфликту, — на одном дыхании доложил Берия и положил на стол разведывательную сводку.

Сталин посмотрел на него долгим немигающим взглядом, но так и не прикоснулся к ней. Он поднялся и прошел к окну. Берия облизнул внезапно пересохшие губы и не спускал глаз с затянутой во френч спины. Хозяин хранил загадочное молчание.

— Насколько можно доверять этому сообщению?

Вопрос Сталина заставил поежиться Берия, но он не потерял уверенности и твердо заявил:

— Де́за исключена! Информация перепроверялась по другим каналам. Не сегодня, так завтра она подтвердится действиями американцев.

— Хорошо бы, — произнес Сталин, его глаза в хищном прищуре нацелились на Берия, и спросил: — Лаврентий, а ты уверен, что Гопкинс поверил тому, что сообщил этот, как его...

— Сан, — поспешил подсказать тот.

— Так почему он должен ему доверять?

— Они давние друзья, и Гопкинс верит Сану, как самому себе.

— Доверие в политике — вещь сомнительная и опасная, — покачал головой Сталин и добавил: — Доверился — значит проиграл!

Берия замялся, но быстро собрался и заявил:

— Сан не просто друг Гопкинса. На сегодня он один из самых авторитетных и информированных специалистов в Штатах по проблемам Японии. Кроме того, в ходе операции мы активно задействовали и другой канал, я имею в виду наших агентов Грина и Ховарда. Через них регулярно велась подпитка Гопкинса дополнительной информацией, которая перекликалась с данными Сана. А на последней встрече он выложил перед ним железный аргумент — расшифровку послания японского премьера Тодзио Гитлеру о переносах срока выступления Квантунской армии против СССР в связи с подготовкой к боевым действиям на Тихом океане. Так что, если у Гопкинса и возникали какие-то сомнения, то после такой информации, я полагаю, они рассеялись.

Сталин промолчал, возвратился к столу, пододвинул разведсводку и принялся читать. Берия, неловко переминаясь с ноги на ногу, пожирал его глазами и пытался предугадать дальнейшую реакцию. Карандаш медленно полз по строчкам, споткнулся на середине листа и надолго остановился.

— Чем подтверждается, что Рузвельт и Хэлл готовят японцам официальную ноту? — в голосе Вождя смешались удивление и радость.

— Самим Гопкинсом. В разговоре с Саном он прямо заявил: работа над текстом ноты фактически завершена.

— А вдруг Рузвельт передумает? Позиция выжидания, которую он до сих пор занимал, работала на усиление Америки. Так зачем же ему лишний раз дразнить японцев?

— У него не остается выбора. По словам Гопкинса, после смены японского правительственного кабинета и прихода к власти «ястреба» Тодзио переговоры зашли в тупик. А то, чем занимаются Номура и Курусу, он расценивает как затяжку времени, необходимую японской армии и флоту для подготовки к нападению. В Вашингтоне понимают неизбежность войны с Японией, но не располагают достаточными силами для ведения войны и потому ведут свою игру, чтобы выиграть время. По оценке Сана, это займет не менее двух месяцев.

Лицо Сталина помрачнело, и он с ожесточением сказал:

— Рузвельту не откажешь в дальновидности. Как великий политик он не тащится за историей, а делает ее сам. Эта нота может остудить боевой пыл самураев.

Берия нервно сглотнул и решился возразить:

— Иосиф Виссарионович, — и тут же поправился. — Товарищ Сталин, я полагаю, что японскую военную машину уже ничем не остановить.

— Уверен? — этот вопрос, казалось, сплющил наркома. Его голова вжалась в плечи, а фигура съжилась и стала напоминать тающую снежную бабу.

— Да! — с трудом выдавил он из себя.

— Лаврентий, — Сталин сделал долгую паузу, — если твоя уверенность строится только на словах политиков, то это большое заблуждение. Слова им служат, чтобы скрыть истинные мысли и планы.

— Нет, товарищ Сталин! — голос Берии окреп. — Кроме слов, я опираюсь на конкретные факты. По данным токийской и харбинской резидентур, основные силы армии, флота и авиации Японии приведены в полную боевую готовность и сосредоточены на Тихоокеанском театре военных действий. Ранее в заливе Кагосима острова Кюсю состоялись в обстановке строжайшей секретности крупнейшие за последние годы учения. К сожалению, нашей агентуре удалось добыть лишь отрывочные данные. В частности, стало известно, что в ходе учений отрабатывались воздушные удары по морским целям и системам береговой обороны. Что касается Квантунской армии, то она занимает зимние квартиры. В совокупности все это говорит за военный вариант развития событий на море и свидетельствует о том, что наши усилия были не напрасны.

— Возможно и так, проживем — увидим, — не спешил с окончательными выводами Сталин и, бросив на Берию короткий взгляд, продолжил: — Ты и твои подчиненные неплохо поработали, но требуется еще одно, последнее усилие.

Тот вспыхнул от похвалы и не без пафоса ответил:

— Иосиф Виссарионович, спасибо за высокую оценку работы наркомата! Ради вас и партии я и НКВД готовы на любые жертвы.

Сталин оставил без внимания эту демонстрацию преданности и ушел в себя.

— Война, — короткое слово, как отзвук его мыслей, вопросом повисло в воздухе. — Война, — повторил он и заявил: — Только время и история оценят этот наш шаг, — голос Вождя набирал силу. — Великие цели требуют великих поступков! Будущее покажет, что мы были правы. Фашисты захватили пол-Европы, и сегодня под Москвой решается судьба не только нашей страны, но и всего мира! Если мы не устоим, то завтра коричневые орды захлестнут Азию и девятым валом обрушатся на сытую и благополучную Америку. Рузвельт и Черчилль это

прекрасно понимают. Так почему же они медлят и не открывают второй фронт? Не могут или не хотят?

Берия гневно мотнул головой и с презрением бросил:

— Все они одним миром мазаны. Этот облезлый английский лев Черчилль только и знает, что мурлыкать про борьбу с фашизмом, а сам не наберется духа перепрыгнуть через лужу под названием Ла-Манш и вцепиться в глотку Гитлеру. Рузвельт тоже не лучше, отделяется обещаниями и второсортной тушенкой. Для них чем больше прольется русской крови, тем тяжелее станут сундуки с золотом.

На лице Сталина неожиданно промелькнула улыбка.

— Лаврентий, откуда столько пафоса? — с сарказмом спросил он. — Ты так без работы оставишь Мехлиса и его комиссаров.

— Мне с ним не тягаться. Это он пускай Геббельсу рот затыкает, — Берия не преминул пройтись по адресу главного комиссара Красной армии.

— Ну, это, скорее, по твоей части, — хмыкнул Сталин, но в следующее мгновение его лицо затвердело, и он с ожесточением произнес: — Они, эти ненасытные денежные мешки рокфеллеры, форды и ротшильды, вскормили этого пса Гитлера и натравили на нас, но мы не дадим им отсидеться за нашими спинами. Мы заставим их воевать!

Берия невольно вытянулся, а Вождь продолжал говорить:

— Для этого требуется еще одно усилие, и война между империалистическими хищниками станет неизбежной. И ты, Лаврентий, с НКВД должны сделать это.

— Мы выполним вашу задачу, Иосиф Виссарионович! — заверил он.

— Надеюсь, — лицо Сталина смягчилось, и он уже буднично спросил: — Что там еще у тебя?

Берия запустил руку в папку и вытащил стопку листов. Сталин поморщился и ворчливо заметил:

— Вы что, с Поскребышевым сговорились меня в бумагах похоронить?

— Иосиф Виссарионович, надо утвердить списки номер один и два на врагов народа.

— А не многовато ли их будет? И так воевать некому.

— Нет. Здесь самые опасные. К остальным подходим избирательно. Тех, кто прошел перековку и покаялся перед советским народом, направляем на фронт, чтобы в штрафных батальонах искупили кровью свою вину.

— Ладно, давай, — согласился Сталин и потянулся к красному карандашу.

Положив на стол два списка из числа сотрудников наркоматов иностранных и внутренних дел, Берия суетливо поправил пенсне и поспешил заметить:

— Молотов ознакомился с обоими списками и согласился с предложениями НКВД.

В верхней части листа стояла аккуратная, с нажимом на первой букве, роспись наркома иностранных дел. Бегло просмотрев список номер два «врагов народа», которым выпала неслыханная милость каторжным трудом в лагерях ГУЛАГа искупить вину, Сталин поставил подпись. Список номер один, отпечатанный крупным шрифтом, чтобы не утомлять глаз Вождя фамилиями изменников и террористов, оказался короче.

Остро отточенное острие карандаша хищно скользило по фамилиям тех, кто подлежал немедленной ликвидации, и остановилось в конце первой страницы. Берия подался вперед. Сталин поднял голову, испытывающе посмотрел, и спросил:

— Не жалко? Ты же с ним не один год проработал в Закавказской ЧК?

— К врагам товарища Сталина и партии у меня и НКВД не может быть жалости и снисхождения!

— Мы все служим партии, — поправил Вождь и повторил вопрос: — И все-таки, не жалко? Кажется, в двадцатом он вытащил тебя из Кутаисской тюрьмы?

«Все помнит, черт Сухорукий!» — поразился Берия и с раздражением ответил:

— Сволочь, как был меньшевиком, так им и остался.

— Вышинский тоже бывший меньшевик, может, и его расстреляешь? — с ехидцей спросил Сталин, и в его рысжих глазах вспыхнули зловещие огоньки.

Этот взгляд был знаком Берии, ох как хорошо знаком. Он просвечивал душу как рентгеном, выискивая в ней пятна измены. Нарком не отвел глаз и твердо заявил:

— Товарищ Вышинский беспощадной борьбой с троцкистами, зиновьевцами и прочей мелкобуржуазной сволочью доказал свою преданность революции и партии! А этот, — он силился подобрать слово, злость душила его, и яростно выпалил: — Вонючий шакал! Мы слишком поздно разглядели его! Прикрываясь партийным билетом, он готовился совершить теракт против вас и членов Политбюро!

— Лаврентий... — Сталин поморщился и напомнил: — Если мне не изменяет память, в конце двадцатых ты его не раз нахваливал и представлял к ордену за разоблачение заговора меньшевиков в Грузии.

Берия растерялся, но быстро оправился и с негодованием воскликнул:

— Товарищ Сталин, вы нас учите, что никакие заслуги в прошлом не дают права встать над партией, а тем более выступить против нее.

— Мы — все ее рядовые бойцы, — неопределенно ответил Вождь, пристально посмотрел на давнего соратника, встал из-за стола, прошел к окну и остановился.

Солнце поднялось над лесом, мороз спал, и изморозь, окутывавшая дачу и деревья, рассеялась. Девственно чистый снег искрился бриллиантовым блеском. Легкий ветерок, прошумев среди вершин сосен, озорно перескочил через глухой забор, пробежал по саду и снежным водопадом осыпался с веток

на землю. Сталин не замечал тихой красоты зимнего дня, его мысли занимало другое.

Через сутки, а, может раньше, этот снег, небо и солнце перестанут существовать для тех, кто значится в списках Лаврентия. Один росчерк его пера — и их не станет. А ведь совсем недавно им рукоплескала восторженная толпа, а имена аршинными буквами выписывались на плакатах и транспарантах. Но уже завтра вчерашние друзья будут отрешиваться от дружбы с ними, клеймить позором и призывать толпу к беспощадной борьбе с изменниками, террористами и вредителями.

Изменники?.. Вредители?.. Не раз и не два задавался он этим вопросом. Большевики с дореволюционным стажем, прошедшие через царскую каторгу, недавние соратники по борьбе с троцкистами и сегодняшние новоиспеченные комиссары, послы и чекисты — чего вы все без меня стоите? Сталин гневно повел плечом: «Я дал вам все: сытую жизнь, всенародную любовь и, наконец, власть, которая не снилась царским сатрапам! Но вам этого мало. Мерзавцы! Подлецы! Вы посмели усомниться в том, что я выстрадал и чему отдаю себя без остатка. Жалкие пигмеи! Вы думаете только о себе!».

От гнева его пальцы сжались в кулаки, и кожа побелела на костяшках. Глухая ярость поднялась в груди против них, этих надменных снобов — Бухарина и Радека, Зиновьева и Каменева, новоявленных суворовых и кутузовых — Тухачевского, Блюхера и Егорова.

Пустобрехи и краснобай, вчерашние прапорщики, возомнившие себя плотью и мозгом партии и армии! Вы не упускали случая ткнуть меня, недоучку-семинариста, в словесную блевотину, которую выплескивали в толпу на площадях Питера и Москвы. И это в то время, когда я — Сталин кормил вшей в окопах под Царицыным и голодал в донских степях, топил баржами белое офицерье и предавал огню мятежные казацкие станицы. Я делал всю грязную работу, что поручала партия ради одного — победы Великой революции!

Потом, после смерти Старика, вы, как тетерева на току, упиваясь собственным красноречием, продолжали красоваться на митингах, а я, как ломовая лошадь, снова взвалил на себя всю рутину партийных дел. И пока вы разглагольствовали, я создал ее — свою Партию! Свое детище и свою гордость! Партию, которая должна стать новым орденом меченосцев, и этот орден я поведу на завоевание мира, чтобы построить Великую империю, новый, Четвертый Рим, равного которому еще не знала история!

Но вы, неблагодарные, обласканные и вознесенные мною к самым вершинам власти, отплатили черной неблагодарностью. Вы тащили партию то влево, то вправо, обвиняли меня в косности и догматизме. Под вашу трескотню партия разлагалась! ЦК превращался в скопище демагогов, а на местах партийные секретари возомнили себя удельными князьками. Рядовые коммунисты завалили органы сигналами о вопиющем казнокрадстве, чванстве и беспробудном пьянстве. Грозные указания ЦК тонули, как в болоте, в огромной партийной машине.

Успех первой, ударной пятилетки оказался недолгим. Следующий план трещал по всем швам. Отчаянные усилия вытащить страну из трясины махрового бюрократизма и внутрипартийных дрызг наткнулись на откровенный саботаж. Партийная машина взбунтовалась против своего создателя и на семнадцатом съезде попыталась избавиться. Накануне Каменев и Зиновьев челноками сновали между Москвой и Ленинградом, готовили в вожди Кирова, этого любителя ходить в народ, и уже предвкушали победу.

Дураки? Кого хотели провести? Главное — не проголосовать, а правильно посчитать голоса! И посчитали как надо! Потом эти слизни, метившие в его кресло, ползали на коленях и каялись в грехах. Поздно! Я слишком много и долго вам прощал. Человек — неблагодарная тварь! Ради власти и денег готов переступить через мать, друга и совесть, но не собственный страх. Именно страх стал тем универсальным средством, которое позволило удержать в руках и партию, и власть.

Инструмент для исполнения его воли долго не пришлось искать, он оказался под рукой. Безупречные и превосходно отлаженные за годы борьбы с контрреволюционерами и саботажниками, пронизавшие своими осведомителями снизу доверху всех и вся, ВЧК — ОГПУ — НКВД оказались самым удачным детищем Революции. Вскормленные кровью своих жертв и загипнотизированные заклинаниями о беспощадной борьбе с врагами партии органы после окончания Гражданской войны, жестоко расправившись с контрреволюционерами, в отсутствии новых врагов начали чахнуть.

И тогда он нашел им работу. Но престарелый, больной председатель ОГПУ Менжинский всячески старался прикрыть своих дружков. Его скоропостижная смерть устранила последние препятствия, и новый руководитель Генрих Ягода ретиво взялся за дело. Он не задавал лишних вопросов и преданно исполнял его волю. За короткий срок расправился с партийной оппозицией и заткнул глотки Каменеву, Зиновьеву и Рыкову. В тюремных камерах с них вмиг слетел глянec вождизма. Жалкие трусы! Не хватило мужества достойно умереть. Топили друг друга, чтобы спасти свои никчемные жизни.

Прошли первые показательные процессы, и страна под их шум на время забыла о голоде и варварской коллективизации. Теперь она знала, кто виновен во всех бедах, и слепой гнев народа обрушился на них — предателей и вредителей. На Западе поднялся дикий вой. Троцкий заходился в злобном лае. Ему подвывал из Парижа Раскольников. Мерзавец! Обвиняя меня во всех смертных грехах, забыл, как сам в Нижнем сотнями расстреливал и топил в баржах беляков с эсерами. Здесь, в Москве, им подпевали Бухарин с Радеком. Они, как подколенные змеи, шипели из углов и мутили партию. Эти любимцы Старика стали поперек горла, и, когда потребовалось заткнуть им рот, Ягода распустил нюни. Его помощнички, кучка интеллигентствующих дзержинцев, откровенно саботировали указания.

И ему снова пришлось брать все на себя, чтобы не дать растащить партию и страну по «национальным квартирам».

Замену Ягоде найти оказалось не так-то просто. Земляк Лакоба хитро ушел от предложения, сославшись на плохой слух, посетовал, что может не расслышать «змеиное шипение затаившихся контрреволюционеров и не вырвать их ядовитое жало». И как в воду глядел! 27 декабря тридцать шестого на ужине в доме у своего выдвигенца Берии съел «что-то не то» и в ту же ночь скончался.

Второй кандидат и первый «сокол» страны — Валерий Чкалов — на крыльях всемирной славы так высоко вознесся, что посмел сказать ему в глаза: «Я — летчик, а не стервятник». И накаркал на свою голову. В воздухе могут жить только птицы, а не люди. Техника подвела признанного аса, и страна с почестями похоронила своего кумира.

И тогда его взгляд разглядел среди серой партийной массы невзрачного — «метр с кепкой» — заведующего отделом руководящих партийных кадров ЦК ВКП(б) Николая Ежова. Приглянулся он во время партийной чистки 1934 года, после того, как, не дрогнув, пачками «вычищал» вольнодумствующих большевиков с дореволюционным стажем. Этот золотник оказался мал, но дорог. Осмотревшись на новой должности, Ежов вскоре арестовал своего предшественника Ягоду и заставил его признаться во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. К концу тридцать седьмого почистил НКВД от «слунтяев и саботажников», а затем принялся за армию и комиссариаты.

При Ежове наркомат работал без выходных и праздников, число «врагов народа» росло, как снежный ком, который безжалостно погребал под собой министров и бульдозеристов, артистов и машинистов, маршалов и рядовых. Чекисты умудрялись обнаруживать террористов даже на забытом богом и чертом Медвежьем острове во льдах Северного Ледовитого океана. Расстрельным командам НКВД не хватало патронов, и

их приходилось забирать с армейских складов. Лагерь ГУЛАГа пополнились новой рабочей силой, и «ударные» стройки на Севере и в Сибири снова ожили и «погнались план».

В партии, наконец, закончилась бесконечная болтовня, теперь негромкий голос Вождя хорошо слышали даже на Чукотке.

Маховик репрессий набрал обороты. К середине тридцать восьмого на должности командующих округами приходилось назначать вчерашних капитанов — командиров батальонов, а недавние выпускники рабфаков становились министрами. «Кровавый карлик» явно переборщил, ему повсюду мерещились враги и предатели. Страна, зажатая в «ежовых рукавицах» страха, все дальше отдалялась от социализма и превращалась в одну огромную зону.

И тогда он вспомнил о Берии.

Час Лаврентия пробил. С новой ролью он быстро освоился. Печальный опыт Ягоды и Ежова заставил его действовать более гибко и изобретательно. Исправление линии партии в органах он начал не с арестов, а с освобождения уцелевших профессионалов и выпрямления «перегибов». Загнанная в угол и шарахающаяся от собственной тени интеллигенция, которую он баловал своими появлениями в театральных ложах, приободрилась и снова стала распускать языки. Все чаще физиономия новоиспеченного наркома мелькала среди писателей и артистов. Это вызывало ревность и зависть у «стариков». Молотов и Каганович жаловались, что Берия не дает прохода балеринам из Большого театра.

«Дураки, чего жалуетесь! Пусть лучше щупает их, чем вас», — с иронией бросил Вождь им в лицо.

Лаврентий тогда промолчал, а через неделю положил на стол сводку слухового контроля.

Эта чертова жидовка жаловалась своему усатику Славику на то, что он, Сталин, перестал считаться с мнением старых большевиков и превратил их в холуев, а из партии сделал скопище подхалимов и лизоблюдов. Потом Молотов ползал перед ним

по ковру и умолял пожалеть свою дуру. Поздно! У Лаврентия поумнеет.

Лазарь Каганович тоже прикусил язык, когда его ткнули носом в то, что несли его зарвавшиеся братцы по темным углам, и потом не пикнул, когда один из них полез в петлю, а другой пошел под расстрел.

Лаврентий понимал все с полуслова. Стране требовалась передышка, и он посадил на короткую цепь своих «псов». НКВД, как и прежде, выискивал и карал врагов народа, теперь ими стали агенты фашистов и их пособники.

Страна вздохнула от репрессий и сплотилась вокруг единственной надежды и опоры — Иосифа Сталина! Страх на время ушел из-под крыш комиссариатов и начальственных кабинетов. И там опять развязались языки. Лаврентию не требовалось объяснять, что угроза власти исходит не столько от врагов, сколько от соратников. Он так опутал невидимой сетью прожженных партийных аппаратчиков и лихих кавалерийских рубак, что они боялись поверять тайны не то что жене, но и подушке.

«Большой дом» на набережной и служебные кабинеты стали прозрачны, как аквариум. День и ночь опера из Технического управления НКВД записывали каждое слово и вздох. В пухлых наблюдательных делах накапливались фотографии из интимной жизни и многостраничные отчеты о неурядицах и склоках в семьях членов ЦК. Взбрыкивавший иногда старик Калинин перестал коситься на молодых бабенок из Большого и тихо плакался в жилетку по своей жене, собиравшей валежник на Крайнем Севере...

Отчаянный писк птиц прервал размышление Сталина. Под окном на дорожке отчаянно барахтался воробей, пытаясь выбраться из сугроба, рухнувшего с крыши. Стряхнув остатки снега, он поскакал к мусорной кучке, но тут над ним взметнулась серая тень кошки, и когтистые лапы впились в зазевавшуюся птичку.

«Вот так и в жизни: зазевался — и стал добычей, — подумал он, отвернулся от окна и встретился с преданным взглядом Берии. — Знаю я вашу преданность; ты не лучше Ягоды и Ежова. Ты просто умнее и хитрее, но меня не проведешь. Я тебя насквозь вижу».

Заложив правую руку за борт френча, Сталин направился к столу. Берия двигался сбоку. Мягко ступая по ковру, он пытался попасть с ним в ногу.

«Ишь, как старается. Ничего не скажешь, ты, Лаврентий, оказался настоящим кремлевским цепным псом. Малюта Скуратов в подметки тебе не годится, — продолжал размышлять Сталин. — Но меня не обманешь! Недаром говорят — свой пес кусает больнее. На этот случай для тебя припасен хороший намордник. Думаешь, раз Кирова не стало, так и дело с концом. Дудки! Лежит у меня в сейфе папочка, а там его справка, как ты в девятнадцатом в Баку работал на мусавитистскую контрразведку. А к ней твоя расписка имеется. Скажешь, что такое задание партия дала, а кто подтвердит? Колька Ежов всех свидетелей зачистил».

Странное поведение Сталина сбивало Берию с толку. Казалось, он узнал все повадки Хозяина и научился угадывать малейшие желания, но каждый раз тот ставил его в тупик. И сегодня рутинное дело — утверждение списка врагов народа — превратилось в очередную проверку.

Так ничего и не сказав, Сталин тяжело опустился в кресло и возвратился к просмотру «расстрельного списка» номер один. Карандаш медленно скользил по фамилиям и остановился на Марии Спиридоновой.

- Жива еще, старая стерва! — удивился он.
- Скрипит, — презрительно заметил Берия.
- Ты смотри — пережила всех!
- Последняя. Из эсеров больше никого не осталось.
- Прощения не просит?
- Нет.

— Гордая! Ну и пусть поддыхает! — Сталин с ожесточением поставил на первом листе жирную роспись.

Берия с облегчением вздохнул и сложил списки в папку. Но Хозяин не отпускал. Почистив трубку, он набил ее табаком и закурил. Дым причудливыми кольцами поднимался к потолку. В наступившей тишине было слышно, как между стекол бьется ожившая на солнце муха.

— Лаврентий, — впервые за время разговора голос Сталина потеплел, а в глазах заплескалась радость, — и все-таки мы столкнули их лбами!

— Теперь только искры полетят, — поддакнул Берия.

— Искры — это только начало, — взгляд Сталина затуманился. — Грызня этих империалистических хищников не только облегчит наше положение на фронтах. Она разбудит рабочий класс и крестьянство в Китае, Юго-Восточной Азии и Индии. Великая революция на Востоке, зерна которой обильно политы в начале века кровью трудящихся, сметет последние остатки китайских богдыханов и разрушит Британскую империю. С Китая мы начнем новый поход против мирового империализма. И он завершится полной победой социализма!

— Мы активно работаем в этом направлении, Иосиф Виссарионович. Только в одном Китае задействовано четыре резидентуры. За последние полгода значительно укрепились наши оперативные позиции в Америке и Индии, — доложил Берия.

— До конца войны далеко, — продолжал размышлять Сталин, — но победа будет за нами! На пути к ней возможны отдельные поражения, но независимо от них судьбы Гитлера и Германии предопределены. Поэтому уже сегодня мы обязаны думать о будущем. Кто станет в нем нашим врагом, а кто союзником? И здесь ведущая роль принадлежит твоему ведомству. В чужой стране лучше иметь своего президента, чем посылать туда армию. Последняя операция показывает — НКВД способен решать такие задачи.

Берия зарделся от похвалы и не удержался от славословия:

— Иосиф Виссарионович, только под вашим гениальным руководством нам удалось провести эту блестящую операцию!

Сталин поморщился и строго заметил:

— Мы, коммунисты, должны быть скромны. В наших рядах нет ни первых, ни последних. Все мы — рядовые бойцы партии, и наши жизни принадлежат только ей и Великой революции.

— Да, конечно! На чекистов вы всегда можете положиться! Для них нет и не может быть большей чести, чем отдать жизнь за партию.

— Жизнь, говоришь? А чего она стоит на весах истории? — загадочно сказал Сталин и ушел в себя.

Берия терпеливо ждал, и следующее заявление огорошило его.

— Лаврентий, твои разведчики в Китае и Америке были настоящими героями. Родина их не забудет и воздаст по заслугам.

— Почему... были, товарищ Сталин? Они живы и продолжают активно работать. Японцам удалось захватить только несколько человек, но они молчат.

— А Зорге? Подлец! На первом же допросе сознался, что работает на нас!

— Ему ничего неизвестно об этой операции, — промямлил Берия.

— Лаврентий, ты что, меня не понял? — Сталин выразительно посмотрел на него и сухо отрезал: — Семьи героев не должны знать нужды, а предателей надо уничтожить! Если потребуется, тебе поможет Абакумов, у него хватка бульдожья.

— Я сам справлюсь, товарищ Сталин!

— Это другое дело, а то я подумал, ты потерял нюх.

— Я все понял, товарищ Сталин! — заверил Берия и под немигающим взглядом Вождя почувствовал себя, как кролик перед пастью удава. Страх когтистыми лапами сжал сердце.

«На каком решении остановится Сухорукий? — лихорадочно соображал он. — Выкосить только резидентуру? Управление? А, может, и меня? Недаром вспомнил бульдога Абакумова», — и, собравшись с духом, Берия заявил:

— Товарищ Сталин, ни один виновный не уйдет от справедливого возмездия! Я сделаю все...

— В общем, Лаврентий, внимательно разберись. Нашим союзникам не должна поступить ложная информация от перебежчиков и провокаторов! Еще не хватало, чтобы Рузвельт подумал, что мы виляли им, как собачьим хвостом, — закончил прием Сталин.

Через несколько часов за подписью наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берии в адрес руководителей харбинской и нью-йорской резидентур были направлены срочные радиограммы. В них предписывалось принять все меры по незамедлительному выводу в Центр агентов Сана, Гордона, Курьера, Доктора и Павлова.

Глава 16

Посол Японии в США адмирал Кисисабуро Номура последние дни не покидал посольства и большую часть времени проводил в своем кабинете, ожидая экстренных указаний из МИДа. Пауза невыносимо долго затягивалась; на календаре было 6 декабря. Пошли семнадцатые сутки с того часа, как из Токио поступило злое сообщение «Ветры».

В тот ноябрьский день, казалось, ничто не предвещало наступления роковых событий. В посольстве все шло своим, давно заведенным чередом. После завтрака Номура, как обычно, связался с министерством иностранных дел в Токио. Обмен радиосообщениями был коротким и не содержал в себе ничего необычного. Министр Сигенори Того ограничился общими рекомендациями по спорным вопросам на переговорах с госсекретарем США Корделлом Хэллом, акцентировал внимание на том, что окончательное предложение американцам должно быть передано двадцатого, и установил предельный срок подписания соглашения — 25 ноября, доклад посольства принял к сведению, и больше ни слова, ни малейшего намека на то, что в Токио зрели совершенно иные планы. Зловещая тень Пёрл-Харбора даже для своих искусно пряталась в словесную дымовую завесу.

После доклада, просмотрев поступившую почту, Номура незадолго до обеда вместе с Курусу, спецпредставителем МИДа, выехали в Госдеп для встречи с Хэллом. Несмотря на острые дискуссии и серьезные разногласия, возникшие в ходе предыдущих бесед 15 и 17 ноября, госсекретарь встретил их приветливо. То ли доброе расположение Хэлла, то ли что-то другое повлияло на Курусу, он тоже смягчил позицию — не

стал настаивать на требованиях по Индокитаю — и переговоры перешли в конструктивное русло. В конце беседы стали просматриваться контуры будущего соглашения. В посольство Номура возвратился в приподнятом настроении. Его напряженная, многомесячная работа по урегулированию отношений между США и Японией и исключению военного противостояния принесла свои плоды.

Запоздалый обед несколько не расстроил Номуру; в душе он радовался своей маленькой победе над «ястребами» в Токио. Казавшееся неизбежным военное столкновение с Америкой ему удалось предотвратить. Будущее соглашение между Японией и США должно было спасти жизни тысячам японцев и американцев. И в этом была и его немалая заслуга. Номура сторгал от нетерпения поскорее завершить работу над проектом и, отказавшись от послеобеденного отдыха, поднялся в кабинет, с удвоенной энергией принялся шлифовать последние сведения.

Работа спорилась, строчки легко ложились на бумагу, но Номура снова и снова возвращался к тексту, оттачивая каждое слово. За этим занятием не заметил, как к концу подошел рабочий день. На дворе ступились сумерки. Небо заволокло свинцовыми тучами, стал накрапывать мелкий дождь, вскоре перешедший в ливень.

Шторм в Атлантике набирал силу. Волны в Гудзонском заливе налились свинцом, и шквалистый ветер обрушился на побережье. Он сметал с улиц Вашингтона последнюю листву, угрожающе грохотал металлическими крышами, пригоршнями мокрого снега швырял в окна и разбойничьим посвистом отзывался в печных трубах.

В кабинете стало сыро и неуютно. Номура растопил камин, подсел ближе к огню и включил радиоприемник. Подошло время новостей. Сквозь шум и треск эфира прорвался «плавающий» голос диктора из Токио. Он сообщал о кровопролитных боях Красной армии под Москвой, перечислял потери русских и захваченные немцами города. Потеряв интерес к новостям и,

подавшись завораживающей игре пламени, Номура рассеянным взглядом смотрел на огонь. Русские, китайцы, американцы, смерть и разрушения на время отступили, и казалось, что они существовали в другом мире и другом измерении. Покой и умиротворение ненадолго воцарились в душе посла, глаза закрылись, тело стало невесомым и растворилось в тепле.

Подошло к концу время новостей. Эфир потрескивал электрическими разрядами, и рука Номуры повернула ручку настройки. Подошло время сообщения о погоде. В этот час он каждый день включал радиоприемник и с затаенным страхом ждал слов диктора. В любой момент могло поступить кодовое сообщение о начале войны. Сегодня, судя по разговору с министром и миролюбивым заявлениям Курусу, ее угроза миновала. Ожесточенная борьба между «ястребами» и «голубыми» в Токио, похоже, привела к победе последних.

В душе Номура предвкушал близкий триумф, когда 26 ноября его и подпись госсекретаря США должны лечь на текст соглашения, и продолжал прислушиваться к голосу японского диктора. Тот, как хорошо заученный урок, сообщал прогноз погоды: «На Хоккайдо ожидается снегопад», — отчетливо звучало в вашингтонском кабинете посла.

«Рановато в этом году», — машинально отметил Номура.

«Штормовой ветер и пурга на Сахалине», — продолжал диктор.

«Ветер? Ветер!» — восторженно воскликнул Номура.

«Восточный ветер! Дождь. Восточный ветер!» — оговорился диктор.

Дальше Номура не слушал. То, чего он больше всего опасался, произошло: император принял решение начать войну с США!

Кодовое название сверхсекретной операции японских ВМС и авиации против американских войск, только что прозвучавшее в эфире, было понятно адмиралу Нагумо и еще десятку человек. Туго натянутая «ястребами» в Токио тетива лука

войны была отпущена. И стрела — японская военно-морская эскадра — устремилась к цели.

Время новостей подошло к концу. В эфире зазвучала бравурная мелодия духового оркестра, но Номура ничего не слышал и отрешенно смотрел перед собой. До этого рокового сообщения в нем еще теплилась надежда на то, что в Токио благоразумие возьмет верх и большой войны между Японией и США не будет. Америка не была готова к серьезным боевым действиям на Тихом океане, но ее колоссальный экономический и людской потенциал, огромная территория позволяли в случае затяжного военного конфликта провести полную мобилизацию всех ресурсов и в конечном итоге решить исход схватки в свою пользу.

Несмотря на воинственные заявления премьера Тодзио, Рузвельт и Хэлл сохраняли выдержку и проявляли заинтересованность в сближении. В ходе переговоров и в частных беседах госсекретарь не раз говорил об этом. Более того, поступавшая к Номура по неофициальным каналам и добытая агентурой секретная информация свидетельствовали о том, что американцы готовы идти на определенные уступки в Китае и Индокитае. В Вашингтоне не без оснований считали, что в этой части японцы ограничатся малым, компенсируя уступки приобретениями на севере, ударив по СССР.

Оснований для таких предположений у руководства США имелось достаточно. В конце сорокового года служба дешифровки проникла в тайну важнейших шифров Японии, и это положило начало секретной операции под кодовым названием «Магия».

В Токио и не подозревали, что его дипломатическая переписка не составляла секрета для президента Рузвельта и госсекретаря Хэлла. Расшифровки радиogramм ложились раньше на стол Рузвельта, чем посла Японии в США. Готовившийся в глубочайшей тайне Генеральным штабом японских вооруженных сил план «Кантокуэн» — нападения и оккупации советского

Дальнего Востока и Сибири — стал известен в Госдепе и Пентагоне летом 1941 года.

В сентябре всезнающая «Магия» раскрыла еще одну тайну Генштаба Японии, которая вызвала в Белом доме переполох. Под напором воинственного министра Тодзио в Токио вызревала совершенно иной план — «японский самурай» не собирался в ближайшие месяцы бороться с «русским медведем», а намеревался совершить бросок в другом направлении — на юг, к нефтепромыслам британских, голландских и американских компаний. Такой ход событий никак не устраивал Вашингтон, и потому, стараясь отвести от себя удар «японской военной дубины», в Белом доме были заинтересованы, чтобы план «Кантокуэн» не остался на бумаге.

В еще большей степени в нем были заинтересованы в Берлине. После провала блицкрига и пробуксовки вермахта под Москвой Гитлер с Риббентропом не слезали с императора Хирохито и торопили с началом военного выступления против большевиков. В Токио деятельный и неутомимый посол Ойген Отт бомбардировал премьера принца Коноэ, а затем сменившего его генерала Тодзио, личными посланиями фюрера с просьбами о немедленном начале войны и захвате стратегических центров — Владивостока и Хабаровска.

Однако в Токио не спешили на помощь союзнику, попавшему в тяжелое положение. Японский посол в Берлине генерал Осима и министр иностранных дел Сигенори Того отделялись туманными обещаниями начать военные действия против СССР после полного развертывания частей Квантунской армии. Эту задержку они объясняли нехваткой горючего, которая возникла после введения США эмбарго на поставки нефти. В то же время в глубочайшей тайне не только от союзников Германии и Италии, но и от большинства собственных генералов, по указанию премьера Тодзио в двадцатых числах октября особая группа офицеров Генштаба приступила к срочной подготовке плана нанесения ударов по военно-морским базам США и

Великобритании на Тихом океане. При его разработке соблюдались особые меры предосторожности. Завеса секретности была настолько плотной, что за нее не смогла проникнуть даже всезнающая «Магия».

Об этом плане также ничего не подозревали в Берлине, и потому та тягомотина, что тянул Осима, выводила Риббентропа из себя. Время работало против Германии. Гитлер рвал и метал — невиданное упорство русских и морозы убивали надежду на захват Москвы и скорое завершение военной кампании на востоке. В своем стремлении любыми путями втянуть Японию в войну против Советов он готов был согласиться на заключение германо-японского договора, направленного против США.

18 ноября приглашенный на прием в МИД посол Осима встретил это предложение Риббентропа с плохо скрываемой радостью, но так и не обмолвился ни словом, что решение о начале войны против американцев уже принято военным кабинетом Тодзио. С типичным восточным лицемерием он заверил германского министра иностранных дел, что правительство Японии предпринимает все от него зависящее, чтобы помочь своему союзнику и другу Германии. Но дальше слов дело не пошло.

А тем временем в Токио Отт через свои связи в МИДе и среди генералитета Генштаба пронюхал: японцы ведут двойную игру. И 23 ноября телеграфировал Риббентропу о том, что неверный союзник готовится двинуться не на север, а на юг с намерением оккупировать Малайю и захватить голландские нефтеносные районы на Борнео. Но то была только одна часть правды, до другой, несмотря на все старания, немецкому послу так и не удалось докопаться.

После доклада Отта в Берлине пришли в бешенство. Разъяренный Гитлер тут же вызвал на ковер Риббентропа и устроил дикий разнос. Тот, накрученный фюрером, немедленно потребовал к себе Осиму. Японскому послу в тот день не удалось

побывать на Моцартовском фестивале, а пришлось срочно покинуть Австрию и возвратиться в Берлин. Его переговоры с Риббентропом затянулись до утра и напоминали перетягивание каната, но они, по сути, уже ничего не решали. Русские смешали все карты в «большой игре». Контрнаступление войск Красной армии, начатое ранним утром 6 декабря под Москвой, опрокинуло тайные планы главных игроков великой драмы двадцатого века — Рузвельта, Гитлера, Черчилля и Хирохито...

Порыв ветра распахнул окно. Тяжелые шторы вздулись пузырями, струя холодного, сырого воздуха прошлась по кабинету, смела со стола зашифрованную радиограмму из Токио, нырнула в камин и с разбойничьим посвистом вылетела в трубу. Номура очнулся, тяжело ступая, прошел к окну, захлопнул форточку, подобрал с пола листы шифровки и, зябко поеживаясь, возвратился к камину. Зола, поднятая ветром, улеглась, и тревожно загудевшее пламя сникло. Его трепетные языки лениво лизали сухие поленья, призрачными бликами играли на мраморной облицовке камина и лице посла, осунувшемся от бессонных ночей.

Потухшими глазами он отрешенно смотрел на огонь. Поленья жалобно потрескивали, сочились янтарной смолой, изгибались, пытаясь спастись от пламени, но оно набирало силу и безжалостно пожирало их. Подобно пламени, непомерные амбиции и честолюбие императора и премьер-министра Тодзио уничтожили все его труды, направленные на сохранение мира между Японией и США. Мира, до которого, как ему казалось, оставалось сделать всего один шаг. Чего этого стоило, знал только предыдущий министр иностранных дел Мацуока.

Направляя Номуру послом в Вашингтон, он рассчитывал, что его отношения с президентом Рузвельтом, сложившиеся еще в бытность военным атташе, позволят разморозить японо-американские отношения и обеспечат бесперебойные поставки нефти и стали, в которых нуждалась набравшая обороты оборонная промышленность Японии. Первая встреча с госсекретарем Корделлом Хэллом породила определенные

надежды, и в затаившемся между двумя странами конфликте, наконец, забрезжил свет в конце туннеля.

В конце марта 1941 года конфиденциальные переговоры шли полным ходом. Но жаждущие крови и вселенской славы генералы и адмиралы надавили на премьера — принца Коноэ; они требовали невозможного — добиться от Рузвельта, чтобы тот признал право Японии на весь Индокитай. При всем желании выше головы не удалось прыгнуть, и его голос оставался гласом вопиющего в пустыне. Тем временем начальник Генштаба Сугияма и начальник Главного морского штаба Нагано, не дождавшись результатов переговоров с Хэллом, бросили на чашу весов всю мощь армии и флота. И японский каток войны покатился дальше, на юг Индокитая.

Подобное вероломство взорвало Хэлла. Он категорически отказался от следующей встречи и пригрозил перекрыть все американские «краны», подпитывавшие японскую экономику. Этим тут же воспользовались немцы. Посол Отт с утра и до вечера обивал пороги Генштаба, МИДа и, подстегиваемый Гитлером, торопил с началом наступления на советский Дальний Восток. Раздираемые генералами и адмиралами на части (одни с начальником Генштаба Сугиямой тащили на север, другие с начальником Главного морского штаба Нагано настаивали на продвижении на юг), Коноэ и Мацуока вынуждены были «качать маятник».

В не менее сложном положении оказался Номура. Ему приходилось демонстрировать невероятные дипломатические кульбиты, чтобы найти компромисс с американцами и восстановить былые отношения с Хэллом. Тот продолжал занимать жесткую позицию и требовал немедленного вывода японских войск с захваченных территорий. Перелом в отношениях наступил в середине августа, после того как Коноэ предложил провести личную встречу между ним и Рузвельтом в Гонолулу. Хэлл на это предложение отреагировал положительно, и с сентября переговоры возобновились с прежней силой.

Злой рок опять подстерг японского посла в Вашингтоне. 16 октября под давлением сил, жаждущих войны, пало правительство Коноэ. На смену ему пришел новый кабинет во главе с воинственным генералом Хидэки Тодзио. Он был полон решимости начать войну против США. 5 ноября на императорской конференции под давлением генерала был принят план боевых действий против американцев. Первые удары предполагалось нанести по военно-морским базам на Тихом океане.

Хэлл, словно почувствовав грозящую опасность, повел себя более жестко. Переговоры больше напоминали бег на месте — из них ушел дух взаимопонимания и доверия. Номуру понадобилось недюжинное актерское мастерство, чтобы хоть как-то сохранить отношения с госсекретарем. После каждой встречи в Госдепе он возвращался в посольство как выжатый лимон и надолго забирался в ванную. Вместе с водой, казалось, уходили и горы лжи, что он нагородил Хэллу.

15 ноября в Вашингтон прибыл личный представитель нового министра иностранных дел — Сабуро Курусу. Его появление и телеграмма самого министра Того, в которой он настаивал на активизации переговоров с целью нормализации отношений, возродили в Номуру надежду на благополучный исход миссии. На самом деле визит Курусу в Вашингтон оказался тонкой дымовой завесой. Об этом в Токио знал узкий круг лиц из Тайного совета, принявших на заседании в дайхонгэй, в Ставке, окончательное решение — вступить в войну с США.

Истинный смысл миссии Курусу, от которого за версту несло фашистским духом, стал ясен Номуре после нескольких минут беседы. Его иллюзии рассеялись — посланец министра Того приехал в Вашингтон с одной только целью: потянуть время. Поэтому Курусу ничего другого не оставалось, как подыгрывать ему. Состоявшаяся на следующий день встреча в Госдепе изрядно потрепала им нервы. Хэлл проявил паразитическую пронизательность и не дал водить себя за нос. Все заверения японцев о мирных намерениях императора разбива-

лись о железную логику фактов, которыми сыпал госсекретарь. Для него не была тайной концентрация военно-морских сил Японии на южном направлении. Заблуждались американцы только в одном — в конечной цели. Они полагали, что удар будет нанесен по Борнео и Тайланду, а не по США. Курусу понадобились огромное самообладание и мастерское лицедейство, чтобы сохранить приличную мину при плохой игре. Встреча закончилась тем, что Хэлл категорически отказался от продолжения переговоров.

В посольство японские дипломаты возвратились ни с чем, и Номуру охватили дурные предчувствия. Вскоре они подтвердились. 26 ноября в его кабинете раздался звонок. Звонили из Госдепа и в категоричной форме потребовали прибыть на встречу с госсекретарем. Хэлл принял его и Курусу необычайно холодно. На этот раз он не стал слушать их объяснений о действиях японских вооруженных сил в Индокитае и дал понять: США не намерены больше мириться с агрессивными устремлениями Японии. Подтверждением его слов стала ультимативная по своему характеру нота протеста. Даже если бы она состояла только из одного пункта, то и его хватило, чтобы распалить воинственный пыл адмиралов и генералов кабинета Тодзио.

Рузвельт требовал невозможного: правительство Японии должно вывести из Китая и Индокитая все военные, военно-морские, военно-воздушные и полицейские силы. Президент и Хэлл больше не хотели слушать ни одного слова завравшихся японских дипломатов.

Но не столько характер ноты, а сколько поразительная осведомленность Хэлла о маневрах флота Японии насторожили и крайне встревожили Курусу и Номуру. Эту их тревогу серьезно восприняли в Токио, и, опасаясь, что американцы каким-то образом пронюхали о готовящемся нападении на базы США в Тихом океане, император Хирохито и премьер Тодзио перешли к активным действиям.

27 ноября ударное соединение военно-морских сил Японии в составе двух линейных кораблей, трех крейсеров, девяти эскадренных миноносцев и шести авианосцев с 360 самолетами на борту скрытно покинуло базу на острове Итуруп и взяло курс на юг. В режиме абсолютного радиомолчания эскадра адмирала Нагумо подкрадывалась к своей цели.

6 декабря британская воздушная разведка обнаружила японские военные корабли в Сиамском проливе. В тот же день премьер Черчилль срочной телеграммой известил об этом президента Рузвельта. Тот не стал медлить и вечером направил экстренное личное послание императору Хирохито. В нем президент предлагал незамедлительно приступить к поиску путей мирного разрешения кризиса и предупреждал о непредсказуемых последствиях для Японии в случае нанесения удара ее вооруженными силами по Юго-Восточной Азии.

В Вашингтоне и Лондоне, несмотря на чудеса «Магии», все еще надеялись, что японцы не отважатся развязать крупномасштабную войну на Тихом океане. Маневры ее военно-морской эскадры Рузвельт и Черчилль расценивали как подготовку к нанесению удара по Таиланду и, возможно, Малайе. Даже дешифровальщики из ВМС США, день и ночь дежурившие у «Магии», не могли ничем помочь. Шифрованное послание из Токио было отправлено Номуре и Курусу лишь тогда, когда эскадра Нагумо сосредоточилась вблизи американской военно-морской базы Пёрл-Харбор для нанесения по ней удара.

Развязка неумолимо приближалась. Посол Номура, находясь за тысячи миль от Пёрл-Харбора, каждой клеточкой своего тела ощущал, как среди свинцовых волн Тихого океана рождается ужасающий тайфун, который сметет с лица земли всех, кто его породил.

Ветер тревожно загудел в трубе камина. Огонь, потрескивавший поленьями, взметнулся яркими языками пламени и зловещими всполохами озарил стены кабинета и безжизненное

лицо посла. Он, как завороченный, смотрел на игру пламени, в котором, словно в дьявольской пляске, извивались и корчились фигуры императора Хирохито, генерала Тодзио и адмирала Нагано.

Стук в дверь и шум шагов заставили Номуру встрепетаться. В кабинет ворвался Курусу. В его подрагивающей руке извивалась, подобно пойманной змее, бумажная лента. По взволнованному лицу спецпредставителя Того без слов можно было догадаться, с чем он пожаловал.

«Значит, война...», — обречено подумал Номура.

— Кисисабуро, это свершилось! Да помогут нам души великих предков! — радостно воскликнул Курусу и положил перед ним срочную радиограмму из Токио.

В ней за подписью Того подтверждалось кодовое сообщение «Ветры» и предписывалось: 7 декабря 1941 г., в 13.00 ему, послу Номура, вручить госсекретарю Хэлли ноту, в которой японская сторона отклоняла последние предложения американской стороны и прерывала переговоры де-факто.

Номура потухшим взглядом прошелся по тексту и печально произнес:

— Значит, большая война?

— А что, прикажешь и дальше бить поклоны перед этими зажавшимися янки? — вспыхнул Курусу.

— Сабуро, воевать против всего мира — это самоубийство!

— Какого мира? Против Сталина, Рузвельта и Черчилля? Они только и ждут того, чтобы вцепиться друг другу в глотку!

— Глубокое заблуждение! Гитлер объединил их, и пока он жив, нам придется воевать на два фронта, — стоял на своем Номура.

— Гитлер? Он их всех переживет и не сегодня, так завтра возьмет Москву.

— А как же сегодняшнее наступление русских под Москвой?

— Агония большевиков! — отмахнулся Курусу.

— Нет и еще раз нет! Мы плохо знаем русских. Они еще себя покажут! Продолжение переговоров давало нам шанс закрепиться в Китае. Теперь такой возможности не будет, — с горечью признал Номуру.

Курусу, и без того измотанный нервотрепкой последних дней, решил прекратить спор и участливо заметил:

— Кисисабуро, я тебя прекрасно понимаю. Ты отдал много сил, чтобы сблизить наши позиции с Америкой, и император ценит это.

— Я выполнял свой долг. Но сейчас это уже не имеет значения. Все пошло прахом!

— Именно, долг! Завтра мы должны сказать в глаза нашему врагу, что объявляем ему войну. Это тяжелая ноша, и она легла на твои и мои плечи. Нам понадобится железная выдержка. Враги не должны прочесть на наших лицах и тени сомнения.

— В этом, Сабуро, можешь не сомневаться, — заверил Номура.

— Тогда — за дело! Времени осталось мало. Надо немедленно уничтожить все документы, касающиеся операции «Восточный ветер» и нашей агентуры в США, — поторопил посла Курусу.

В ту ночь свет в окнах посольства Японии в США не гас до утра. Первой в огонь полетела шифровка Того, вслед за ней секретные архивы разведки и донесения агентов. В углу обширного посольского двора пылал громадный костер, в его пламени бесповоротно догорали последние мирные надежды посла Кисисабуро Номуру.

В эти же часы дешифровальщики военно-морских сил США с помощью «Магии» приступили к раскодированию радиоперехвата депеши Того. Но уже ни они, ни сам президент Рузвельт и даже Господь были не в силах остановить роковой прыжок «Самурая». «Восточный ветер» всюду раздувал паруса войны эскадры адмирала Нагумо...

Эскадра Нагумо на всех парах устремилась к американской военно-морской базе. Густая чернильная мгла легла на Гавай-

ские острова, слилась с океаном и надежно укрыла японские корабли от воздушных разведчиков. Корпус авианосца крупной дрожью отозвался на работу мощных машин. Турбины набирали обороты. Гребные винты вспенили воду за кормой. Стрелки магнитных компасов застыли на курсе — Пёрл-Харбор.

Форштевень корабля с плеском врезался в подошву волны и седыми космами отбрасывал ее гребень по бортам. Мелкая изморозь оседала на крыльях и фюзеляжах самолетов, хищно нацеленных в небо жерлах орудий, поручнях командирского мостика, фуражке и лице самого командира. Он и личный состав вахты ни на минуту не покидали своих командных пунктов и боевых постов, так как никто не знал, когда с флагмана поступит боевой сигнал, но сердце и многолетний опыт подсказывали морякам — сигнал боевой тревоги может прозвучать в ближайшие часы.

Тревожно было и в кают-компани. Ужин давно закончился. Но офицеры не расходились по каютам. Бессвязные разговоры внезапно возникали и также резко обрывались. Говорили о каких-то второстепенных и несущественных вещах, рассказывали старые, полузабытые истории и, словно сговорившись, старались избегать упоминания о том, что будет с ними завтра, так как хорошо понимали, этого завтра может и не быть.

Внизу, в матросских кубриках, чувствовали себя не лучше. Поздний ужин затягивался, но никто не спешил занимать койки. Страх, липкий и холодный, остаться один на один с мыслями о близкой смерти заставлял моряков сбиваться в кучки. Молодые, полные сил и энергии, они не хотели умирать, и все их существо противилось самой этой мысли. Рассевшись на рундуках, матросы медленно черпали рассыпчатый рис из большого котла и мелкими глотками пили давно остывший чай. Необстрелянные новобранцы жались по углам и пугливо поглядывали на «стариков», а те бодрились и нарочито громко рассказывали истории о боевых походах и удачных стычках с противником. Ближе к полночи экипажи эскадры забылись в коротком сне, и только вахтенные команды продолжали

бодрствовать. Они вели корабли вперед, на встречу со смертью — своей и чужой.

Океан тяжело ворочался и вздыхал. Вскоре волнение уменьшилось, и эскадра пошла на предельной скорости. Вода со змеиным шипением струилась вдоль бортов. В снастях воинственно посвистывал ветер. Корабли, подобно призракам, скользили в сгустившемся тумане. Удача была на стороне адмирала Нагумо и экипажей его кораблей — на пути к Пёрл-Харбору им не встретился ни один дозорный корабль, ни один воздушный разведчик американцев и британцев.

Перед рассветом подул порывистый ветер. Туман рассеялся, и проглянули звезды. Они вспыхнули трепетным светом и поблekli. Небо с океаном потемнели и на какое-то мгновение, казалось, слились. Не стало слышно морской волны. Утих ветер. Все живое замерло в ожидании нового дня.

Прошло еще мгновение, и океан ожил. Где-то в его глубине зарождалось движение. Еле заметная рябь сморщила водную поверхность, а в следующее мгновение яркая вспышка разорвала утренний полумрак на востоке, и над горизонтом показалась кромка багрово-красного диска солнца. Новый день вступил в свои права. Утренняя дымка рассеялась, и перед взглядами вахтенных открылась пустынная гладь.

Злой рок благоволил японцам. На флагмане оживились. Командирский мостик занял адмирал Нагумо. Колокола громкого боя возвестили экипажам о боевой тревоге. На кораблях все пришло в движение. Захлопали двери офицерских кают и матросских кубриков. Металлические трапы загудели от топота сотен ног. Личный состав рассредоточился по боевым постам; канониры расчехлили орудия, а авиамеханики засуетились у самолетов. Пилоты поднялись на палубу из теплых кают и, зябко поеживаясь, заняли места в кабинах. Гул множества авиационных моторов заглушил шум океана и мощных корабельных двигателей.

Пружина войны на Тихом океане разжалась.

Первый самолет появился на взлетной полосе и, хищно поклевывая носом, подкатил к старту. В лучах солнца багровым светом наливался его единственный глаз — плексигласовый колок кабины пилота. Механик крутанул пропеллер и отскочил в сторону. Винт нехотя провернулся и, сердито посвистывая, начал кромсать воздух. Судорожная дрожь затрясла фюзеляж, и в следующую секунду истребитель, подобно громадному камню, пущенному гигантской пращей, сорвался с палубы и взмыл в небо. Вслед за ним одна за другой поднимались в воздух другие машины и выстраивались в боевой порядок. Стальные стаи стервятников, не встречая на своем пути преград, приближались к цели.

Город и военная база Пёрл-Харбор беспечно нежились в лучах восходящего солнца. Стрелки часов на стене старой сторожевой башни с тихим шорохом ползли по циферблату, отсчитывая последние минуты и секунды мирной жизни. В казармах морской пехоты, береговой обороны, ПВО и на кораблях подъем в воскресный день наступал на час позже. Солдаты и моряки спали безмятежным сном. Дежурные службы, повара и рабочие команды столовых, позевывая и кутаясь в плащи и халаты, готовились к сдаче вахт, разогревали кухонные котлы и растапливали печи. Сиреневые дымы курились над трубами, из столовых потягивало аппетитным запахом свежеспеченного хлеба. Перед казармами тоже царило легкое оживление — команды уборщиков высыпали на двор и, лениво потягиваясь, принялись мести плац и дорожки.

Раньше всех в тот день встал Хэйхатирос Хиросо — владелец небольшого бара в японском квартале. Проснулся он задолго до восхода солнца, тихо, чтобы не разбудить жену с дочерью, оделся и спустился на первый этаж. В кладовке взял старую керосиновую лампу и прошел в подвал. Там, недолго повозившись со стеллажом для кухонной утвари, отодвинул его в сторону. За ним открылся тайник, в котором хранились радиостанция, гранаты, пистолет и мощный морской бинокль.

Один из самых ценных агентов японской армейской разведки — Адзумо — дождался своего часа. Упаковав рацию и бинокль в рюкзак, он положил в карманы длинного, до самых пят, брезентового плаща пистолет и гранаты, вышел во двор и прислушался. Ничто не насторожило его чуткий слух. Не мешкая, Адзумо зашагал вверх по улице. За спиной остались последние дома, и он сошел на еле заметную тропинку, уходящую вглубь гор. Здесь ему пришлось попотеть. Ноги то и дело цеплялись за корни, а тропа терялась в предрассветном полумраке.

Наконец впереди показалась хорошо знакомая сосна, чудом держащаяся на самом краю обрыва. Адзумо прислонился к валуну, перевел дыхание, а затем принялся обустроиваться. Неглубокая расщелина в скале была скрыта от посторонних глаз густым кустарником, из нее открывался превосходный обзор бухты. База американцев лежала перед ним как на ладони. За последний месяц он поднимался сюда двенадцать раз и часами вел наблюдение. Крейсера, эскадренные миноносцы и линейные корабли стали ему знакомы так же хорошо как свои пять пальцев.

Приготовив рацию к работе, Адзумо проверил пистолет, гранаты и, чтобы скоротать время, достал из кармана вяленое мясо, принялся жевать. Но нервный зуд не давал покоя. Он приложился к фляжке, пара глотков крепкого сакэ успокоила разгулявшиеся нервы. Адзумо откинулся на спину, и перед глазами возникли таинственно мерцающие звезды. Но это были не его, а их звезды. Бесконечно долгих девять лет они светили над ним, и все эти годы он жил в постоянном напряжении. Ночной стук в дверь, появление вблизи американского патруля могли закончиться арестом. Сегодня всем испытаниям должен наступить конец. Ему уже не надо будет таиться перед женой и дочерью. Разведчик Адзумо снова станет Хэйхатиросо Хиросо, вернется под крышу родного дома и полной грудью вдохнет родной запах цветущей сакуры в старом отцовском саду.

За этими мечтами Адзумо не заметил, как наступил рассвет. Пелена тумана, укрывавшая бухту, рассеялась, и перед ним, будто на шахматной доске, проступили застывшие у причалов и на внутреннем рейде корабли американской эскадры. Он поднес к глазам бинокль и поежился: на него зачехленными орудийными стволами грозно надвинулся крейсер. Его палуба была пуста, и лишь сизый дымок, курившийся над камбузом, да фигуры вахтенных на командирском мостике, юте и баке говорили о том, что экипаж находится на корабле. Беспечность американцев поражала. Адзумо поежился от страшной мысли: через несколько минут все это — крейсер, люди, дома — превратятся в груды искореженного металла, руины и пепел.

Пронзительный писк морзянки подбросил его на ноги. Рация ожила. Он торопливо надел наушники. Далекый и неведомый радист передавал боевой приказ, но и без радиограммы нетрудно было догадаться: час X, которого он терпеливо ждал столько лет, пробил.

Война безмолвно и грозно возвестила о себе множеством черных точек у края горизонта. Они приближались и росли на глазах. В утреннюю, хрупкую тишину вкрался еле слышный комариный писк; он быстро нарастал и вскоре перерос в грозный клекот.

На американских кораблях заметили надвигающуюся опасность. Надрывный вой сирен воздушной тревоги взорвал покой и мирную жизнь базы. Но было поздно. Сигнал тревоги потонул в зловещем реве авиационных моторов. Эскадрилья за эскадрилей заходили на бомбардировку и торпедометание. Робко твякнули зенитные батареи на входе в бухту и тут же исчезли в клубах дыма и огня. Свинцовый вал, сметая все на своем пути, пронесся над палубами кораблей и зловещими гигантскими черными грибами поднялся к небу.

Палец Адзумо так и не коснулся ключа передачи — корректировать было нечего. Японские самолеты, не встречая на своем пути преград, уверенно, как на учениях, заходили на цели.

Бомбовый водопад обрушился на незащищенную американскую эскадру. Корабли, дома и люди были погребены в огненном смерче, который бушевал в воздухе, на море и на суше.

Адмирал Нагумо торжествовал победу. Успех оказался ошеломляющим. От американской эскадры ничего не осталось — она перестала существовать. Его же потери были самые минимальные — два десятка самолетов и экипажей оплатили собой эту блистательную победу. Он повторил подвиг легендарного предшественника — адмирала Хэйхатири Того. Тридцать семь лет назад под Цусимой тот наголову разгромил русскую эскадру адмирала Рожественского, и крохотная Япония поставила на колени колосса — Российскую империю.

Тщеславная мысль — сегодняшний успех станет первым камнем в фундаменте его бессмертной славы и будущей победы над американцами — наполняла гордостью сердце Нагумо. Радист флагмана японской эскадры с невероятной быстротой нажимал на ключ, спеша передать в Токио зашифрованную радиogramму адмирала. Его доклад был сух и лаконичен — беспристрастные цифры американских потерь говорили сами за себя. Столица долго молчала. В Генеральном штабе и императорском дворце не могли поверить докладу — слишком невероятным был успех и ничтожно мизерной оказалась его цена. Спустя сорок минут, флагману поступила ответная радиogramма. В ней содержались только превосходные эпитеты и одни восклицательные знаки. 7 декабря 1941 года стало триумфом адмирала Нагумо.

* * *

Успешная атака на Пёрл-Харбор подогрела воинственные настроения генералов и офицеров Квантунской армии, а наиболее нетерпеливые жаждали сойтись в схватке с русскими. В кабинетах оперативного отдела начали спешно перекраивать план «Кантокуэн». Трезвомыслящие предлагали не торопиться и выждать, но эйфория легкой победы в Пёрл-Харборе кружила даже самые холодные головы.

* * *

Харбинская резидентура захлебывалась от противоречивой информации, поступавшей от агентов Абэ, Леона, Сая и других. Новый ее резидент Консул, рискуя попасть в лапы японской контрразведки, каждый день встречался с ними, а затем подолгу засиживался на конспиративной квартире, пытаясь выловить из этого моря разрозненных и противоречивых фактов те, которые могли пролить свет на истинные планы японского командования.

Его шифровки в Москву сразу ложились на стол наркома внутренних дел Берии.

Консул
Центру
12.12.41 г.

«По перепроверенным данным Сая, Леона и других наших источников в штабе Квантунской армии и управлении жандармерии, 7 декабря 1941 г. авианосная военно-морская группировка Японии совершила внезапное нападение на базу Тихоокеанского флота США Пёрл-Харбор.

В результате воздушных ударов японской авиацией было потоплено и повреждено большинство линейных кораблей, шесть крейсеров, эсминец и значительное количество вспомогательных судов, подбито и уничтожено около двухсот пятидесяти самолетов и надолго выведены из строя системы береговой охраны. Потери японской стороны незначительны и составили двадцать самолетов и несколько мелких судов.

По оценке Сая, результаты военной операции на Гавайях и в Малайе, успешное наступление японских войск на Филиппинах усилили воинственные настроения среди командования Квантунской армии. Многие офицеры штаба открыто говорят о необходимости выполнения плана «Кантокуэн». Они полагают, что наступил подходящий момент для захвата Дальнего Востока и южной части Сибири.

В Токио такое выступление считают преждевременным. По высказываниям лиц, близких к начальнику Генерального штаба, нападение на Советский Союз, вероятнее всего, состоится не ранее весны следующего года – после разгрома американско-британской группировки на Тихом океане и создания необходимых резервов топлива для флота, авиации и бронетанковых сил.

По информации «Леона», введенное США весной 41 г. эмбарго на поставки нефти существенно сказалось на военных возможностях Японии. Имеющиеся запасы топлива позволяют вести полномасштабные боевые действия на советском театре не более трех недель. Поэтому основные операции японской армии и флота в ближайшие месяцы будут вестись в южном направлении с целью захвата нефтепромыслов.

Другим существенным обстоятельством, которое учитывается японским командованием при выборе сроков нападения на СССР, являются погодные условия. Сильные морозы и обильные снегопады в декабре – феврале могут серьезно осложнить применение авиации и бронетехники в условиях Сибири, особенно на направлениях Благовещенск – Белогорск, Борзя – Чита и свести на нет это преимущество.

В связи с провалом явочной квартиры Доктора и его захватом японской контрразведкой, а также арестом Ли, мною принято решение в целях сохранения агентуры в штабе Квантунской армии и управлении жандармерии временно законсервировать работу с Саем, Леоном и Фридрихом. Ольшевский и Смирнов переведены на нелегальное положение».

Центр ответил через три дня. Его ответ был сух и лаконичен:

«Благодарю за работу. Примите все меры для сохранения агентуры. Обеспечьте вывод Ольшевского и Смирнова к границе. Окно для прохода нами будет обеспечено».

Глава 17

Жизнь постепенно возвращалась к Павлу. Это было просто чудом, что ему и Сергею Смирнову удалось вырваться из засады, организованной японской контрразведкой в доме Свицерских. Далеко отъехать им не дали. Выпущенные вдогонку пули пробили колеса, и машина, пропахав десяток метров по мостовой, вылетела на тротуар и врезалась в фонарный столб. Сергей подхватил Павла под мышки и затащил в подворотню. Запоздалый залп просыпался на их головы кирпичной крошкой. Последнее, что осталось в меркнущем сознании Павла, — крошечная темнота сарая на задворках заброшенного строительного склада.

Уложив его на доски, Сергей приготовился отстреливаться, но погоня потеряла след; звуки выстрелов удалялись в сторону речного порта. Воспользовавшись передышкой, он перевязал Павлу рану. Остаток ночи и весь день им пришлось отсиживать на складе. С наступлением темноты Сергей взвалил на плечи Павла и потащился к бедняцким кварталам. Рабочая слобода темными глазницами подслеповатых окон равнодушно смотрела на них. Сергей решительно постучался в дверь первого попавшегося на пути дома.

В окне вспыхнул свет керосиновой лампы. В сенцах прошлепали босыми ногами, затем лязгнул засов, и дверь приоткрылась. Смирнов, отодвинув в сторону остолбеневшего хозяина, прошел в комнату и опустил Павла на кушетку. Хозяйка в ужасе всплеснула руками и, охнув, осела на лавку. Из-за полога, отгораживавшего угол комнаты, донесся испуганный шепот, и в полумраке блеснули три пары любопытных ребячьих глаз.

Первым пришел в себя хозяин, метнулся на кухню и вернулся со жбаном воды. Жена притащила чистые тряпки. Сергей без

сил опустился на лавку и остановившимся взглядом наблюдал за тем, как они промывали и перевязывали рану Павла. Ему становилось все хуже. От большой потери крови лицо побледнело, а на губах набухла и пузырилась сукровица.

— Совсем плохой. Надо звать врача, — мрачно произнес хозяин.

— Саша!.. А мы?.. Дети? Ты подумал? — взмолилась жена.

— Пока думать будем, он помрет. Пойду за Константинычем.

— А это кто? — насторожился Смирнов.

— Не бойся, свой. Доктор, — успокоил хозяин и, нахлобучив шапку, выскочил на улицу.

Отсутствовал он недолго. Опасения Сергея были напрасны. Доктор не стал задавать лишних вопросов, а сразу занялся Павлом. Как выяснилось, пуля прошла между ребер и застряла под правой лопаткой. Было удивительно, как с таким ранением он смог столько времени продержаться на ногах. Операция окончательно измотала его, он потерял сознание и в себя пришел только перед рассветом. Оставив Павла на попечение Семиных, Сергей отправился в город, чтобы выяснить обстановку.

Вернулся он поздним вечером мрачный, как туча. Новости были хуже некуда. Японская контрразведка арестовала Ли и семью Свидерских, в перестрелке погиб Гордеев. Судьба еще троих подпольщиков из железнодорожных мастерских оставалась неизвестной. О самом Дервише ходили противоречивые слухи. Одни говорили, что он был убит, другие — жив и ушел в глубокое подполье. Леон, один из немногих, кто избежал зачистки контрразведки, тоже не прояснил ситуации — среди убитых тело резидента не обнаружили, но и на связь он не выходил.

Резидентура была парализована. Те, кто уцелел, вынуждены были на время затаиться. Павлу в его положении ничего другого не оставалось, как отлеживаться в семье Семиных и набираться сил. После Рождества он пошел на поправку. К концу января

встал на ноги и готов был уже включиться в работу. Новый резидент, Консул, настоял на том, чтобы он перебрался из Харбина в тихий Фуцзинь. Там, на затерявшейся в лесах заимке, Павел долечивался перед тем, как уйти через «окно» на границе в Советский Союз. Сергей Смирнов уже находился там.

К середине февраля, когда морозы ослабли, Павел с проводником Ху тронулся в путь. Четверо суток, в основном ночью, обходя стороной крупные поселки и разъезды, они пробивались к границе. На пятый день у зимника через Сунгари их задержал полицейский патруль. Но все обошлось — часы Павла, приглянувшиеся начальнику патруля, отвели опасность. Весь дальнейший путь к границе они шли только лесом, на рассвете были у Амура и весь день провели в перелеске, выявляя расположение пограничных постов и изучая маршрут перехода границы.

Наконец усталое зимнее солнце нехотя скатилось по склону сопки в распадок, и серая мгла напозла на реку. Ху выбрался из кустарника и только по известным ему приметам нашел тайник. Под шапкой сугроба, в земляной норе, хранились две пары охотничьих лыж, карабин и пистолет. Подвязав лыжи к валенкам и проверив оружие, они спустились в лощину и легким накатом заскользили к Амуру.

Чуть больше километра отделяли Павла от берега, где его ждали близкая свобода и новая, манящая своей загадочностью жизнь. Он старался не отстать от Ху. Вдруг за спиной прозвучал грозный окрик, а в следующее мгновение хлесткий звук выстрела раскатистым эхом покотился над рекой, и снежный фонтанчик взметнулся перед ними. Их темные силуэты на белом фоне служили отличными мишенями, пули ложились все ближе. Павел метнулся под прикрытия ледяного тороса, рядом залег Ху, и они открыли ответный огонь.

Перестрелка продолжалась недолго — меткие выстрелы проводника достигали цели, а со стороны заставы на помощь патрулю спешило подкрепление. Не мешкая, Павел и Ху

сбросили тулупы и бросились бежать. Наконец под их ногами оказалась твердая земля, и японцы прекратили стрельбу. Павел с Ху вскарабкались на берег и там столкнулись с советскими пограничниками.

— Мы свои! Свои! — предупредил их Ху.

— Стоять! Оружие на землю! — потребовал старший наряда.

Павел и Ху подчинились. Пограничники стали в кольцо, трое держали их под прицелом, четвертый сноровисто обшарил с головы до ног и доложил:

— Товарищ младший сержант, кроме оружия ничего подозрительного нет!

— Кто такие? — спросил тот.

— Подпольщики из Харбина, — ответил Павел.

— Подпольщики, говоришь? — переспросил он и приказал: — Вперед и без глупостей! На заставе разберемся!

В кабинете начальника заставы Павла и Ху встретили настороженно. Молоденький лейтенант с подозрением отнесся к рассказу Павла, похоже, не поверил и отправил под замок в темную. Через полчаса все разительно переменилось. Из Управления НКВД по Хабаровскому краю на запрос начальника заставы последовал категоричный приказ — «Разведчика немедленно отправить в Хабаровск! Проводника отпустить».

Слово «разведчик» произвело впечатление. Лейтенант-пограничник не знал, в какой угол их посадить, а на столе, как по мановению волшебной палочки, появились небогатые армейские разносолы. Обед еще не подошел к концу, когда за Павлом приехала машина — его ждали в Хабаровске. Там он пробыл не больше двух часов. После короткой беседы с начальником управления его отвезли на аэродром, где ждал самолет на Москву.

Стремительное движение — погранзастава, Хабаровск, Чита, Новосибирск, Свердловск — захватило Павла. Он с жадным вниманием вслушивался и всматривался в эту совер-

шенно незнакомую ему жизнь и, сгорая от нетерпения, ждал встречи с Москвой. Позади осталась скованная льдом Волга. Через полтора часа полета моторы натужно загудели, самолет пробил плотную облачность и резко пошел на снижение. В ушах заломило, и пол ушел из-под ног. Павел машинально ухватился за ручки — это был первый полет в его жизни. Немногословный спутник из хабаровского Управления НКВД улыбнулся и, тыча пальцем в иллюминатор, прокричал:

— Сейчас будет Москва!

Самолет задрожал. Из кабины пилотов выглянул штурман, прошелся беспокойным взглядом по притихшим артистам, возвращавшимся из гастролей по дальним гарнизонам, остановился на осанистом, седом генерале и предупредил:

— Товарищ генерал, граждане артисты, идем на посадку! Дует сильный боковой ветер. Попрошу не вставать и держаться крепче!

Павел ухватился за ручки кресла и прильнул к иллюминатору. Внизу мелькали укутанные сугробами серо-красные островки поселков и заводов, черные пунктирные линии железнодорожных дорог. Их становилось все больше. Вскоре, заполняя весь горизонт, впереди возникла серая громада огромного города.

«Москва! — сердце Павла встрепенулось. — Боже мой, Москва! Неужели я дома?.. Дома?»

Моторы взревели во всю мощь, его бросило на спинку кресла. После нескольких минут бешеной тряски и болтанки самолет приземлился на военном аэродроме и, сердито пошвыстывая винтами, вырулил на стоянку. По проходу пробежал борт-стрелок и, громыхнув дверцей люка, спустил на землю трап. Первым к выходу двинулся генерал, за ним офицеры и артисты. Павел выходил последним и замер на ступеньках трапа. От волнения перехватило дыхание: свершилось то, о чем он не смел мечтать — после двух десятилетий изгнания под его ногами была родная земля.

— Чего стоим? В небо опять захотелось? — пошутил за спиной командир экипажа.

Павел смутился, прыгнул на бетонку и осмотрелся. За сугробом стояла легковушка, видимо, посланная за генералом. Тот уверенно направился к ней. Два младших офицера, вальяжно привалившиеся к ней, не повели ухом, когда он обратился к ним. Коренастый крепыш что-то небрежно бросил в ответ, генерал смешался и попятился назад.

«За мной?» — подумал Павел.

— За вами! — подтвердил его догадку сопровождающий.

«Приятно, черт!» — такое внимание тешило самолюбие Павла. Он горделиво вскинул голову и направился к машине. Притихшие артисты расступились, давая дорогу, а генерал, до этого делавший вид, что в упор не видит франтовато одетого гражданского штафирку, проводил его округлившимися глазами.

Крепыш-старлей признал в нем своего и смешно переваливаясь на коротких и толстых, как тумбы, ногах, шагнул навстречу. Молча пожав руку, он открыл заднюю дверцу. Павел сел и оказался зажатым между двумя офицерами. Сопровождающий из хабаровского управления остался у самолета. Старлей-крепыш занял переднее сиденье и распорядился:

— Поехали! Водитель нажал на газ. Машина, подняв снежное облако, пронеслась по взлетной полосе, не сбавляя скорости, проскочила через КПП и свернула на широкую, хорошо расчищенную дорогу. Офицер, сидевший слева от Павла, задернул шторы на окнах.

— Ребята! Я двадцать лет не был в Москве, — взмолился Павел.

Старлей-крепыш обернулся и кивнул головой. Шторы разошлись, и Павел завертел головой по сторонам.

Ветхие, почерневшие от затяжных осенних дождей заборы, однообразные серые коробки домов, среди которых мелькали развалины — следы недавних бомбежек. Ближе к центру злове-

щие отметины войны были не столь заметны, все чаще в сером море армейских шинелей и бушлатов мелькали кокетливые женские шапочки и широкополые мужские пальто. В скверах и во дворах копошился пестрый детский муравейник. Яркими пятнами мелькали афиши театров и кино.

Позади осталась площадь с монументальным памятником пролетарскому поэту, победно возвышавшимся над особняками сгинувшей буржуазии.

«Маяковский! — догадался Павел. — Тверская, потом будет Большой и за ним Лубянка».

Прошло несколько минут, и перед ним возникла мрачная громада. Она, подобно скале, нависала над городом. От нее, напоминая щупальцы гигантского спрута, тянулись во все стороны бугрившиеся каменной чешуей улицы. Когда-то под мраморными сводами главного зала биржи возникали из воздуха и через мгновение превращались в ничто миллионные состояния. Спустя двадцать лет, теперь уже в кабинетах грозной Лубянки также легко рушились судьбы и жизни тысяч заклятых и мнимых врагов советской власти. Павел об этом не догадывался и с нетерпением ждал встречи с теми, кто долгие годы руководил его работой и кому он безоговорочно верил.

Машина, описав полукруг по площади, остановилась не у парадного, а у неприметного подъезда. Первым вышел старлей-крепьш и навис над дверцей, второй обежал машину и стал напротив. Павел не придавал этому значения, с трепетом ступил на мостовую и зажмурился. Глаза слепил чистый снег. Над головой в завораживающем хороводе кружили крупные снежинки, они падали за ворот и прохладными струйками щекотали шею. Он дышал в полную грудь и не мог насладиться бодрящим морозным воздухом — воздухом родины и безмятежного детства. Проглядывающая сквозь морозную дымку зубчатка кремлевской стены, будничные перезвон трамвайных стрелок, румяные, раскрасневшиеся на ветру лица прохожих, задорный девичий смех казались ему удивительным и фантастическим

сном. Павел все еще не мог поверить, что находится в Москве. Москва, жившая в памяти малиновым перезвоном церковных колоколов, ароматными запахами воздушных французских булочек и тающими во рту пирожными из кондитерской Шустера, снова возвращалась к нему.

«Отец, я дома! Дома!» — хотелось ему крикнуть во весь голос.

— Пошли! — грубый окрик прозвучал над ухом.

Павел с недоумением посмотрел на спутников. Их сухость и холодность сменились на откровенную враждебность, а пустые и равнодушные глаза стерегли каждое движение.

«Как у змеи», — подумал Павел и двинулся за старшем.

Тот дернул за ручку, и дверь жалобно скрипнула.

«Петли подмерзли», — отметил про себя Павел и вслед за ним шагнул в темный тамбур.

Старлей нашарил на стене кнопку и ткнул пальцем. В ответ прозвучала приглушенная трель звонка, и в забранном решеткой оконце возникло бледное, с бесцветными рыбьими глазами лицо. Старлей что-то тихо сказал, в ответ лягнул засов, дверь открылась, и они прошли во второй тамбур. Здесь их встретил капитан, судя по тому, как перед ним вытянулся «бледнолицый», — это был дежурный. Цепким, наметанным взглядом он прошелся по Павлу, придирчиво изучил протянутую старшем бумагу и приказал:

— Ольшевский, следуйте за мной!

Павел недоумевал, встреча в Москве разительно отличалась от той, что была в Управлении НКВД по Хабаровскому краю. Строгость и дотошность при проверке выглядели излишними, а холодное равнодушие спутников убивало — к нему относились, как к вещи. Перед глазами покачивалась туго перепоясанная ремнями спина дежурного, позади жарко дышал в затылок сержант. Ощущение враждебности исходило от них и серых безликих стен, спертый воздух стеснял грудь, а гнетущее безмолвие будило чувство смутной тревоги.

Они вошли в овальный зал, в который выходили четыре одинаковых, выкрашенных в коричневый цвет двери, перед одной из них капитан остановился, распахнул и приказал:

— Заходите!

Павел переступил порог и растерялся. Каменный мешок, в котором кроме табуретки, стола, стула, широкого топчана и умывальника ничего другого не было, заливал яркий свет.

«Неужели это кабинет руководителя, направлявшего нашу работу? Не может быть! Это же... тюрьма!.. За что? Почему?!» — все смешалось в его сознании.

Грохот двери заставил Павла обернуться. На пороге возникла фигура в белом балахоне. В свете лампы зловеще блеснули стекляшки очков, и из груди Павла вырвался отчаянный вскрик:

— За что?..

— Молчать! — стеганул окрик очкарика, и за его спиной возник надзиратель.

— Ольшевский, вы арестованы! Раздевайтесь! — донеслось до Павла, как сквозь вату.

Чужими, непослушными руками он снял с себя пальто и пиджак.

— Стаскивай все! — потребовал очкарик.

Голый и от того более беззащитный, Павел безучастно наблюдал за тем, как копаются в его одежде. Цепкие пальцы сноровисто выворачивали наизнанку карманы, прощупывали каждый шов, складку на брюках и пиджаке, лезвие бритвы вспороло воротник пальто и подкладку на шапке. Потом очкастый принялся за Павла. Шершавые, как наждак, ладони прошлись по телу, не пропустив ни одного шрама. Он не поленился заглянуть в рот и простучать крохотным молоточком каждый зуб, выискивая спрятанные улики «преступной деятельности». И когда это унижение закончилось, снова появился дежурный.

— На выход! Руки за спину! В разговор не вступать! — звучали отрывистые команды. Подчиняясь им, Павел, как во сне, шел по безликому коридору.

— Стоять! Лицом к стене! — очередной окрик загнал его в нишу.

Он остановился и косил глаза в сторону, откуда доносился странный металлический стук — это вели заключенного. Его вид заставил содрогнуться Павла. Лицо и шею несчастного покрывали кровоподтеки и ссадины, правый глаз заплыл и превратился в узкую щель, из рассеченной губы сочилась кровь. Когда его хрипкое дыхание затихло, они двинулись дальше.

— Стоять! Лицом к стене! — и снова окрик припечатал Павла у двери камеры. — Заходи!

Он перешагнул порог. Забранное в решетку крохотное оконце под самым потолком, нестерпимо яркий свет мощной электрической лампы, нары у стены и застывший у стены крупный мужчина неопределенного возраста. Тюрьма наложила на него свой мрачный отпечаток. На одутловатом, бледном от недостатка свежего воздуха лице жили одни глаза. Жгуче-черные, они внимательно прошлись по Павлу и задержались на кармане рубашки с рисунком дракона.

— Надеюсь, вы не агент малайской разведки? — его вопрос огорошил Павла.

Он промолчал, так как уже ничему не удивлялся в этом мире зазеркалья.

— Хосе Рамирес — агент испанской, мексиканской и еще шести вражеских разведок. На большее у них не хватило ни фантазии, ни знаний географии, — представился он.

Павел посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Не сердитесь, — примирительно сказал Хосе, — на то, что творится здесь, нельзя смотреть по-другому, иначе сойдешь с ума.

— Ольшевский Павел, — представился и Павел, прошел к нарам и рухнул без сил.

Тут же открылся смотровой глазок и надзиратель рыкнул:

— Повернитесь! Глаза не закрывать!

— Чт-о-о? — не понял Павел.

— Лягте на спину, а руки держите по швам, иначе не даст покоя, — подсказал Хосе.

Павел послушался, но яркий свет лампы и назойливый скрип смотрового глаза не позволяли собраться с мыслями, они путались и сбивались.

В десять вечера прозвучала команда «отбой». Тюрьма ненадолго погрузилась в тишину. Но в камерах никто не спал, напряженно ловя каждый звук в коридоре. Приближалась полночь. Там, за стенами тюрьмы, люди, не отмеченные печатью «враг народа», спали безмятежным сном, а здесь, в кабинетах следователей, просыпался сам дьявол в человеческом обличье и готовился к своей безумной пляске. Из сейфов извлекались пухлые тома уголовных дел, и из ящиков столов доставались гибкие ученические линейки. Со змеиным шипением пересыпались швейные иголки в металлических коробках из-под монпансье. Чернильные ручки лились в массивные письменные приборы, и холодным блеском сверкали перья ручек. Пыточный конвейер, производящий «врагов народа», готовился к работе. В эти самые минуты заключенные замирали в напряженном ожидании. Слух, обостренный страхом и болью, ловил каждый шорох и каждый шаг в коридоре. И когда рядом хлопала дверь камеры, то предательская слабость разливалась по истерзанному телу «счастливчика». В ту ночь приходила очередь другого, и гаденькое, омерзительное чувство, что на этот раз пронесло, на время заглушало муки совести и сострадания к несчастному.

В коридоре слышались шаги. Хосе беспокойно заворочался, они затихли у соседней камеры, и с облегчением произнес:

— Сегодня не наша очередь. Можно спать.

Павел так и не смог сомкнуть глаз. Яркий свет выжигал их, и только перед утром забылся в коротком сне. С команды «подъем» начался первый тюремный день, за ним последовали другие, и только на седьмые сутки его вызвали на допрос. Странно, но он испытал облегчение, ему не терпелось поскорее

встретиться лицом к лицу с теми, по чьей злой воле его бросили в тюрьму.

Конвой доставил Павла на четвертый этаж. Здесь обстановка резко отличалась от той, что ему пришлось увидеть за дни, проведенные во внутренней тюрьме НКВД. Серые, невзрачные панели сменились на дубовые; толстый ворс красной ковровой дорожки заглушал шум шагов.

Напряжение, появившееся в действиях конвоя, невольно передалось Павлу.

«Похоже, допрос предстоит у начальства», — подумал он и не ошибся.

Коридор закончился, и они вошли в просторную приемную. Вышколенный офицер принял арестанта у конвоя и завел в кабинет. В глаза Павла бросился огромный, почти во весь рост, портрет Вождя.

Его беспощадный взгляд гвоздил «врага народа» к полу. Многоликий образ коммунистического «бога» преследовал Павла с первых шагов по советской земле: на дальней погранзаставе, на военном аэродроме, в кабинетах и на гигантских плакатах, занимавших целые фасады домов. Он, великий и непогрешимый, властвовал над жизнями миллионов людей. Вознесенный на недостижимую высоту созданной им чудовищной пирамиды власти, Вождь снисходительно взирал на суету человеческого муравейника. Местечковые вожди, живущие и благоденствующие всецело от его щедрот и милостей, готовы были растерзать любого, на кого укажет «божественный» перст.

Павел опустил глаза. Под портретом в кресле восседала моложавая и невыразительная копия Вождя. Щеголеватая щеточка усов а-ля Сталин. Холеное и пресыщенное лицо, модная прическа никак не говорили о тяжком бремени забот, лежащих на плечах комиссара госбезопасности второго ранга Богдана Кобулова, заместителя наркома внутренних дел СССР, давнего и испытанного соратника Лаврентия Берии.

Цепкий и колючий взгляд темных, на выкате глаз обдал Павла холодом. Лицо Кобулова излучало неприкрытую угрозу. Он повелительно махнул рукой, и помощник покинул кабинет. Вместо него вошел плотный, крепко сбитый, русоволосый майор и занял место за приставным столом. По описанию Хосе, Павел догадался: Лев Владзимирский, начальник следственной части по особо важным делам НКВД СССР — один из самых жестоких следователей.

«Выходит, дела мои плохи», — поежился Павел, но не дрогнул и смело посмотрел на Кобулова.

Тот пододвинул к себе дело, и толстые, густо поросшие волосами пальцы зашелестели страницами. Бегло просмотрев постановление об аресте, Кобулов вскинул глаза на Павла, прошелся по модному пиджаку и сквозь зубы процедил:

— Ишь, вырядился, буржуй недорезанный!

Павел опешил, такого начала он не ожидал.

— Чего молчишь? Язык проглотил? Ну, ничего, и не таких раскалывали, — с презрительной усмешкой произнес Кобулов.

— Там лаптей и косовороток не продают, — огрызнулся Павел, и в нем заговорила злость.

Усы описали замысловатую дугу и встали дыбом. В голосе Кобулова отчетливо зазвучал южный акцент:

— Ах, ты гныда! Над органами издэваться! Да я тэбя в порошок сотру, японская ты подстилка! Завалил резидентуру и еще пасть разэвашь!

— Я? Резидентуру? — Павел потерял дар речи.

— Я, что ли? Контра ты недобитая!

— Абсурд! Бред! — пришел в себя Павел.

— Что?.. Лэв, ты пасмотри на эту мразь! У него хватает наглости вякать, — прорычал Кобулов. — Брэд? Да тут, — его палец трепал страницы, — столько написано, что тэбя, сука, на тот свет можно хоть сейчас отправить!

— Свидетелей тоже хватает, — подал голос Владзимирский.

Под градом нелепых обвинений Павел вскипел, но разум взял верх. Он вспомнил советы Хосе — к нему, судя по всему, применили тактику силового давления и решили сломать на первом же допросе.

Кобулов продолжал бушевать, сквозь смуглую кожу проступил румянец, аккуратно уложенные волосы растрепались и свалились на лоб. Брюзжа слюной, он яростно кричал:

— Это ты сдал Свидэрскую!.. Это ты вывел японцев на конспиративную квартиру!.. А почему не убрал Люшкова?.. Сучье вы племя! Мало мы вас покروшили в восемнадцатом. Хватит крутить, Олшэвский! Признавайся!

Павел пытался протестовать, но Кобулов не слушал. Потеряв терпение, энкавэдэшник схватил его за ворот пиджака, ткнул в протокол допроса и заорал:

— Мерзавец! Читай!

Павел стер кровь с разбитой губы и склонился над исписанными знакомой рукой листами. Буквы плясали перед глазами. Нет, он не мог ошибиться! Это был почерк Сергея Смирнова: плотный, убористый, с характерно выписанными «в» и «д».

— Олшэвский, запирайтесь бэсполэзно! Смирнов во всем сознался. Здесь черным по бэлому написано, кто тэбя вербовал. Какие задания японцев ты выполнял. Читай! Читай! Хотел нас вокруг пальца обвести. Не вышло! — злорадствовал Кобулов. — Органы — это всевидящее око партии и ее карающий меч. Как говорит товарищ Сталин...

Но Павел уже ничего не слышал, показания Сергея потрясли его. «Зачем? Как такое ты мог написать? Ты, кому я доверял, как самому себе? Та чего же стоит наша дружба?»

— Партия и органы беспощадны к врагам, но они готовы простить тех, кто раскаялся и намерен искупить свою вину, — долдонил Кобулов.

Павел тряхнул головой, пытаясь избавиться от кошмарного наваждения. Вождь на портрете ожил, но в его глазах не было ни капли жалости и сострадания. Лица Кобулова и Владзимир-

ского расплывались бледными пятнами, на месте ртов зияли черные дыры, из которых неслись брань и угрозы.

— Это ложь! Я не виноват! Не виноват, — как заведенный твердил Павел и упрямо мотал головой.

— Вижу, сегодня толку не будет, — с досадой произнес Кобулов и распорядился: — Лэв, берись за него и раскручивай на полную катушку. Хватит миндальничать. Дело на эту японскую шайку надо закрыть до февральских праздников.

— Сделаю, Богдан Захарович. Расколю до самой жопы! — самоуверенно заявил Владзимирский.

— Коли! Но не забудь — двадцатого мне лично докладывать Лаврентию Павловичу. Вопрос находится на особом контроле, — закончил допрос Кобулов и нажал на кнопку звонка.

В кабинет вошел конвой. Павла вывели в коридор и тут же припечатали лицом к стене. Навстречу под перестук ключа надзирателя по бляхе ремня двигалась очередная «двойка». Хлопнула дверь в приемную Кобулова, и коридор снова опустел.

— Вперед! — приказал надзиратель.

Павел возвратился в камеру. Несмотря на глубокую ночь, Хосе не спал. Он с тревогой посмотрел на него и с облегчением произнес:

— Сегодня пронесло.

Павел ничего не сказал, без сил рухнул на нары, схватился руками за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, стонал:

— Как он мог? Как? Я — предатель?.. Я...

Хосе подался к нему. Дверной глазок открылся и надзиратель рыкнул:

— До подъема запрещено подниматься и разговаривать!

— Ложусь, — буркнул Хосе и возвратился на место.

Потрясенный предательством Смирнова, Павел так и не смог уснуть.

«Почему, почему они уничтожают тех, кто преданно служит?» — думал он.

Еще какому-то объяснению поддавалось то, что произошло с ним, Хосе и теми, кто годами вел тайную войну во вражеских штабах и в министерских кабинетах противника. Войну, в которой под личиной врага скрывался соратник и друг. Войну, где истинную правду не дано было узнать никому — ее уносили с собой в могилу связники и резиденты.

«С нами понятно. Но почему система истребляет тех, кому обязана своим существованием?» — это не укладывалось в голове Павла.

Из бесед с Хосе он знал, что в соседних камерах сидели недавние властелины больших и малых кабинетов на Лубянке. Бывшие комиссары госбезопасности и рядовые опера оказались лишь винтиками в бездушной и рабски покорной машине власти. И она, совершив очередную кровавую жатву, спешила избавиться от них — исполнителей ее воли и свидетелей жутких злодеяний. Пришедшие в их кабинеты новые и уверенные в своей неуязвимости хозяева беспощадно расправлялись с предшественниками, не подозревая, что система и ее Хозяин готовили им новую смену.

Кровавая волна «Большого террора», захлестнувшая страну, унесла тысячи жизней тех, кто посмел усомниться в непогрешимости Вождя и имел точку зрения, отличную от его.

Сто десять из ста тридцати девяти членов ЦК, избранных на семнадцатом съезде партии — «Съезде победителей», наивно уверовавших в «плюрализм мнений и свободу партийной критики», были расстреляны или бесследно сгинули за воротами ГУЛАГа.

Лишь пятьдесят девять из тысячи девятисот шестидесяти шести делегатов того съезда приняли участие в работе следующего, остальные не дожили до «торжества в основном построенного в СССР социализма».

Семьдесят пять из восьмидесяти членов Реввоенсовета пали от рук своих же соратников. Вслед за маршалами Тухачевским, Блюхером и Егоровым были уничтожены или заключены в

тюрьмы и лагеря свыше двадцати тысяч командиров и политработников Красной армии.

К 1938 году все восемнадцать комиссаров госбезопасности первого и второго рангов, за исключением Абрама Слуцкого и Михаила Фриновского, отравленного в кабинете заместителя Ежова, были ликвидированы как «враги международного империализма, пробравшиеся в органы».

Павел Ольшевский этого не знал. СССР до недавнего времени был светлой мечтой. Он все еще надеялся, что страшная ошибка, связанная с его арестом, раскроется и двери тюрьмы откроются. Но в этом забранном в стальные решетки мире чудес не происходило. Система не допускала сбоев, попавшие в ее кровавые жернова были обречены.

Закончился восьмой день. Прозвучала команда «отбой». На этот раз конвой остановился у двери их камеры. Настал черед Павла. Его провели по лабиринту коридоров и у двери в кабинет следователя припечатали лицом к стене. Прошел час, за ним другой. Он не чувствовал под собой ног. Спина горела от боли. О нем будто забыли. Толчок конвоира в спину вывел его из полузабытья. Он с трудом переступил порог кабинета и опустился на табурет. Перед глазами плыли и двоились Владзимирский, портрет Берии, стены и потолок.

Владзимирский, не спеша, закончил поздний ужин, отодвинул в сторону недопитую чашку с чаем, накрыл газетой «Правда» тарелку с недоеденным бутербродом, испытывающим взглядом посмотрел на упрямого зэка и с угрозой в голосе спросил:

— Ну, что, япона-мать, не надоело валять ваньку?

Павел промолчал, упрямо сжал губы и уставился в пол.

— Ах, так... Не хочешь по-хорошему.

— Я не виноват, — тихо, но твердо заявил Павел.

— Все так говорят!

— Показания Смирнова клевета.

— Чт-о-о? Ну, ты и сволочь, — яростно сверкнув глазами,

Владзимирский сорвался на крик:

— Говори, сука, кто тебя завербовал? Какие задания японофашистской клики выполнял? Кто еще работал на них?

Дробный стук машинки сопровождал эти абсурдные обвинения, а бумага бесстрастно фиксировала односложные ответы Павла. Он отрицал все, а затем замкнулся в себе. Владзимирский, осатанев от его упрямства, схватил линейку и наотмашь хлестанул по шее, а затем снова принялся долбить вопросами.

Так продолжалось до утра.

С наступлением дня допрос не прекратился. В течение следующих двух суток Владзимирский, меняясь со следователем Хватом, пытался выбить из Павла признание. На третьи сутки в камеру отправили бесчувственное тело. На четвертую ночь допрос возобновился. После предыдущего Павел почти ничего не слышал и с трудом различал голоса. Физиономии Владзимирского, Хвата и надзирателей слились в один мучительный и не имеющий конца ряд.

«Признайся, и все твои мучения закончатся. Назови имена предателей и пособников! Мы вытащим из тебя жилу по жиле!» — искушал, требовал и угрожал ненавистный голос следователя.

Павел все отрицал, и тогда Владзимирский, осатаневший от его упрямства, вышел из себя. Сбив на пол, следователь-садист принялся наносить удары ногами. Павел несколько раз терял сознание, а когда оно возвращалось, Владзимирский совал ему в изломанные пальцы ручку и требовал подписать протокол. Он не сдавался, и пытки продолжались. Владзимирский пустил в ход весь пыточный арсенал, но так и не добился своего. Тело Павла превратилось в сплошную кровотокающую рану.

Хосе, немало повидавший за долгие месяцы заключения, ужаснулся, когда его внесли в камеру. Вид Павла пронял надзирателя — в камере появились тазик с водой, заштопанное полотенце и вата. Хосе принялся промывать раны. Сознание медленно возвращалось к Павлу. Потолок, стены перестали плыть и раскачиваться перед глазами. Боль в изуродованных

пальцах и сломанной челюсти утихла. Он с трудом разжал пересохшие от жажды губы и прошептал:

— П-и-и-ть. Пить.

Хосе приподнял его голову и прижал к губам кружку с водой. Павел с усилием сделал несколько глотков и в изнеможении откинулся на нары. В нем будто все умерло. За ужином он не притронулся к миске с баландой и потухшим взглядом продолжал смотреть в потолок. Прозвучала команда «отбой». Приближалось время допросов, но в коридоре стояла непривычная тишина.

«Ах, да, завтра 23 февраля. У них праздник, сделали себе выходной», — равнодушно подумал Павел и провалился в обволакивающую темноту.

В ней не было места ни надзирателям, ни Влодзимирскому, ни пыткам. Боль ненадолго покинула истерзанное тело Павла. Он оказался за стенами тюрьмы. Перед глазами возникли летний флигель, утопающий в зарослях цветущей сирени, зеленая лужайка, качели и на них заливающийся от смеха мальчуган. Они вознесли Павлушу к небу, но он не испытывал страха — рядом находился отец. На его лице гуляла счастливая улыбка. В следующее мгновение сухой, словно выстрел, треск заставил в ужасе сжаться сердце Павла. Веревка порвалась. Небо, солнце, растерянное лицо отца бешено крутанулись перед глазами, и рассыпались на мелкие кусочки.

Пробуждение оказалось таким же внезапным, как и свалившаяся благодать сна. Грубая рука бесцеремонно трясла за плечо.

— Встать! — надрывался надзиратель.

Павел с трудом сполз с нар. Перед ним темным силуэтом расплывался Хосе, за ним в двери маячил комендант.

«Комендант? Здесь?» — Павел перевел недоуменный взгляд на Хосе — на лице товарища жили одни только глаза. Его пронзила страшная догадка: «Все! Неужели конец?».

После последнего допроса у Влодзимирского он мысленно смирился с неизбежностью смерти, но теперь, когда она была близка, ноги будто приросли к полу.

— Давай пошевеливайся! — прикрикнул комендант.

Заторможенный белогвардеец ломал отработанный график ликвидации: после него предстояло «активировать» еще четверых. Цинизм и презрение, сквозившие во взгляде коменданта, придали Павлу силы. Преодолевая боль в спине, он распрянулся и шагнул к Хосе, но надзиратель не дал им попрощаться, вытолкнул в коридор и провел к лифту. Там к ним присоединился комендант. Кабина медленно поползла вниз и остановилась в подвале. Они вышли на тесную площадку с единственной дверью. Комендант нажал кнопку, она бесшумно откатилась в сторону, и из темного провала потянуло сыростью и прогорклым запахом пороха.

— Вперед! — грубый окрик и толчок в спину заставили Павла шагнуть вниз.

Истертые ступени лестницы скользили под ногами.

«Один, два, три», — мысленно отсчитывал он последние шаги своей жизни. Жизни, в которой все было выжжено дотла! Из полумрака надвинулась глухая стена, затянутая истрепанными пеньковыми канатами. За спиной сухо шелкнул затвор пистолета, и он сделал еще шаг — последний шаг навстречу слепящей тьме.

Глава 18

Центр Пилигриму

«О результатах вашей работы с Саном доложено Верховному главнокомандующему. Она получила самую высокую оценку. В кратчайшие сроки проведите мероприятия по зашифровке ваших контактов и доложите о готовности к возвращению в Центр. Канал вывода подготовит Грин. Ему даны соответствующие указания.

Дополнительно, обеспечить поездку Сана в Центр для встречи с руководством и вручения ему высокой правительственной награды...»

Серый клочок пепла — все, что осталось от внеочередной радиограммы Центра, — давно остыл, а Плакидин так и не шелохнулся. Он не ощущал холода неуютной вашингтонской квартиры, служившей временным прибежищем, не замечал стустившегося в комнате сумрака и не слышал гула города, монотонно рокотавшего за окнами.

Прошло всего два месяца, как переменчивая военная судьба вырвала его из заметного снегом лагерного барака и окунула в бурлящий водоворот самых невероятных событий. Тогда, в кабинете начальника советской разведки Фитина, все то, что им предлагалось, казалось ему фантастикой — слишком дерзким выглядел замысел предстоящей операции. Ее расчет строился на возможностях одного человека — Сана. Им удалось невозможное — в схватке демонических сил, что пробудила война, подтолкнуть ее маятник в другую сторону. В декабре 41-го чаша весов впервые качнулась в пользу сил антигитлеровской коалиции — фашисты потерпели поражение

под Москвой, США вступили в войну с Японией и угроза нападения со стороны Квантунской армии на советский Дальний Восток миновала.

В этом первом успехе был и их с Саном скромный вклад. Свидетельством тому являлась высокая оценка Центра. Но она не принесла радости Плакидину. Неясная, нарастающая тревога не давала ему покоя, и он снова возвратился к мысли:

«Почему так спешно отзывают в Москву? Чтобы на Сана не пала тень подозрения? Здесь все понятно. Но дальше отсутствует всякая логика. Зачем так резко выдергивать в Москву самого Сана? Зачем?».

В памяти Ивана всплыла беседа с Берией, и она заставила поежиться. Под взглядом холодных, безжалостных глаз наркома он ощущал себя дорогой игрушкой в руках безжалостного режиссера. И вот теперь, когда задуманная Берией грандиозная мистификация удалась, интуиция и прошлый горький опыт говорили Плакидину: он и Сан стали не только не нужны, а и опасны в той большой игре, которую затеял НКВД. Они слишком много знали, а значит, были обречены.

До глубокой ночи Плакидин не мог сомкнуть глаз и только перед рассветом, когда пришло решение, ему удалось забыться в коротком сне. С первыми звуками улицы он проснулся, привел себя в порядок, собрал чемодан, перед уходом тщательно осмотрел комнату и письменный стол, убрал следы, которые могли вывести ФБР на след советского разведчика, и спустился вниз.

Легкий морозец слегка покусывал за щеки и уши. Свежий, еще не отравленный выхлопными газами воздух бодрил и вселял уверенность, что ему удастся осуществить свой план — затеряться в огромной стране. И тогда никакие спецгруппы НКВД не сумеют исполнить последнего приказа Берии. Иван шел и не замечал близких домов, угрюмых лиц редких прохожих. Всем своим существом он рвался к давно уже забытой жизни, где не надо обманывать друзей и таиться от врагов, где, наконец, он снова сможет стать самим собой.

Впереди показалась знакомая колоннада. Плакидин перешел улицу и остановился перед массивными дверьми банка. За ними, в именном сейфе, свыше шести лет хранились пять тысяч долларов и документы на имя гражданина Австрии Михаэля Фукса — последняя страховка разведчика. Ее он подготовил во время предыдущей командировки в США.

За прошедшие годы в банке мало что изменилось. Все тот же просторный холл, те же массивные коринфские колонны из голубого мрамора, и все тот же, слегка постаревший, служащий встретил Ивана у стойки. Поздоровавшись, он назвал номер сейфа. Старик зарылся в бумаги. Его длинные, тренированные пальцы с невероятной скоростью переворачивали пожелтевшие от времени листки. Стопка становилась все тоньше. Иван занервничал, когда, наконец, сутулая спина разогнулась и стекляшки очков сверкнули обнадеживающим блеском.

— Простите, сэр, что заставил ждать. Вы давно у нас не были, — извинился служащий и распахнул дверцу

— Так сложились обстоятельства, — отделался общей фразой Плакидин и присоединился к нему.

Они прошли по длинному коридору, спустились в подвал и остановились перед стальной дверью. Старик набрал код, легкое шуршание нарушило тишину, и она медленно отошла в сторону. В глазах Ивана зарябило от стеллажей, усыпанных безликими табличками. Служащий безошибочно ориентировался в этом лабиринте и быстро нашел нужную ячейку.

Несмотря на годы, память разведчика цепко хранила код. Под пальцами Плакидина тихим потрескиванием отозвались цифры. В «окошке» мелькнула последняя, он дернул за ручку, и перед глазами возник плотный пакет. Запихнув его в карман пальто, Плакидин вышел на улицу.

Спустя час на железнодорожном вокзале в очереди к кассе занял место внешне неприметный Михаэль Фукс. Взяв билет на ближайший поезд до Чикаго, он, чтобы убить время, купил газету и присел на лавку, но так и не смог сосредоточиться на

чтении. Иван Плакидин никак не хотел уступить место Михаэлю Фуксу.

«Кто я такой? Кто? — снова и снова задавал себе этот вопрос разведчик. — Наивный мечтатель Ванюша из Одессы, безоглядно бросившийся в огонь революции? Лихой кавалерист из полка имени Клары Цеткин? Махновец Семен Шпак? Лощеный белогвардейский офицер Михаил Розенкранц? Преуспевающий австрийский коммерсант Иоганн Шварц? Владелец небольшой нью-йоркской фотостудии на семнадцатой авеню Израиль Плакс или шанхайский журналист Гарри Браун?..

Так кто я?.. И какая из этих жизней моя?.. Но моя ли?..

Это извечное проклятие профессии разведчика — не принадлежать себе! Проклятие? Или, может быть, наивысшее счастье, которое не дано испытать простому смертному? Господь дарует и забирает одну, всего одну земную жизнь! А мне выпал добрый десяток, и каждый раз эта была новая судьба и новая захватывающая игра нервов, выдержки и фантазии».

Гудками паровозов и грохотом тележек носильщиков напомнила о себе очередная, таящая в себе неизвестность, жизнь — теперь уже Михаэля Фукса. Жизнь, в которой, как надеялся Иван, уже не будет беспощадного взгляда следователя НКВД, оглушающей тишины одиночной камеры и ледящей стужи лагерного барака. Они навсегда останутся в его прошлых жизнях.

«У тебя будет только одна — твоя жизнь! Я свободен? Свободен! Прошлому конец! Конец?.. А Сан?» — сердце екнуло, и Иван поник.

Давно ушел поезд на Чикаго, а он так и не сдвинулся с места.

— Вам плохо? — участливо заглядывая в глаза, спросила пожилая дама.

— Э... нет, — встрепенулся Плакидин и попытался улыбнуться, но вышла жалкая гримаса.

— И все-таки, может, пригласить врача? — настаивала она.

— Нет-нет, я здоров! — отказался Иван, ухватился за чемодан и поспешил из зала.

В нем снова заговорил разведчик. Он остановился у телефона-автомата и набрал знакомый номер. Ответил Сан. Его низкий, глуховатый голос трудно было спутать с каким-либо другим.

— Слушаю вас.

— Это я, профессор, — из предосторожности Плакидин решил себя не называть, так как не исключал прослушивания телефона, — беспокою по поводу нашей последней работы по японской проблематике.

— Э-э... Она еще не завершена, — Сан догадался, с кем говорит.

— К сожалению, я уезжаю, и нам надо встретиться.

— К чему такая спешка?

— Обстоятельства резко изменились.

— М-м, хорошо. Куда подъехать?

— В ресторане, где сидели перед Рождеством.

— А, помню, там отличная кухня, — подыграл Сан.

— Буду через два часа, — уточнил время Плакидин.

По его расчету этого времени вполне хватало Сану, чтобы добраться до места, и лишало возможности «володавов» Берии, если те сидели на хвосте, подготовить акцию по ликвидации.

— О'кей, — и в трубке зазвучали короткие гудки.

Решив вопрос со встречей, Плакидин сосредоточился на предстоящем разговоре с Саном. Он искал нужные слова, которые, не порождая в душе друга паники, позволили бы понять всю серьезность сложившегося положения и найти из него выход. Отражение в витрине заставило Ивана остановиться. С нее смотрела помятая физиономия.

«Успокоить и убедить? С такой рожей? Приведи себя в порядок! Сан должен видеть тебя полным сил и энергии», — решил Плакидин и свернул в попавшуюся на пути парикмахерскую.

Итальянец-парикмахер, скушавший в этот ранний час, с особым старанием взялся за клиента. Под его ловкими пальцами, порхавшими над головой, Иван почувствовал себя, как на сеансе первоклассного массажиста. Постепенно рассосалась тяжесть в затылке и исчезла резь в глазах. Из парикмахерской он вышел посвежевшим, взял такси и отправился на встречу, на набережную Лонг-Айленда. С наступлением сумерек был на месте, но в ресторан не стал заходить и решил подождать Сана на улице.

Сан, как всегда, был пунктуален. Лоснящийся, массивный, словно бегемот, «форд» показался на набережной. Плакидин шагнул на край тротуара и махнул рукой. Объехав стороной лужу, машина остановилась. Он швырнул чемодан на заднее сиденье и сел рядом с Саном. Тот знал, что делать, минут пятнадцать нарезал замысловатые круги и, не обнаружив слежки, возвратился на набережную. Они вышли из машины и спустились к морю.

У ног тихо шуршал галькой слабый прибор. Сквозь легкую дымку просвечивала луна, и ее блеклый свет превратил лицо Ивана в непроницаемую маску. Сан не пытался прочесть на нем ответы на вопросы, которые не давали ему покоя, а тот не стал испытывать терпения и объявил:

— Я возвращаюсь в Москву.

— Да? А почему в такой спешке?

— От меня это не зависит.

— Как? А наша дальнейшая работа? — удивился Сан и, пристально посмотрев в глаза друга, спросил: — Они настаивают?

— Да, — ответил Иван и, с трудом подыскивая слова, продолжил: — Я... Мы больше не увидимся. Ты должен забыть про меня. Ты...

— Как? Почему?

— Оттуда не возвращаются.

— Неужели это правда? — ужаснулся Сан.

Плакидин поник головой и с трудом выдавил из себя:

— Я там был. Второго чуда не случится.

— Иван, но это же абсурд! Ты столько сделал, и тебя — в лагерь? Мерзавцы! Негодяи! — негодовал Сан, а затем схватил его за руку и потащил к машине.

— Куда? Зачем? — упирался Плакидин.

— Едем! Есть надежное место, там тебя не найдут! Отсидишься, а потом что-нибудь придумаем.

— Нет! Я не имею права!

— Права? О чем ты говоришь, Иван? Ты в своем уме? Самому совать голову в петлю!

— Не могу! Ты не представляешь, что они сделают с женой и сыном.

— Изверги! Так что же вы там построили? Что за страна? Как в ней можно жить!..

— Там остались Маша и Илья — последнее, что у меня еще есть. Если я не вернусь, они не пощадят их!

— Мерзавцы! — задохнулся от возмущения Сан.

— Я должен вернуться. А тебе и твоей семье... — Плакидин старательно подыскивал слова, — лучше на время исчезнуть.

— Исчезнуть? Как? Почему?

— Ты слишком много знаешь.

— Боже праведный, ради чего мы все это делали? Зачем обманывали друзей и дружили с врагами. Где же справедливость на этом свете? Где?.. Наши жены, дети... Они-то в чем виноваты? — терзался Сан.

Плакидин потерянно переступил с ноги на ногу, затем полез в карман пальто, достал пакет с паспортом на имя Михаэля Фукса, деньгами и предложил:

— Возьми, они тебе понадобятся.

— Что это?

— Новые документы. К сожалению, мы не совсем похожи, — попытался пошутить Иван.

— Я... я... не могу.

— Бери! Там они мне не понадобятся, а ты должен раствориться и исчезнуть из этого мира. Для них ты должен умереть, чтобы потом, когда придет время, рассказать правду. Слышишь, ты обязан жить, а теперь прощай. Свои документы и машину оставь мне.

— Иван, но я не могу так. Не могу, не могу, — потерянно повторял Сан.

— Можешь! Ради наших детей и правды! — в голосе Плакидина была непреклонная воля.

Он решительно забрал ключи от машины, права и сел за руль. Сан застывшим взглядом смотрел, как «форд», набирая скорость, устремился к причалу. В последний раз мигнули габаритные огни, столб воды взметнулся вверх, и океан поглотил машину, а с ней унес тайну двух разведчиков, двух друзей.

На следующий день скупые строчки полицейского протокола зафиксировали дорожное происшествие на набережной Лонг-Айленда.

Спустя сутки рейсом из Тегерана на подмосковный военный аэродром заходил на посадку самолет с одним-единственным гражданским пассажиром. Внизу, под крылом, серыми нахохлившимися птицами расселись по полю эскадрильи новеньких истребителей. В воздухе стоял рокот множества моторов, юркие «ястребки» один за другим взмывали в воздух и, совершив разворот, уходили на запад.

Колеса транспортника едва коснулись взлетной полосы, а ему навстречу уже неслась черная эмка. Плакидин выглянул в иллюминатор, и холодная пустота разлилась по животу. Он уже не слышал веселых голосов экипажа, грохота распахнувшегося люка и лязга опустившегося на землю трапа. Крутанувшись волчком на обледеневшей бетонке, машина остановилась под крылом. Из нее выскочили двое и, набычившись, усталились на трап. Это до боли напоминало Ивану события трехмесячной

давности. Тяжело ступая, он сошел на трап и медленно, пытаясь продлить драгоценные мгновения такой недолгой свободы, зашагал по ступенькам.

— Эй, ты что, там примерз? Давай быстрее! — прикрикнул на него мордастый старлей из конвоя НКВД.

Иван оставил без внимания окрик, спустился вниз, наклонился к сугробу, зачерпнул пригоршню снега и уткнулся лицом.

— Ну, я тебя сейчас умою! — взвился старлей и схватился за кобуру.

«А, может, кончить все разом? Съездить по роже зажавшей тыловой крысе! Один выстрел, мгновенная боль и больше ничего. Ни изматывающей бессонницы допросов, ни пыток, ни мучительной смерти в ледяном бараке», — подумал Плакидин.

Пронзительный сигнал заставил его встрепенуться, а конвой принять сторожевую стойку. К самолету мчалась машина с цековскими номерами. Из нее на ходу выпрыгнул высокий майор. Иван бросил на него взгляд. Лицо майора показалось знакомо.

«Где я тебя встречал? Где? А, ты отвозил меня к Поскребышеву», — вспомнил Плакидин.

— Отставить! Он следует со мной! — майор остановил конвой НКВД.

— А ты кто такой, чтобы командовать? — взвился старлей, а его напарник положил руку на кобуру.

— Сбавь обороты! Я — от ЦК!

— И что, теперь на колени упасть?

— Надо будет — и раком станешь!

— Чт-о-о?

— Отойди! — надоело пререкаться майору.

— Вали сам! У меня приказ наркома! — не уступал старлей.

— С каких это пор энкавэдэшники партией командуют? — отмахнулся майор и приказал: — Плакидин, садитесь ко мне!

Иван шагнул к машине, конвой НКВД нехотя расступился.

— Так-то оно лучше, а то сразу за пушки хвататься, — хмыкнул майор.

— Я буду докладывать! Как ваша фамилия? — прорычал позеленевший от злости старлей.

— Докладывай! А фамилия самая, что ни на есть, обыкновенная, на ней пол-России держится — Иванов! — с вызовом ответил майор и сел на переднее сиденье.

Иван забрался на заднее. Он без сил откинулся на спинку и несколько минут не мог шелохнуться. Перед глазами промелькнули заснеженное взлетное поле, будка с часовым, а дальше дорога пошла лесом. Вскоре лес закончился, и начались пригороды Москвы. Плакидин к этому времени пришел в себя и с жадным любопытством осматривался по сторонам.

Перед ним была Москва, но она не походила на ту, которую он покинул в ноябре 41-го года. Реже попадались развалины домов — саперы и добровольцы убрали следы фашистских авианалетов. Огромные туши аэростатов нависали только над центром города и Кремлем. Впереди блеснули на солнце купола Архангельского собора, и машина свернула на знакомый Плакидину маршрут. Слева промелькнули и остались позади красная громада Музея революции и приземистое здание Манежа. Он уже не сомневался — ехали на Кропоткинскую, на явочную квартиру Особого сектора ЦК.

Машина остановилась у знакомого парадного подъезда, а позади, метрах в тридцати, приткнулась эмка с энкавэдэшниками.

— Вот же псы! Никак не отвяжутся! — проворчал майор и шагнул к двери.

Иван с трудом поспевал за ним и терялся в догадках, что его ждало впереди. На лестничной площадке четвертого этажа дороге преградили двое в штатском. Майор сделал им знак — они

поднялись на этаж выше — и открыл дверь квартиры. В прихожей их встретила хозяйка. Кивнув Ивану, приняла пальто и проводила в гостиную.

Навстречу ему из кресел поднялись Поскребышев и Пономарев.

— Здравствуй, Иван, рад видеть тебя в здравии! — тепло поздоровался Поскребышев.

— Хорошо выглядишь, — присоединился к нему Пономарев и, многозначительно подмигнув, предложил: — Алексей Иннокентьевич, может сразу к столу.

— Погоди, Борис, с этим всегда успеем! — остановил его Поскребышев и, пройдя в зал, предложил:

— Садись, Иван... О, извини, — это больше по части Берии. Присаживайся и рассказывай, как добрался.

— Нормально, если не считать того, что едва не попал на Лубянку, — не стал он вдаваться в подробности.

— Опричники Берии, как всегда, торопятся, — желчно заметил Поскребышев.

— От него уже звонили, — напомнил Пономарев.

Поскребышев нахмурился, ничего не сказал, позвал хозяйку и попросил:

— Мария Петровна, будьте добры, чайку!

Пока они рассаживались за столом и обменивались впечатлениями о погоде в Москве, хозяйка выставила перед ними батарею разнокалиберных вазочек и чашек. Последним на столе появился надраенный до зеркального блеска пыхтящий самовар. Пономарев принялся разливать чай по чашкам. Поскребышев переглянулся с Плакидиным и остановил его:

— Борис, ты что-то не с того начинаешь!

— Понял, — быстро нашелся тот, метнулся на кухню и возвратился с бутылкой «Столичной».

— Другое дело, — одобрительно отозвался Поскребышев и распорядился: — Наливай!

И когда рюмки наполнились до краев, произнес тост:

— За нашу будущую и за твою сегодняшнюю победу,
Иван!

— За победу! — дружно поддержали его.

У Плакидина запершило в горле, а на глаза навернулись слезы. Он снова был среди своих, и то отупляющее чувство безысходности, недавно владевшее им, исчезло. Он испытывал глубокую благодарность к Поскребышеву, который, находясь у вершины власти, остался верен старой фронтовой дружбе, родившейся двадцать лет назад. Потом они поднимали тосты за Родину, Сталина, друзей, и Ивану хотелось, чтобы вечеру не было конца. Поскребышев понимал, какие он испытывал чувства, но время поджимало, и деликатно посмотрел на часы. Пономарев понял намек и вышел в соседнюю комнату. Они остались одни. Поскребышев испытующим взглядом посмотрел на старого друга и спросил:

— Иван, что произошло с Саном?

— Несчастный случай, дорожная авария, — коротко обронил Плакидин.

— Авария?

— Гололедица. Машину занесло, и ему не удалось выплыть.

— Надеюсь, вместе с ним утонула и тайна? — многозначительно произнес Поскребышев.

— Да, он унес ее навсегда

— Остался только ты.

«Что ты этим хочешь сказать? К чему эта встреча? Новая игра, в которой я стану разменной монетой между НКВД и Особым сектором ЦК?» — в голове Ивана вихрем пронеслись мысли. Но на непроницаемом лице Поскребышева невозможно было прочесть ответ, и он с вызовом сказал:

— Я не один. А ты, Алексей?

Поскребышев промолчал. Мутная волна гнева захлестнула Ивана:

— Ну, чего вам еще надо? Я здесь! Делайте со мной, что хотите! Но не трогайте жену и сына! Вам что, мало моей крови? Да вы хуже...

— Прекрати! Я — не Господь Бог. Мы все по краю ходим. Думаешь, легко вырвать тебя у Берии? — сорвался на крик Поскребышев.

В комнату заглянул встревоженный Пономарев, но, столкнувшись с яростным взглядом шефа, ретировался в соседнюю комнату.

— Прости, Алексей, — извинился Плакидин.

— За что? Я и сам хорош, — буркнул Поскребышев.

— Спасибо, что не отдал Берии.

— Жирно будет. Партией он еще не командует!

— Все равно ты очень рисковал, я тебе...

— Оставь! Не больше, чем любой из нас, — перебил Поскребышев и, смягчившись, с улыбкой заметил: — И все-таки ты счастливчик, Иван.

— Я... Я? — удивился он.

— А что, разве нет? Эта старая кляча — история все-таки поплясала под твою дудку.

— Это заслуга Сана.

— Не скромничай. Ты просто молодчина! Ты герой! Но сам понимаешь... — и на лицо Поскребышева набежала тень.

— Алексей, да разве дело в награде. Главное, что «Самурай» не прыгнул нам на спину, а я здесь и живой.

— Все правильно, но от волкодавов Берии тебе, Ваня, надо держаться подальше, — заключил Поскребышев и окликнул: — Борис, у тебя все готово?

— Да, — подтвердил Пономарев и появился в двери.

Плакидин с недоумением смотрел на него. Лихо заломленная комсоставская ушанка едва держалась на затылке, полы толстого овчинного тулупа тащились по ковру, а новенькие, обшитые кожей генеральские валенки, болтались за плечом.

— Чего смотришь, Иван? Примерь гардероб, — распорядился Поскребышев.

Плакидин ничего не мог понять и топтался на середине комнаты.

— Надевай, надевай! Будешь Дедом Морозом у наших партизан. Самолет уже ждет! — поторопился Поскребышев.

— Самолет? Куда? — Иван был обескуражен.

— В Брянск, повоюешь в отряде Седого. Будешь под носом у немцев, зато подальше от Берии.

— Значит, не лагерь?

— Ты что, не веришь старому другу?

— Алексей... Я не знаю, как...

— Все, Ваня, время не ждет, — голос Поскребышева дрогнул. Порывисто обняв Плакидина, он вышел из комнаты.

Тот ошалело смотрел на сиротливо лежащие у дивана валенки и не слышал, как в соседней комнате отъехали в сторону книжные стеллажи, и за ними открылась потайная дверь. Через нее Поскребышев вышел на соседнюю лестничную клетку и спустился во внутренний двор, где стояла машина. Одновременно из того подъезда, в который час назад вошел Плакидин, показались двое. Лицо одного из них закрывал высоко поднятый воротник легкого пальто иностранного покроя. Они стремительно пересекли тротуар, сели в эмку, и она, скрипнув колесами по мостовой, скрылась в соседнем проулке. Вслед за ней в погоню бросилась спецгруппа НКВД.

— Иван, переодевайтесь. Пора! — поторопил Пономарев и отошел от окна.

Плакидин снял ботинки и примерил валенки — они пришлись впору. Шапка-ушанка — его размера, и лишь тулуп оказался великоват. Подпоясавшись офицерским ремнем, он расправил складки и вопросительно посмотрел на Пономарева.

— Теперь ты настоящий партизан! Но одного не хватает, — с лукавой улыбкой заметил он.

— Чего? — не мог понять Иван.

— А вот этого, — Пономарев подал пистолет ТТ.

— Спасибо, — голос Плакидина дрогнул.

— Это все, что я могу дать.

— О чем ты, Боря? Я и так вам с Алексеем по гроб обязан!

— Кончай, после войны сочтемся, — ворчливо ответил

Пономарев и поторопил: — Пошли, нас ждут.

Пользуясь потайной дверью, через которую Поскребышев покинул квартиру, они спустились во внутренний двор. Там поджидала машина. Не прошло и часа, как их уже встречали на подмосковном военном аэродроме. Здесь Пономарев чувствовал себя как дома; решительно направился к штабному барaku, в полумраке длинного коридора уверенно нашел нужную дверь и потянул на себя. В просторной комнате у пышущей жаром буржуйки сгрудились пятеро, за их спинами, у стен, лежали огромные рюкзаки и парашютные сумки.

Пономарев поздоровался и спросил:

— Седой здесь?

— В соседней комнате, — ответил заросший по самые глаза бородач.

Плакидин с Пономаревым заглянули в нее. Седой, командир разведгруппы особого назначения, что-то рассматривал на карте. Порывистые движения и крепкое рукопожатие никак не вязались с его 43-мя годами, добрую половину из которых он провел в Средней Азии, Испании и Монголии.

— Юрий Федорович, знакомься, твой новый заместитель — Иван Леонидович Дедов, — представил Пономарев Плакидина.

Седой прошелся по нему внимательным взглядом, остановился на седом ежике волос и с улыбкой заметил:

— Боря, не многовато ли седых для одной группы?

— Нормально, немцев только больше запугаете, — отшутился тот.

— И то верно, — согласился Седой, свернул карту и пригласил к столу: — Присаживайтесь, чаек погоняем и ближе познакомимся.

— Спасибо, не откажусь, — принял предложение Иван, расстегнул тулуп и сел на лавку.

— Вы тут пообщайтесь, а я пойду наших «соколов» потормошу, а то поземка поднимается, — отказался Пономарев, вышел на улицу и направился к деревянной будке, где находился руководитель полетов.

Седой щедро выложил на стол свои припасы: крупные куски сахара-рафинада и плитку шоколада. Иван охотно присоединился к нему и разлил по кружкам кипятков. Прихлебывая мелкими глотками обжигающий чай, Седой глуховатым голосом неспешно рассказывал о задачах, которые группе предстояло выполнять на Брянщине.

— Работу придется начинать на голом месте. Ближайшая партизанская база расположена в трех сотнях километров на север, в Дятькове. Там до сих пор действует советская власть. Но фрицы обложили ее железным кольцом, а вокруг уничтожили все деревни, поэтому придется рассчитывать на свои силы. Передовая группа уже на месте. После десантирования займемся оборудованием опорной базы, затем установим связь с местным населением и организуем подполье в Нововыбкове, Уноче и Клинцах. Через них наладим получение информации и перейдем к диверсиям на железных дорогах. В этом вопросе я рассчитываю на вашу помощь. Борис говорил, что у вас богатый опыт.

— Опыт есть, но специфический... — Иван не успел договорить.

В дверях появился запыхавшийся Пономарев и поторопил:

— Поспешите! Погода портится на глазах, летчики ничего не гарантируют!

— Мы готовы, Боря! Зачем злить небесную канцелярию? — свернул разговор Седой, поднялся и пошел к выходу. Плакидин присоединился к нему.

Прячась от ветра, колючей крупой хлеставшего в лицо, восемь сгорбившихся фигур трусцой направились к самолету. Экипаж находился на местах, борт-стрелок нетерпеливо переминался у трапа и поторапливал с посадкой. Разведчики быстро поднялись на борт и заняли места. Моторы взревели на полную мощь, снежное облако скрыло Пономарева. Самолет легко оторвался от земли и взял курс на запад.

После нескольких минут бешеной болтанки, машина выровнялась, а потом качка вовсе прекратилась, и лишь монотонный гул моторов нарушал тишину в салоне. Разведчики ушли в себя и думали о том, что ожидает в глубоком тылу врага, где их единственной защитой будет русский лес. Прошло около получаса. Внизу багровым шрамом пожарищ и артиллерийских разрывов проступила линия фронта; через мгновение ночной мрак поглотил опаленную войной землю.

Самолет, подобно призраку, крался в кромешной темноте, и только штурман по каким-то приметам, ему одному известным, находил путь к цели. О том, что она близка, разведчики догадались по надсадному гулу моторов. Резко сбросив высоту, самолет закружил над лесом. Экипаж высматривал сигнальные огни костров. Первым увидел три светящиеся точки борт-стрелок, но командир решил удостовериться и зашел на второй круг. На земле их услышали и подбросили в костры охапки сена. Пламя польхнуло — передовая группа подтверждала, что готова к приему разведчиков.

Штурман вышел из кабины и, бодро улыбнувшись, сказал:

— Все, ребята, доехали! Тут пересадка!

— А как с посадкой? — съязвил кто-то из разведчиков.

— Это, смотря на что сядешь, — отшутился он и распахнул люк.

Тугая струя воздуха хлестанула по лицу Плакидина и заставила поежиться.

— За мной, хлопцы! — позвал Седой и первым шагнул в темный провал.

За ним последовали остальные. Воздушный поток подбросил Ивана вверх. Дыхание перехватило, земля и небо смешались. Рука лихорадочно искала кольцо, и когда над головой с треском раскрылся купол парашюта, он с облегчением вздохнул. Снизу быстро наплывала мрачная, тревожно шумящая громада леса. Три светящиеся точки увеличивались на глазах. В пламени костров были видны суetyющиеся людские силуэты и сани. Иван сжался в комок, чтобы ослабить удар, и, удачно проскользнув между ветвями березы, с головой окунулся в глубокий сугроб. Через мгновение чьи-то крепкие руки вытащили его из-под купола парашюта и стиснули в объятиях. Усатый здоровяк снял с плеч пудовый рюкзак и повел к саням. Там уже находился Седой, позже к ним присоединились остальные.

Загасив костры, разведчики расселись по саням и отправились на базу группы. Дорога до нее заняла всю ночь. Перед рассветом они добрались до места. Там их ждали не только крепкие объятия, а и истопленная банька, и сытный завтрак. После него разведчики разошлись по землянкам. Тепло, исходившее от раскаленной докрасна буржуйки, и смолянистый запах сосны быстро сморили Ивана.

С того дня для него началась новая, партизанская жизнь. По ночам он вместе с разведчиками выбирался в Уночу, Клинцы и ближайшие деревни, чтобы наладить подпольную сеть. И когда она заработала, они развернули рельсовую войну против фашистов. В ней, где было ясно — кто друг, а кто — враг, Иван твердо знал свое место в боевом строю.

Подходил к концу март 42-го года, а с ним еще один день партизанской жизни Плакидина. С наступлением темноты

группа разведчиков под его командованием покинула лагерь и отправилась в Клинцы. Там была назначена явка со связником из местного подполья.

Прихваченный легким морозцем снег весело поскрипывал под лыжами, и через три часа быстрого хода разведчики вышли к окраинам поселка. В свете полной луны дома, укрытые пышными снежными шапками, походили на нахохлившихся гномов. Из подслеповатых окошек сквозь щели в ставнях пробивался слабый свет. В четвертом по счету от школы доме должен был ждать связник. Не заметив ничего подозрительного, Иван, оставив у околицы одного разведчика, с другим задними дворами подобрался к сараю. Затаившись за телегой, они напряженно вслушивались в тишину и высматривали двор. На ветру тихо потрескивала заледеневшая мешковина, вывешенная на шесте. Хозяин дома давал знак — явка не засвечена.

— Костя, прикрой, — распорядился Иван, первым поднялся на крыльцо, приткнулся к двери и прислушался к тому, что происходило в доме. Не услышав ничего подозрительного, подошел к окну и условным сигналом постучал в ставню. В доме произошло движение, в сенцах послышались шаги, звякнул запор, и дверь приоткрылась.

Иван шагнул вперед, и тут же тяжелый удар обрушился на его голову. В следующее мгновение тишину ночи вспороли автоматные очереди и громынули разрывы гранат. Из последних сил он пытался вырваться из захвата, но его намертво припечатали к полу.

Из Клинцов в отряд вернулся только один разведчик. В скупой радиограмме в Москву Седой сообщил об очередной потере. Ответ Центра удивил, а еще больше — озадачил, его. Такого задания ему еще не приходилось выполнять — от него требовали любой ценой отбить у немцев живого или мертвого Дедова и отправить на «Большую землю». Подчиняясь приказу, Седой бросил все силы на операцию и со второй попытки

выполнил его. На базу был доставлен мертвый Дедов, а на следующие сутки за ним прилетел самолет из Москвы...

Исколотое и покрытое ожогами от сигарет тело Плакидина покоилось на каталке в холодильнике лазарета внутренней тюрьмы. Фитин непослушной рукой опустил простыню на изуродованное пытками лицо и застыл в неподвижности. Врач с комендантом хранили суровое молчание и не решались его потревожить. Загадочность всего происходящего будила в них любопытство, но Фитин ничего не сказал, вышел из лазарета и направился на доклад к наркому.

Переступив порог, он так и остался стоять в дверях. Слова, словно горькие комья, застряли в горле. Берия оторвал голову от документа и холодно спросил:

— Это Плакидин?

— Да! Хотя трудно узнать, фашисты зверски пытали.

— Это частности. Война требует жертв, — болезненно поморщился нарком и уточнил: — Акт опознания составлен?

— По полной форме.

— Приобщите к делу, а трупом пусть занимается комендант!

— Есть! — ответил Фитин и остался стоять.

Берия недовольно блеснул пенсне и с раздражением заметил:

— Павел Михайлович, что тебе не ясно?

Тот замялся и, набравшись смелости, решился спросить:

— Товарищ нарком, разрешите отдать Плакидину последний долг?

— Чт-о-о?!

Фитин пожегся, но характер взял свое, и повторил:

— Лаврентий Павлович, и все-таки разрешите. Он это заслужил.

Берия посмотрел на него долгим взглядом и, хмыкнув, спросил:

— Жалеешь, Павел Михайлович, а обо мне, небось, подумал — душегубец?

Фитин промолчал, и он продолжил:

— Ты, Павел, еще молод и руководишься эмоциями, но в политике, а разведка больше чем политика, это непозволительная роскошь. Товарищ Сталин и партия поставили нас на эти посты, чтобы мы и твой Плакидин не жалели себя, а когда понадобится, не задумываясь отдали за них жизнь! Идет война, и мы не имеем права на жалость. Враг только и ждет этого! Плакидин знал, на что шел, но сейчас не время говорить о нем.

— Лаврентий Павлович, я прошу самую малость, — не сдавался Фитин.

— Малость, говоришь?

— Да, товарищ нарком.

— Ох, и упрямый ты мужик, Павел. Ладно, разрешаю, — уступил Берия и предупредил: — Но без шума, а то не успеешь похоронить, как сам в ту очередь станешь.

— Понял, Лаврентий Павлович! — оживился Фитин и покинул кабинет.

На следующий день, ранним мартовским утром 42-го года, на военном кладбище у одинокой могилы собралась группа людей. Снег крупными хлопьями ложился на пальто и шинели, темными пятнами расплывался на свежеструганых досках гроба, тонкими струйками сочился по комьям земли. Несколько минут у могилы царила тишина, потом молодежавый старший майор госбезопасности кивнул головой начальнику похоронной команды. Тот махнул рукой. По спинам кладбищенских рабочих заскользили веревки, и гроб опустился на дно могилы. Майор расстегнул кобуру, достал пистолет, и три коротких выстрела проводили в последний путь разведчика Ивана Плакидина.

Толкавшийся поблизости кладбищенский сторож не утерпел, протиснулся к могиле и спросил:

— Товарищ майор, генерала, что ли, хороните?

— Он был больше, чем генерал, — печально обронил Фитин и, тяжело ступая, пошел на выход.

За его спиной комья мерзлой земли дробно застучали по доскам, и вскоре только черный холмик земли напоминал о быстротечности человеческой жизни.

В тот день ушел из жизни еще один разведчик, а его место в незримом строю заняли другие: Николай Кузнецов, Александр Демьянов, Петр Прядко, Виктор Бутырин, Александр Козлов, Иван Данилов. Они, те, кто чудом выжил, и те, кто погиб, думали не о себе, не о славе, не о наградах. Оставшись один на один с жестоким и коварным врагом, разведчики самоотверженно выполняли свой долг — добывали информацию, которая помогла сохранить жизни тысяч бойцов и командиров Красной армии.

Н. Лузан.

Йошкар-Ола — Сухум.

Ноябрь 2011 — июнь 2012 г.

Содержание

Об авторе.....	3
Глава 1.....	4
Глава 2.....	22
Глава 3.....	44
Глава 4.....	65
Глава 5.....	87
Глава 6.....	108
Глава 7.....	129
Глава 8.....	150
Глава 9.....	171
Глава 10.....	193
Глава 11.....	214
Глава 12.....	236
Глава 13.....	258
Глава 14.....	278
Глава 15.....	298
Глава 16.....	320
Глава 17.....	341
Глава 18.....	361

Лузан Николай Николаевич
Призрак Пёрл-Харбора: Тайная война

Редактор *А. П. Аристов*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. Р. Ароян*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 15.02.13. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 20,16. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93

ISBN 9785995002611

9 785995 002611